

Институт славяноведения РАН

**Центральноевропейские
исследования**

INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES, RAS

**CENTRAL-EUROPEAN
STUDIES**

**2021
Issue 4(13)**

Nestor-History
Moscow • St. Petersburg
2021

Институт славяноведения РАН

**ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

**2021
Выпуск 4(13)**

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2021

УДК 94 (367+436)
ББК 63.3(0)6
ЦЗ82

Издание основано в 1999 году
Учредитель и издатель: Институт славяноведения РАН

ЦЗ82 Центральноевропейские исследования. 2021. — Выпуск 4(13) /
главн. ред. О. В. Хаванова. — М. : Институт славяноведения РАН ;
СПб. : Нестор-История, 2021. — 416 с.

ISSN 2619-0877

DOI: 10.31168/2619-0877

«Центральноевропейские исследования» — междисциплинарный ежегодник о Центральной Европе и сопредельных регионах в сравнительной перспективе.

Периодичность: один раз в год
Тираж: 500 экз.
Почтовый адрес: 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А,
Институт славяноведения РАН
Электронный адрес: cestudiesjournal@gmail.com
Сайт: <https://cesjournal.ru>

© Коллектив авторов, 2021
© Институт славяноведения РАН, 2021
© Донской П. К. (обложка и логотип), 2021
© Издательство «Нестор-История», 2021

Главный редактор

Ольга Владимировна Хаванова, д. и. н., проф. РАН, зам. директора ИСЛ РАН

Заместители главного редактора

Анна Романовна Лагно, к. и. н., ст. научн. сотр. ИСЛ РАН

Дарья Юрьевна Ващенко, к. филол. н., ст. научн. сотр. ИСЛ РАН

Ответственный секретарь

Людмила Константиновна Новосельцева, мл. научн. сотр. ИСЛ РАН

Редколлегия

Лариса Михайловна Аржакова, д. и. н., вед. научн. сотр. ИСЛ РАН

Юлия Евгеньевна Бут, к. и. н., доцент, департамент «Исторический факультет» УрФУ (Екатеринбург)

Кирилл Александрович Кочегаров, к. и. н., ст. научн. сотр. ИСЛ РАН

Арина Владимировна Лазарева, к. и. н., доцент,
исторический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова

Мария Олеговна Новак, д. филол. н., вед. научн. сотр.,

Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН

Александр Сергеевич Стыкалин, к. и. н., вед. научн. сотр. ИСЛ РАН

Международный редакционный совет

Катрин Бёк, PhD, научный сотрудник,

Институт Восточной и Юго-Восточной Европы имени Лейбница
(Регенсбург)

Иван Бертени-мл., PhD, старший научный сотрудник,

Институт истории, Центр гуманитарных исследований,
Исследовательская сеть имени Лоранда Этвеша (Будапешт)

Эва Ковальская, Sc.D., ведущий научный сотрудник,

Институт истории, Словацкая академия наук (Братислава)

Ивана Хорбец, PhD, научный сотрудник,

Институт хорватской истории (Загреб)

Искра Шварц, PhD, доцент, Институт восточноевропейской истории,
Венский университет (Вена)

Дамиан Шимчак, PhD, доцент, Институт истории,

Университет имени Адама Мицкевича (Познань)

Редактор-корректор (русский язык)

Лариса Альфредовна Авакова, ИСЛ РАН

Редактор-корректор (английский язык)

Кристофер Уоли

Editor

Olga Khavanova, DSc., Professor of the RAS, Deputy Director,
Institute of Slavic Studies of RAS, Moscow

Managing Editors

Anna Lagno, PhD, Senior Research Fellow,
Institute of Slavic Studies of the RAS
Daria Vashchenko, PhD, Senior Research Fellow,
Institute of Slavic Studies of the RAS

Editor Assistant

Liudmila Novoseltseva, Junior Research Fellow,
Institute of Slavic Studies of the RAS

Editorial board

Larisa Arzhakova, DSc., Leading Research Fellow,
Institute of Slavic Studies of the RAS
Yulia But, PhD, Associate Professor,
Department “History Faculty”, Ural Federal University (Yekaterinburg)
Kirill A. Kochegarov, PhD, Senior Research Fellow,
Institute of Slavic Studies of the RAS
Arina V. Lazareva, PhD, Associate Professor,
History Faculty, Moscow Lomonosov State University
Maria O. Novak, DSc., Leading Research Fellow,
V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS
Aleksandr S. Stykalin, PhD, Leading Research Fellow,
Institute of Slavic Studies of the RAS

International advisory board

Iván Bertényi, Jr., PhD, Senior Research Fellow, Institute of History,
Centre for the Humanities, Eötvös Loránd Research Network (Budapest)
Katrin Boeckh, PhD., Research Fellow,
Leibniz Institute of South- and South-Eastern Europe (Regensburg)
Eva Kowalská, Sc.D., Leading Senior Researcher, Institute of History,
Slovak Academy of Sciences (Bratislava)
Ivana Horbec, PhD, Research Fellow, Croatian Institute of History (Zagreb)
Iskra Schwarcz, PhD, Associate Professor, Institute of East-European History,
University of Vienna (Vienna)
Damian Szymczak, PhD, Associate Professor, Institute of History,
Adam Mickiewicz University (Poznań)

Russian Language Copy-Editor

Larisa A. Avakova, Institute of Slavic Studies of the RAS

English Language Copy-Editor

Christopher Walsh

Содержание

Историк и время

Герман Сергеевич Рагозин

Венгерские правители эпохи позднего Средневековья в «Австрийском Плутархе» Йозефа фон Хормайра: образы и их место в историческом дискурсе державы Габсбургов (1807–1812) 13

Анастасия Александровна Ждановская

Наука, политика, пропаганда? Из истории Союза по изучению истории немцев в Богемии. 34

Михаил Владимирович Ковалев

Венгерский византинист Дюла Моравчик и советская историческая наука 56

Сербы Венгерского королевства

Ненад Дж. Никович

Сербы в центре Венгерского государства:
Будимская епархия в XVIII в. 93

Горан Васин

Сербы в центре Венгерского государства:
Будимская епархия в «долгом» XIX веке 115

Людмила Константиновна Новосельцева

«Честь имею доложить»: Австрийская государственная полиция о политических процессах у сербов накануне подписания Соглашения 1867 г. 131

Пространство Австро-Венгрии

Любовь Алексеевна Кирилина

Австро-венгерское соглашение 1867 г. и особенности словенской политики 161

Александр Михайлович Дронов

«Политическая моральность» Й. Ю. Штротсмайера в контексте хорватско-венгерских отношений 1860-х — начала 1870-х годов 183

Центральная Европа между двумя мировыми войнами

Николай Николаевич Станков

Попытки реставрации монархии Габсбургов в Венгрии в 1921 г.
и международные отношения в Центральной Европе
(по чехословацким дипломатическим документам)207

Петр Владимирович Мошечков

Чехословакия и СССР в 1933 — июне 1934 г.: на пути к установлению
дипломатических отношений.242

Аттила Колонтари

«Эй, ухнем...» Будапештские гастролы Ф. И. Шаляпина273

Олег Геннадьевич Казак

Национально-культурные движения восточнославянского населения
Подкарпатской Руси в контексте политики Венгрии (1938–1944)301

Язык всех и каждого

Фанни Хенде

Политическая коммуникация венгерского короля и сословий
в парламентских церемониях, 1687–1765 гг.331

Анна Романовна Лагно, Глеб Петрович Пилипенко

Дневник жителя Галиции Степана Федоровича Лагно
как объект историко-лингвистического анализа.359

В память о коллеге

Петер Ханак

Историко-культурное значение венской и будапештской оперетты391

Contents

Historian and the Time

German S. Ragosin

Hungarian Late Medieval Sovereigns in the “Austrian Plutarch”
by Joseph von Hormayr: Images and their Place in the Historical Discourse
of the Habsburg Monarchy (1807–1812) 13

Anastasia A. Zhdanovskaya

Science, Politics, or Propaganda? From the History
of the Union for Research of the History of Germans in Bohemia..... 34

Mikhail V. Kovalev

Hungarian Byzantinist Scholar Gyula Moravcsik and Soviet Historical
Science 56

Serbs of the Kingdom of Hungary

Nenad Đ. Ninković

The Serbs in the Centre of the Hungarian State: The Diocese
of Buda in the Eighteenth Century 93

Goran Vasin

Serbs in the Centre of the Hungarian State:
The Diocese of Buda in the long Nineteenth Century 115

Liudmila K. Novoseltseva

“I Have the Honour to Report”: The Austrian State Police
on the Political Processes Among the Serbs on the Eve of the Signing
of the Compromise of 1867 131

The Space of Austria-Hungary

Liubov A. Kirilina

The Austro-Hungarian Agreement of 1867 and the Specifics of Slovenian
Politics 161

Aleksandr M. Dronov

- Josip Juraj Strossmayer's "Political Morality" in the Context
of Croatian–Hungarian Relations in the 1860s and Early 1870s..... 183

Central Europe between the Two World Wars**Nikolai N. Stankov**

- The Habsburgs' Attempts of the Restoration in Hungary in 1921
and the International Relations in Central Europe (Based on the
Czechoslovak Diplomatic Documents) 207

Petr V. Moshechkov

- Czechoslovakia and the USSR in 1933 – June 1934:
On the Way to Establishing Diplomatic Relations..... 242

Attila Kolontári

- "Yo, Heave-ho!" Budapest Tournees of Feodor Chaliapin..... 273

Oleg G. Kazak

- National-Cultural Movements of the East Slavic Population
of Subcarpathian Rus' in the Context of Hungarian Policy (1938–1944)... 301

Everyone's Language**Fanni Hende**

- The Political Communication of the Hungarian King and the Estates
at the Ceremonies of the Diet between 1687 and 1765..... 331

Anna R. Lagno, Gleb P. Pilipenko

- The Diary of a Galicia's Dweller Stepan F. Lagno
as an Object of Historical and Linguistic Analysis..... 359

In Memoriam of a Colleague**Péter Hanák**

- The Historical and Cultural Role of the Vienna-Budapest Operetta 391

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

Герман Сергеевич Рагозин

Кандидат исторических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия. 163000, пр. Ломоносова, 2. E-mail: Gragozin92@gmail.com

Венгерские правители эпохи позднего Средневековья в «Австрийском Плутархе» Йозефа фон Хормайра: образы и их место в историческом дискурсе державы Габсбургов (1807–1812)

Статья посвящена ранним попыткам конструирования исторического дискурса в Австрийской империи, нашедшим выражение в создании нарративов, объединяющих все этнические общности империи. На примере образов венгерских монархов позднего Средневековья в «Австрийском Плутархе» Йозефа фон Хормайра показана роль Венгрии в исторической памяти империи начала XIX в. Программной целью сочинения было формирование общего представления о прошлом для всех владений Габсбургов. Цель достигалась тиражированием образов правителей, политиков, ученых и людей искусства. Помимо австрийских немцев, значительное внимание уделено выходцам из негерманских земель империи. С учетом политической ситуации Хормайр обратил особое внимание на Венгрию. Он представил эволюцию австрийско-венгерского соседства и обосновал легитимность включения «земель короны св. Стефана» во владения Австрийского дома. Сюжеты о позднем Средневековье подкрепляли этот тезис необходимостью борьбы с общими угрозами. Подчеркивалось, что так сохранилась каждая из общностей при угрозе внешнего вторжения. Автор «Австрийского Плутарха» обратился к образам Яноша Хуняди, Ладислава (Ласло) Постума, Матяша Корвина, Владислава (Уласло) II и Людовика (Лайоша) II для демонстрации роли Венгрии в европейской и австрийской истории. Особое внимание уделено борьбе с османами и оценке интеграции Венгрии в монархию Габсбургов как исторически и политически необходимого шага. Данный материал был востребован в контексте Наполеоновских войн и был нацелен на мобилизацию всех этнических групп империи.

Ключевые слова: Венгрия под властью Габсбургов, исторический дискурс, наднациональная идентичность, медиевализм, межнациональные отношения

Цитирование: *Рагозин Г. С.* Венгерские правители эпохи позднего Средневековья в «Австрийском Плутархе» Йозефа фон Хормайра: образы и их место в историческом дискурсе державы Габсбургов (1807–1812) // Центрально-европейские исследования. 2021. Вып. 4(13) / гл. ред. О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 13–33. DOI: 10.31168/2619-0877.2021.4.1.

Дискуссия о национальной или наднациональной идентичности и ее истоках остается актуальной для композитарных монархий. Проживание в них разнородных общностей ставит вопрос об их консолидации посредством создания идеологической опоры. В таких случаях поддержание лояльности всех этнических групп является крупной проблемой идентитарной политики и межнациональных отношений. Ситуация становится особенно острой в государствах с проживанием этнических групп, находящихся на разных этапах оформления культурной и политической составляющих национального сознания, то есть конструирования собственной этнокультурной идентичности и правового оформления ее политического суверенитета¹.

Монархия Габсбургов остается одним из примеров попытки строительства наднациональной самоидентификации для входящих в нее общностей. Модель таковой начала оформляться довольно поздно, с началом Французской революции в конце XVIII в., когда композитарная модель устройства переживала период структурного кризиса². Решения, которые предлагало Национальное собрание в Париже, вызывали однозначно негативную реакцию со стороны большинства европейских дворов. Создание новой государственной идеологии на первом этапе было тесно связано с противодействием революционным идеям и практикам³. Полицейские меры, такие как закрытие газет и разгром тайных обществ в Вене, Богемии (Чехии) и Венгрии, сменились оценкой новых идей и практик как «принесенных на штыках французской армии»⁴. Достаточно быстро официальная пресса перешла от критики новых представлений о государственности и самоидентификации к подготовке внутренней идеологической перестройки державы Габсбургов. Она началась уже с 1792 г., когда вместе с обличением революционной Франции на страницах газет и журналов в Вене вышла серия публикаций,

¹ Маринелли-Кёниг 2013: 67–80.

² Bérenger 2014: 138; Rumpler 1997: 77–78.

³ Bachleitner 2017: 175–176.

⁴ Ingraio 1994: 234.

в которых «французская свобода» отождествлялась с «турецким рабством». Наиболее активно в этот процесс включились *Wiener Zeitschrift* («Венский журнал») и *Wiener Zeitung* («Венская газета»)⁵. Значительную роль в этом сыграли представления об иностранных вторжениях в прошлом, культивируемые Римско-католической церковью (прежде всего, вариации образа владений Австрийского дома, в особенности Венгрии, как бастиона, защищающего христианскую Европу против османов).

Интеллектуалы консервативного толка на рубеже XVIII–XIX вв. искали аргументы в пользу легитимности существующего политического порядка и подчинения разнородных общностей династии Габсбургов. Философский и политический компоненты консерватизма сформулировал Фридрих фон Генц (1764–1832). Он перевел на немецкий язык «Размышления о революции во Франции» Эдмунда Берка (1729–1797), тем самым дав толчок к становлению консервативной идеологии в Австрии⁶. Развивая идеи британского мыслителя, Генц обозначил революцию как «покушение на общественный договор и мораль», полагая корнем политического кризиса «злоупотребление свободой»⁷. Эту идею он развивал в трудах «О политической свободе и ее взаимодействии с властью» и «Размышления о морали в эпоху революции».

Продолжая свои рассуждения 1790-х годов, Генц стал критиком реформаторских идей в Пруссии, где он родился и вырос. В 1803 г. он переехал в Вену и поступил на службу к императору Францу II (I) (1792–1835 гг.). В качестве альтернативы идеям реформ Генриха Карла фон Штейна и Карла Августа фон Гарденберга 1807–1814 гг. Генц предложил иную модель политического развития. Его идея основывалась на верноподданническом и патерналистском подходе к отношениям между монархом, государством и обществом. Императорская власть изображалась «подобной власти отца над детьми».

⁵ Wiener Zeitschrift 1792. N. 6: 360–371; Briefe eines Franzosen, geschrieben im sechsten Jahr der Republik über die geheime Polizei in Wien, nebst Skizzen aus dem Leben einiger Hauptpersonen der geheimen Polizei. Straßburg: ohne dem Verlag, 1799. S. 378.

⁶ Burke E. Betrachtungen über die Französische Revolution / übers. von F. Gentz. Berlin: Bei Friedrich Vieweg dem Älteren, 1793. 2 Bde.

⁷ Gentz F., von. Über die Moralität in den Staatsrevolutionen. Цит. по: Ausgewählte Schriften von Friedrich von Gentz / Hrsg. von Dr. W. Weick. Stuttgart; Leipzig, 1837. S. 33–60.

Свою позицию он выразил при подготовке манифеста австрийского императора Франца I о начале войны с Францией в 1809 г.⁸

Социальную и конфессиональную доктрину австрийского консерватизма заложил второй выходец из Пруссии, Адам Мюллер фон Ниттердорф. Будучи наиболее жестким критиком прусских реформ, он представил свою программу с теологической окраской. Римско-католическая церковь и христианство виделись Мюллером как незыблемый элемент общественной жизни. Конкретный индивид предстал неотъемлемым от государства. Сословность и сословное представительство представлялись Мюллером основой политической стабильности. Государство и общество изображались «живым организмом, обладающим саморегуляцией»⁹. Под ней Мюллер подразумевал верность правящему монарху.

Значительную роль, помимо философской, политической и социальной доктрины консерватизма для империи, сыграло оформление общего исторического нарратива. На это был нацелен исторический нарратив, подготовленный Йозефом фон Хормайром (1781–1848), возглавившим в 1803 г. Архив династии, двора и государства (*Haus-, Hof- und Staatsarchiv*)¹⁰.

Место Венгрии в державе Габсбургов определено оформлением агглютинативной, или «сложноподчиненной» империи (по Дж.Ф. Патручу): статус «земель короны св. Стефана» значительно отличался от «Наследственных земель» и «земель Чешской короны». Перед формальным созданием Австрийской империи в 1804 г. венгерская элита располагала опытом автономии, в отличие от чешских земель, централизованно управляемых из Вены¹¹. Неоднократно разночтения между венгерской элитой и двором в Вене приводили к восстаниям или угрозе их начала, но, несмотря на это, появление титула «император Австрийский» не вызвало протестов. В условиях противостояния с революционной Францией так была устранена

⁸ *Gentz F., von.* Österreichisches Manifest vom Jahre 1809 // *Schriften von Friedrich von Gentz: ein Denkmal* / hrsg. von G. Schlesier. Mannheim: Verlag von Heinrich Hoff, 1838. Bd. 2. S. 334–366; Kronenbitter 999: 77–88.

⁹ *Müller A., von.* Die Elemente der Staatskunst. Berlin: G. Fischer, 1809. In 3 Bde.; *Müller A., von.* Inokulation der politischen Ungleichheit. Цит. по: Adam von Müllers gesammelte Schriften. München: G. Franz, 1839. Bd. 1. S. 390–391.

¹⁰ В настоящее время это одно из подразделений Австрийского государственного архива (*Österreichisches Staatsarchiv*).

¹¹ Patrouch 2009: 91–98.

опасность войны на два направления и ряд других рисков¹². И создание общей исторической памяти в условиях утраты Габсбургами позиций в Германии представляло актуальным. Когда стало понятно, что кризис Священной Римской империи перешел в фазу ее распада, Франц II принял титул австрийского императора под именем Франца I, сохранив титулы в негерманских владениях, в том числе и в Венгрии. С этого началось создание нового подхода к идентитарной политике Габсбургов. В ее основу лег тезис о «семье народов» под властью Габсбургов, то есть приоритетом стали владения династии, а не руины Старого рейха (*Altes Reich*). При этом сложная система подчинения негерманских владений венскому двору сохранилась¹³. Средствами консолидации, помимо понятия о лояльности правящим Габсбургам, становились элементы исторической памяти, которые австрийские консерваторы начали собирать в единую систему¹⁴.

Автор очерков об истории Венгрии позднего Средневековья и периода установления владычества Габсбургов Йозеф фон Хормайр был выходцем из Тироля. Там же историограф получил юридическое образование в университете Инсбрука, после чего поступил на государственную службу в Вене. Формально будучи сотрудником Министерства иностранных дел, он стал руководителем архивного департамента, и к 1803 г. — главой Архива династии, двора и государства. Благодаря этому он располагал максимально широким для своего времени доступом к источникам для подготовки исследований. Изначально Хормайр готовил материал об истории Тироля и написал два крупных сочинения: «Критические и дипломатические очерки об истории Тироля в Средние века» и «Историю графства Тироль». Это были источниковедческие работы, которые затем стали частью пропаганды во время «войны немецкой национальной чести» 1809 г. и восстания Андреаса Хофера (1767–1810) в Тироле 1809–1810 гг., идеологом которого выступил историограф¹⁵. После Пресбургского мира 1805 г., когда Тироль был передан Баварии, Хормайр вел работу как историк и «оформитель» общей исторической памяти, подготовив двадцатитомный труд «Австрийский Плутарх», многотомную «Краткую историю отечества» и ряд других сочинений. Они

¹² Almási 2016: 225–249; Miskolczy 1959: 34–90.

¹³ Wilson 2006: 709–736.

¹⁴ Lindmayr-Brandl 2017: 38–61.

¹⁵ Mazohl, Mertelseder (Hrsg.) 2009; Рагозин 2020: 121–136.

стали основой для конструирования исторической памяти в империи Габсбургов и обосновывали соединение столь разных по характеру общностей под властью одной династии. В обоих случаях Венгрии уделялось значительное внимание: начиная от раннего соседства австрийских немцев и венгров в Средние века и заканчивая недавними событиями времен борьбы с революционной и наполеоновской Францией.

После поражения в войне 1809 г. и прихода к власти графа Клеменса Венцеля Лотара Меттерниха (1773–1859) идеи Хормайра были включены в консервативный и охранительный дискурс и даже пережили ученого как апологета империи Габсбургов и политики династии в отношении Венгрии. Спор о методах дальнейшей борьбы с Наполеоном привел к аресту Хормайра в 1813 г. по «делу Альпенбунда»¹⁶. После этого историк провел два года под стражей: сначала в крепости Мункач на востоке Венгрии, а затем в моравском Брюнне. Там же Хормайр отбыл двухгодичную ссылку, после чего разочаровался в австрийской политике, несмотря на статус «официального историографа», пожалованный ему императором. К этому времени историк обладал значительными связями в среде моравского дворянства благодаря работе по систематизации предметов искусства, принадлежавших местным аристократам¹⁷. С 1828 г. и до самой смерти он жил и работал в Баварии, где встал на позиции немецкого национального движения и был одним из активных критиков Габсбургов.

Творчество Хормайра нечасто служило объектом изучения в историографии, в то же время оно тенденциозно оценивалось как в Австрии и Германии, так и в государствах, образовавшихся на руинах империи Габсбургов. Изучение наследия историка началось лишь в 1860-е годы в связи с переосмыслением фактора Австрийских земель в Германии. На излете существования империи Габсбургов особое внимание уделялось участию историка в восстании Андреаса Хофера против Наполеона и баварской администрации в 1809 г. и конструировании памяти о нем¹⁸. Распад империи привел к очередной переоценке наследия историографа: межвоенное двадцатилетие

¹⁶ *Альпенбунд* (нем. *Alpenbund*) — движение сопротивления в Тироле в 1812–1813 гг. (война Шестой коалиции), инициированное эрцгерцогом Иоганном (1782–1859) и организованное Й. Хормайром.

¹⁷ Tomášek 2017: 78–135.

¹⁸ Hirn 1909.

отметилось новой критикой Хормайра за подлоги и мистификации в отношении источников¹⁹. В других странах — преемниках Австро-Венгрии его творчество находилось в тени, так как там фактически господствовали «антиавстрийский» и «антигерманский» дискурсы²⁰. Трактовка работ Хормайра в Третьем рейхе исходила из тезиса о них как о «мосте между австрийской и немецкой традициями»²¹. С образованием Второй республики наследие историка стало изучаться в контексте самостоятельности Австрии в немецкоязычном пространстве²². В негерманских государствах — преемниках Австро-Венгрии тенденция восприятия Хормайра начала меняться лишь после 1989 г.

В современных работах творчество Хормайра сравнивается с наследием Иштвана Хорвата (1784–1846), Йозефа Якошича (1738–1804), Франтишка Палацкого (1798–1876) и других историографов эпохи романтизма²³. Многие из них так или иначе опирались на произведения Хормайра или же критиковали его тезисы применительно к своим странам и населяющим их народам. В современной историографии наследие историка наименее изучено в части методологии мифотворчества и его политического применения. Исследователи истории австрийского консерватизма уделяют больше внимания Фридриху фон Генцу и Адаму Генриху Мюллеру (1779–1829), оставляя Йозефа фон Хормайра за рамками развития консервативной идеи, несмотря на его прямое на нее влияние²⁴.

Хормайр полагал передачу венгерской короны Габсбургам в 1526 г. династически и юридически легитимным актом, хотя и ставшим вызовом с правовой, политической и военной точек зрения. Для обоснования конечного результата Хормайр обратился к более раннему материалу, а именно истории Венгрии и австрийско-венгерских отношений позднего Средневековья. Отдельной рубрики «Венгерские правители» в сочинении не выделено, что контрастировало с разделом о Чехии. Чешским монархам, напротив, уделено значительное внимание, а посвященные им очерки обширны по объему. Это

¹⁹ Srbik 1925.

²⁰ Almási 2016: 225–249; Pražák 1994: 57–82; Tomášek 2017: 78–135.

²¹ Srbik 1935–1942.

²² Mayrhofer-Schmid 1949: 10–20.

²³ Almási 2016: 225–249.

²⁴ Gant 2003: 293; Godsey 2005: 63–95; Bachleitner 2017: 175–176; Landi 2005: 390.

не соответствует уровню автономии двух земель. Напротив, Венгрия и происходившие в ней события были, как правило, частью контекста, в котором развивалось австрийское государство. Хормайр представил это соседство в формате эволюции от контактов на пограничье Старого рейха до превращения Венгрии в «полноправную часть монархии Габсбургов». Монархи и регенты, занимавшие венгерский трон до 1526 г., распределены по разделам «Австрийские правители», «Чешские правители» и «Знаменитые австрийцы».

Отдельной сюжетной линией в «Плутархе» предстают отношения Австрии и Венгрии, а затем включение венгерских земель в состав монархии Габсбургов. Австрийско-венгерские связи эпохи Средневековья фигурируют практически в каждом очерке, посвященном правителям до 1526 г. Развитие этих отношений, начавшееся при маркграфях, а затем герцогах из династии Бабенбергов, предстает на страницах «Австрийского Плутарха» в динамике. Таким представителям династии, как Генрих II Язомирготт (1114–1177), ставилось в заслугу отражение венгерских набегов на Австрию²⁵. Иная картина венгерского вектора политики Бабенбергов предстает в очерке о Леопольде VI (1176–1230): его притязания на венгерский трон виделись «источником бедствий, подобно экспансии англичан во Франции»²⁶. Конфликты с Венгрией того времени, по мнению Хормайра, стали частью кризиса в Австрии, который достигнет пика после гибели герцога Фридриха II Воителя (1211–1246) и пресечения мужской линии Бабенбергов²⁷.

В очерках о первых Габсбургах венгерский контекст уступает первый план «врачеванию империи», борьбе Габсбургов с Люксембургам и «собираанию земель» юго-востока империи вокруг Австрии. Однако в очерке об Альбрехте II (1397–1439; как венгерский король Альберт I в 1437–1439 гг.) венгерский вопрос затронут как часть идеи объединения монархий Центральной и Восточной Европы для отпора османскому вторжению. Хормайр понимал этот процесс как «стремление к миру» в регионе. По мнению историографа, объединение против «ангелов смерти» — турок-османов — было

²⁵ *Hormayr J., von. Oesterreichischer Plutarch oder Leben und Bildnisse aller Regenten und der berühmtesten Feldherren, Staatsmänner, Gelehrten und Künstler des österreichischen Kaiserstaate. Wien: Doll, 1814. Bd. 19. S. 107–126.*

²⁶ *Ibid.* Bd. 20. S. 25.

²⁷ *Ibid.* S. 130.

необходимо для сохранения этнических и культурных общностей империи²⁸. Передача власти над Австрией, Чехией и Венгрией единственному сыну Альбрехта, Ладиславу Постуму (как венгерский король Ласло V в 1445–1457 гг.), воспринималась историком как необходимый и назревший шаг. Так, по мнению Хормайра, можно было завершить это объединение и помочь всем трем государствам отбросить турок из Европы. Все это коррелировало с идеей крестового похода, который возглавил польский и венгерский король Владислав III (1424–1444; как венгерский король Уласло I в 1440–1444 гг.) и который окончился сокрушительным поражением его войска при Варне.

Из числа венгерских правителей в «Австрийском Плутархе» фигурируют на правах отдельных очерков биографии Ладислава Постума, Яноша Хуняди (?–1456) и Владислава (Уласло) II Ягеллона (1456–1516). Этим образам уделено особое внимание, они предстают наиболее объемными. Несмотря на отсутствие отдельных глав, значительное место Хормайр уделил королям Матяшу Корвину (1458–1490 гг.) и Людвигу (Лайошу) II (1516–1526 гг.). Первый не удостоился отдельного очерка, но фигурировал целостным образом в повествованиях о его современниках, например о Фридрихе III (1415–1493) и Йиржи из Подебрад (1420–1471). О Людвиге повествовалось в отдельном параграфе в рамках очерка о его отце — Владиславе II. Таким образом, при помощи этого материала венгерская общность заняла свое место в исторической памяти Австрии как полноправный элемент строящейся империи в центре Европы. В арсенале средств, с помощью которых историк доказывал это, были даже современные нормы немецкой грамматики, где иностранные имена (в отличие от фамилий) писались по-немецки. Венгерские монархи в повествовании потеряли венгерский «колорит»: Матяш стал Маттиасом, Людвик/Лайош — Людовиком. Избежал этого лишь Владислав II. Так опосредованно показывалось лидерство немецкоязычной культуры в монархии Габсбургов, но в то же время иноземные правители становились «своими» и для немецких подданных.

Итогом пребывания Венгрии в одной империи с Габсбургами, по Хормайру, стал импульс к дальнейшему развитию и спасение от уничтожения под турецким господством. Историк представил

²⁸ *Hormayr J., von. Österreichischer Plutarch. Wien: Doll, 1807. Bd. 4. S. 34.*

контакты Австрии и Венгрии в различных форматах: военного противостояния, культурного взаимодействия, торговли, династических связей. Но главный упор он сделал на противостоянии общей внешней угрозе XV–XVII вв. — османской. Поэтому Венгрия представляла не только последним рубежом перед угрозой Австрии со стороны турок, но и союзником, а затем — потенциальной частью единого политического организма. В условиях мобилизации против Наполеона подобного рода сюжет оказался злободневным и находил отклик и в Австрии, и в Венгрии, работая на мобилизацию обеих частей империи. Это подтверждается теми клише, которые использовали сторонники монархии Габсбургов, например публицист Леопольд Алоиз Хофман (1760–1806), который первым среди венских публицистов отождествил в *Wiener Zeitschrift* «французскую свободу» с «турецким рабством».

Одним из излюбленных приемов Хормайра, которым он пользовался и в «Плутархе», и в статьях для венского *Vaterländische Blätter für den österreichischen Kaiserstaat* («Патриотический бюллетень Австрийской империи»), было сравнение австрийских правителей с венгерскими: например, первый Габсбург на престоле Священной Римской империи, положивший конец долгому междоусобицу, Рудольф I (1273–1291 гг.), сопоставлялся с «врачевателем государства» Матяшем Корвином²⁹.

Первым из печати вышел очерк о Яноше Хуняди (у Хормайра — *Johann Hunyady Corvin*). Конструируя его образ, ученый писал: «У многих свершения скромнее, чем их слава, слава Хуняди оказалась скромнее его свершений», имея в виду организацию обороны против «ангелов смерти» — османов и нового «переселения народов»³⁰. По происхождению и подъему на вершину общества Хуняди сравнивался с Оливером Кромвелем (1599–1658). Генеалогически Хормайр возводил родословную регента к валашскому боярству, а именно к Иону Вайку, чьи потомки ассимилировались в венгерской среде, а их прозвище *Corvinus* стало фамилией. Становление полководца изображалось в контексте нестабильности в Восточной Европе XV столетия: его признаками для автора были падение могущества Тевтонского ордена под ударами поляков и литовцев, а также рост

²⁹ *Hormayr J., von. Österreichischer Plutarch. Bd. 1. S. 40.*

³⁰ *Ibid. Bd. 2. S. 79–80.*

военного давления османов с юга. При этом походы в Боснию изображались Хормайром как важнейший опыт в становлении Хуняди как военачальника³¹. Отношения регента и церкви представлены в очерке через призму сотрудничества против исламской угрозы и вопреки интересам магнатских группировок.

Полководец и регент описан как инициатор объединения против османов в Центральной Европе, «защитник веры» и «победитель и спаситель страны, который не видел себя на ее троне»³². В этом, по мнению Хормайра, Хуняди похож на своего современника — Георгия Скандерберга (1405–1468), борца за независимость Албании от турецкого господства. Контрастом им предстают противники-османы: «варвары», «дикие кочевники с впечатляющей регулярной армией в лице янычар», как их обозначил автор «Плутарха»³³. Военные успехи регента сделали королевство авторитетным участником европейской политики, а Хормайр на примере Хуняди представил Венгрию как защитницу Европы. Эту роль, по мнению историка, Янош Хуняди осознавал и принимал полностью, а борьбу за трон лично для себя полагал неуместной. Чтобы не пустить конкурента, Ульрика Цилли (1406–1456), на трон в Буде, полководец стремился провести коронацию Ладислава Постума как можно скорее. Таким образом, Хормайр обосновывал необходимость занятия Габсбургами и венгерского престола как возможность преодоления магнатских распрей и поддержания государства в адекватном состоянии.

«Смута» в Венгрии после смерти Альберта I, османская угроза и малолетство Ласло V привели к тому, что военачальник стал фактическим главой венгерского государства, но не занимая трон. Период 1441–1443 гг. глазами Хормайра предстает «золотым веком» Яноша Хуняди. Это историк связал с успешным отражением турецких набегов на Трансильванию и заключением значимых в военном отношении союзов. Последним аргументом стало получение регентом выкупных платежей от османов за захваченных в плен их военачальников³⁴. Турки воспринимали Яноша как «злейшего противника» наравне с Владом III Цепешем (1431–1476) в Валахии и Стефаном III (1429–1504) в Молдове, что Хормайр также считал доказательством

³¹ Ibid. Bd. 2. S. 87.

³² Ibid. S. 81.

³³ Ibid. S. 89–92.

³⁴ Ibid. Bd. 2. S. 100–101.

статуса Хуняди как «защитника веры». По его мнению, полководец «не видел иной возможности, как победить Мурада во имя веры»³⁵. Раскрывая его характер, историк приписал ему девиз «Горы не сдаются!», который Хормайр изначально проецировал на свою историческую родину — Тироль. Тем самым он полагал схожим характер тирольских повстанцев, воевавших с Баварией и Францией, и сопротивлявшихся османам венгров во главе с выходцем из Трансильвании Яношем Хуняди. Таким образом, австрийцы и венгры, по мнению историка, имели все шансы ужиться в одной империи в силу близости характеров.

Не обошел Хормайр вниманием и отношения регента и малолетнего короля Ладислава Постума. В повествовании регент изображен «вторым отцом» несовершеннолетнего монарха³⁶. Полководец, по мнению историка, охранял Ладислава от нападков других претендентов, например Ягеллонов, а также от претензий магнатов. Все это контрастировало с тем, что Хуняди вступил в конкуренцию с императором Фридрихом III, родственником Ладислава. Фактически, с точки зрения Хормайра, вопрос о том, кто имеет право на объединение государств Центральной и Восточной Европы, не возникал, но споры и конфликты, в понимании историка, отвлекали силы от борьбы с общим противником — турками. При этом Янош Хуняди, считал Хормайр, привлек на свою сторону не только католиков-венгров, но и православных валахов, молдаван, сербов и боснийцев, ставя во главе угла вопрос защиты веры от мусульман, а не политические предпочтения аристократии и правящих родов. Все это успешно вписывалось в консервативную пропаганду в Австрийской империи времен борьбы с Наполеоном, когда этнические и аристократические предпочтения отходили на второй план. Образ врага формировался, в первую очередь, на религиозном факторе, близком и австрийским немцам, и венграм, который Хормайр развивал изначально на тирольском материале, а затем спроецировал на остальные владения Габсбургов, включая Венгрию.

Первый Габсбург на венгерском и чешском троне Ладислав Постум несмотря на короткое правление, удостоился отдельного очерка в «Австрийском Плутархе». Он включен в рубрику «Австрийские

³⁵ *Hormayr J., von. Osterreichischer Plutarch. Bd. 2. S. 106.*

³⁶ *Ibid. S. 149.*

правители», так как представлял Альбертинскую ветвь Габсбургов и занимал эрцгерцогский трон. Значимое место в труде он получил именно в связи с попыткой объединения Австрии, Чехии и Венгрии в одну монархию для противодействия давлению османов. В этом контексте образ малолетнего короля строился на жертвенном мифе. Он оказался неспособен противостоять значительному числу конкурентов: Фридриху III, Ульрику Цилли, а также Йиржи из Подебрад и гуситам. Такое «окружение» дало повод Хормайру критиковать их всех за приоритет личных политических интересов над общим делом борьбы с османской угрозой³⁷. С учетом того, что это был Габсбург на венгерском троне, его образ использовался как обоснование того, что именно эта династия и должна встать во главе объединенного государственного образования, которому суждено стать «последним щитом Европы перед османами»³⁸. Габсбурги, по мнению Хормайра, стояли над интересами магнатских группировок в Чехии и Венгрии и были способны объединить всех на общее дело. Эпитет *die Waume der Welt* (стена мира) в отношении короля в первую очередь обращался к его интеллектуальному и политическому потенциалу, который так и остался нераскрытым. Вину в смерти Ладислава историк возложил на чешского короля Йиржи из Подебрад, подозревая последнего в организации отравления. Таким образом, Хормайр особенно активно критиковал «короля-гусита» за противодействие идее объединения, хотя это же обвинение часто звучало в адрес венгерских правителей XV — начала XVI в.

Матяшу I Корвину, как уже упоминалось выше, не посвящено отдельного очерка в «Австрийском Плутархе», в отличие от отца и последних королей из династии Ягеллонов, правивших до воцарения Габсбургов. Однако частота его упоминаний и характеристик в главах о его современниках и преемниках на венгерском троне позволяет говорить о наличии целостного образа этого монарха и конкурента Габсбургов за лидерство в регионе и в борьбе с османами. Повествование о «последнем великом короле» Венгрии присутствует в очерках о Яноше Хуняди, Йиржи из Подебрад, Фридрихе III и Владиславе II. Подобно отцу, Матяш представлен «человеком из низового дворянства, добившимся авторитета и власти благодаря способностям

³⁷ Ibid. Bd. 4. S. 24.

³⁸ Ibid. S. 41–58.

и духу времени»³⁹. В то же время усиление центробежной тенденции и вытеснение идеи объединения на второй план на фоне укрепления отдельных государств перед лицом турецкой угрозы было раскритиковано Хормайром. Историк отметил это как предпосылку катастрофы 1526 г., хотя Матяш, по его мнению, делал все возможное и для развития королевства, и для укрепления его обороноспособности⁴⁰.

Хормайр считал, что король мог бы стать лидером всей Центральной Европы в борьбе против османов в силу природных способностей и грамотного идеологического обоснования своей политики. В то же время Матяш I был серьезным конкурентом и для Йиржи из Подебрад, и для Фридриха III. Несмотря на провал объединения всех земель под властью одного монарха, Корвину в заслугу поставлено отражение османских набегов. Хормайр тиражировал миф о справедливом отношении короля к крестьянству, ставшему заложником магнатских интересов уже при Владиславе II⁴¹. Таким образом, создавалась апологетика сильной монархической власти и патернализма в условиях внешней угрозы, а также необходимость монарха быть готовым взять командование войсками в свои руки, что играло на руку сторонникам реванша против Наполеона, например эрцгерцогам Карлу и Иоганну. Это проецировалось и на австрийского императора Франца I, и на его политический курс.

Образы последних королей Венгрии до формального перехода короны Габсбургам, Владислава II и Людовика II, контрастируют с описанием Корвинов. Основным является очерк, посвященный Владиславу, Людовик включен в повествование в отдельном параграфе. Оба Ягеллона по итогам правления в Чехии и Венгрии охарактеризованы негативно как неспособные остановить центробежные тенденции со стороны магнатов и «чуждые» своим венгерским подданным. Окончательный провал объединения монархий Центральной и Восточной Европы ставится обоим в вину. Людовик представлен Хормайром как способный, но малоопытный политик, зависимый от магнатов. Владислав II целенаправленно угождал знати в противовес государственным интересам. Более того, Хормайр акцентировал внимание на неприязни к «поляку» на венгерском и чешском троне со стороны основной

³⁹ *Hormayr J., von.* Oesterreichischer Plutarch. Wien: Doll, 1807. Bd. 1. S. 152.

⁴⁰ *Ibid.* Wien: Doll, 1812. Bd. 18: 171.

⁴¹ *Ibid.* S. 94.

массы населения и даже аристократии⁴². Он осудил знать Венгрии, поставившую свои интересы и привилегии выше нужд народа, за «предательство» своих правителей и подданных. Ошибки и политическая слабость обоих монархов привели к венгерской катастрофе 1526 г., последствия которой, по мнению Хормайра, исправили лишь Габсбурги и принц Евгений Савойский (1663–1736) в конце XVII в.

«Своего Велизария⁴³, — писал Хормайр, — на тот момент не состоялось», то есть не было, по мнению историка, способных военачальников, политиков и идеологов, кто мог бы перехватить инициативу так, как это сделали Корвины⁴⁴. Объединение после этого перестало быть идеей универсалистской монархии, а основывалось лишь на необходимости выживания и австрийских немцев, и их ближайших негерманских соседей: чехов, венгров и иных христианских народов. Совместное имперское строительство, как полагал Хормайр, должно было восприниматься не как подавление сословных вольностей и привилегий, но как шанс на сохранение всех имперских народов и их дальнейшее развитие.

Правители Венгрии эпохи позднего Средневековья детально рассмотрены в «Австрийском Плутархе» Йозефа фон Хормайра, что обеспечило венграм не только роль в формировании исторического дискурса империи, но и легитимацию пребывания в составе одного государства столь разнородных общностей. Новый нарратив создавался в сложных условиях: венгерская аристократия опасалась повторения событий времен Иосифа II (1765/1780–1790 гг.). Эти события воспринимались ими как покушение на привилегии, ответственность и культурную идентичность, а политика в отношении своей страны — как «германизация». Потому очерки Хормайра и их публикация представляли злободневными и должны были содействовать восприятию венгров как «соотечественников» под властью одного монарха в немецкоязычной среде.

Создание общего исторического дискурса в условиях внешней угрозы задавало приоритет коллективных представлений о совместной борьбе с «противниками веры», поэтому борьба с Турцией вышла на первый план во всех очерках и образах, опубликованных в «Австрийском Плутархе». Внимание к Венгрии этого времени представляется

⁴² Ibid. S. 110–199.

⁴³ Флавий Велизарий (?–565) — выдающийся византийский полководец.

⁴⁴ Ibid. S. 225.

обоснованным. Создавался образ страны — «последнего рубежа обороны» против османов, хотя и не всегда выступавшей в союзе с австрийскими Габсбургами. Хормайр полагал закономерным, что Венгрия стала частью большой центральнойевропейской империи под эгидой Габсбургов, поскольку отражение общих угроз возможно только совместными усилиями. Короткое пребывание на венгерском троне Ладислава Постума создало юридические предпосылки к будущему включению Венгрии в состав владений Австрийского дома и даже на некоторое время прекратило споры магнатов за трон.

Династический легитимизм Хормайра подкреплялся критикой Матяша Корвина за противостояние с Габсбургами. В то же время Матяш воспринимался историком как последний венгерский монарх — фактический лидер своей страны, как идеальный правитель в условиях постоянной внешней угрозы, «человек, пришедший вовремя». С подачи Хормайра в исторический дискурс о Венгрии попал миф о Матяше Корвине как справедливом монархе. Мобилизация общества представляла необходимой и логичной, и Матяш таким образом получил в целом позитивные оценки в «Австрийском Плутархе».

Владислава II и Людовика II Ягеллонов Хормайр критиковал, как и венгерскую аристократию, за «предательство» собственного народа. Таким образом обосновывался приход к власти Габсбургов как необходимый для выживания венгров в условиях угрозы утраты идентичности, династии, принявшей то бремя, которое несли в прошлом наиболее яркие короли. Очерки о борьбе с османами падали на подготовленную почву времен Наполеоновских войн, мобилизуя население против внешнего врага. Хормайр подчеркнул, что проживание в одной империи было выгодно для венгров, хотя периодически венский двор и венгерская аристократия спорили об устройстве страны и объеме политической власти.

Исторический дискурс в Австрийской империи начала XIX в. претерпел значительные изменения за период 1807–1812 гг. После ухода на второй план вопроса о лидерстве Габсбургов в германских землях произошло смещение акцента на владения австрийского дома, в том числе негерманские. Все это в полной мере относилось и к венгерским владениям династии. Включение в исторический дискурс не только членов Австрийского дома, но и правителей Венгрии позднего Средневековья позволило закрыть некоторые лакуны в коллективном представлении о прошлом. Помимо этого, преодолевались

сложности в отношениях Габсбургов с Венгерским королевством, вызванные не согласованными с сословиями реформами Иосифа II. Это позволило обосновать легитимность пребывания Габсбургов на венгерском престоле, подкрепить мобилизацию подданных против Наполеона⁴⁵ и создать образ «сопричастности» в рамках имперского исторического дискурса как явления с вековыми основаниями. Все эти воззрения оказали влияние на официальный габсбургский миф, а затем и на историков-романтиков, связанных с венгерским национальным движением.

Список исторических географических названий

Брюнн — ныне Брно в Чешской Республике

Мункач — ныне Мукачево на Украине

Пресбург — ныне Братислава в Словакии

Литература

- Маринелли-Кёниг 2013 — *Маринелли-Кёниг Г.* Франц К. Иоганн Рихтер (1783–1856) (реконструкция творческого наследия) // Славянский альманах. 2013. М.: Индрик, 2014. С. 67–80.
- Рагозин 2020 — *Рагозин Г. С.* Между историей и политикой: Йозеф фон Хормайр — идеолог и участник Тирольского восстания 1809–1810 гг. // Французский ежегодник. 2020. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2020. С. 121–136.
- Шоош 2014 — *Шоош И.* Участие Венгерского королевства в Наполеоновских войнах // Российская империя и монархия Габсбургов в Наполеоновских войнах: Взгляд из Венгрии / редкол.: О. В. Хаванова, Л. К. Кокунина, А. Шереш. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 123–142.
- Almási 2016 — *Almási G.* Faking the national spirit: Spirituous historical documents in the service of the Hungarian national movement in the early nineteenth century // *The Hungarian Historical Review*. 2016. Vol. 5. № 2. P. 225–249.
- Bachleitner 2017 — *Bachleitner N.* Die literarische Zensur in Österreich von 1751 bis 1848. Wien: Böhlau, 2017. 528 S.
- Bérenger 2014 — *Bérenger J.* The Habsburg Empire, 1700–1918. New York; London: Routledge, 2014. 352 p.
- Gant 2003 — *Gant B.* Joseph Freiherr von Hormayr zu Hortenburg. Eine (politische) Biographie. Dokt. diss. Innsbruck, 2003. 313 S. (рукопись).

⁴⁵ Ср.: Шоош 2014.

- Godsey Jr. 2005 — *Godsey W.D., Jr.* La societe etait au fonde legitimiste: Emigres, Aristocracy and the Court at Vienna, 1789–1848 // *European History Quarterly*. Vol. 35. № 1. P. 63–95.
- Hirn 1809 — *Hirn J.* Tirols Erhebung im Jahre 1809. Innsbruck: Schwick, 1909. 874 S.
- Ingrao 1994 — *Ingrao C.* The Habsburg Monarchy, 1618–1815. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 276 p.
- Kronebitter 1999 — *Kronebitter G.* Friedrich von Gentz und Metternich // *Konservatismus in Österreich: Strömungen, Ideen, Personen und Vereinigungen von den Anfängen bis heute* / hrsg. von R. Rill, U. Zellenberg. Graz–Stuttgart: Stockler, 1999. S. 71–88.
- Landi 2005 — *Landi W.* Joseph von Hormayr zu Hortenburg (1781–1848). Romantische Historiographie im Zeitalter der Restauration zwischen patriotischer Loyalität und liberalen Unruhen // *Eliten in Tirol zwischen Ancien Regime und Vormärz. Akten der internationalen Tagung vom 15. Bis 18. Oktober 2008 an der Freien Universität Bozen* / hrsg. von M. Bellabarba, E. Forster, H. Heiss, A. Leonardi, B. Mazohl. Bozen: Studienverlag GmbH, 2008. S. 385–406.
- Lindmayr-Brandl 2017 — *Lindmayr-Brandl A.* Vom Patriotischen Volkslied zur Nationalen Kaiserhymne. Formen der Repräsentation in Gott, erhalte Franz den Kaiser // *Die Representation der Haubsburg-Lothringischen Dynastie in Musik, visuellen Medien und Architektur, 1618–1918* / hrsg. von W. Telesko. Wien: Böhlau, 2017. S. 38–61.
- Mayrhofer-Schmid 1949 — *Mayrhofer-Schmid A.* Hormayr und die Romantik. Dokt. diss. Wien, 1949. 448 S. (рукопись).
- Mazohl, Mertelseder (Hrsg.) 2009 — *Abschied vom Freiheitskampf? Tirol und “1809” zwischen politischer Realität und Verklärung* / hrsg. von B. Mazohl, B. Mertelseder. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner, 2009. 524 S.
- Miskolczy 1959 — *Miskolczy J.* Ungarn in der Habsburger-Monarchie. Wien; München: Herold, 1959. 210 S.
- Patrouch 2009 — *Patrouch J.F.* The Making of Five Images of the Habsburg Monarchy: before the Nation there was Agglutination // *Austrian History Yearbook*. 2009. № 40. P. 91–98.
- Pražák 1994 — *Pražák R.* Die kulturell aufklärende Tätigkeit der madjarischen reformierten Intelligenz in der Zeit der tschechischen nationalen Wiedergeburt // *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity*. 1964. Vol. 13. № C11. P. 127–146.
- Rumpler (Hrsg.) 1997 — *Österreichische Geschichte 1804–1914: eine Chance für Mitteleuropa. Bürgerliche Emanzipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie* / hrsg. von H. Rumpler. Wien: Ueberreuter, 1997. 672 S.
- Srbik 1925 — *Srbik H., von.* Metternich. Der Staatsmann und der Mensch. München: Bruckmann, 1925. Bd. 1. 785 S.; Bd. 2. 643 S.

- Srbik 1935–1942 — *Srbik H., von*. Deutsche Einheit. Idee und Wirklichkeit vom Heiligen Reich bis Königgrätz. München: Bruckmann, 1935. Bd. 1. 456 S.; Bd. 2. 424 S.; München: Bruckmann, 1942. Bd. 3. Idee und Wirklichkeit von Villafranca bis Königgrätz. T. 1. 497 S.; Bd. 4. Idee und Wirklichkeit von Villafranca bis Königgrätz. T. 2. 498 S.
- Tomášek 2017 — *Tomášek P.* Aristokracie vkusu: Umělecký mecenát a sběratelství knížat ze Salm-Reifferscheidtů v 19. Století. Dokt. dis. Brno, 2017. 340 s. (рукопись).
- Wilson 2006 — *Wilson P.H.* Bolstering the Prestige of Habsburgs: the end of the Holy Roman Empire in 1806 // *The international History Review*. 2006. Vol. 28. № 4. P. 709–736.

References

- Almási, G., 2016. Faking the national spirit: Spirituous historical documents in the service of the Hungarian national movement in the early nineteenth century. *The Hungarian Historical Review*, 5, 2, pp. 225–249.
- Bachleitner, N., 2017. *Die literarische Zensur in Österreich von 1751 bis 1848*. Wien: Böhlau, 528 p.
- Bérenger, J., 2014. *The Habsburg Empire, 1700–1918*. New York; London: Routledge, 352 p.
- Gant, B., 2003. *Joseph Freiherr von Hormayr zu Hortenburg. Eine (politische) Biographie*. Dr. Sc. thesis. Innsbruck, 2003. 313 S. (manuscript).
- Godsey, W. D., Jr. 2005. La societe etait au fonde legitimiste: Emigres, Aristocracy and the Court at Vienna, 1789–1848. *European History Quarterly*, 35, 1, pp. 63–95.
- Hirn, J., 1909. *Tirols Erhebung im Jahre 1809*. Innsbruck: Schwick, 874 p.
- Ingrao, Ch., 1994. *The Habsburg Monarchy, 1618–1815*. Cambridge: Cambridge University Press, 276 p.
- Kronebitter, G., 1999. Friedrich von Gentz und Metternich. In: Rill, R., Zellenberg, U., eds. *Konservatismus in Österreich: Strömungen, Ideen, Personen und Vereinigungen von den Anfängen bis heute*. Graz-Stuttgart: Stockler, pp. 71–88.
- Landi, W., 2008. Joseph von Hormayr zu Hortenburg (1781–1848). Romantische Historiographie im Zeitalter der Restauration zwischen patriotischer Loyalität und liberalen Unruhen. In: Bellabarba, M., Forster, E., Heiss, H., Leonardi, A., Mazohl, B., eds. *Eliten in Tirol zwischen Ancien Regime und Vormärz. Akten der internationalen Tagung vom 15. Bis 18. Oktober 2008 an der Freien Universität Bozen*. Bozen: Studienverlag GmbH, pp. 38–406.
- Lindmayr-Brandl, A., 2017. Vom Patriotischen Volkslied zur Nationalen Kaiserhymne. Formen der Repräsentation in Gott, erhalte Franz den Kaiser. In: Telesko, W., ed. *Die Repräsentation der Haubsburg-Lothringischen Dynastie in Musik, visuellen Medien und Architektur, 1618–1918*. Wien: Böhlau, pp. 38–61.

- Marinelli-König, G., 2014. Franc K. Iogann Richter (1783–1856) (rekonstruktsiya trorcheskogo naslediya) [Franz K. Johann Richter (1783–1856) (reconstruction of the heritage)]. *Slavic Almanac 2013*. Moscow: Indrik, pp. 67–80. (in Rus.)
- Mayrhofer-Schmid, A., 1949. *Hormayr und die Romantik*. Dr. Sc. thesis. Wien, 1949. (manuscript).
- Mazohl, B., Mertelseder, B., eds. *Abschied vom Freiheitskampf? Tirol und “1809” zwischen politischer Realität und Verklärung*. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner, 524 p.
- Miskolczy, J., 1959. *Ungarn in der Habsburger-Monarchie*. Wien; München: Herold, 210 p.
- Patrouch, J. F., 2009. The making of five Images of the Habsburg Monarchy: before the nation there was agglutination. *Austrian History Yearbook*, 40, pp. 91–98.
- Pražák, R., 1964. Die kulturell aufklärende Tätigkeit der madjarischen reformierten Intelligenz in der Zeit der tschechischen nationalen Wiedergeburt. *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské university*, 13, 11, pp. 127–146.
- Ragozin, G. S., 2020. Mezhdú istorijej i politikoj: Joseph von Hormayr — ideolog i uchastnik Tirolskogo vosstaniya 1809–1810 [Between history and politics: Joseph von Hormayr — ideologist and participant of the Tyrolean uprising, 1809–1810]. In: *Frantsuzskii ezhegodnik 2020*. Moscow: Institut Vseobshchei Istorii RAN, pp. 121–136. (in Rus.)
- Rumpler, H., ed., 1997. *Österreichische Geschichte 1804–1914: eine Chance für Mitteleuropa. Bürgerliche Emanzipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie*. Wien: Ueberreuter, 672 p.
- Soós, I., 2014. Uchastie Vengerskogo korolevstva v Napoleonovskikh voínakh [Participation of the Kingdom of Hungary in the Napoleonic Wars]. In: Kharvanova, O. V., Kokunina, L. K., Seres, A., eds. *Rossiiskaia imperiia i monarkhiia Gabsburgov v Napoleonovskikh voínakh: Vzgliad iz Vengrii* [The Russian Empire and the Habsburg Monarchy in the Napoleonic Wars: a look from Hungary]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 123–142. (in Rus.)
- Srbik, H., von., 1925. *Metternich. Der Staatsmann und der Mensch*, 1–2. München: Bruckmann, 1428 p.
- Srbik, H., von., 1935–1942. *Deutsche Einheit. Idee und Wirklichkeit vom Heiligen Reich bis Königgrätz*, 1–4. München: Bruckmann, 1875 p.
- Tomášek, P., 2017. *Aristokracie vkusu: Umělecký mecenát a sběratelství knížat ze Salm-Reifferscheidtů v 19. Století*. Dr. Sc. thesis. Brno, 340 p. (manuscript).
- Wilson, P. H., 2006. Bolstering the prestige of Habsburgs: the end of the Holy Roman Empire in 1806. *The International History Review*, 28, 4, pp. 709–736.

German S. Ragozin

PhD, Associate Professor, Department of General History, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia. 163000, Prospekt Lomonosova, 2.
E-mail: Gragozin92@gmail.com

Hungarian Late Medieval Sovereigns in the “Austrian Plutarch” by Joseph von Hormayr: Images and their Role in the Historical Discourse of the Habsburg Monarchy (1807–1812)

This paper deals with the early attempts of historical discourse construction in the Habsburg Monarchy. They have found an embodiment in creation of narratives aimed to consolidate the peoples of various legal status and identity development level. The author of this article attempts to reveal the images of late medieval Hungarian monarchs in the Habsburg historical discourse of the early nineteenth century. The material chosen for this analysis was the twenty-volume *Austrian Plutarch* by Joseph von Hormayr. The work was intended to be a history of all Habsburg possessions. To achieve this, Hormayr chronicled those he considered to be the most significant historical characters of the empire: monarchs, ministers, warlords, scientists, and artists. Besides Habsburg sovereigns and Austrian German celebrities, representatives of the non-Germanic peoples of the Empire received significant attention as well. Hormayr had a special view of Hungary; the political situation in Europe and the Empire caused the whole identity policy and relations between the Crown and Hungarian estates to be reviewed. Hormayr did not produce a separate chapter for Hungarian monarchs, but he presented the Austro-Hungarian neighbourhood as dynamic and justified the inclusion of Hungary in the Habsburg Monarchy. Narratives devoted to the late Middle Ages in the *Austrian Plutarch* were written to prove this thesis. Furthermore, Hormayr used the general threat image to justify the unification of Austria and Hungary into single empire. According to Hormayr, it was intended to protect each ethnic community and identity from the “Turkish threat” on the European stage. Hormayr used the images of János Hunyadi, Ladislaus Posthumus, Matthias Corvinus, Vladislav II, and Louis II to demonstrate the role of Hungary in repelling the Ottoman threat and to justify the integration of Austria and Hungary as a sensible political and historical decision. The material was at the top of the agenda during the Napoleonic wars and was used to mobilize all the ethnic groups living in the empire against the French threat.

Keywords: Hungary under the Habsburg rule, historical discourse, supranational identity, medievalism, cross-ethnic relations

How to cite: Ragozin, G. S., 2021. Hungarian late medieval sovereigns in the “Austrian Plutarch” by Joseph von Hormayr: images and their role in the historical discourse of the Habsburg Empire (1807–1812). *Tsentral’noevropeiskie issledovania*, 2021, 4(13), pp. 13–33. doi: 10.31168/2619-0877.2021.4.1.

Анастасия Александровна Ждановская

Кандидат исторических наук, научный сотрудник, исторический факультет, Московский государственный университет им М. В. Ломоносова, Москва, Россия. 119991, Ломоносовский проспект, д. 34, корп. 4. E-mail: azhdanovskaya@gmail.com

Наука, политика, пропаганда? Из истории Союза по изучению истории немцев в Богемии

Статья посвящена истории Союза по изучению истории немцев в Богемии — организации, действовавшей в Чешских землях и Чехословакии с 1862 по 1938 г. Союз появился в эпоху все нараставшей национализации общественной жизни в этом регионе и стал одной из многочисленных ассоциаций, притягивавших то или иное национальное сообщество. Такие ассоциации часто называются «союзами защиты», что подразумевает фокус на сохранении национального. Тем не менее задачи Союза были сформулированы с упором на сугубо научную деятельность, которая пролила бы свет на различные аспекты немецкобогемской истории, а также позволила бы систематически заниматься сбором источников. Автор статьи ищет ответ на вопрос о том, могла ли научно-просветительская миссия Союза оставаться таковой в столь напряженном для богемских немцев контексте. Этот вопрос рассмотрен с разных сторон: проанализированы задачи организации, конкретные результаты ее деятельности, масштаб и трансформация ее структуры, аффилированность с немецкими политическими активистами, а также основной продукт деятельности Союза — его публикационная активность. Последняя рассмотрена с точки зрения количественных показателей, что позволяет увидеть истинный масштаб полемичности и актуальности материалов Союза. Итогом исследования стал вывод о том, что, несмотря на сложный общественно-политический контекст и актуальность запроса на «правильную» богемскую историю, Союз сохранил фокус на локальных исследованиях и со временем все больше профессионализировался, вопреки духу времени теряя связь с насущными политическими задачами.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, Чехословакия, Богемия, богемские немцы, национальные союзы, немецкая историография, история науки

Цитирование: *Ждановская А.А.* Наука, политика, пропаганда? Из истории Союза по изучению истории немцев в Богемии // Центральноевропейские исследования. 2021. Вып. 4(13) / гл. ред. О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 34–55. DOI: 10.31168/2619-0877.2021.4.2.

Сейчас, когда отдельные народы сразу же апеллируют к своему прошлому и воспринимают его как инструмент для того, чтобы придать своему будущему желаемые очертания, нельзя воспретить и немцам того, чтобы более внимательно подчеркивать исторические корни своего положения; но пускай же в момент, когда, как кажется, готовится война всех против всех, проложит себе путь голос науки, а впоследствии — возможность компромисса на основе общих интересов¹.

Так — отчасти пророчески, отчасти наивно — профессор Пражского университета Константин фон Хёфлер (1811–1898) объяснил мотивы, стоявшие за основанием в 1862 г. Союза по изучению истории немцев в Богемии (*Verein für Geschichte der Deutschen in Böhmen*). За 83 года его существования Богемия успела пережить и подписание австро-венгерского соглашения 1867 г., и активную работу по конструированию разного будущего, и войну «всех против всех», а «голос науки» в это время звучал с нотами как апологетики, так и эскапизма. Можно ли дистанцироваться от политики в сообществе с активной гражданской жизнью, а от национализма — в момент его апогея? Опыт энтузиастов богемской истории отвечает на эти вопросы по-разному в зависимости от того, что служит предметом анализа: декларируемая позиция, деятельность лидеров объединения или повседневная активность организации.

По-разному оценивают степень политизированности этого объединения и исследователи, занятые историей добровольных союзов Австро-Венгрии. Пользуясь определением Петера Буриана, под «союзами» или «ассоциациями» далее в статье мы понимаем организационно или институционально оформленные объединения людей, которые совместными усилиями, обычно через работу в рамках этого объединения, достигают определенных целей. При этом принципиальна добровольность участия в таком объединении: решения как о вступлении, так и о выходе из союза целиком зависят от желания и возможностей отдельных участников². Развитие сети добровольных ассоциаций в Австрийской (Австро-Венгерской) империи прямо связано с превращением ее в конституционное государство. Абсолютистский режим стремился контролировать общественную

¹ Mittheilungen des Vereins für Geschichte der Deutschen in Böhmen. 1862. № 1. S. 5.

² Burian 1986: 39.

жизнь страны, наложив запрет на существование политических партий и поставив внепартийные объединения, не связанные с политикой, под полицейский надзор. Коротким исключением стал период революции 1848–1849 гг. Лишь в ноябре 1867 г., в преддверии опубликования Декабрьской конституции, увидел свет закон о союзах, явно зафиксировавший правила регистрации союзов и ограничения, которые накладывались на организации, созданные для политической деятельности³. После этого количество ассоциаций стало стремительно расти: так, в австрийской части монархии в 1880 г. действовало более 14 тыс. союзов, в 1890 г. — более 30 тыс., а в 1900 г. — почти 60 тыс.⁴ В полном соответствии с духом времени абсолютное большинство этих объединений отошли от «утраквистского»⁵ формата первой половины века, став одним из проявлений национализации имперского общества: например, в Богемии наряду с певческим союзом «Глагол» действовал Немецкий мужской певческий союз, а конкурентом чешского «Сокола» выступал Немецкий физкультурный союз.

Несмотря на эту двойственность структуры союзов и обилие «национальных» эпитетов в их названиях, вопрос об истинном весе национального в их деятельности представляется неоднозначным. Существует традиция обозначения таких ассоциаций как «союзов национальной защиты» (*nationale Schutzvereine*)⁶. В русле такого представления действовали и некоторые исследователи Союза по изучению истории немцев в Богемии — так, Ганс Лемберг (1933–2009) в статье об истории организации в XX в. назвал ее «союзом защиты»⁷. Другой взгляд на этот вопрос представлен Иржи Покорным в разделе «Союзы, партии и объединения по интересам в Чешских землях», написанном для многотомника под редакцией Гельмута Румплера (1935–2018) и Петера Урбанича «Габсбургская монархия

³ Подробнее об этом см.: Burian 1986.

⁴ Нусе 1994: 10.

⁵ В контексте развития национализмов в Богемии эпитет «утраквистский» обозначает период национальной индифферентности, когда будущие чехи и немцы могли вести совместную деятельность (например, в рамках какой-то организации), не будучи ограниченными национальными сообществами.

⁶ Актуальный срез дискуссии о добровольных ассоциациях и «национальной мобилизации» см., например: Haslinger (Hrsg.) 2009.

⁷ Lemberg 1986: 213.

1848–1918»⁸. Исследователь разделил добровольные объединения на три большие группы: «национальные просветительские клубы» (*nationale Bildungsvereine*), «национальные союзы защиты» (*nationale Schutzvereine*) и «профессиональные организации» (*berufsbezogene Organisationen*). Союз по изучению истории немцев в Богемии он отнес к первой группе, а появление «союзов защиты» связал с законодательной деятельностью по уравниванию в правах чешского и немецкого языков в 1880-е годы⁹.

В статье рассматриваются различные аспекты деятельности Союза по изучению истории немцев в Богемии и предпринята попытка определить, был ли он все же «просветительским клубом» или «союзом защиты»; либо, возможно, со временем трансформировался из первого во второй. Исследование построено на качественном и количественном анализе материалов журнала *Mitteilungen des Vereins für Geschichte der Deutschen in Böhmen* («Вестник Союза по изучению истории немцев в Богемии»). После того, как в послевоенные годы архив союза был утерян, журнал остается единственным доступным аутентичным источником по истории этого объединения.

Создание

Идея создания организации, объединявшей бы в себе историков-профессионалов и любителей наряду с их потенциальной аудиторией, родилась в группе студентов Карлова университета весной 1861 г. Людвиг Шлезингер (1864–1933), Юлиус Липперт (1839–1909) и Александр Виховский были учениками ведущего историка того времени Константина фон Хёфлера, оставившего после себя школу немецкобогемских исследователей. Заручившись поддержкой своих товарищей и учителей (Хёфлер присоединился к их числу после некоторого колебания, потому что сам задумывался о создании похожего полупрофессионального объединения — союза по изучению церковной истории Богемии), в мае 1862 г. новоиспеченные основатели провели первое торжественное заседание союза в пражском Клементинуме¹⁰.

⁸ Pokorný 2006: 609–704.

⁹ Подробнее об австрийском языковом законодательстве и реакции богемского общества на нововведения см.: Ждановская 2018.

¹⁰ Neumüller 1986: 181–182.

В статуте новой ассоциации была зафиксирована ее цель: «разъяснение истории немцев в Богемии и распространение знаний о ней, равно как и сбор и сохранение соответствующих источников». Для ее достижения предполагалось использовать следующие средства:

- собрания членов союза;
- связи с похожими организациями внутри и за пределами страны для обмена публикациями;
- содержание архива, антиквария и библиотеки;
- закрытые и публичные лекции;
- регулярное издание журнала;
- публикации крупных трудов¹¹.

Документ не содержит упоминания никаких иных задач, кроме сугубо научных. Юрист Франц Пелцель, руководивший заседанием, сформулировал мотив основателей союза так: «Было бы очень желательно, чтобы занятая наукой молодежь объединялась для собственного просвещения и исследований по истории»¹². Профессор Хёфлер, в свою очередь, высказался за то, что «необходимо считать главной целью любого исторического союза как можно более тесную связь с жизнью и с современностью», а практическая цель изучения истории в целом состоит в «объяснении современной действительности»¹³. Кроме того, впоследствии он также назвал задачей союза формирование научного взгляда на особое положение Богемии между Восточной и Западной Европой и осмысление роли немецкого народа как связующего звена внутри региона¹⁴.

Это можно было бы воспринять как указание на потенциальную тенденциозность деятельности союза, учитывая вес Хёфлера не только как знаменитого историка, но и как ментора основателей объединения. Однако его деятельность как ведущего члена редколлегии *Mittheilungen des Vereins* говорит скорее об обратном: Хёфлер всеми силами настаивал на том, чтобы нивелировать звучание актуальных концепций эпохи (мало- и великонемецкой идей, федерализма и пр.) в материалах, издаваемых союзом, — вплоть до того, что отклонял

¹¹ *Mittheilungen des Vereins für Geschichte der Deutschen in Böhmen*. 1862. № 1. S. 13.

¹² *Ibid.* S. 4.

¹³ *Ibid.* S. 10.

¹⁴ Oberdorffer 1962: 12.

статьи с явно выраженным политическим посылом¹⁵. Можно предположить, что на его риторику все же оказали влияние давние симпатии к великонемецкой идее, но на практике преобладало профессиональное отстранение.

Антинаучное звучание подобных посылов основателей союза не осталось незамеченным и чешским историческим сообществом, сформированным вокруг Земского музея. Университетский профессор Антонин Гиндели (1829–1892), возглавлявший в то время Богемский земский архив, прямо критиковал и сам факт основания союза, и высказывания Хёфлера, говоря о том, что австрийскому историку должно выступать посредником между разными национальностями¹⁶.

Люди

В первые годы существования союз пережил традиционный для таких организаций скачок численности: от 201 человека на старте до 1874 человек в 1863 г. Десятью годами позже был достигнут пик в 2020 участников, после чего их количество медленно снижалось¹⁷. После Первой мировой войны зафиксирован минимум в 790 человек, в 1929 г. союз насчитывал 1273 участника, а к моменту падения Первой республики их количество вновь уменьшилось до 800–900 человек¹⁸. Рассуждая о падении интереса к союзу на протяжении 1930-х годов, Ганс Лемберг отметил, что наряду с внешними обстоятельствами (в годы мирового экономического кризиса на первый план выходили куда более прикладные, чем развитие науки, заботы) заметную роль играло и само изменение профессиональной среды. В Чехословакии локальная богемская история обрела статус национальной и была институционализирована в рамках университетов и многочисленных тематических комиссий, созданных по инициативе государства¹⁹.

Оценивая данные о количестве вступивших в союз, стоит учитывать узкую тематическую направленность его деятельности. Нельзя, однако, не отметить, что эти числа выглядят крайне скромно на фоне «классических» союзов защиты (таких, как Школьный или

¹⁵ Neumüller 1986: 182–183.

¹⁶ Oberdorffer 1962: 14.

¹⁷ Neumüller 1986: 190–191.

¹⁸ Lemberg 1986: 210.

¹⁹ Lemberg 1986: 224.

Гимнастический союзы), насчитывавших десятки тысяч человек в сотнях местных организаций.

Можно предположить, что и столичный статус Союза по изучению истории немцев в Богемии не играл на руку его популярности. Сценарий, когда немецкий союз выбирал своей «штаб-квартирой» Прагу вопреки тому, что немецкоязычные области в основном находились на границах Богемии, характерен для 1860–1880-х годов. Причины этого кроются как в очевидном логистическом удобстве, так и в том, что потенциальной аудиторией этих организаций была национальная интеллектуальная элита, тяготевшая к крупным городам. Эта ситуация изменилась с новым поколением ассоциаций — массовыми союзами, которые начали обращаться к куда более широким слоям населения и создавать разветвленные сети местных ячеек. Происходившая в этот же период «чехизация» богемской столицы также постепенно лишала Прагу образа города, где сосредоточена немецкобогемская среда. Окончательный разрыв с пражским немецкоязычным сообществом случился после возникновения Чехословацкой республики и масштабной волны эмиграции пражских немцев в Австрию²⁰.

Внутри Союза по изучению истории немцев в Богемии заметно несоответствие пропорций пражан и жителей провинции среди членов союза и его руководства. Правление почти целиком состояло из пражских немцев, несмотря на то, что в целом доля их присутствия в ассоциации не превышала 20%. Другими крупными центрами, где собирались члены союза, были немецкие города пограничья: Лейтмериц, Траутенау, Будвайс, Райхенберг, Ауссиг. Влияние отдельных центров могло уменьшаться или возрастать согласно тому, как менялся статус города в немецкобогемском пространстве: так, к концу XIX в. упала доля присутствия литомержицких немцев вместе с тем, как Лейтмериц уступил Райхенбергу и Ауссигу статус ведущего экономического центра немецкой Богемии²¹.

Специфика отдельных городов заметна и при подробном рассмотрении профессиональной принадлежности членов союза. Так, в промышленном Райхенберге 31% членов союза составляли фабриканты, торговцы и ремесленники (в среднем по региону на них приходилось чуть менее четверти мест), тогда как представители творческих

²⁰ Oberdorffer 1962: 23.

²¹ Kunštát 2014: 48.

профессий (например, художники, писатели, книготорговцы) там отсутствовали вовсе. Их доля, в свою очередь, оказывается выше среднего в Праге, оставаясь, впрочем, немногочисленной: около 5% от всех пражан — членов союза. В целом же по Богемии крупнейшая доля членов союза приходилась на уже упомянутый торгово-промышленный сегмент (24,8%), далее выделялась группа чиновников (22,1%) и затем — учителей и преподавателей (17,8%). Другие группы (например, адвокаты, врачи, мелкие землевладельцы и пр.) составляли не более 8% от числа всех участников²².

Такая статистика позволяет сделать несколько наблюдений. Во-первых, столь «городской» перечень профессий хорошо иллюстрирует тезис о том, что именно немецкоязычное население земель Чешской короны стало основой для третьего сословия. Во-вторых, обращает на себя внимание разнообразие этих профессий и то, что большинство участников союза вовсе не занимались научной или хотя бы околонучной (например, преподаванием) деятельностью — с ней были связаны не более 20% членов ассоциации. Столь любительский характер союза, вероятно, мог стать причиной или следствием того, что тематика его публикаций была в огромной мере связана именно с краеведческими изысканиями и редко выходила на уровень крупного обобщения. Это обстоятельство также объясняется и уже упомянутым выше «нестоличным» составом ассоциации. (Более подробные сведения о тематическом распределении публикаций союза приведены в последнем разделе статьи.)

Что касается формального статуса членов союза, его статут предусматривал три возможности: постоянное членство (*ordentliche Mitglieder*), спонсорство (*stiftende Mitglieder*) и почетное членство (*Ehren-Mitglieder*). Права постоянных членов и спонсоров были одинаковыми: присутствовать и докладывать на регулярных собраниях и конференциях, пользоваться ресурсами союза, быть избранными в правление. Постоянные члены были обязаны платить ежегодные взносы в четыре гульдена, а спонсором можно было стать, перечислив в фонд союза не менее 100 гульденов. Почетными членами могли стать те участники ассоциации, кто «обладал заслугами на ниве истории» и был одобрен общим собранием.

²² Neumüller 1986: 197. Приведенные числа основаны на списках членов союза от 1876 г.

Деятельность

Научно-просветительские задачи союза, зафиксированные в статуте, предполагалось реализовывать в рамках четырех секций. Первая занималась «всеобщей земской историей», вторая — историей права, третья — историей языка, литературы и искусства, и четвертая — географией, статистикой, историей торговли и ремесла. В *Mittheilungen des Vereins* время от времени публиковались отчеты секций за определенный период, из которых видно, что каждая секция заседала по отдельности, а повестка заседаний действительно напоминала научно-исследовательский семинар. На заседаниях слушали доклады исследователей о собственных находках, обсуждали недавно изданные книги и рукописи, присланные в издательство союза, принимали общие решения о текущих делах секции, изменениях в ее руководстве²³. С 1880 г. вторая и четвертая секции объединились в секцию истории права и экономики, а также появилась новая секция антропологии²⁴. В начале XX в. фактически действующими остались лишь первая, общая секция и третья, филологическо-искусствоведческая. Две другие хотя и не были формально упразднены, но практически прекратили свою деятельность.

Помимо секций, внутри союза время от времени формировались комитеты или отделения, занятые конкретными прикладными задачами либо проектами, не укладывавшимися в рамки основных секций. Так, в 1863 г. был сформирован комитет «краеведов» (*Heimatforscher*), сфокусированный на истории немецких поселений в Богемии. В 1925 г. внутри союза появилось архивное отделение — группа специалистов, занятых работой с негосударственными архивами. Архивная секция работала не только с немецкобогемскими фондами, но и с моравскими и силезскими собраниями, находившимися в распоряжении местных немецких сообществ. Такой выход за рамки Богемии был нехарактерен для союза и оставался скорее исключением, отвечавшим на острый запрос межвоенной эпохи — необходимость реорганизовать немецкую архивную работу в пределах Чехословакии.

²³ Пример такого отчета см.: *Mittheilungen des Vereins für Geschichte der Deutschen in Böhmen*. 1868. № 8. S. 257–260.

²⁴ *Mittheilungen des Vereins für Geschichte der Deutschen in Böhmen*. 1880–1881. № 19. S. 326.

Главным внешним выражением деятельности союза была его публикационная активность. В этом контексте, в первую очередь, стоит назвать уже упомянутый выше ежегодный *Mitteilungen des Vereins für Geschichte der Deutschen in Böhmen*. Журнал начал выходить одновременно с возникновением союза. В имперский период его объемы только росли: если первые выпуски насчитывали около 200 страниц, то к рубежу веков средний объем увеличился вдвое. В Первой Чехословацкой республике активность журнала вновь упала — это можно связать с появлением большого количества новых и зачастую специализированных научных журналов, притянувших к себе публикационную активность авторов.

Большая часть статей, опубликованных в *Mitteilungen des Vereins*, была продуктом деятельности секций самого союза. Как правило, их тематика сугубо научная, хотя нередко печатались и программные статьи, полемически осмыслявшие статус немцев в Богемии, их культуртрегерскую миссию и в целом структуру национальных взаимоотношений в регионе. Авторами таких полемических статей были, как правило, люди с «громкими» именами в немецкобогемском движении, например: Людвиг Шлезингер и Юлиус Липперт — богемские политики и депутаты, Константин Хёфлер и Адольф Бахманн (1849–1914) — ведущие немецкобогемские историки. Впрочем, самым продуктивным автором довоенного *Mitteilungen des Vereins* стал отнюдь не политический активист, а профессор университета в Черновцах Иоганн Лозерт (1846–1936), исследователь гусизма и виклифизма, опубликовавший более 50 статей²⁵.

Кроме журнала, в рамках союза издавались и серии монографий либо публикаций источников: «Немецкие хроники Богемии», «Городские кодексы Богемии», «Очерки истории немецкой промышленности в Богемии», «Очерки об изучении немецкобогемских диалектов», «Исследования истории музыки в Богемии». В отдельных случаях союз мог выступать и заказчиком исследовательской работы: так, в 1869–1870 гг. Людвиг Шлезингер выпустил популярную «Историю Богемии» на немецком языке, написанную с подачи союза как инструмент укрепления самосознания своих соотечественников. Аналогичный обобщающий труд был написан и Адольфом Бахманном на рубеже веков.

²⁵ Neumüller 1986: 204.

Михаэль Ноймюллер отметил, что экосистема союза производила «такое количество научных публикаций, что они однозначно сделали союз центром немецкобогемской историографии»²⁶. Этот статус ведущего исследовательского центра пережил своеобразную трансформацию в межвоенную эпоху: после образования Чехословакии союз стал отвечать за научную коммуникацию судетонемецких историков с немецкоязычным научным миром, координируя их участие в больших конференциях, совместной архивной работе и других подобных начинаниях. Эта новая роль поддержала статус союза в противовес тому, что непосредственное количество участников его сократилось в связи с активной институционализацией изучения локальной истории²⁷.

Завершая перечисление различных форматов и ролей, в которых действовал союз, остановимся на «странствующих собраниях» (*Wanderversammlungen*). Так назывались ежегодные съезды союза, с конца 1860-х годов и до начала 1880-х годов проходившие в разных немецкобогемских городах. Цель этих собраний — поддержание связи столичного союза с немцами по всей Богемии. Несмотря на то, что их повесткой были научные доклады и обсуждения, собрания привлекали не только членов союза, но и немецкобогемских политических активистов, чье участие заметно политизировало собрания, делая их похожими на партийный съезд, а не на научную конференцию. Собрания были ежегодными вплоть до 1881 г. Их окончание исследователи связывают с ослаблением и дифференциацией немецколиберального течения австрийской политики, параллельно с которым происходил и разворот союза к большей научности²⁸. После этого крупные собрания происходили нерегулярно и обычно были приурочены к юбилеям союза, а их заменой стали единичные «странствующие доклады».

Ангажированность

«Странствующие собрания» были не единственной точкой соприкосновения союза с немецкобогемской политикой — вернее сказать, что отмеченная современниками политизированность съездов

²⁶ Neumüller 1986: 200.

²⁷ Kunštát 2014: 49.

²⁸ Neumüller 1986: 184.

вытекала из связи союза с немецколиберальной средой. Чтобы установить эту связь, достаточно обратиться к биографиям ведущих активистов союза.

Его сооснователь Людвиг Шлезингер с 1870 г. был депутатом богемского сейма и сопредседателем земского комитета, отвечая там за финансовые дела. После 1894 г. он стал лидером богемского отделения Объединенной немецкой левой фракции, а в 1896 г. возглавил выделившуюся из нее Немецкую партию прогресса. Решение о ее создании было принято на одном из пленарных заседаний союза²⁹. Другой основатель, Юлиус Липперт, также был депутатом богемского сейма и австрийского парламента на протяжении многих лет. Помимо исследовательской и политической активности, Липперт участвовал в работе многих других немецких организаций: Общества поддержки немецкой науки, искусства и литературы в Богемии, пражского отделения Немецкого союза, берлинского Союза распространения народного образования в Германской империи³⁰. Депутатами богемского сейма были Карл Пикерт и Александр Виховский, тоже входившие в студенческую группу, из которой впоследствии вырос союз.

Это все, впрочем, характеризовало не только членов Союза по изучению истории немцев в Богемии: политическим и общественным активизмом занимались люди одного круга, поддержка либеральной партии была характерна для немецкобогемской общественности в целом, а общественные начинания стали одним из главных способов самоорганизации внутри национальных сообществ. Как заметил в этом контексте М. Ноймюллер, «политическая деятельность, преподавание, исторические исследования и союзная работа для ведущих либералов Богемии обычно шли рука об руку»³¹. Действительно, круг немецкобогемских активистов был не так широк, чтобы его участники могли позволить себе не совмещать разнообразные функции.

Такая переплетенность политического контекста и организационной структуры союза характерна главным образом для первого поколения его руководителей и пришлась на период расцвета австро-немецкого либерального движения — 1860–1870-е годы. Архивист союза Курт Обердорффер (1900–1980) в очерке о его истории прямо

²⁹ Urbanitsch 2007.

³⁰ Julius Lippert // *Parlamentarier 1848–1918*. URL: <https://www.parlament.gv.at/WWER/PARL/J1848/Lippert.shtml> (дата обращения: 10.05.2021).

³¹ Neumüller 1986: 183.

связал поражение либералов на выборах в рейхсрат, консервативный поворот начала 1880-х годов и перемены внутри руководства союза³². С 1890 г. его председателем стал литературовед-германист, преподаватель немецкого Пражского университета Ганс Ламбель (1842–1921); руководство журналом взяли на себя Отокар Вебер (1860–1927) и Адальберт Горчичка (1858–1913), также профессора университета. Обердорффер в этой связи отметил, что «из-за влияния профессоров союз производил впечатление университетского института»³³. Обновленное в 1901 г. правление союза продолжило эту тенденцию: в него вошли профессор теологии Шиндлер, уже упомянутые Ламбель и Вебер. Последний занял место председателя союза в 1920 г., а в 1926 г. ему на смену пришел Вильгельм Вострый, историк, профессор Пражского университета.

На наш взгляд, прямая причинно-следственная связь между кризисом австро-немецкого либерализма и исчезновением активных политиков из руководства союзом неочевидна. Напротив, можно было бы предположить, что политическое поражение активизировало бы деятельность на неполитическом поприще, и это действительно так в случае поросли новых массовых организаций, возникших в начале 1880-х годов, в числе которых были многотысячные Школьный и Гимнастический союзы и россыпь локальных объединений (а также их чешские аналоги). Союз по изучению истории немцев в Богемии этому тренду прямо противоречил. Его переход в руки университетских историков скорее стоит объяснять общей тенденцией профессионализации науки, с которой было связано появление исторических семинаров и большого количества исследователей внутри них, архивных центров, новых журналов и профилирование отдельных исследовательских направлений. История становилась наукой с набором инструментов и методов и полноценной профессией, заниматься которой параллельно с другим активизмом было все сложнее.

В рамках этого раздела стоит остановиться также на судьбе союза накануне и в годы Второй мировой войны. Этот этап уже, без сомнений, можно считать этапом крайней ангажированности, впрочем вполне ожидаемой, учитывая контекст. В 1938–1939 гг. союз претерпел серьезную метаморфозу: после короткого периода, когда его

³² Oberdorffer 1962: 19.

³³ Oberdorffer 1962: 20.

деятельность была приостановлена, он был слит с аналогичным моравским союзом, переименован в «Союз по изучению истории судетских немцев с резиденцией в Праге», сильно вычищен и ариезирован³⁴. В 1945 г. деятельность союза прекратилась окончательно, хотя формально он не был распущен. Его бывшие члены, как и другие чехословацкие немцы, вынужденно покинули страну. Некоторые из них продолжили работать на исследовательском поприще, став основателями новых организаций — неформальных наследников союза: *Collegium Carolinum* (основан в Мюнхене в 1956 г.) и Исторической комиссии Чешских земель (1954 г., Гейдельберг).

Содержание

Чтобы по-новому взглянуть на проблему ангажированности и национализированности Союза по изучению истории немцев в Богемии, обратимся к материалам ежегодного журнала, о котором шла речь выше. *Mittheilungen des Vereins* был основной трибуной для его участников и показателем их достижений и наработок. Можно предположить, что уровень включенности членов союза в актуальную повестку отражался бы на главном «продукте» этого объединения — научных исследованиях. Чтобы это проверить, было выбрано 450³⁵ случайных текстов из полного каталога статей *Mittheilungen des Vereins* с 1862 по 1938 г. и классифицировано по нескольким признакам: теме, периоду, провокативности. Из классификации были исключены исследовательские материалы, попадавшие в *Mittheilungen des Vereins*, такие как отчеты о работе союза. Кроме того, внутри каждого признака были выделены три периода: 1862–1882 гг., 1882–1918 гг., 1918–1938 гг. 1882 год был выбран по нескольким причинам: как рубеж усиления чешской политики в противовес кризису либералов, как год разделения Пражского университета (и в том числе исторических семинаров) на чешскую и немецкую части, как момент образования массовых «союзов защиты». 1918 год, со всей очевидностью, означал

³⁴ Lemberg 1986: 229.

³⁵ Всего за время существования журнала было опубликовано 2089 статей. Для такой генеральной совокупности, при доверительной вероятности 95% и доверительном интервале 5% репрезентативной будет выборка из 325 объектов. Случайность выборки обеспечена случайным перемешиванием строк и выбором первых 450 из перемешанного списка.

принципиально новый общественный и научный контекст. 1938 год выбран как финальная точка существования союза в том виде, который описан в статье.

С точки зрения тематики статьи были разбиты на три категории:

- краеведческие;
- общие (сюда попали исследования, посвященные как минимум общебогемскому контексту, либо более широкие — затрагивающие австрийские или даже европейские сюжеты);
- биографические.

За весь период существования союза краеведческим исследованиям было посвящено больше половины статей — 52%. Общие сюжеты затрагивались в 33% материалов, а биографические статьи составляли 15%.

Если взглянуть на динамику тематик, то можно увидеть всплеск общих сюжетов после 1918 г. при одновременном падении доли краеведческих статей (рис. 1). Это объяснимо: Богемия стала сердцем независимой Чехословацкой республики, и статьи по богемской истории постепенно превратились в работы по истории целой страны.

С точки зрения периода, которому посвящены статьи, нельзя говорить о явном внимании к современности (рис. 2). Больше трети статей в принципе не посвящались какому-то определенному периоду: этот сегмент составляют искусствоведческие, лингвистические, этнографические материалы. В ряду сугубо исторических исследований современность выходит на первый план, составляя 17% материалов, однако синтезы (14%) или тексты о раннем Средневековье (11%) также сравнимы с этой долей.

Динамика внимания к тому или иному периоду (рис. 3) позволяет увидеть всплеск количества статей о современности на первом отрезке деятельности союза, когда организация была теснее всего переплетена с немецколиберальной общественностью. Обращает на себя внимание рост интереса к гуситскому и белогорскому периодам на рубеже веков. Скорее всего, это можно объяснить уже описанным выше переходом союза в стадию большей академичности, ведь два этих периода традиционно сосредотачивают на себе внимание историков Чешских земель. Развитие чешскоязычной историографии только усилило этот тренд: чешские историки активно обращались к болезненным эпизодам национальной истории, что провоцировало и исследования с немецкой стороны.

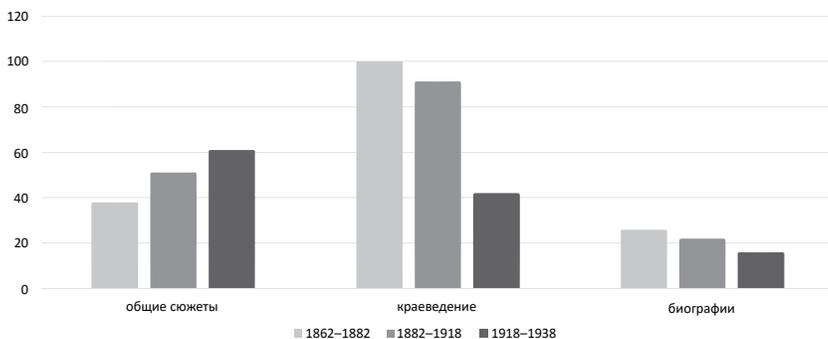

Рис. 1. Динамика тематики статей в журнале *Mittheilungen des Vereins* за 1862–1938 гг.

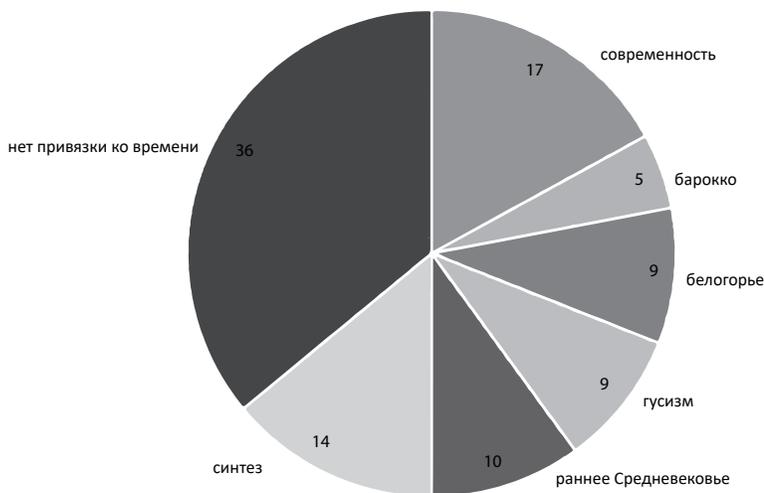

Рис. 2. Исторические периоды, которым посвящены статьи в журнале *Mittheilungen des Vereins* за 1862–1938 гг.

Наконец, выборка статей была классифицирована по признаку провокативности. Провокативными статьями считались такие, которые относились к национальному вопросу либо ставили заведомо вызывающий исследовательский вопрос. Примеры такого рода материалов — «Есть ли у немцев в Богемии история?», «Национальный вопрос и восточная колонизация в Средневековье», «К историям

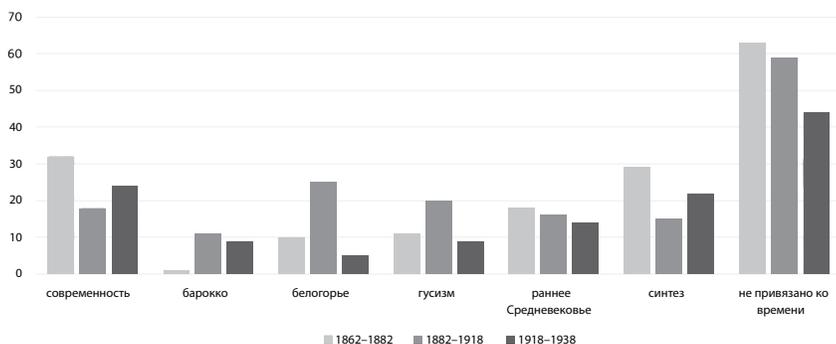

Рис. 3. Динамика обращений к различным периодам в журнале *Mittheilungen des Vereins* за 1862–1938 гг.

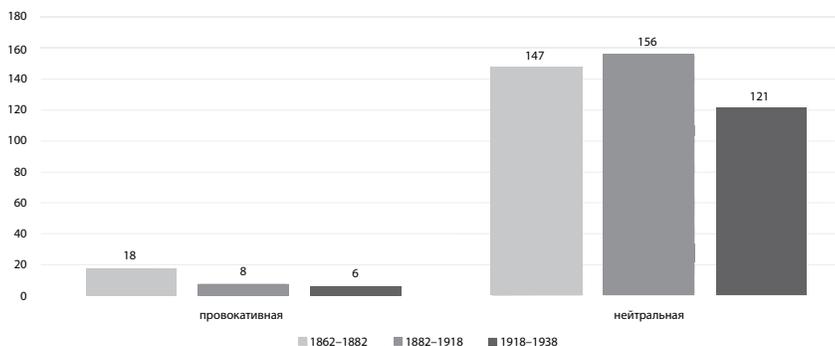

Рис. 4. Динамика количества провокативных статей в журнале *Mittheilungen des Vereins* за 1862–1938 гг.

бедствий Богемского леса», «Немецкая языковая область в Богемии (согласно переписи 1869 г.)». Результат такой классификации оказался красноречив: лишь 7% статей соответствовали выбранному критерию. Динамика также любопытна: больше всего таких статей пришлось на первый отрезок, вновь совпадая с временем наибольшей политизированности союза (рис. 4).

* * *

Итак, был ли Союз по изучению истории немцев в Богемии просветительским клубом или «союзом защиты»? В статье было

рассмотрено несколько аспектов его работы, каждый из которых дает часть ответа на этот вопрос. Союз создавался как площадка для обмена исследовательскими наработками. Вся его деятельность так или иначе была связана с научной сферой: работа тематических секций, публикационная активность, издание ежегодного журнала, позже — коммуникация с научными сообществами других стран. Союз отличался сравнительно небольшим числом членов (если сравнивать его с массовыми союзами типа Школьного) и не вел активную работу по масштабированию: его штаб-квартира всегда находилась в Праге, и единственной формой взаимодействия с нестоличными центрами были нерегулярные съезды. В первые десятилетия существования организации ею руководили люди, тесно связанные с австрийской либеральной политикой, однако на рубеже веков верхушка союза становилась все более академичной, отвечая тренду профессионализации науки. Наконец, тематика публикаций союза фокусировалась в основном на краеведческих сюжетах, не предполагавших полемики.

Вывод, который следует из рассмотренного выше материала, может показаться неожиданным: Союз по изучению истории немцев в Богемии предстает скорее как научно-просветительский клуб. Неочевидность подобного заключения объясняется тем, что весь контекст скорее заставил бы ожидать обратного: немецкая история в Богемии конца XIX — первой половины XX в. — заведомо острая тема, а работа в рамках добровольных национальных ассоциаций — типичный для этого периода способ форсировать национальную повестку. Наука и просвещение, однако, оказались возможны даже в противоречивые времена конкуренции национальных проектов.

Список исторических географических названий

Ауссиг — ныне Усти-над-Лабем в Чешской Республике
Будвайс — ныне Ческе Будеёвице в Чешской Республике
Лейтмериц — ныне Литомержице в Чешской Республике
Райхенберг — ныне Либерец в Чешской Республике
Траутенау — ныне Трутнов в Чешской Республике

Литература

- Ждановская 2018 — *Ждановская А. А.* Первый среди равных? Австрийское языковое законодательство 1880-х гг. и дискуссия о государственном языке Цислейтании // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2018. № 4. С. 46–59.
- Burian 1986 — *Burian P.* Das Vereinswesen in den Böhmisches Ländern // Vereinswesen und Geschichtspflege in den Böhmisches Ländern: Vorträge der Tagungen des Collegium Carolinum in Bad Wiessee vom 25. bis 27. Nov. 1983 und vom 23. bis 25. Nov. 1984 / hrsg. von F. Seibt. München: Oldenbourg, 1986. S. 39–52.
- Hye 1994 — *Hye H.-P.* Spolky – fenomén dlouhého 19. století // Německý spolkový život v Čechách 1848–1938 = Das deutsche Vereinswesen in Böhmen 1848–1938: katalog výstavy v Městském muzeu v Ústí nad Labem 14.4.–12.6.1994 / hrsg. von H.-P. Hye, V. Houfek, V. Kaiser. Ústí nad Labem: Albis International, 1994. S. 7–22.
- Kunštát 2014 — *Kunštát M.* Zentren und Peripherien der Deutschböhmen in Wissenschaft und Bildung // Die Suche nach dem Zentrum: Wissenschaftliche Institute und Bildungseinrichtungen der Deutschen in Böhmen (1800–1945) / hrsg. von K. Kaiserova, M. Kunštát. Münster; New York: Waxmann Verlag, 2014. S. 9–72.
- Lemberg 1986 — *Lemberg H.* Der Verein für Geschichte der Deutschen in Böhmen im 20. Jahrhundert // Vereinswesen und Geschichtspflege in den Böhmisches Ländern: Vorträge der Tagungen des Collegium Carolinum in Bad Wiessee vom 25. bis 27. Nov. 1983 und vom 23. bis 25. Nov. 1984 / hrsg. von F. Seibt. München: Oldenbourg, 1986. S. 209–230.
- Neumüller 1986 — *Neumüller M.* Der Verein für Geschichte der Deutschen in Böhmen — ein deutschliberaler Verein (von der Gründung bis zur Jahrhundertwende) // Vereinswesen und Geschichtspflege in den Böhmisches Ländern: Vorträge der Tagungen des Collegium Carolinum in Bad Wiessee vom 25. bis 27. Nov. 1983 und vom 23. bis 25. Nov. 1984 / hrsg. von F. Seibt. München: Oldenbourg, 1986. S. 179–208.
- Oberdorffer 1962 — *Oberdorffer K.* Der Verein für die Geschichte der Deutschen in Böhmen 1862–1938 // Bohemia. 1962. Bd. 3. № 1. S. 9–29.
- Pokorny 2006 — *Pokorny J.* Vereine, Verbände und Parteien in den Böhmisches Ländern // Die Habsburgermonarchie 1848–1918, Bd. 8. Politische Öffentlichkeit und Zivilgesellschaft, Teilbd 1. Vereine, Parteien und Interessenverbände als Träger der politischen Partizipation / hrsg. von H. Rumpler, P. Urbanitsch. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2006. S. 609–703.
- Haslinger (Hrsg.) 2009 — Schutzvereine in Ostmitteleuropa. Vereinswesen, Sprachenkonflikte und Dynamiken nationaler Mobilisierung 1860–1939 / hrsg.

von P. Haslinger. Marburg: Herder-Institut, 2009. 274 S. (Tagungen zur Ostmitteleuropa-Forschung. Bd. 25).

Urbanitsch 2007 — *Urbanitsch P.* Schlesinger, Ludwig // Neue Deutsche Biographie. Herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Berlin: Duncker & Humboldt, 2007. Bd. 23. Schinzel — Schwarz. S. 64. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd138214379.html#ndbcontent> (дата обращения: 10.05.2021).

References

- Burian, P., 1986. Das Vereinswesen in den Böhmisches Ländern. In: Seibt, F., ed. *Vereinswesen und Geschichtspflege in den Böhmisches Ländern: Vorträge der Tagungen des Collegium Carolinum in Bad Wiessee vom 25. bis 27. Nov. 1983 und vom 23. bis 25. Nov. 1984*. München: Oldenbourg, pp. 39–52.
- Hye, H.-P., 1994. Spolky — fenomén dlouhého 19. století. In: Hye, H.-P., Houfek, V., Kaiser, V., eds. *Německý spolkový život v Čechách 1848–1938 = Das deutsche Vereinswesen in Böhmen 1848–1938: katalog výstavy v Městském muzeu v Ústí nad Labem 14.4.–12.6.1994*. Ústí nad Labem: Albis International, pp. 7–22.
- Kunštát, M., 2014. Zentren und Peripherien der Deutschböhmen in Wissenschaft und Bildung. In: Kaiserova, K, Kunštát, M., eds. *Die Suche nach dem Zentrum: Wissenschaftliche Institute und Bildungseinrichtungen der Deutschen in Böhmen (1800–1945)*. Münster; New York: Waxmann Verlag, pp. 9–72.
- Lemberg, H., 1986. Der Verein für Geschichte der Deutschen in Böhmen im 20. Jahrhundert. In: Seibt, F., ed. *Vereinswesen und Geschichtspflege in den Böhmisches Ländern: Vorträge der Tagungen des Collegium Carolinum in Bad Wiessee vom 25. bis 27. Nov. 1983 und vom 23. bis 25. Nov. 1984*. München: Oldenbourg, pp. 209–230.
- Neumüller, M., 1986. Der Verein für Geschichte der Deutschen in Böhmen — ein deutschliberaler Verein (von der Gründung bis zur Jahrhundertwende). In: Seibt, F., ed. *Vereinswesen und Geschichtspflege in den Böhmisches Ländern: Vorträge der Tagungen des Collegium Carolinum in Bad Wiessee vom 25. bis 27. Nov. 1983 und vom 23. bis 25. Nov. 1984*. München: Oldenbourg, pp. 179–208.
- Oberdorffer, K., 1962. Der Verein für die Geschichte der Deutschen in Böhmen 1862–1938. *Bohemia*, 3, 1, pp. 9–29.
- Pokorny, J., 2006. Vereine, Verbände und Parteien in den Böhmisches Ländern. In: Rumpler, H., Urbanitsch, P., eds. *Die Habsburgermonarchie 1848–1918, 8. Politische Öffentlichkeit und Zivilgesellschaft, 1. Vereine, Parteien und Interessenverbände als Träger der politischen Partizipation*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, pp. 609–703.
- Haslinger, P., ed. 2009. *Schutzvereine in Ostmitteleuropa. Vereinswesen, Sprachkonflikte und Dynamiken nationaler Mobilisierung 1860–1939*. Marburg: Herder-Institut, 274 p. (Tagungen zur Ostmitteleuropa-Forschung, 25).

- Urbanitsch, P., 2007. Schlesinger, Ludwig. In: *Neue Deutsche Biographie. Herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 23, Schinzel – Schwarz*. Berlin: Duncker & Humboldt, p. 64. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd138214379.html#ndbcontent> (accessed: 10.05.2021).
- Zhdanovskaya, A. A., 2018. Pervyi sredi ravnykh? Avstriiskoe iazykovoe zakonodatel'stvo 1880 gg. i diskussii o gosudarstvennom iazyke Tsisleitanii [Prima inter pares? Austrian language laws of the 1880s and the discussion about Cisleithania's state language]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 8. Istorii*, 4, pp 46–59. (in Rus.)

Anastasia A. Zhdanovskaya

PhD, Research Fellow, History Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. 119991, Lomonosovskii Prospekt, 34, korpus 4. E-mail: azhdanovskaya@gmail.com

Science, Politics, or Propaganda? From the History of the Union for Research of the History of Germans in Bohemia

The focus of this article is the history of the Union for the Study of the History of Germans in Bohemia. This voluntary association operated in the Czech Lands and Czechoslovakia from 1862 to 1938. The Union emerged in an era of increasing nationalisation of public life in this region and became one of the many associations that attracted a particular national community. Such associations are often called “national defence unions”, which implies a focus on preserving the national core identity and specific parts thereof. Nevertheless, the objectives of the Union were formulated with an emphasis on purely scientific activities that would shed light on various aspects of German–Bohemian history, as well as allow for systematic collection of sources. In this article, the author attempts to answer the question of whether the scientific and educational mission of the Union could remain the same in such a tense context for Bohemian Germans. This issue is considered from different angles: the tasks of the organisation, the specific results of its activities, the scale and transformation of its structure, its affiliation with German political activists, and the main product of the Union’s activities – its publication activity – are analysed. The latter is addressed by quantitative indicators, which allows us to see the true scale of the controversy and topicality of the Union’s materials. The result of the research is the conclusion that despite the complex socio-political context and the relevance of the request for an “appropriate” Bohemian history, the Union retained its focus on local research and over time became more and more professional, contrary to the spirit of the time, losing touch with pressing political tasks.

Keywords: Austria-Hungary, Czechoslovakia, Bohemia, Bohemian Germans, voluntary associations, history of science, German historiography

How to cite: Zhdanovskaya, A. A., 2021. Nauka, politika, or propaganda? Iz istorii Soiuza po izucheniiu istorii nemtsev v Bogemii. *Tsentrāl'noevropeiskie issledovaniia*, 2021, 4(13), pp. 34–55. doi: 10.31168/2619-0877.2021.4.2.

Михаил Владимирович Ковалев

Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект 32А / старший научный сотрудник, Архив РАН, Москва, Россия. 117218, Новочеремушкинская ул., 34. E-mail: kovalevmv@yandex.ru

Венгерский византист Дюла Моравчик и советская историческая наука

Венгерский византист Дюла Моравчик (1892–1972) на протяжении жизни был тесно связан с российской и советской исторической наукой. Статья посвящена реконструкции его взаимоотношений с советскими историками после Второй мировой войны (вторая половина 1940-х — начало 1970-х годов). Были обрисованы истоки формирования этих контактов, объяснены причины интереса Моравчика к творчеству ученых из СССР. В статье показано, что прямое влияние на динамику контактов оказывали политические процессы. На конкретных примерах продемонстрированы основные пути интеллектуальных взаимодействий. Венгерский ученый оказывал советским коллегам информационную поддержку, помогал ориентироваться в зарубежной историографии, способствовал публикации работ советских ученых в Венгрии, а венгерских — в СССР. Творчество Моравчика получило множество благожелательных откликов в СССР, а сам он внимательно следил за советской научной литературой. В статье обрисован круг советских ученых, с которыми у Моравчика установились наиболее близкие и крепкие отношения (Б. Т. Горянов, Е. А. Косминский, Г. Г. Литаврин, Н. В. Пигулевская, З. В. Удальцова и др.), показано, что Моравчик выступал поборником развития международных научных связей и пропагандистом достижений российского и советского византиноведения. Он всегда разделял науку и политику, а потому драматические повороты истории XX в. не смогли поколебать его позитивное и уважительное отношение к российской и советской исторической науке. Несмотря на то, что далеко не все возможности сотрудничества Моравчика с советскими учеными удалось реализовать, их результаты следует признать успешными.

Ключевые слова: историография, международные научные связи, история византиноведения, «Византийский временник», советско-венгерские научные связи, коммуникативное поле науки

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Советско-венгерские научные связи в сфере гуманитарных наук: каналы коммуникаций, интеллектуальное присутствие, трансфер идей (1945–1991)», № 21-59-23002 РЯИК_a.

Цитирование: *Ковалев М.В.* Венгерский византинист Дюла Моравчик и советская историческая наука // *Центральноевропейские исследования.* 2021. Вып. 4(13) / гл. ред. О.В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 56–90. DOI: 10.31168/2619-0877.2021.4.3.

Византинист Дюла Моравчик (1892–1972) принадлежал к числу тех венгерских ученых, кто на протяжении едва ли не всей жизни был тесно связан с российской и советской наукой. Интерес к ней возник еще в пору обучения в Коллегиуме имени Йозефа Этвёша при Будапештском университете в 1910–1914 гг., когда Моравчик под влиянием своего учителя Золтана Гомбоца (1877–1935) увлекся историей Византии и евразийских кочевников, а равно раннесредневековой венгерской историей. Обойти стороной работы российских ученых при изучении данных проблем казалось едва ли возможным. Вовлеченность в российский контекст усилилась личными обстоятельствами, как ни парадоксально, связанными с Первой мировой войной.

В начале 1915 г. Моравчик был призван в австро-венгерскую армию, отправлен на фронт в Галицию, где и попал в русский плен¹. Венгерских солдат и офицеров зачастую отправляли подальше от западных границ Российской империи — в Туркестан или Сибирь. Так Моравчик оказался в Красноярске. Условия содержания военнопленных были либеральными, и молодой венгр использовал свободное время для изучения русского языка, которым овладел на очень высоком уровне, а также для знакомства с российской научной литературой. Пребывание в плену не отвратило его от России. Напротив, оно сделало его горячим поклонником загадочного русского мира, дало возможность прикоснуться к «откровениям русского духа, который, несмотря на все его темные стороны, источает нечто более глубоко духовное — стремление к внутренней истине»². Труды российских ученых также стали для Моравчика важными интеллектуальными ориентирами. В письме археологу Александру Петровичу Калитинскому (1879–1946) в 1930 г. Моравчик подчеркнул эту связь: «Я связан узко с русской наукой»³.

После возвращения на родину из Советской России летом 1920 г. карьера Моравчика развивалась поступательно. Невзирая на некоторые трудности, он довольно быстро добился авторитета в научном

¹ Harmatta 1994: 7–8.

² Moravcsik 1926: 578.

³ Д. Моравчик — А.П. Калитинскому, Будапешт, 27 июня 1930 г., см.: OD ÚDU. F. AINPK. KI–14, Moravcsik Gy.

мире. 11 мая 1934 г. Моравчик был избран членом-корреспондентом Венгерской академии наук. Признание его научных заслуг вышло далеко за пределы родной Венгрии. Он вел обширную переписку с коллегами в разных странах, участвовал в международных конференциях, в том числе в конгрессах византинистов в Софии (1934) и Риме (1936). В 1920–1930-е годы в системе его научных контактов важное место отводилось русским ученым-эмигрантам. Моравчик регулярно обменивался информацией, обсуждал научные проблемы с Андреем Николаевичем Грабаром (1896–1990), Александром Александровичем Васильевым (1867–1953), Георгием Владимировичем Вернадским (1887–1973), Николаем Львовичем Окуновым (1885–1949), Георгием Александровичем Острогорским (1902–1976), Дмитрием Александровичем Расовским (1902–1941) и др. Он тесно взаимодействовал с Семинарием (впоследствии — Археологическим институтом) им. Н. П. Кондакова, созданным в Праге в 1925 г.⁴

В то же время Моравчик следил за исторической наукой в СССР. Известно, например, что в мае 1939 г. он осведомился у русского пражанина Д. А. Расовского, нет ли в распоряжении Кондаковского института недавно изданной работы Михаила Илларионовича Артамонова (1898–1972) «Средневековые поселения на Нижнем Дону (по материалам Северо-Кавказской экспедиции)»⁵. Увы, о прямых контактах Моравчика с учеными из СССР в межвоенный период сохранилось мало свидетельств, к тому же они обрывочны. Приведем пример краткого эпистолярного общения с Федором Ивановичем Успенским (1845–1928) в 1928 г., незадолго до смерти этого выдающегося византиниста⁶. Известно также о письме Владимира Николаевича Бенешевича (1874–1938) Моравчику от 16 марта 1937 г., из текста которого вырисовывается, что ученые были знакомы и ранее⁷. Письмо было написано в трагический для Бенешевича год: 27 ноября 1937 г. его арестовали, спешно судили по надуманному обвинению, приговорив к расстрелу. Отсутствие развитых связей

⁴ См. подробнее: Ковалев 2017.

⁵ Д. Моравчик — Д. А. Расовскому, Будапешт, 20 мая 1939 г., см.: OD ÚDU. F. AINPK. KI–14. Moravcsik Gy.

⁶ Д. Моравчик — Ф. И. Успенскому, Будапешт, 24 января 1928 г., см.: ПФА РАН. Ф. 116. Оп. 2. Д. 230. Л. 1–2.

⁷ В. Н. Бенешевич — Д. Моравчику, Ленинград, 16 марта 1937 г., см.: МТАК. Ms. 1233/42.

Моравчика с советскими учеными не выглядит удивительным в контексте межвоенного периода. Советская Россия и хортистская Венгрия смотрели друг на друга как на идеологических противников. Даже после установления дипломатических отношений 4 февраля 1934 г. взаимное межгосударственное недоверие сохранялось. Оттого научные контакты были случайными и эпизодическими. Не существовало даже налаженного книгообмена. Кроме того, не будем забывать, что византиноведение, которое было главной сферой научных интересов Моравчика, переживало в СССР весьма трудное время. Оно было объявлено реакционным и идеологически чуждым. Многие ученые, работавшие в этом направлении, либо оказались в эмиграции, либо стали жертвами репрессий. В 1928 г. прекращено издание знаменитого «Византийского временника»⁸.

Вторая мировая война, в которой Венгрия выступила союзницей нацистской Германии, привела к разрыву многих прежних международных научных контактов Моравчика. К счастью, он и его семья сравнительно благополучно пережили войну, хотя и не без материальных потерь. Во время ожесточенных боев за Будапешт в начале 1945 г. сильно пострадала квартира ученого и лишь по счастливой случайности его библиотека и рабочие материалы уцелели⁹. Сразу после войны Моравчик начал восстановление прежних научных контактов. Старый знакомый, русский ученый-эмигрант Г. А. Острогорский, написал ему из Белграда 21 февраля 1946 г., поделившись мыслями о путях развития послевоенного византиноведения и рассказав о судьбах коллег:

Слышали ли Вы, что «Византийский Временник» снова начинает выходить в Москве? *Byzantinoslavica* в Праге тоже возобновляется. *Grégoire* все еще в Америке и там издает *Byzantion*. Васильев, Вернадский и Толль благополучны, а Ростовцев, к сожалению, очень болен. Имел я тоже несколько писем из Франции. Диль умер в конце [19]44 г., остальные же французские коллеги благополучны¹⁰.

Упоминание «Византийского временника» не случайно. Вероятно, не без влияния Острогорского Моравчик 1 марта 1946 г. отправил

⁸ См. подробнее: Иванов: 1995.

⁹ Д. Моравчик — А. В. Флоровскому, Будапешт, 2 января 1948 г., см.: АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 320. Л. 4 об.—5.

¹⁰ Г. А. Острогорский — Д. Моравчику, Белград, 21 февраля 1946 г., см.: МТАК. Ms. 1233/704.

письмо в Москву на имя академика Евгения Алексеевича Косминского (1886–1959)¹¹. В этом письме он предложил научное сотрудничество и запросил несколько советских изданий, давно интересовавших его. Косминский как раз возглавил группу по истории Византии при Институте истории АН СССР. Именно с этого эпизода начался новый этап развития научных контактов Моравчика, ориентированных на советских ученых и советскую историческую науку. Эти контакты заслуживают пристального внимания не только в контексте биографии ученого, но и в связи с историей советско-венгерских научных связей вообще, а также в свете международных интеллектуальных коммуникаций эпохи холодной войны.

Косминский ответил 12 июня 1946 г., высказав пожелание развивать связи и наладить обмен литературой. Одновременно он попросил Моравчика или кого-нибудь из его коллег написать для «Византийского временника» отчет о развитии византиноведения в Венгрии за последние 10 лет¹². Моравчик с энтузиазмом взялся за составление обзора и направил его в Москву. Несмотря на проблемы с почтовой связью и порожденные ею временные коммуникационные перерывы, Косминский очерк получил и обещал напечатать его во II (XXVII) томе «Византийского временника»: «Этот обзор представляет для нас большой интерес, так как дает нам представление о большой научно-исследовательской работе, которую ведут венгерские ученые в области византиноведения»¹³. По мысли советского академика, подобные литературные обзоры должны содействовать развитию связей между учеными разных стран. «Византийский временник» в то время явственно позиционировал себя как международное издание.

Моравчик с огромным интересом следил за возрождением византийских исследований в СССР, свидетельством чего являются его рецензии на советские издания. Показателен его отзыв на «Византийский сборник», вышедший в 1945 г. Моравчик с особым вниманием

¹¹ К сожалению, в личном фонде Косминского в Архиве РАН писем от Моравчика не сохранилось. Об указанном письме мы узнаем из ответа советского академика от 12 июня 1946 г. (Е. А. Косминский — Д. Моравчику, Москва, 12 июня 1946 г., см.: МТАК. Ms 1233/536).

¹² Е. А. Косминский — Д. Моравчику, Москва, 12 июня 1946 г., см.: МТАК. Ms. 1233/536.

¹³ Е. А. Косминский — Д. Моравчику, Москва, 22 сентября 1947 г., см.: МТАК. Ms. 1233/537.

вчитывался в статью Митрофана Васильевича Левченко (1890–1955) «Задачи современного византиноведения»¹⁴, желая понять направления развития и научную программу советских исследователей. Кажется, не без воздействия этой работы венгерский историк пришел к выводу о разрушительном влиянии на византиноведение школы Михаила Николаевича Покровского (1868–1932). Это убеждение он впоследствии непременно проводил в своих работах. Моравчик не давал оценочных характеристик статьям сборника, лишь кратко обрисовывал содержание некоторых из них (М. В. Левченко, Елена Эммануиловна Липшиц (1901–1990) и Александр Петрович Дьяконов (1873–1943)). Он всемерно приветствовал издание и писал, что ожидает от советской науки более глубокого погружения в византийскую историю, особенно в сторону изучения социального и экономического развития¹⁵.

Моравчик следил и за конкретными работами советских византистов и антиковедов, публиковал благожелательные отзывы на книги Александра Александровича Иессена (1896–1964), Владимира Дмитриевича Блаватского (1899–1980) и Нины Викторовны Пигулевской (1894–1970)¹⁶. Вероятно, уже в первые послевоенные годы у него началась переписка и с некоторыми другими советскими специалистами, помимо упомянутого Косминского. Так, известно, что в 1948–1949 гг. Моравчику писал Б. Т. Горянов. Упоминание этого факта отражено в их позднейшей корреспонденции¹⁷, но письма первых послевоенных лет в архивах не сохранились. Осенью 1948 г. в Будапешт приезжал Борис Дмитриевич Греков (1882–1953), с которым Моравчик имел возможность пообщаться¹⁸.

Пути взаимодействия с советскими учеными обсуждались в переписке Моравчика с востоковедом Владимиром Федоровичем Минорским (1877–1966), жившим и работавшим в Кембридже. В феврале 1948 г. Минорский предложил венгерскому коллеге свести его с Косминским, «очень любезным человеком», который трудился над

¹⁴ Левченко 1945.

¹⁵ Moravcsik 1947.

¹⁶ Moravcsik 1948a; 1948b; 1949b; 1949c.

¹⁷ Б. Т. Горянов — Д. Моравчику, Ленинград, 25 июня 1962 г., см.: МТАК. Ms. 1233/276 I.

¹⁸ Моравчик Д. Главные задачи венгерского византиноведения, см.: МТАК. Ms. 2458/23; Шереш 2019: 148.

продолжением издания «Византийского временника»¹⁹. Моравчик же сообщил, что уже находится в контакте с советским историком:

С профессором Косминским я уже в сношении, и я получил из Москвы новый том (XXVI) «Византийского временника», о котором я и писал рецензию в наших журналах (по-венгерски и по-французски). Они скоро выйдут. Как мне писали, уже печатается XXVII том, в котором появится мой подробный обзор трудов венгерских византинистов. Другой обзор должен появиться по-английски в IX.2 т. *Byzantinoslavica*, который выйдет в Праге через несколько месяцев²⁰.

Однако если *Byzantinoslavica* работу венгерского ученого напечатала²¹, то «Византийский временник» нет. Еще 12 ноября 1947 г. Косминский заверил Моравчика в подготовке его статьи к печати, правда уведомил, что из-за спешки с типографскими работами он не сможет послать корректуру для согласования в Будапешт. В том же письме он благодарил Моравчика за рецензии на первый номер «Византийского временника», обещал раздобыть книгу М. В. Левченко «История Византии» и снова выражал уверенность в дальнейшем развитии научных связей и обмена информацией²². Моравчик ждал, но его статья в советском журнале все никак не появлялась. Более того, переписка советских коллег с ним внезапно вообще прервалась. Причина срыва сотрудничества крылась в том, что византиноведение в СССР, едва начав возрождаться, получило серьезный идеологический удар.

Холодная война стремительно разгоралась. Противостояние СССР с внешним миром усиливалось на фоне разворачивавшихся идеологических кампаний. Борьба с «безродным космополитизмом» и «низкопоклонством перед Западом» больно ударила по советской науке. Если в первые послевоенные годы на волне очарования Победой и под воздействием духа союзничества советская наука демонстрировала открытость миру, что хорошо видно на примере

¹⁹ В. Ф. Минорский — Д. Моравчику, Кембридж, 24 февраля 1948 г., см.: МТАК. Ms. 1233/670.

²⁰ Д. Моравчик — В. Ф. Минорскому, Будапешт, 26 февраля 1948 г., см.: АВ ИВР РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 702. Л. 3.

²¹ Moravcsik 1947/1948.

²² Е. А. Косминский — Д. Моравчик, Москва, 12 ноября 1947 г., см.: МТАК. Ms. 1233/538.

празднования 220-летия Академии наук СССР в 1945 г.²³, то с 1948 г. официально декларировался курс на национализацию науки. В этой системе координат международное научное сотрудничество вытеснялось на задворки.

Первый номер «Византийского временника» подвергся ожесточенной критике и идеологической проработке уже в конце октября 1947 г.²⁴ Сотрудники журнала в духе времени были вынуждены публично признавать свои ошибки, что отразилось в редакционной статье «Против буржуазного космополитизма в советском византиноведении»²⁵. И хотя на страницах журнала заявлялось, что советские ученые не одиноки в борьбе с буржуазной идеологией и что «советская наука и культура привлекают внимание и дружеское отношение передовых ученых за рубежом и, особенно, в странах новой демократии»²⁶, статья Моравчика, написанная по заказу Косминского, так и не была опубликована. Вплоть до середины 1950-х годов в «Византийском временнике» не было напечатано ни одной статьи зарубежного ученого, включая даже представителей социалистических стран. Все связи журнала с внешним миром моментально оборвались. Оттого Острогорский писал Моравчику 26 января 1949 г.: «О «Византийском Временнике» и я не знаю ничего, кроме того, что его I т. подвергается в советских журналах жестокой критике»²⁷.

В 1951 г. Б. Т. Горянов (1897–1977) опубликовал критический обзор статей из журнала *Études Byzantines / Revue des Études Byzantines* («Византийские исследования» / «Обозрение византийских исследований»), который в течение 1937–1947 гг. издавался в Бухаресте²⁸. Западная наука описывалась в этом очерке в терминах «маразм», «загнивание», «реакционное мракобесие», «клевета» и «упадок». Досталось и Моравчику с его знаменитой работой *Byzantinoturcica* («Византино-турецкие исследования»), хотя и в легкой форме: «Следует подчеркнуть, что в работе Моравчика отражены ошибочные взгляды

²³ См. подробнее: Груздинская, Корзун 2019; Груздинская 2020; Корзун, Груздинская 2020.

²⁴ См. об этом подробнее: Тихонов 2016: 147–156.

²⁵ Против буржуазного космополитизма в советском византиноведении // Византийский временник. 1949. Т. II (XXVII). С. 3–10.

²⁶ Там же. С. 5.

²⁷ Г. А. Острогорский — Д. Моравчику, Белград, 26 января 1949 г., см.: МТАК. Ms. 1233/714.

²⁸ Tudorie: 2016.

реакционной так называемой тюркской школы этногенеза венгерского народа. Поэтому его работа должна быть критически рассмотрена советскими учеными-специалистами»²⁹.

Несмотря на подобные критические выпады, Моравчик интереса к советской науке не потерял. Напротив, он у него усилился. Происходило это, скорее всего, не в силу принятия марксизма или некритического соглашательства, а из-за веры в большой научный потенциал этой науки, который трудно сломить внешним воздействием. Показателен развернутый доклад ученого о состоянии советского византиноведения, сделанный на заседании Венгерской академии наук 23 апреля 1951 г.

Моравчик говорил о специфических русских корнях византиноведения, подчеркнув, что развитие этой научной дисциплины в России отчасти шло впереди Европы³⁰. После смерти Ф. И. Успенского, упразднения Византийской комиссии, рассеяния русских ученых (Моравчик дипломатично обходил термины «эмиграция», «изгнание») «великое русское византиноведение было едва ли не полностью заглушено»³¹. Как и ранее, он делал особый акцент на деструктивной роли М. Н. Покровского и его школы: заложенные им тенденции на долгие годы парализовали не только византиноведение, но вообще исторические исследования, лишь осуждение идей Покровского сверху спасло положение и дало шанс на возрождение исторической науки. Среди видных советских ученых Моравчик называл М. В. Левченко, Б. Т. Горянова, Е. Э. Липшиц, Елену Чеславовну Скржинскую (1868–1932), Зинаиду Владимировну Удальцову (1918–1987), Виктора Никитича Лазарева (1897–1976), Леонида Антоновича Мацулевича (1886–1959), Якова Амазасповича Манандяна (1873–1952). Особо отметил он Н. В. Пигулевскую, назвав ее «превосходным экспертом по сирийским и другим восточным источникам, а также большим знатоком восточных сюжетов в византийских исследованиях»³².

В докладе Моравчик пытался оценить перспективы марксистского подхода в византиноведении. Оглядываясь на опыт советской науки, он допустил, что такой подход «окажет большую услугу

²⁹ Горянов 1951: 167–168.

³⁰ Moravcsik 1951b: 282–283

³¹ Moravcsik 1951a: 78.

³² Moravcsik 1951a: 78–79.

в исследовании сущности исторических явлений»³³. В то же время Моравчик предупредил, что неправильное применение этих методов опасно, как показал пример Николая Яковлевича Марра (1865–1934) и М. Н. Покровского.

Венгерский ученый допускал, что марксистские подходы могут быть полезны при изучении классовой борьбы в Византии, которая порой шла в скрытой форме. Однако в советском византиноведении ему импонировало совсем не это. Моравчика воодушевляло стремление советских ученых отказаться от европоцентризма и попытаться взглянуть на историю взаимоотношений Византии с Ближним Востоком, Кавказом, Центральной Азией. Он говорил, что советское византиноведение расширило круг исследований в противовес националистическим и империалистическим настроениям старой царской России. Это соответствовало многонациональной природе советского государства. Отсюда проистекал интерес византинистов к армянской, грузинской, кавказской, центральноазиатской, иранской тематике.

Подобные суждения хорошо объясняют глубокое уважение Моравчика к работам Пигулевской, слывшей главным знатоком византийско-сирийских отношений. Венгерскому ученому внушал уважение глубокий источниковедческий подход советских коллег, их внимание к изучению византийских рукописей в собраниях СССР, а также привлечение археологического материала. Ему было чрезвычайно интересно посмотреть на изучение истории славяно-византийских отношений и развиваемый в тот момент тезис, что вторжение славян способствовало падению рабства в Византии. Привлекало его внимание и изучение специфики византийского феодализма. Хотя оценку всем этим взглядам он не давал.

Моравчику также был интересен опыт организации научной работы. Он полагал, что каждый ученый в СССР выполняет индивидуальную работу в силу своих интересов и квалификации. Именно они определяют включенность человека в коллективные проекты, как, например, по изданию справочников. Благодаря публичным дискуссиям, советские ученые знают, кто и над чем работает. Это не позволяет разным исследователям независимо друг от друга разрабатывать одну и ту же тему. Ему нравилось, что советские ученые заявляют о своих творческих планах и анонсируют готовящиеся работы. Конечно,

³³ Moravcsik 1951a: 89.

с позиций сегодняшнего дня можно удивляться наивности ученого, особенно когда он размышлял о позитивной роли публичных дискуссий в советской науке. Однако Моравчик явно не имел всей полноты информации, что было вообще крайне трудно в условиях того времени. Вполне прав А. С. Стыкалин, отметивший, что усиление симпатий к СССР в послевоенной Восточной Европе во многом было следствием «недостаточной информированности о советской системе и навязывания фальсифицированных представлений о ней»³⁴. Обратим внимание на примечательный факт. Когда осенью 1948 г. в Будапеште побывал Б. Д. Греков, Моравчик побеседовал с ним. Много лет спустя он так описал эту встречу:

В течение нашего разговора академик Греков между прочим сказал следующие слова: “У вас любопытство, у нас задача”. Эти слова меня глубоко тронули, так как в них выразилась разница, которая состоит между старым понятием науки буржуазного общества и тем понятием науки, которое характеризует советскую научную работу³⁵.

Речь шла как раз об организации научных исследований. Моравчик был убежден, что в условиях увеличения потока информации и усложнения исследовательских практик прежние формы организации научной работы на сугубо индивидуальных началах оказываются малоэффективными. Исторической науке необходима институциональная поддержка, равно как и четкое планирование исследований. Об этом Моравчик говорил еще в 1933 г.³⁶ И нет оснований удивляться тому, что в первые послевоенные годы венгерского ученого так взволновал опыт исторических исследований в СССР.

Доклад Моравчик завершил указанием на общность задач советского и венгерского византиноведения и тезисом, что «уроки ведущей и образцовой советской науки также должны быть извлечены венгерскими учеными, чтобы сделать их работу более эффективной и успешной на благо нашего народа»³⁷. Хотя доклад был выдержан в духе глубокой симпатии к советской науке и в нем несколько раз упоминался Сталин, назвать его апологетическим или догматическим

³⁴ Стыкалин 2002: 41.

³⁵ Моравчик Д. Главные задачи венгерского византиноведения, см.: МТАК. Мс. 2458/23.

³⁶ Moravcsik 1933.

³⁷ Moravcsik 1951a: 88.

трудно. Моравчик отнюдь не был склонен считать СССР образцом для некритического подражания и не призывал слепо копировать советские порядки. Он вполне искренне пытался понять, каким образом опыт советского византиноведения может быть полезен в Венгрии. Другой вопрос — насколько сильно он заблуждался, но это уже предмет для специального исследования.

Если в СССР происходила национализация науки, то в Венгрии — ее советизация. Поскольку Моравчик на протяжении всей жизни оставался человеком вне политики, крайне трудно понять его истинное отношение к этим процессам. Коллега ученого, филолог-классик Янош Харматта (1917–2004) утверждал, что после Второй мировой войны Моравчик был в числе тех, кто безоговорочно принял реформу Венгерской академии наук и ее новые задачи. Он же писал, что ученый-византинист позитивно воспринял строительство социализма в Венгрии³⁸. Так это или нет, сказать непросто. Свидетельства о его политических взглядах и предпочтениях крайне скудны. Наверное, при поверхностном взгляде может возникнуть соблазн назвать Моравчика конформистом, сделать вывод, что страшное время наложило на него тяжелый отпечаток и вынудило приспособливаться. Однако, думается, реальное положение вещей было гораздо сложнее и свою роль, причем очень весомую, играл присущий ученому аполитизм. Моравчик не был замечен в открытых симпатиях к новой власти, равно как и в ее критике. Он не включился в процессы советизации венгерской исторической науки, подобно Эрику Мольнару (1894–1966) или Эржебет Андич (1902–1986) и в то же время не подвергался идеологическим проработкам как представитель «буржуазной науки». Во всяком случае Моравчик остался на родине, а не эмигрировал, подобно многим коллегам, например Андрашу Алфёлди (1895–1981). Правда, в 1948 г. в США уехали два сына ученого — Михай (1928–1989) и Дюла (1931–2009). Оба стали впоследствии крупными учеными: первый — физиком, второй — философом. В 1964 г. за океан перебралась и дочь Моравчика — Эдит (род. 1939). Она также выбрала исследовательскую стезю и стала известным лингвистом. Тем не менее в социалистической Венгрии карьера Моравчика развивалась без всяких стеснений. Видимо, он все же оказался

³⁸ Harmatta 1973: 685. 30 мая 1945 г. Моравчик был избран действительным членом Венгерской академии наук.

более лоялен к новой коммунистической власти, нежели многие ученые старой школы.

Разветвленные связи с советскими учеными начали складываться у Моравчика в период хрущевской оттепели. 19 ноября 1955 г. после нескольких лет молчания в Будапешт было направлено письмо от имени редакции «Византийского временника» и за подписью академика Косминского. В нем Моравчику, как некогда в 1946 г., предложили опубликовать свои работы в советском журнале. В послании говорилось, что тематически предпочтение отдается материалам по социально-экономической истории Византии и ее соседей, но при этом охотно будут печататься и статьи по политической истории, вопросам идеологии, культуры и искусства, палеографии, нумизматике, сфрагистике. В письме был упомянут визит в Москву венгерского академика Эрика Мольнара в 1955 г., который рассказал советским коллегам об исследованиях по истории борьбы венгров с турками. По всей видимости именно этот визит послужил стимулом к возобновлению связей с Моравчиком. Потому Косминский написал ему:

Советские ученые хорошо знают и ценят Ваши исследования в области византиноведения и хотят установить с Вами непосредственный научный контакт в области обмена научной информацией и научными трудами. Будем весьма признательны, если Вы, кроме того, выясните, кто из других венгерских византинистов, Ваших коллег и учеников, может прислать в ближайшее время статьи в «Византийский Временник» и сообщить нам о тематике их работ³⁹.

Обращение к Моравчику совпало с поворотом в истории журнала, который отряхивал от себя сталинский научный национализм и вновь ориентировался на мировое научное сообщество. В «Византийском временнике» начали печататься обзоры зарубежных исследований⁴⁰. В 1956 г. в нем опубликовали статьи иностранных авторов — Димитра Ангелова (1917–1996) из Болгарии и Йоханнеса Ирмшера (1920–2000) из ГДР. Советские ученые получили возможность выезжать на зарубежные научные мероприятия. На X Международный съезд византинистов в Стамбул 15–21 сентября 1955 г. направилась

³⁹ Е. А. Косминский — Д. Моравчику, Москва, 19 ноября 1955 г., см.: МТАК. Ms. 1233/535.

⁴⁰ Паулова 1957; Удальцова 1956а.

советская делегация в составе В. Н. Лазарева, З. В. Удальцовой и Дмитрия Владимировича Сарабьянова (1923–2013). Произошла встреча советских ученых с коллегами из числа русских эмигрантов, а именно с Г. А. Острогорским и Александром Васильевичем Соловьевым (1890–1971). В официальном советском отчете их выступления были охарактеризованы в положительном ключе⁴¹. Удальцова выступила с докладом о развитии византиноведения в СССР, который был напечатан в расширенной версии как отдельное издание⁴².

Моравчик в Стамбул приехать не смог, но он внимательно следил за конгрессом по публикациям, в том числе внимательно прочел упомянутую работу Удальцовой. Он откликнулся на нее краткой, но очень доброжелательной рецензией. Приезд советской делегации в Стамбул венгерский ученый счел одним из главных событий международной встречи. Особенно импонировала ему официально выраженная советскими учеными установка на развитие международного сотрудничества. Моравчик вновь подчеркнул, что сильной стороной советского византиноведения является установка на преодоление «европоцентризма», стремление к изучению связей Византии с Востоком⁴³.

Возвращение советского византиноведения на международную арену послужило важным сигналом для Моравчика. В конце 1955 г. он отправил в Институт истории АН СССР письмо и отпечатки своих работ. В ответ получил благодарственное сообщение от Удальцовой, предложившей ему написать статью для «Византийского временника» и заверившей в необходимости развития научных связей:

Мы, советские византилисты, от души желаем установить с венгерскими учеными тесный научный контакт и самые дружеские отношения. Мы были бы очень рады, если бы Вы посетили нашу страну. Личное знакомство с Вами, крупнейшим венгерским византистом, конечно, содействовало бы дальнейшему укреплению научных связей между учеными наших стран⁴⁴.

⁴¹ Удальцова 1956b.

⁴² Удальцова 1955.

⁴³ Moravcsik 1957. Рецензия очень понравилась З. В. Удальцовой, и она в письме поблагодарила Д. Моравчика за положительный отклик (З. В. Удальцова — Д. Моравчику, Москва, 15 марта 1956 г., см.: МТАК. Ms 1233/854).

⁴⁴ З. В. Удальцова — Д. Моравчику, Москва, 20 января 1956 г., см.: МТАК. Ms 1233/852.

Моравчик и Удальцова стали регулярно переписываться. Он посылал ей отписки работ, она настойчиво просила его написать для «Византийского временника», а в октябре 1956 г. попросила, чтобы Моравчик или кто-то из его коллег подготовил обзор современной венгерской литературы по византиноведению⁴⁵. Вероятно, статья Роберта Бенедикти о развитии византийских исследований в Венгрии, которая была опубликована в «Византийском временнике» в 1961 г., стала ответом на эту просьбу⁴⁶.

Встреча Моравчика с советскими коллегами должна была состояться в Праге, где с 28 по 30 октября 1957 г. по инициативе Славянского института и журнала *Byzantinoslavica* проводилась конференция византинистов социалистических стран. Моравчика также пригласили участвовать, но из-за внезапной болезни он приехать не смог. Тем не менее его доклад, посвященный основным проблемам изучения византийско-венгерских отношений, был зачитан. Первоочередной задачей в области дальнейшего исследования этих проблем Моравчик назвал издание всех византийских источников по истории Венгрии, как это сделано в Болгарии и Югославии. Он также советовал приступить к написанию фундаментальных монографических исследований о взаимоотношениях отдельных стран Центральной и Юго-Восточной Европы с Византией и улучшить обмен информацией между учеными этих стран⁴⁷.

В 1950-е годы труды Моравчика начали рецензировать в советских изданиях. Советские коллеги именовали его «одним из крупнейших современных византинистов»⁴⁸. В 1956 г. на немецком языке вышла небольшая по объему, но глубокая по содержанию брошюра Моравчика «Византийская культура и средневековая Венгрия», в основу которой лег прочитанный в Берлине 18 апреля 1955 г. доклад⁴⁹. Автор вскоре послал ее Горянову, с которым, как уже говорилось, был знаком по переписке с конца 1940-х годов⁵⁰. Советский ученый ответил на нее

⁴⁵ З. В. Удальцова — Д. Моравчику, Москва, 7 октября 1956 г., см.: МТАК. Ms 1233/855.

⁴⁶ Бенедикти 1961.

⁴⁷ Отчет о поездке в Чехословакию на конференцию византинистов старшего научного сотрудника Института истории АН СССР З. В. Удальцовой, см.: АРАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 124. Л. 98.

⁴⁸ Каждан 1959а: 217.

⁴⁹ Moravcsik 1956.

⁵⁰ Б. Т. Горянов — Д. Моравчику, Москва, б. д. [по содержанию: конец 1957 г.], см.: МТАК. Ms 1233/274.

позитивной рецензией⁵¹. Работа была построена на обобщении большого объема письменных источников, но одновременно — археологического и лингвистического материала. Моравчик полагал, что первым свидетельством о предках венгров в византийских источниках является упоминание Приском Панийским посольства оногуров 463 г. к византийскому двору. Венгерский ученый развивал идею о глобальном значении византийской культуры для средневекового мира. Ее влияние выходило далеко за пределы непосредственных соседей. Это влияние, по словам рецензента, автор «усматривает и в находке в районе Алтайского горного хребта византийских монет, и в построенной греками мастерами крепости на побережье Дона, на месте нынешнего Цимлянского моря, и в сирийских и эфиопских переводах произведений византийской литературы, и в капелле св. Варфоломея в Падерборне, и во многом другом»⁵².

В СССР одним из возможных направлений взаимодействия с Моравчиком видели совместное издание исторических источников. Этому способствовали как тенденции развития советско-венгерских научных контактов, так и научные интересы самого венгерского ученого. В 1949 г. Моравчик вместе с британским коллегой Ромили Дженкинсом (1907–1969) подготовил критическое издание трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» (*De administrando imperio*)⁵³. Выход книги стал огромным событием в мировом византиноведении. В октябре 1956 г. Удальцова в письме к Моравчику рассказала об обсуждении с академиком Мольнармом планов по совместному изданию «Хроники венгров» (*Chronica Hungarorum*) Яноша Туроци (1435–1489), написанной в 1486–1488 гг. и представляющей изложение венгерской истории от древности до современной автору эпохи. Она констатировала:

Надеюсь, что наша работа по совместному изданию серии памятников будет весьма плодотворна и будет способствовать дальнейшему развитию и укреплению дружбы между венгерскими и советскими учеными⁵⁴.

⁵¹ Горянов 1957.

⁵² Горянов 1957: 326.

⁵³ Constantine Porphyrogenitus. *De Administrando Imperio* / ed. by Gy. Moravcsik and R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949. Книга переиздавалась в 1967 и 1993 гг.

⁵⁴ З. В. Удальцова — Д. Моравчику, Москва, 7 октября 1956 г., см.: МТАК. Ms 1233/855.

Горянов несколько раз предлагал Моравчику издать русский перевод *De administrando imperio* с развернутыми комментариями. Из письма советского ученого от 25 июня 1962 г. узнаем:

Если Вы не забыли, я писал Вам в 1948–1949 годах, что я перевел на русский язык трактат *De administrando imperio* Константина Багрянородного. Тогда же между Вами и покойным академиком Е. А. Косминским велась переписка по вопросу о моем участии в совместной подготовке комментария к моему переводу⁵⁵, первому полному переводу этого трактата на русский язык. Впоследствии эта переписка прекратилась по не зависящим от меня обстоятельствам. Тем не менее я не оставлял мысли о подготовке издания моего перевода⁵⁶.

В конце 1950-х годов Горянов вернулся к давней идее, написав в 1957 г. Моравчику: «Русский перевод я уже давно закончил и много сделал для комментария, но без Вашей помощи я не мыслю себе этой публикации»⁵⁷.

Поскольку архив Горянова не сохранился, об ответах венгерского исследователя можно судить лишь по контексту писем советского ученого. Моравчик в феврале 1958 г. сообщил, что вместе с коллегами уже готовит издание комментария к трактату Константина Багрянородного. Горянов в ответ предлагал, что «было бы весьма целесообразно использовать его в аппарате к моему переводу, который готовится мною совместно с другими научными сотрудниками»⁵⁸.

Кажется, Моравчик от предложения дипломатично отказался. Во всяком случае советско-венгерский проект по изданию *De administrando imperio* не состоялся⁵⁹. В чем заключалась причина, сказать наверняка трудно. Моравчик вел работу по составлению комментариев к трактату вместе с солидной международной группой в составе

⁵⁵ Свидетельств этому в известных на сегодняшний день источниках не выявлено.

⁵⁶ Б. Т. Горянов — Д. Моравчику, Ленинград, 15 июня 1962 г., МТАК. Ms 1233/276.

⁵⁷ Б. Т. Горянов — Д. Моравчику, Москва, б. д. [по содержанию: конец 1957 г.], см.: МТАК. Ms 1233/274.

⁵⁸ Б. Т. Горянов — Д. Моравчику, Москва, 24 февраля 1958 г., см.: МТАК. Ms 1233/275.

⁵⁹ 15 июня 1962 г. Горянов писал Моравчику, что надеется издать сочинение Константина Багрянородного хотя бы как учебное пособие для студентов и аспирантов исторических факультетов (Б. Т. Горянов — Д. Моравчику, Ленинград, 15 июня 1962 г., см.: МТАК. Ms 1233/276).

Р. Дженкинса, Б. Льюиса, Дмитрия Оболенского (1918–2001), Френсиса (Франтишека) Дворника (1893–1975), Стивена Ренсимена (1903–2000) и вряд ли объективно нуждался в советских помощниках.

Со стороны советских специалистов не остались без внимания методологические работы Моравчика. Так, в 1959 г., анализируя программные статьи венгерского ученого в журнале *Byzantinoslavica*⁶⁰, Александр Петрович Каждан (1922–1997) выразил поддержку его точке зрения на необходимость планомерной организации научно-исследовательской работы и критику недавних византиноведческих конгрессов за бессистемность тематики и увлечение сугубо частными, мелкими вопросами⁶¹. Он поддерживал нацеленность Моравчика на составление «полного описания византийских археологических памятников и общего каталога византийских рукописей, критическое издание византийских источников, издание сводки источников о связях Византии с соседними народами (Болгарией, Сербией и т.д.), публикацию переводов византийских авторов, издание византийских актов и корпуса надписей, составление пособия по дипломатике, создание исторической грамматики и словаря греческого языка византийской эпохи»⁶².

В конце мая 1958 г. посольство Венгрии в Москве известило Московский государственный университет о намерении Моравчика приехать в СССР в научную командировку, предварительно в октябре. Григорий Данилович Вовченко (1906–1984), исполнявший в ту пору обязанности ректора, направил в Будапешт заверение в готовности принять ученого и обеспечить ему необходимые условия работы⁶³. Сведений об этой поездке в архивах обнаружить не удалось — кажется, она не состоялась. Зато доподлинно известно, что в тот же год личная встреча Моравчика с советскими коллегами состоялась в Мюнхене. Там 15–20 сентября 1958 г. проходил XI Международный конгресс византинистов. Советскую науку представляли З.В. Удальцова и Н.В. Пигулевская. Моравчик сделал доклад о новом издании своего фундаментального труда *Byzantinoturcica*⁶⁴. К исследованиям Пигулевской он всегда относился с большим уважением, отмечая ее высокий профессионализм и оригинальность

⁶⁰ Moravcsik 1949a; 1955.

⁶¹ Каждан 1959а: 217.

⁶² Каждан 1959а: 217–218.

⁶³ Г.Д. Вовченко — Д. Моравчику, Москва, 20 мая 1958 г., МТАК. Ms 1233/889.

⁶⁴ Удальцова 1959.

исследовательской тематики. Эпистолярное общение между ними установилось, вероятно, в начале 1955 г., свидетельством чего является благодарственная записка Д. Моравчика за присылку научных трудов⁶⁵, положившая начало книгообмену⁶⁶. Позднее обмен информацией между учеными принял регулярный характер, взаимный интеллектуальный интерес усиливался близостью научной проблематики, сконцентрированной вокруг взаимоотношений Византии с Востоком. Личное знакомство в Мюнхене эти контакты однозначно усилило. В конце декабря 1958 г. Пигулевская отправила в Будапешт две посылки со своими трудами⁶⁷. Она откликнулась прекрасной рецензией на второе издание *Byzantinoturcica*, которое назвала выдающимся событием в научной жизни. Ей импонировала широта кругозора венгерского ученого, богатейший материал разнообразных источников, с необычайной тщательностью обработанный им, а также глубокие историографические и библиографические экскурсы. Пигулевская заключила:

Труд академика Д. Моравчика — подвиг выдающегося ученого, а его книга — вклад в византийское источниковедение и в изучение тюркских народов, многочисленные представители которых составляют население братских республик Советского Союза. *Byzantinoturcica* содержит необозримое количество материала и является в настоящее время настольной книгой для византинистов и востоковедов⁶⁸.

Моравчику было приятно получить столь лестный отклик на свою работу от уважаемой и авторитетной коллеги. В феврале 1961 г. он не преминул поблагодарить ее за эту любезную рецензию⁶⁹. Моравчик пригласил советскую коллегу посетить Будапешт. Однако Пигулевская вынуждена была отложить поездку ввиду занятости подготовкой к XII Международному конгрессу исторических наук в Вене

⁶⁵ Д. Моравчик — Н. В. Пигулевской, Будапешт, 10 февраля 1955 г., см.: ПФА РАН. Ф. 1036. Оп. 3. Д. 306. Л. 1.

⁶⁶ Н. В. Пигулевская — Д. Моравчику, Ленинград, 9 июня 1956 г., см.: МТАК. Ms 1233/738.

⁶⁷ Д. Моравчик — Н. В. Пигулевской, Будапешт, 15 декабря 1958 г., см.: ПФА РАН. Ф. 1036. Оп. 3. Д. 306. Л. 3; Д. Моравчик — Н. В. Пигулевской, Будапешт, 22 декабря 1958 г., см.: ПФА РАН. Ф. 1036. Оп. 3. Д. 306. Л. 5.

⁶⁸ Пигулевская 1960: 150.

⁶⁹ Д. Моравчик — Н. В. Пигулевской, Будапешт, 24 февраля 1961 г., см.: ПФА РАН. Ф. 1036. Оп. 3. Д. 306. Л. 11.

29 августа — 5 сентября 1965 г.⁷⁰ В новогоднем поздравлении вместе с пожеланиями на 1966 г. он выразил надежду и на встречу в Будапеште грядущей весной⁷¹. Поездка эта тем не менее не состоялась.

Если вернуться к *Byzantinoturcica* и откликам на этот труд в советской историографии, то следует упомянуть и о рецензии А. П. Каждана в «Византийском временнике»⁷². Он отметил не только глубину источниковедческого подхода Моравчика и его колоссальные познания в научной литературе, но также важность его труда для других исследований подобного рода. Каждан напомнил, что назрело время и для создания аналогичного свода данных византийских авторов по истории Древней Руси⁷³.

Для советских ученых Моравчик был важным звеном в знакомстве с венгерской исторической наукой. Нередко к нему обращались за библиографическими консультациями, как, например, Иосиф Давидович Амосин (1910–1984) в феврале 1956 г., интересовавшийся изучением в Венгрии Ветхого Завета и легенды об Аврааме⁷⁴. Осенью 1965 г. Е. Ч. Скржинская консультировалась у Моравчика относительно этимологии слова «половцы», в частности, можно ли ассоциировать с ними *Falones* из хроники Оттона Фрейзингенского (1111/1114–1158)⁷⁵. О близости с советскими учеными свидетельствует тот факт, что Н. В. Пигулевская, А. П. Каждан и Аристид Иванович Доватур (1897–1982) приняли участие в издании юбилейного сборника в честь Моравчика⁷⁶. Моравчик же помогал своим соотечественникам навести мосты с советской исторической наукой. Именно он способствовал появлению публикаций Р. Бенедикти в «Византийском временнике»⁷⁷.

На рубеже 1950–1960-х годов Моравчик подготовил статью для «Византийского временника», о чем советские коллеги уже долго просили

⁷⁰ Н. В. Пигулевская — Д. Моравчику, Ленинград, б.д. [не ранее августа 1965 г.], см.: МТАК. Ms 1233/741.

⁷¹ Д. Моравчик — Н. В. Пигулевской, Будапешт, 30 декабря 1965 г., см.: ПФА РАН. Ф. 1036. Оп. 3. Д. 306. Л. 17.

⁷² Каждан 1959b.

⁷³ Каждан 1959b: 271.

⁷⁴ И. Д. Амосин — Д. Моравчику, Ленинград, 15 февраля 1956 г., см.: МТАК. Ms 1233/16.

⁷⁵ Е. Ч. Скржинская — Д. Моравчику, Ленинград, 9 октября 1965 г., см.: МТАК. Ms 1233/820.

⁷⁶ Pigulevskaia 1962; Каждан 1962; Доватур 1962.

⁷⁷ В. Н. Лазарев — Д. Моравчику, Москва, 15 октября 1962 г., см.: МТАК. Ms 1233/613.

его. В основу работы было положено скрупулезное текстологическое изучение греческой грамоты мамлюкского султана, копию которой он еще в начале 1920-х годов обнаружил в собрании рукописей Национальной библиотеки в Париже. Моравчик пришел к выводу, что грамота была отправлена мамлюкским султаном Барсбаем (1422–1438 гг.) византийскому императору Иоанну VIII Палеологу (1425–1448 гг.) между 1425 и 1438 г. Она интересна в контексте истории дипломатических отношений между Византией и Мамлюкским султанатом, сближение которых происходило на почве общей угрозы — османов. Моравчик показал, что вплоть до своего падения Византия осуществляла «моральный протекторат» над христианами в государстве мамлюков, что также было логичным в силу осознания и в Константинополе, и в Каире необходимости совместных действий против общего врага⁷⁸. Эта небольшая статья примечательна не только как первая публикация Моравчика в СССР. Она являет пример его исследовательского подхода, сочетавшего в себе высокопрофессиональную филологическую подготовку с обширными знаниями византийской истории. Одновременно автор демонстрировал глубокое понимание больших исторических контекстов.

Обзору византийско-мамлюкских отношений Моравчик посвятил доклад⁷⁹, подготовленный для 25-го Международного конгресса востоковедов. Он проходил в Москве с 9 по 16 августа 1960 г. и собрал делегатов из 48 стран⁸⁰. Моравчик воспользовался предоставленной возможностью и посетил также Ленинград. Видимо, к этой поездке следует отнести доклад ученого об основных направлениях развития венгерского византиноведения. Недатированный русский текст выступления, сохранившийся в личном фонде ученого, аккуратно написан печатными буквами с заранее расставленными над словами ударениями. Доклад начинался с показательных воспоминаний:

С того времени, когда я во время Первой мировой войны провел в качестве военного пленника пять лет в вашей стране и когда я имел случай усвоить до некоторой степени ваш язык, я непрерывно следил за русским византиноведением, достижения которого я высоко оцениваю⁸¹.

⁷⁸ Моравчик 1961: 115.

⁷⁹ Моравчик 1962.

⁸⁰ Русинова 2008: 49.

⁸¹ Моравчик Д. Главные задачи венгерского византиноведения, см.: МТАК. Ms. 2458/23.

Вернувшись в Будапешт из командировки в СССР, Моравчик написал Пигулевской:

Я уверен, что те великолепные дни, которые мы провели в Москве и Ленинграде, имея случай лично познакомиться с советскими исследователями византиноведения, в значительной мере укрепили наши дружеские отношения и плодотворное научное содействие⁸².

Она ответила ему:

С чувством большой радости я вспоминаю Ваше пребывание в Москве, заседания секции, наши беседы. Прошу Вас передать мой сердечный привет Вашей милой дочери, которая меня совершенно очаровала⁸³.

Поездка в СССР дала Моравчику возможность завести новые личные знакомства. Например, он познакомился с Алисой Владимировной Банк (1906–1984), с которой впоследствии переписывался⁸⁴.

Очередная встреча Моравчика с коллегами из СССР и одновременно из кругов русской эмиграции состоялась в Оксфорде, где 5–10 сентября 1966 г. прошел XIII Международный конгресс византинистов. Советская делегация была многочисленной и представительной: В. Н. Лазарев, Н. В. Пигулевская, Сурен Тигранович Еремян (1908–1992), А. П. Каждан, З. В. Удальцова, А. В. Банк, Ольга Андреевна Белоброва (1925–2018), Нателла Николаевна Кечакмадзе (1917–1967), Георгий Львович Курбатов (1929–2003), Геннадий Григорьевич Литаврин (1935–2009), Нодар Юлонович Ломоури (1926–2016), Раиса Анатольевна Наследова, Кира Александровна Осипова (1925–1988), Зинаида Гавриловна Самодурова (1931–2001), Карен Никитич Юзбашян (1927–2009), Дмитрий Сергеевич Лихачев (1906–1999)⁸⁵. Моравчик представил доклад, в котором впервые проследил этапы распространения христианства византийскими миссионерами в VI–XI вв. среди тюркских народов, обитавших в этот

⁸² Д. Моравчик – Н. В. Пигулевской, Будапешт, 28 августа 1960 г., см.: ПФА РАН. Ф. 1036. Оп. 3. Д. 306. Л. 7.

⁸³ Н. В. Пигулевская – Д. Моравчику, Ленинград, 25 сентября 1960 г., см.: МТАК. Ms 1233/739.

⁸⁴ А. В. Банк – Д. Моравчику, Ленинград, 27 сентября 1960 г., см.: МТАК. Ms 1233/31.

⁸⁵ Удальцова 1968: 307–308.

период на территории между устьем Дуная и Кубанью. Удальцова особую ценность доклада венгерского коллеги увидела в том, что он «не ограничился установлением основных этапов распространения христианства среди этих народов, а сделал попытку проанализировать методы христианизации, применяемые византийской миссией». Деятельность византийских миссионеров он счел более мягкой, нежели римских, поскольку они, в частности, допускали сохранение местных языков для богослужений⁸⁶.

Моравчик не только встречался с советскими и русскими коллегами на международных конгрессах и конференциях, но и принимал их в Будапеште. Летом 1959 г. в венгерскую столицу приехал Г. Г. Литаврин для изучения греческих рукописей⁸⁷.

До сих пор с удовольствием вспоминаю (и буду вспоминать всегда) о встречах с Вами в Будапеште. Те издания, которые я имел возможность прочесть благодаря Вам, оказались мне очень полезными — лишь теперь, когда я вернулся к своей работе, мне стало это понятно в полной мере. Еще раз большое спасибо за Вашу помощь⁸⁸.

Теплые воспоминания о встрече сохранил В. Н. Лазарев, посетивший Венгрию осенью 1962 г. Вернувшись в Москву, он написал Д. Моравчику и его семье благодарность за теплый и дружеский прием: «Мне был очень приятен тот вечер, который я провел в Вашем гостеприимном доме»⁸⁹.

В 1967 г. Моравчик вышел на пенсию, хотя занятий наукой не прекратил. Правда, активность его переписки с советскими коллегами заметно снизилась, если судить по сохранившимся архивным материалам. В 1970 г. в Будапеште на английском языке вышла книга Моравчика «Византия и венгры»⁹⁰. По этой проблеме еще в 1953 г. он опубликовал труд на венгерском⁹¹. Новая книга была своего рода

⁸⁶ Удальцова 1968: 307–308.

⁸⁷ Литаврин 1960: 12. Предстоит еще выяснить, сыграл ли какую-то роль Моравчик в публикации на венгерском языке книги Каждана и Литаврина «Краткая история Византии» (Kazsdan, Litavrin 1961).

⁸⁸ Г. Г. Литаврин — Д. Моравчику, Москва, б. д. [по содержанию: не ранее 24 июля 1959 г.], см.: МТАК. Ms 1233/632.

⁸⁹ В. Н. Лазарев — Д. Моравчику, Москва, 15 октября 1962 г., см.: МТАК. Ms 1233/613.

⁹⁰ Moravcsik 1970.

⁹¹ Moravcsik 1953.

подведением итогов изучения темы, которой Моравчик отдал полвека научной деятельности. Тематически она перекликалась с предыдущими работами, но содержала материал, переработанный в свете новых исследований. Автор ставил задачей проследить основные этапы венгеро-византийских отношений: от первых упоминаний об «оногурах» и «венграх» у византийских авторов и до падения Константинополя в 1453 г. В отзыве на книгу Г. Г. Литаврин заметил, что «автор скрупулезно учитывает результаты исследований специалистов в области социально-экономической и политической истории Византии и Венгрии, опираясь при этом преимущественно на марксистскую историографию, в том числе на труды советских византинистов»⁹². Он же, рассуждая о научной судьбе этого труда, утверждал, что книга венгерского автора являет «пример объективного научного анализа истории отношений родной для ученого страны с другими странами в их далеком прошлом»⁹³.

«Византия и венгры» стала последней большой работой, опубликованной при жизни Моравчика. 10 декабря 1972 г. он скончался в Будапеште. «Введение в византиноведение» вышло на немецком языке уже посмертно в 1976 г.⁹⁴ На это издание откликнулся рецензией в «Византийском временнике» Михаил Вадимович Бибииков. Он подчеркнул, что в творчестве Моравчика соединялись широта научных интересов и стремление к досконально тонкому изучению источника. Бибииков согласился с авторским пониманием византиноведения как комплексной дисциплины, с его «синтетическим» характером, обусловленным опорой на ряд вспомогательных исторических дисциплин, а также неразрывной связью со смежными областями знания: востоковедением, славистикой, антиковедением, классической филологией⁹⁵. Бибииков выделил связь исследований Моравчика с исканиями русского византиноведения и указал на его уважительное отношение к русской дореволюционной и советской науке. В этой рецензии отмечена одна из главных черт концепции Моравчика, много раз говорившего о неразрывной генетической связи Византии с Античностью, но одновременно и о необходимости принимать во внимание роль «варварских» вторжений

⁹² Литаврин 1971: 194.

⁹³ Литаврин 1971: 196.

⁹⁴ Moravcsik 1976.

⁹⁵ Бибииков 1979: 211–212.

и контактов с народами и государствами Востока. Византия воспринималась им как передатчик культурных традиций, которые продолжали жить даже после падения империи в 1453 г. Потому главным историческим наследием византийской цивилизации стало ее культурное влияние на «развитие народов и государств окрестного мира — от кавказцев и арабов до венгров и германцев» и сохранение античного наследия⁹⁶.

На протяжении жизни Моравчик сформировал обширную сеть международных научных контактов, в которых советским ученым было отведено особое и чрезвычайно важное место. Отношение венгерского византиниста к русской и советской науке всегда определялось глубоким вниманием, интересом и уважением, невзирая на политические перипетии. Послевоенный период был отмечен высокой плотностью контактов Моравчика с советскими коллегами, что отчасти было связано с вхождением Венгрии в орбиту советского влияния и конструированием официальных советско-венгерских научных связей. Тем не менее Моравчик не стал марксистом, хотя признавал возможности применения марксистских подходов к византийской истории. В его деятельности трудно найти следы идеологического приспособленчества. В 1920–1930-х годах он не был замечен в симпатиях к хортизму или фашизму, а после войны не превратился в коммуниста. При изучении известных автобиографических материалов ученого складывается впечатление, что мыслями он был погружен не столько в проблемы современности, сколько во времена Средневековья и что, например, Вторая мировая война волновала его куда меньше, чем Великое переселение народов.

Моравчик выступал горячим поборником международных научных контактов, вне которых ему не мыслилось развитие византийских исследований. Идеологические барьеры не воспринимались им как препятствия. Благодаря такому подходу, он успешно сотрудничал с учеными «капиталистического Запада» и «социалистического Востока», бывал в Париже и Москве, печатался по-английски и по-русски. Впрочем, не нужно забывать, что в кадаровской социалистической Венгрии возможностей для включенности ученого в международные академические связи было гораздо больше, чем в СССР.

⁹⁶ Бибииков 1979: С. 215.

И все же остается открытым вопрос о восприятии Моравчиком путей и методов советизации венгерской науки. Известные на сегодняшний день источники не дают возможности понять его отношение к ключевым событиям и действующим лицам послевоенной венгерской истории: как воспринял он Венгерскую революцию 1956 г., как оценивал Матяша Ракоши (1892–1971), Имре Нада (1896–1958) и Яноша Кадара (1912–1989), каким виделся ему «гуляшный социализм»? Однако думается, что, каким бы ни было отношение, оно не отражалось на динамике интеллектуальных контактов. Моравчик всегда разделял науку и политику, потому драматические повороты истории XX в. не смогли изменить его позитивного отношения к российским/советским коллегам. Показательно, что переписку с ними Моравчик вел исключительно на русском языке и что во всех своих публикациях и выступлениях непременно отмечал огромные достижения русского дореволюционного, эмигрантского и советского византиноведения.

Несмотря на то, что далеко не все возможности сотрудничества Моравчика с советскими коллегами удалось реализовать, его следует признать весьма успешным. Венгерский ученый оказывал неоценимую информационную поддержку, помогал ориентироваться в зарубежной историографии, способствовал публикации работ советских ученых в Венгрии, а венгерских — в СССР. Отметим также, что исследования Моравчика встретили горячий интерес у советских коллег, а его наработки, особенно в свете фундаментальной *Byzantinoturcica*, нередко оказывали вдохновляющее воздействие.

Список сокращений

- АВ ИВР РАН — Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук, Санкт-Петербург
АРАН — Архив Российской академии наук, Москва
ПФА РАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
МТАК — Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár és Információs Központ, Kézirattár és régi könyvek gyűjteménye, Gy. Moravcsik, Budapest
ОД ÚДУ. F. АINPK — Oddělení dokumentace, Ústav dějin umění Akademie věd České republiky. Fond “Archeologický institut N. P. Kondakova”, Praha

Литература

- Бенедикти 1961 — *Бенедикти Р.* Византиноведение в Венгрии (1946–1959) // Византийский временник. 1961. Т. XX. С. 296–310.
- Бибиков 1979 — *Бибиков М. В.* Gy. Moravcsik. Einführung in die Byzantinologie. Budapest, 1976 // Византийский временник. 1979. Т. XL. С. 211–216.
- Горянов 1951 — *Горянов Б. Т.* Критический обзор журнала «Études Byzantines» и «Revue des Études Byzantines» за 1943–1948 гг. // Византийский временник. 1951. Т. IV. С. 159–171.
- Горянов 1957 — *Горянов Б. Т.* Gyula Moravcsik. Die byzantinische Kultur und das mittelalterliche Ungarn. Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Philosophie, Geschichte, Staats-, Rechts- und Wirtschaftswissenschaften. Jg. 1955. № 4. Akademie-Verlag, Berlin, 1956 // Византийский временник. 1957. Т. XII. С. 326–329.
- Груздинская, Корзун 2019 — *Груздинская В. С., Корзун В. П.* «Юбилей, как мне кажется, станет общегосударственным событием...»: Документы по истории празднования 220-летия Академии наук СССР // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 3. С. 281–293.
- Груздинская 2020 — *Груздинская В. С.* Юбилей Академии Наук СССР в 1945 г. в зеркале иностранных приветственных адресов // Россия XXI. 2020. № 2. С. 26–39.
- Доватур 1962 — *Доватур А. И.* Новый труд по вульгарной латыни // Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1962. Т. X. № 1–3. P. 419–423.
- Иванов 1995 — *Иванов С. А.* Византиноведение и власть в СССР (1928–1948) // Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы / отв. ред. В. В. Марьина. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 244–254.
- Каждан 1959а — *Каждан А. П.* Byzantinoslavica — международный византиноведческий журнал (1947–1956) // Византийский временник. 1959. Т. XV. С. 216–237.
- Каждан 1959б — *Каждан А. П.* Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I: Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. Zweite durchgearbeitete Auflage (Berliner Byzantinistische Arbeiten, Bd. 10. Berlin, 1958. S. XXVI–II — 609) // Византийский временник. 1959. Т. XVI. С. 271–286.
- Каждан 1962 — *Каждан А. П.* Из истории византино-венгерских связей во второй половине XI в. // Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1962. Т. X. № 1–3. P. 163–166.
- Ковалев 2017 — *Ковалев М. В.* Венгерские историки и русская академическая эмиграция: к постановке проблемы // Историческая русистика в XXI-м веке: Материалы десятой международной научной конференции будапештского Центра Русистики / отв. ред. Д. Свак. Будапешт: Russica Pannonica, 2017. С. 308–315.

- Корзун, Груздинская 2020 — *Корзун В. П., Груздинская В. С.* 220-й юбилей АН СССР в 1945-м: сценарий празднования в социокультурном контексте эпохи // Вестник РУДН. Серия: История России. 2020. № 2. С. 374–392.
- Левченко 1945 — *Левченко М. В.* Задачи современного византиноведения // Византийский сборник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. С. 3–11.
- Литаврин 1960 — *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 475 с.
- Литаврин 1971 — *Литаврин Г. Г.* Gy. Moravcsik. Byzantium and the Magyars. «Akademiai kiado». Budapest. 1970. 148 p. // Вопросы истории. 1971. № 3. С. 194–196.
- Моравчик 1961 — *Моравчик Д.* Греческая грамота мамлюкского султана византийскому императору // Византийский временник. 1961. Т. XVIII. С. 105–115.
- Моравчик 1962 — *Моравчик Д.* Византийско-мамлюкские сношения в XV в. // Труды двадцать пятого Международного конгресса востоковедов. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. Т. I. С. 442–443.
- Паулова 1957 — *Паулова М.* Византиноведение в Чехословацкой республике за последние годы // Византийский временник. 1957. Т. XII. С. 291–304.
- Пигулевская 1960 — *Пигулевская Н. В.* Выдающийся труд по источниковедению (Gyula Moravcsik. Byzantinoturcica. I. Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. XXVIII+ 609. II. Sprach reste der Türkvölker in den Byzantinischen Quellen. XXV + 376. Zweite durchgearbeitete Auflage. Akademie-Verlag. Berlin, 1958) // Палестинский сборник. Вып. 5 (68). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 147–150.
- Русинова 2008 — *Русинова Э. С.* Воспоминания о XXV Международном конгрессе востоковедов (1960 г.) // Письменные памятники Востока. 2008. Т. 1(8). С. 47–50.
- Стыкалин 2002 — *Стыкалин А. С.* Советская пропаганда и настроения интеллигенции стран Центральной Европы (вторая половина 1940-х годов) // Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948 / отв. ред. В. В. Марьина, Л. Б. Милякова. М.: Наука, 2002. С. 38–60.
- Тихонов 2016 — *Тихонов В. В.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.
- Удальцова 1955 — *Удальцова З. В.* Основные проблемы византиноведения в советской исторической науке. X Международный конгресс по византиноведению. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 94 с.
- Удальцова 1956а — *Удальцова З. В.* Византиноведение в народно-демократической Болгарии (1944–1953) // Византийский временник. 1956. Т. VIII. С. 344–365.

- Удальцова 19566 — *Удальцова З. В.* X Международный конгресс византинистов в Истамбуле // Византийский временник. 1956. Т. X. С. 236–253.
- Удальцова 1959 — *Удальцова З. В.* XI Международный конгресс византинистов в Мюнхене // Византийский временник. 1959. Т. XVI. С. 395–401.
- Удальцова 1968 — *Удальцова З. В.* Научные итоги XIII Международного конгресса византинистов // Византийский временник. 1968. Т. XXVIII. С. 307–308.
- Шереш 2019 — *Шереш А.* Визит директора Института истории СССР профессора А. Л. Сидорова в Венгрию в 1956 году // Новая и новейшая история. 2019. № 1. С. 147–152.
- Harmatta 1973 — *Harmatta J.* Moravcsik Gyula. 1892–1972 // Magyar Tudomány. 1973. 10. sz. 683–686. old.
- Harmatta 1994 — *Harmatta J.* Byzantium and the Ancient Hungarians: The Life-Work of Gyula Moravcsik // Byzance et ses voisins: Mélanges à la mémoire de Gyula Moravcsik à l'occasion du centième anniversaire de sa naissance (Acta Universitatis de Attila József nominatae opuscula Byzantina, IX). Szeged: Generalia, 1994. P. 7–10.
- Kazsdan, Litavrin 1961 — *Kazsdan A. P., Litavrin G. G.* Bizánc rövid története. Budapest: Gondolat Könyvkiadó, 1961. 316. old.
- Moravcsik 1926 — *Moravcsik Gy.* Orosz irodalom // Napkelet. 1926. 4. évf. 6. sz. 578.–581. old.
- Moravcsik 1933 — *Moravcsik Gy.* A görög és latin filológia magyar feladatai // Egyetemes Philologiai Közlöny. 1933. 57. kötet. 8.–24. old.
- Moravcsik 1947 — *Moravcsik Gy.* Византийский сборник, под редакцией проф. М. В. Левченко, Академия наук СССР, Институт Истории, Москва; Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1945 // Egyetemes Philologiai Közlöny. 1947. 70. évf. 145.–147. old.
- Moravcsik 1947/1948 — *Moravcsik Gy.* Byzantine studies in Hungary, 1939–1945 // Byzantinoslavica. 1947/1948. T. IX. P. 379–392.
- Moravcsik 1948a — *Moravcsik Gy.* А. А. Иессен, Греческая колонизация северного Причерноморья, ее предпосылки и особенности. Ленинград, 1947 // Études Slaves et Roumaines. 1948. Vol. 1. P. 190–192.
- Moravcsik 1948b — *Moravcsik Gy.* А. А. Иессен, Греческая колонизация северного Причерноморья, ее предпосылки и особенности. Ленинград, 1947 // Egyetemes Philologiai Közlöny. 1948. 71. évf. 139.–142. old.
- Moravcsik 1949a — *Moravcsik Gy.* Les taches actuelles de la byzantinologie // Byzantinoslavica. 1949. T. X. P. 1–10.
- Moravcsik 1949b — *Moravcsik Gy.* N. V. Pigoulevszkaja, Vizantija i Iran na rubeze VI i VII vekov. Moskva — Leningrad 1946 // Erasmus. 1949. Vol. 2. P. 583–596.
- Moravcsik 1949c — *Moravcsik Gy.* В. Д. Блаватский, Искусство северного Причерноморья античной эпохи. Москва, 1947 // Études Slaves et Roumaines. 1949. Vol. 2. P. 126–128.

- Moravcsik 1951a – *Moravcsik Gy.* A szovjet bizantinológia // A Magyar Tudományos Akadémia II. társadalmi-történeti tudományok osztályának Közleményei. 1951. I. kötet. 2. szám. 73.–96. old.
- Moravcsik 1951b – *Moravcsik Gy.* A szovjet bizantinológia // Akadémiai Értesítő. 1951. 58. kötet. 487. füzet. 282.–283. old.
- Moravcsik 1953 – *Moravcsik Gy.* Bizánc és a magyarság. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1953. 118. old.
- Moravcsik 1955 – *Moravcsik Gy.* L'état et les taches de la byzantologie // Byzantinoslavica. 1955. T. XVI. P. 1–19.
- Moravcsik 1956 – *Moravcsik Gy.* Die byzantinische Kultur und das mittelalterliche Ungarn. Berlin: Akademie-Verlag, 1956. 29 s.
- Moravcsik 1957 – *Moravcsik Gy.* З.В. Удальцова: Основные проблемы византиноведения в советской исторической науке. Москва, Издательство Академии НАУ СССР, 1955. 94 л. // Antik Tanulmányok. 1957. 4. kötet. 1–2. szám. 157. old.
- Moravcsik 1970 – *Moravcsik Gy.* Byzantium and the Magyars. Budapest – Amsterdam: Akadémiai Kiadó; Hakker, 1970. 147 p.
- Moravcsik 1976 – *Moravcsik Gy.* Einführung in die Byzantinologie. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1976. 186. old.
- Pigulevskaja 1962 – *Pigulevskaja N.* Byzantino-Syriaca: Die byzantinischen Quellender syrischen Chronik von Josua Stylites // Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1962. T. X. № 1–3. P. 211–217.
- Tudorie 2016 – *Tudorie I.-A.* «Bucarest offre l'avantage d'un apostolat intellectuel immédiat et fécond»: un deceniu din istoria Institutului Francez de Studii Bizantine (1937–1947) // ARCHÆVS. Studies in the History of Religions. 2015–2016. T. XIX–XX. P. 409–463.

References

- Benedikty, R., 1961. Vizantinovedenie v Vengrii (1946–1959) [Byzantine Studies in Hungary (1946–1959)]. *Vizantiskii vremennik*, 20, pp. 296–310. (in Rus.)
- Bibikov, M. V., 1979. Gy. Moravcsik. Einführung in die Byzantinologie. Budapest, 1976. *Vizantiiskii vremennik*, 40, pp. 211–216. (in Rus.)
- Dovatur, A. I., 1962. Novyi trud po vul'garnoi latyni [A new work on vulgar Latin]. *Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*, 10, 1–3, pp. 419–423. (in Rus.)
- Gorianov, B. T., 1951. Kriticheskii obzor zhurnala “Études Byzantines” i “Revue des Études Byzantines” za 1943–1948 gg. [Critical review of the journal “Études Byzantines” and “Revue des Études Byzantines” from 1943 to 1948]. *Vizantiiskii vremennik*, 4, pp. 159–171. (in Rus.)
- Gorianov, B. T., 1957. Gyula Moravcsik. Die byzantinische Kultur und das mittelalterliche Ungarn. Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der

- Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Philosophie, Geschichte, Staats-, Rechts- und Wirtschaftswissenschaften, Jg. 1955, no. 4, Akademie-Verlag, Berlin, 1956. *Vizantiiskii vremennik*, 12, pp. 326–329. (in Rus.)
- Gruzdinskaya, V. S., 2020. Iubilei Akademii Nauk SSSR v 1945 g. v zerkale inostrannykh privetstvennykh adresov [Jubilee of the USSR Academy of Sciences in 1945 in the mirror of foreign welcome addresses]. *Rossia XXI*, 2, pp. 26–39. (in Rus.)
- Gruzdinskaya, V. S., Korzun, V. P., 2019. “Iubilei, kak mne kazhetsia, stanet obshchegosudarstvennym sobytiem...”: Dokumenty po istorii prazdnovaniia 220-letii Akademii nauk SSSR [“The jubilee, it seems to me, will become a national event...”: Documents on the history of the celebration of the 220th anniversary of the USSR Academy of Sciences]. *Vestnik Omskogo universiteta. Serii “Istoricheskie nauki”*, 3, pp. 281–293. (in Rus.)
- Harmatta, J., 1994. Byzantium and the Ancient Hungarians: The Life-Work of Gyula Moravcsik. *Byzance et ses voisins : Mélanges à la mémoire de Gyula Moravcsik à l’occasion du centième anniversaire de sa naissance (Acta Universitatis de Attila József nominatae opuscula Byzantina, IX)*. Szeged: Generalia, pp. 7–10.
- Harmatta, J., 1973. Moravcsik Gyula. 1892–1972. *Magyar Tudomány*, 10, pp. 683–686.
- Ivanov, S. A., 1995. Vizantinovedenie i vlast’ v SSSR (1928–1948) [Byzantine Studies and Power in USSR (1928–1948)]. In: Mar’ina, V. V., Miliakova, L. B., eds. *Totalitarizm: istoricheskii opyt Vostochnoi Evropy*. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, 1995, pp. 244–254. (in Rus.)
- Kazhdan, A. P., 1959. Byzantinoslavica — mezhdunarodnyi vizantinovedcheskii zhurnal (1947–1956) [Byzantinoslavica — international Journal of Byzantine Studies (1947–1956)]. *Vizantiiskii vremennik*, 15, pp. 216–237. (in Rus.)
- Kazhdan, A. P., 1959. Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I: Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. Zweite durchgearbeitete Auflage (Berliner Byzantinistische Arbeiten, Bd. 10. Berlin, 1958. S. XXVIII — 609). *Vizantiiskii vremennik*, 16, pp. 271–286. (in Rus.)
- Kazhdan, A. P., 1962. Iz istorii vizantino-vengerskikh sviazei vo vtoroi polovine XI v. [From the history of Byzantine-Hungarian relations in the second half of the XI century]. *Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*, 10, 1–3, pp. 163–166. (in Rus.)
- Kazhdan, A. P., Litavrin, G. G., 1961. *Bizánc rövid története*. Budapest: Gondolat Könyvkiadó, 316 p.
- Korzun, V. P., Gruzdinskaya, V. S., 2020. 220-i iubilei AN SSSR v 1945-m: stsenarii prazdnovaniia v sotsiokul’turnom kontekste epokhi [The 220th anniversary of the USSR Academy of Sciences in 1945: the scenario of celebration in the socio-cultural context of the era]. *Vestnik RUDN. Ser. Istoriia Rossii*, 2, pp. 374–392. (in Rus.)

- Kovalev, M. V., 2017 Vengerskie istoriki i russkaia akademicheskaia emigratsiia: k postanovke problem [Hungarian historians and Russian academic emigration: towards the formulation of the problem]. In: Svak, D., ed. *Istoricheskaia rusistika v 21-m veke: Materialy desiatoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii budapeshtskogo Tsentra Rusistiki*. Budapest: Russica Pannonicana, pp. 308–315. (in Rus.)
- Levchenko, M. V., 1945. Zadachi sovremennogo vizantinovedeniia [The tasks of modern Byzantine studies]. In: *Vizantiiskii sbornik 1945*. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 3–11. (in Rus.)
- Litavrin, G. G., 1960. *Bolgariia i Vizantiia v XI–XII vv.* [Bulgaria and Byzantium in the eleventh and twelfth centuries]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 475 p. (in Rus.)
- Litavrin, G. G., 1971. Gy. Moravcsik. Byzantium and the Magyars. "Akadémiai kiadó". Budapest. 1970. 148 p. *Voprosy istorii*, 3, pp. 194–196. (in Rus.)
- Moravcsik, Gy., 1949. Les taches actuelles de la byzantinologie. *Byzantinoslavica*, 10, pp. 1–10.
- Moravcsik, Gy., 1949. V. D. Blavatskii, Iskusstvo severnogo Prichernomor'ia antichnoi epokhi. Moskva, 1947 [V. D. Blavatsky, The Art of the Northern Black Sea region of the ancient era. Moscow, 1947]. *Études Slaves et Roumaines*, 2, pp. 126–128.
- Moravcsik, Gy., 1949. N. V. Pigoulevskaia, Vizantiija i Iran na rubeze VI i VII vekov [N. V. Pigoulevskaia. Byzantium and Iran at the turn of the sixth and seventh centuries]. Moskva; Leningrad 1946. *Erasmus*, 2, pp. 583–596.
- Moravcsik, Gy., 1951. A szovjet bizantinológia. *Akadémiai Értesítő*, 58, pp. 282–283.
- Moravcsik, Gy., 1951. A szovjet bizantinológia. In: *A Magyar Tudományos Akadémia II. társadalmi-történeti tudományok osztályának Közleményei*, 1, 2, pp. 73–96.
- Moravcsik, Gy., 1953. *Bizánc és a magyarság*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 118 p.
- Moravcsik, Gy., 1955. L'état et les taches de la byzantologie. *Byzantinoslavica*, 16, pp. 1–19.
- Moravcsik, Gy., 1956. *Die byzantinische Kultur und das mittelalterliche Ungarn*. Berlin: Akademie-Verlag, 29 p.
- Moravcsik, Gy., 1957. Z. V. Udalt'sova: Osnovnye problemy vizantinovedeniia v sovetskoj istoricheskoi nauke. Moskva, Izd-vo Akademii NAU SSSR, 1955 [Z. V. Udalt'sova: The main problems of Byzantine studies in Soviet historical science. Moscow, Publishing House of the Academy of NAU of the USSR, 1955]. *Antik Tanulmányok*, 4, 1–2, pp. 157.
- Moravcsik, Gy., 1961. Grecheskaia gramota mamliukskogo sultana vizantiiskomu imperatoru [Greek letter of the Mamluk Sultan to the Byzantine Emperor]. *Vizantiiskii vremennik*, 28, pp. 105–115. (in Rus.)
- Moravcsik, Gy., 1962. Vizantiisko-mamliukskie snosheniia v XV v. [Byzantine – Mamluk relations in the fifteenth century]. In: *Trudy dvadtsat' piatogo Mezhdunarodnogo kongressa vostokovedov*, 1. Moscow: Izd-vo vostochnoi literatury, pp. 442–443. (in Rus.)

- Moravcsik, Gy., 1970. *Byzantium and the Magyars*. Budapest: Akadémiai Kiadó; Amsterdam: Hakkert, 147 p.
- Moravcsik, Gy., 1976. *Einführung in die Byzantinologie*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 186 p.
- Moravcsik, Gy., 1926. Orosz irodalom. *Napkelet*, 4, 6, pp. 578–581.
- Moravcsik, Gy., 1933. A görög és latin filológia magyar feladatai. *Egyetemes Philológiai Közlöny*, 57, pp. 8–24.
- Moravcsik, Gy., 1947. Vizantiiskii Sbornik, pod redaktsiei prof. M. V. Levchenko, Akademiia nauk SSSR, Institut Istorii, Moskva; Leningrad, Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1945 [The Byzantine Collection, edited by prof. M. V. Levchenko, Academy of Sciences of the USSR, Institute of History, Moscow; Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1945]. *Egyetemes Philológiai Közlöny*, 70, pp. 145–147.
- Moravcsik, Gy., 1948. A. A. Iessen, Grecheskaia kolonizatsiia severnogo Prichernomor'ia, ee predposylki i osobennosti. Leningrad, 1947 [A. A. Iessen, Greek colonisation of the Northern Black Sea region, its prerequisites and features. Leningrad, 1947]. *Études Slaves et Roumaines*, 1, pp. 190–192.
- Moravcsik, Gy., 1948. A. A. Iessen, Grecheskaia kolonizatsiia severnogo Prichernomor'ia, ee predposylki i osobennosti. Leningrad, 1947 [A. A. Iessen, Greek colonisation of the Northern Black Sea region, its prerequisites and features. Leningrad, 1947]. *Egyetemes Philológiai Közlöny*, 71, pp. 139–142.
- Moravcsik, Gy., 1947/1948. Byzantine studies in Hungary, 1939–1945. *Byzantinoslavica*, 9, pp. 379–392.
- Paulová, M., 1957. Vizantinovedenie v Chekhoslovatskoj respublike za poslednie gody [Byzantine studies in the Czechoslovak Republic in recent years]. *Vizantiiskii vremennik*, 12, pp. 291–304. (in Rus.)
- Pigulevskaja, N. V., 1960. Vydaiushchiisia trud po istochnikovedeniiu (Gyula Moravcsik. Byzantinoturcica. I. Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. XXVIII+ 609. II. Sprach reste der Türkvölker in den Byzantinischen Quellen. XXV + 376. Zweite durchgearbeitete Auflage. Akademie-Verlag, Berlin, 1958) [Outstanding work on source studies (Gyula Moravcsik. Byzantinoturcica. I. Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. XXVIII + 609. II. Sprach reste der Türkvölker in den Byzantinischen Quellen. XXV + 376. Zweite durchgearbeitete Auflage. Akademie-Verlag, Berlin, 1958)]. *Palestinskii sbornik*, 5. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 147–150. (in Rus.)
- Pigulevskaja, N., 1962. Byzantino-Syriaca: Die byzantinischen Quellen der syrischen Chronik von Josua Stylites. *Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*, 10, 1–3, pp. 211–217.
- Rusinova, E. S., 2008. Vospominaniia o XXV Mezhdunarodnom kongresse vostokovedov (1960 g.) [Memoirs of the XXV International Congress of Orientalists (1960)]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 1, pp. 47–50. (in Rus.)

- Seres, A., 2019. Vízit direktora Instituta istorii SSSR professora A. L. Sidorova v Vengriiu v 1956 godu [Visit of the director of the Institute of History of the USSR, Professor A. L. Sidorov to Hungary in 1956]. *Noviaia i noveishaia istoriia*, 1, pp. 147–152. (in Rus.)
- Stykalin, A. S., 2002. Sovetskaia propaganda i nastroeniia intelligentsii stran Tsentral'noi Evropy (vtoraia polovina 1940-kh godov) [Soviet propaganda and the sentiments of the intelligentsia of the countries of Central Europe (second half of the 1940s)]. In: Mar'ina, V. V., Miliakova, L. B., eds. *Totalizizm: Istoricheskiĭ opyt Vostochnoi Evropy. "Demokraticeskoe intermetstvo" s kommunisticheskim finalom. 1944–1948*. Moscow: Nauka, 2002. pp. 38–60. (in Rus.)
- Tikhonov, V. V., 2016. *Ideologicheskie kampanii "pozdnego stalinizma" i sovetskaia istoricheskaia nauka (seredina 1940-kh – 1953 g.)* [Ideological campaigns of "late Stalinism" and Soviet historical science (the mid-1940s – 1953)]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 424 p. (in Rus.)
- Tudorie, I.-A., 2015–2016. "Bucarest offre l'avantage d'un apostolat intellectuel immédiat et fécond": un deceniu din istoria Institutului Francez de Studii Bizantine (1937–1947). *ARCHÆVS. Studies in the History of Religions*, XIX–XX, pp. 409–463.
- Udal'tsova, Z. V., 1955. *Osnovnye problemy vizantinovedeniia v sovetskoĭ istoricheskoĭ nauke. X Mezhdunarodnyi kongress po vizantinovedeniiu* [Main problems of Byzantine studies in Soviet historical science. International Congress on Byzantine Studies]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 94 p. (in Rus.)
- Udal'tsova, Z. V., 1956. Vizantinovedenie v narodno-demokraticeskoi Bolgarii (1944–1953) [Byzantine Studies in People's Democratic Bulgaria (1944–1953)]. *Vizantiiskii vremennik*, 8, pp. 344–365. (in Rus.)
- Udal'tsova, Z. V., 1956. X Mezhdunarodnyi kongress vizantinistov v Istambule [Xth International Congress of Byzantinists in Istanbul]. *Vizantiiskii vremennik*, 10, pp. 236–253. (in Rus.)
- Udal'tsova, Z. V., 1959. XI Mezhdunarodnyi kongress vizantinistov v Miunkhene [XIth International Congress of Byzantinists in Munich]. *Vizantiiskii vremennik*, 16, pp. 395–401. (in Rus.)
- Udal'tsova, Z. V., 1968. Nauchnye itogi XIII Mezhdunarodnogo kongressa vizantinistov [Scientific results of the XIIIth International Congress of Byzantinists]. *Vizantiiskii vremennik*, 28, pp. 307–308. (in Rus.)

Mikhail V. Kovalev

PhD, Associate Professor, Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A / Senior research Fellow, Archive of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 117218, Novocheremushkinskaia Ulitsa, 34. E-mail: kovalevmv@yandex.ru

Hungarian Byzantinist Scholar Gyula Moravcsik and Soviet Historical Science

In this article, the connections of Gyula Moravcsik (1892–1972), a great Hungarian Byzantinist, with Soviet historical science are reconstructed. Chronologically, the article is concerned with the period after World War Two, when Hungary fell into the orbit of Soviet political influence. However, the article outlines the origins of the formation of Moravcsik's contacts and explains the reasons for his interest in the work of Russian scientists, both of which began during the First World War, and then developed in the 1920s and 1930s. This article shows that politics had a direct impact on the dynamics of Moravcsik's contacts with Soviet scientists; immediately after the end of the Second World War, they were curtailed by ideological campaigns in the USSR and the atmosphere of late Stalinism, and only revived during the Thaw. Using specific examples, the main methods of intellectual interaction between Moravcsik and his colleagues from the USSR are demonstrated. The Hungarian scholar provided them with supporting information, helped them to study foreign historiography, and contributed to the publication of works by Soviet scholars in Hungary, and Hungarian works in the USSR. Moravcsik's work found many favourable responses in the USSR, and he himself closely followed the Soviet scientific literature and published his works in Russian, in particular in the famous review *Vizantiiskii Vremennik*. The circle of Soviet scientists with whom Moravcsik established the closest and strongest relations are outlined (including Boris Gorianov, Evgenii Kosminskii, Gennadii Litavrin, Nina Pigulevskaya, and Zinaida Udaltsova). It is shown that Moravcsik, even during the Cold War, advocated the development of international scientific relations and promoted the achievements of Russian and Soviet Byzantine studies. Moravcsik has always divided science and politics, and therefore the dramatic turns of the history of the twentieth century could not shake his positive and respectful attitude towards Russian historical science. Despite the fact that not all the possibilities of Moravcsik's cooperation with Soviet scholars were realised, the results of his contributions should be considered successful.

Keywords: historiography, international scientific relations, history of Byzantine studies, *Vizantiiskii vremennik*, Soviet-Hungarian academic institutional interactions, communicative field of science

How to cite: Kovalev, M. V., 2021. Vengerskii vizantinist Diula Moravchik i sovetskaia istoricheskaia nauka. *Tsentral'noevropeiskie issledovania*, 2021, 4(13), pp. 56–90. doi: 10.31168/2619-0877.2021.4.3.

**СЕРБЫ ВЕНГЕРСКОГО
КОРОЛЕВСТВА**

Ненад Дж. Нинкович

Доктор, экстраординарный профессор, отделение истории, философский факультет, Университет Нови-Сада, Нови-Сад, Сербия. 21102, Др Зорана Ђинђића, 2.
E-mail: nenad.ninkovic@ff.uns.ac.rs

Сербы в центре Венгерского государства: Будимская епархия в XVIII в.

В Карловицкой¹ митрополии Будимская (Будайская) епархия была самой маленькой по численности паствы. Тем не менее ее значение несоразмерно с количеством прихожан. В XVIII в. епархию возглавляли несколько влиятельных сербских епископов (Синесий Живанович, Софроний Кирилович, Арсений Радивоевич) и архиепископов (Викентий Йованович, Исайя Антонович и Павел Ненадович). Мещанство в Будимской епархии было гораздо более мощным, чем в других регионах Венгрии с православным населением. Оно оставило действительно глубокий след в сербской истории, поскольку играло значительную роль на саборах, важнейшем светском институте у сербов в монархии Габсбургов. В статье рассматриваются периоды формирования Будимской епархии во второй половине XVI в., когда территории центральной Венгрии входили в состав Османской империи, и развития епархии с 1695 г. — с момента ее создания по указу императора Леопольда I и до 1791 г., когда ее главой стал Дионисий Попович (Папазоглу), бывший белградский митрополит, с деятельностью которого начался новый этап ее истории. Кроме того, показано влияние будимских владык внутри самой епархии и за ее пределами, а также анализируются существенные различия между северной и южной частями епархии, приведена краткая история строительства православных храмов в центральной Венгрии.

Данная статья является доработанной текстовой версией одноименного доклада, представленного автором на конференции «Венгрия как фактор государственных, этнических и культурных взаимодействий в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе в Новое и Новейшее время» (Институт славяноведения РАН, Москва, 2–3 ноября 2020 г.).

¹ Распространенные в отечественной историографии прилагательные от топонима Сремски-Карловцы «карловацкий/карловацкая» являются калькой с сербского «карловачки/карловачка». В статье использована грамматическая форма, соответствующая нормам словообразования русского языка «карловицкий/карловицкая».

Ключевые слова: Будимская епархия, Карловицкая митрополия, сербы, Буда, Пешт, Сентендре, монархия Габсбургов

Цитирование: *Нинковић Н. Дж.* Сербы в центре Венгерского государства: Будимская епархия в XVIII в. // Центральноевропейские исследования. 2021. Вып. 4(13) / гл. ред. О.В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 93–114. DOI: 10.31168/2619-0877.2021.4.4.

Территория, которая вошла в состав монархии Габсбургов в результате Карловицкого мира 1699 г., включала земли, где еще до войны с Османской империей 1683–1699 гг. существовала сеть православных епархий под духовной властью печских патриархов. Вокруг Буды, Пешта, на острове Чепель и в Подунавье православные христиане проживали и до восстановления Печской патриархии в 1557 г., а после для них была создана Будимская (Будайская) епархия. Во время больших потрясений, случившихся в епархиях Печской патриархии в 1642–1643 гг., митрополия, которая включала православных, проживавших на территориях между реками Драва, Дунай и озером Балатон, была ликвидирована, а ее территория присоединена к Будимской митрополии. В это время духовная власть будимских епископов расширилась за пределы Османской империи, на владения Австрийского дома. В действительности она включала только сербов из приграничного города Комаром², но таким образом Будимская митрополия стала одной из двух епархий Печской патриархии, действовавших в XVII в. в Габсбургской монархии³. Во время военных действий с конца XVII в. Комаром имел особое значение для сербов: город стал первым пристанищем (1690–1691 гг.) патриарха Арсения III Черноевича (1633–1706) после Великого переселения сербов осенью 1690 г., а один из жителей, Йован Монастерлия (?–1706), в марте 1691 г. был избран подвоеводой, то есть первым светским главой сербов в монархии Габсбургов⁴.

Упомянутое Великое переселение сербов занимает центральное место в миграционном движении во время Великой турецкой войны. В его результате резко возросло число православных жителей под властью дома Габсбургов. Как и сербы, проживавшие в Венгрии под турецким владычеством, беженцы из Османской империи оказались

² Ныне этот город разделен на два: Комаром в Венгрии и Комарно в Словакии (*прим. перев.*).

³ Васин, Нинковић 2018: 12–16.

⁴ Тричковић 1980: 125–134; Микавица, Лемајић, Васин, Нинковић 2016: 124, 127.

в католической среде, под властью императора-короля Леопольда I (1658–1705 гг.). Для сохранения православной идентичности (чему противодействовали многие придворные) они перед переселением и в последующие годы вели переговоры с государем, который даровал им три Привилегии — в 1690, 1691 и 1695 гг.⁵ Эти три документа были основанием сербского правового и политического статуса в течение последующих двух столетий. Предоставлением Привилегий император признал за сербами, как и за католиками, право открыто исповедовать свою веру, которое сербы заслужили, участвуя в войне против османов на стороне Австрии. Хотя многое осталось на бумаге и не было реализовано, Привилегии дали сербам возможность сформировать общину — институт, ставший их главной опорой в защите своих прав. Поскольку сеть епархий Печской патриархии, существовавшая в Венгрии под османским управлением, была практически полностью уничтожена во время войны, патриарху Арсению III пришлось воссоздавать ее с самого начала, что гарантировалось Первой привилегией⁶.

Патриарх начал действовать, еще когда шла война. Уже в 1691 г. было очевидно, что из состава Будимской епархии в отдельное епископство выделится ее южная часть. Окончательно структуру новой сети епархий для сербов Габсбургской монархии определила Третья привилегия 1695 г. *De jure* новую форму обрела и Будимская епархия. Территория, на которую распространялась ее власть, практически не отличалась от других, однако в ней проживало меньше православных христиан⁷. Несмотря на «малочисленность», епархия имела в XVIII в. несоразмерно большое значение для сербской истории, что подтверждается следующим фактом: из десяти архиепископов, которые управляли сербской церковью в монархии Габсбургов (Карловицкой митрополией) в 1713–1836 гг., пятеро были так или иначе связаны с Будимской епархией. Трое из них были родом оттуда, двое, будучи там епископами, были выбраны впоследствии карловицкими митрополитами.

В истории Будимской епархии период с 1695 по 1791 г. можно рассматривать как особенный: за это время ею управляли восемь

⁵ Микавица, Гавриловић, Васин 2007: 15–25.

⁶ Нинковић 2017: 35–50.

⁷ Васин, Нинковић 2018: 18–19.

епископов, при этом 14 лет, то есть 14,6% времени, кафедра пустовала. В 1762–1767 гг. ее не никто не возглавлял, так как епископ управлял паствой в Трансильвании, а его обязанности в Буде исполняли два экзарха: один (Софроний Кирилович) — в южной части епархии, другой — в северной⁸. В отсутствие рукоположенного архиерея администраторами кафедры были будущие будимские епископы Викентий Хаджилавич (1705–1708) и Дионисий Новакович (1749–1750), бачские епископы Моисей Путник (1768–1770) и Атанасий Живкович (1787–1786), темешварский владыка и бывший будимский епископ Софроний Кирилович (1782–1786). Короткое время епархия находилась под управлением архимандрита монастыря Шишатовца, будущего вршацкого епископа Викентия Поповича (1767–1768). Митрополиты Моисей Путник и Стефан Стратимирович управляли епархией по несколько месяцев — в 1768 г. и в 1790–1791 гг. соответственно⁹.

Значение, которое приобрела Будимская епархия в XVIII в., было связано с тем, что в округе сербы населяли большие города, такие как Пешт, Буда и Сентендре¹⁰, а также Секешфехервар, Комаром (упомянутый выше), Эстергом, Вац, Дьёр и Кечкемет¹¹. Сербская купеческая элита проживала здесь и до Великого переселения 1690 г. — после только увеличивалась в численности. В начале сербы получали поддержку патриарха Арсения III, который часто бывал в Буде, Пеште и Сентендре. На территории епархии находилась резиденция подвоеводы Йована Монастерлии. Высокий уровень экономического развития, которого достигли сербы Будимской епархии, был важным фактором политической жизни. Они финансово помогали церкви и епископам, а на национальных саборах в XVIII в. их мнение было решающим. Часто инструкции, которые отправляли в сабор из Буды, становились его петициями, адресованными венскому правительству¹². Такому авторитету будимских представителей способствовала и их осведомленность, поскольку они, купцы и ремесленники, были более мобильными,

⁸ Нинковић 2017: 247–251.

⁹ Васин, Нинковић 2018.

¹⁰ Роровић 1952: 11–13.

¹¹ Васин, Нинковић 2018: 9–18; Пецињачки 1992: 199–202; Ивић 1913: 3–15; Јакшић 1962: 10–15; Витковић 1887: 245–246.

¹² Точанац 2008: 255–273.

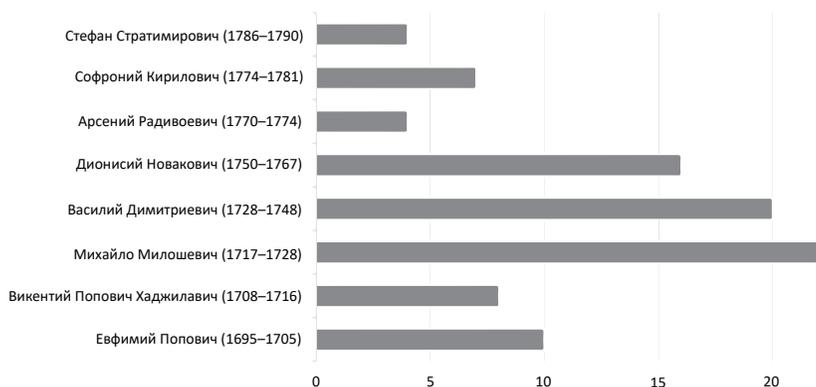

Рис. 1. Будимские епископы в 1695–1791 гг.

чем крестьяне, и нередко устанавливали контакты с влиятельными людьми¹³.

Сложно проследить внутреннее развитие Будимской епархии в начале XVIII в. как из-за многочисленных конфликтов и событий во время восстания Ференца II Ракоци (1703–1711), так и из-за отсутствия исторических источников. Одно известно доподлинно: даже во время военных действий сербам Буда, Пешта и Сентендре удавалось заниматься торговлей и ремеслом и влиять на решения, принимаемые сербами на саборе, особенно когда возникла необходимость выбрать преемника Арсения III после его кончины в 1706 г.¹⁴ В связи с восстанием Ракоци снова актуализировался вопрос о переселении сербов. Известно, что многие жители Сентендре переехали в Буду, чтобы найти защиту в ее крепости¹⁵. В первый год восстания Ракоци епископская кафедра также сменила место пребывания. Резиденция владыки Евфимия Поповича с 1695 г. находилась в Секешфехерваре, однако там православная община была небольшой. В прежнее место — Буду — невозможно было вернуться, поскольку патриарх Арсений III тамошнему приходу, как и пештскому, даровал ставропигию и подчинил его непосредственно своей власти¹⁶. Поэтому было решено, что кафедру Будимской епархии переведут

¹³ Поповић 1952: 187–206.

¹⁴ Микавица, Лемајић, Васин, Нинковић 2016: 285.

¹⁵ Гавриловић 2005а: 106, 109, 114, 123–124, 126, 129–130, 133–136.

¹⁶ Витковић 1873: 1–4.

в Сентендре, где она находится по сей день. В Сентендре и селах, расположенных между ним и Будой, существовала крупная сербская община. В самом городе насчитывалось семь православных церквей — таким образом, по количеству храмов он опережал все остальные сербские поселения в монархии Габсбургов¹⁷.

Только после 1711 г., когда завершилось восстание Ракоци, появилась возможность для развития торговли и ремесла, а также создания новых приходов. Установить порядок попытался епископ Викентий Попович-Хаджилавич, однако его деятельность не имела большого успеха, потому что совсем скоро, в 1713 г., он был избран Карловицким митрополитом и должен был уехать в Сремски-Карловцы, где находилась главная кафедра Православной церкви в монархии Габсбургов. В первое время после избрания Хаджилавич оставил за собой управление Будимской епархией через своего экзарха Михаила Милошевича¹⁸. В практическом плане это не имело особого результата из-за удаленности Сентендре от Сремски-Карловцев. Поэтому архиепископ в 1716 г. совершил обряд рукоположения (хиротонии) экзарха Михаила на место епископа и передал ему власть в Будимской епархии. Император утвердил его кандидатуру в начале 1717 г.¹⁹

С назначением нового епископа ситуация в епархии стала налаживаться, что сопровождалось строительством новых церквей. Это был важный процесс, предвосхищенный властями в Привилегиях, согласно которым сербы могли организовывать церковные приходы и возводить культовые сооружения. Такого права в монархии Габсбургов была лишена подавляющая часть протестантов, хотя их было значительно больше, чем православных, особенно в Венгрии. Православные храмы в Будимской епархии строились с осени 1690 г., в некоторых местах существовали более старые сооружения, например в Комароме, или воздвигались новые на месте разрушенных во время войны церквей, как в Буде и Пеште. В первые годы после Великого переселения церкви наспех строились из древесины. В документах первой половины XVIII в. есть свидетельства, что сербские общины сразу же по переселении в Сентендре самостоятельно строили небольшие деревянные церкви. Постройки со временем разрушались

¹⁷ Васин, Нинковић 2018: 19–20.

¹⁸ Там же: 25.

¹⁹ АСПЕБ, Препис записа о смрти и конфирмационе дипломе (будимских епископа) (Копия записи о смерти и дипломы о рукоположении (будимских епископов)).

или становились слишком тесными для большего числа прихожан. Результатом экономического развития сербов стало то, что во втором и третьем десятилетиях XVIII в. они начали сносить деревянные церкви и строить новые храмы. Тем не менее новые здания ни с архитектурной, ни с художественной, ни с эстетической точек зрения не несли большой ценности. Они всё еще были скромных размеров, но лучшего качества, построенные из камня, кирпича и дерева²⁰. Это был большой шаг на пути к третьему этапу строительства, начавшемуся в конце 1740-х годов. Тогда перешли к возведению из более прочных материалов барочных церквей, которые до сих пор украшают Будимскую епархию.

Епископ Михаил Милошевич во время правления уделял много времени упорядочению отношений между священниками и верующими, а также установлению субординации между клиром и ним самим, ввел строгую дисциплину и принцип старшинства. В приходах, где служило много священников (Сентендре, Буда, Пешт), молодые должны были слушаться старших. Важно отметить, что владыка был на стороне верующих, когда те жаловались на высокую плату за услуги священников²¹. Чтобы в будущем избежать конфликтов, Милошевич в 1719/1720 г. утвердил тариф²². Кроме того, он выступал в защиту священнического иммунитета, в особенности в налоговой сфере, поскольку именно там случались нарушения: с православных священников требовали десятину, от которой они были освобождены согласно Привилегиям. Милошевич упорно трудился, чтобы искоренить разные формы народных верований и язычества и ограничить богато празднуемые торжества²³. Владыка стал отправлять своих представителей, чтобы через них ввести социальные нормы и обучить верующих основам христианства. Эти посланники произвели большое впечатление на молодого Петра Ненадовича, будущего карловицкого митрополита Павла²⁴. Важно упомянуть, что в то время на территории Будимской епархии жил и работал сербский писатель и оратор Гаврило Стефанович Венцлович (1680–1749)²⁵.

²⁰ АСАНУК, МПА «А» 364/1755.

²¹ Васић, Нинковић: 26–27.

²² Витковић 1873: 260–261.

²³ Витковић 1873: 260–261.

²⁴ Нинковић 2017: 450.

²⁵ Павић 1983.

События после смерти епископа Михаила в 1728 г. продемонстрировали, как за время его правления изменилась ситуация в Карловицкой митрополии, насколько власть ее главы усилилась. Когда через несколько месяцев после кончины епископа состоялась встреча видных светских представителей епархии, они попросили митрополита Карловицкого Моисея Петровича предложить им трех кандидатов, из которых они могли бы выбрать епископа²⁶. Такой практики в других епархиях не существовало, в Будимской же она была свидетельством того, какое важное значение имела там паства. Многочисленные контакты и экономическое влияние сделали ее незаменимой для самих митрополитов, так как прихожане им часто помогали в путешествиях в Вену, таким образом финансируя «сербскую политику». Богатые купцы и ремесленники из Буды, Сентендре и Пешта хорошо ориентировались в политике Вены, и у них были выходы на влиятельных людей (например, на принца Евгения Савойского). Почти весь XVIII в. городское сословие: торговцы, ремесленники и интеллектуалы — Будимской епархии были самой прогрессивной частью сербского народа. Несмотря на их сильное влияние, митрополит отклонил их просьбу и выступил с встречным предложением: чтобы они выдвинули трех кандидатов, из которых он сам выберет епископа. Не дожидаясь ответа мирян, митрополит Моисей Петрович рукоположил на место епископа Будимского своего протосинкелла Василия Димитриевича²⁷.

Во время епископства Димитриевича, в 1732 г., к Будимской епархии была присоединена соседняя с ней Сигетско-Мохачская. Она включала территории между Дунаем, Дравой и Балатоном, которые таким образом стали южной частью Будимской епархии. Православных христиан там было больше, чем в северной половине, однако они были гораздо беднее²⁸. Владыка Василий, расширив юрисдикцию, тем не менее столкнулся с многочисленными проблемами, поскольку история религиозной дискриминации в землях ликвидированной

²⁶ Витковић 1873: 307–309.

²⁷ Точанац 2008: 122; Руварац 1904: 586–587; Васин, Нинковић 2018: 28–29.

²⁸ АСАНУК, МПА «А» 50, 70. и 76/1732. АСПЕБ, Препис конфирмационе дипломе за Сигетско-мохачко владичанство издате Василију Димитријевићу 10. октобра 1732. (Копия диплома о рукоположении Василия Димитриевича Сигетско-мохачским владыкой, 10 октября 1732 г.).

Сигетско-Мохачской епархии длилась уже больше четырех десятков лет. Чтобы взять под контроль округ и предотвратить притеснение, Димитриевич поставил Мохачским (Мохачско-польским) протопресвитером (область бывшей Сигетско-Мохачской епархии) своего брата Симеона²⁹.

Стоит заметить, что паства недолюбливала Василия Димитриевича, в первую очередь, из-за введения им при вступлении на кафедру милостыни — нерегулярного высокого налога, который не снижался до конца правления епископа. На саборах 1730 и 1731 гг.³⁰ жители Сентендре выступили с обвинениями против владыки, который препятствовал реализации прав наследования по завещанию, запрещал хоронить и сообщать о кончине усопшего, пока не будут осуществлены требуемые платежи, причем это касалось даже младенцев³¹. Также были рассмотрены жалобы горожан из Буды, утверждавших, что ни епископ, ни священники не придерживались тарифов на требы, установленных в 1726 г.³² На саборе 1730 г. перед лицом митрополита Димитриевич нашел оправдания, первоиерарх поддержал его, упрекнув паству в незнании тарифов, занижении платы служителям церкви и неуважении к епископу, но потребовал прекратить подобную практику и разрешить конфликт³³.

Владыка Василий противостоял местным властям, препятствующим строительству новых церквей, не отступил от своей цели и начал их возведение в барочном стиле. Это видно по работам в монастыре Грабоц, имевшем особенное значение для самой северной епархии. Именно из насельников обители в XVII в. чаще всего выбирались будимские епископы; это был один из двух наиболее авторитетных монастырей в монархии Габсбургов. Поэтому новый храм в Грабоце в барочном стиле стал образцом, которому необходимо было следовать всем сербским приходам в епархии. В том же стиле, что и Грабоц, начали воздвигать новые храмы в Сентендре (три церкви), Буде и Пеште. По приглашению главы Будимской епархии, к работам присоединился и Христофор Жефарович (1690–1753), первый сербский художник, творивший в стиле барокко. Его достижения легли

²⁹ Васин, Нинковић 2018: 31–32.

³⁰ Витковић 1875: 412–413, 423, 456.

³¹ Витковић 1873а: 28–29.

³² Якшић 1900: 7–18.

³³ Витковић 1873а: 57–59.

в основу нового художественного стиля в Будимской епархии, развивавшегося усилиями последователей мастера³⁴.

Смерть владыки Василия Димитриевича в 1748 г. стала поводом для новой попытки мирян Будимской епархии повлиять на избрание своего епископа. Новый митрополит Павел Ненадович и прихожане Будимской епархии достигли согласия по поводу кандидатуры Дионисия Новаковича. Но в дело вмешался венский двор: несмотря на то, что он утвердил Новаковича, предписал, чтобы впредь епископы и митрополит выбирались только на Синоде³⁵. Вторая половина XVIII в. стала весьма важным периодом для развития всей Карловицкой митрополии, когда во главе ее стояли уроженцы Буды. На кафедре сменились два митрополита родом оттуда: Исайя Антонович³⁶, который управлял церковью всего полгода, а затем — Павел Ненадович, руководивший ею без малого два десятилетия. Вместе с ними главную роль в последующие 16 лет в митрополии играли будимский владыка Дионисий Новакович и епископ Арадский — уроженец Сентендре Синесий Живанович. Благодаря их теологическим работам и борьбе против унии, православную веру сохранили не только сербы, но и румыны в Трансильвании. Помимо того, с 1762 г. будимские епископы или люди родом из Будимской епархии заботились о духовной жизни трансильванских румын. На этом поприще больше всего трудились Дионисий Новакович, Софроний Кирилович и Гедеон Никитич³⁷.

Много сведений о состоянии Будимской епархии сохранилось от периода епископства Новаковича. В епархии насчитывалось три тысячи домохозяйств православных, 40% из них находились на севере и были во владении торговцев и ремесленников, в границах двух протопресвитерианств — Буды и Сентендре, и, соответственно, 60%, населенные крестьянами, — на юге, в Мохачском протопресвитерианстве. На севере почти все церкви (хотя многие из них были далеки от архитектурного идеала) были построены из прочного материала, тогда как на юге в 45% населенных пунктов храмов не существовало вообще. Из 25 действовавших церквей в Мохачском

³⁴ Вукосављев 2013: 76–85, 285; Тодић 2010: 401–404; Давидов 2011: 125–134, 164–165.

³⁵ Нинковић 2017: 66–68.

³⁶ Нинковић 2013: 194–201.

³⁷ Нинковић 2017: 247–252.

протопресвитерианстве только шесть были из прочного материала. Экономическое развитие позволило северным приходам иметь 26 священников, на юге их было 28³⁸. Положение на юге Будимской епархии начало улучшаться после 1760 г., когда представители местной власти стали проявлять терпимость по отношению к православным. Тогда и здесь начали воздвигать храмы из прочных материалов, этот процесс продолжался до первых десятилетий XIX в. Он сопровождался распространением барокко; не без влияния епископа Новаковича в особенности при строительстве новой кафедральной церкви в Сентендре, в которой чувствовалось явное влияние русского барокко³⁹. В Будимской епархии работало все больше талантливых художников, таких как Василий Остойич и Стефан Тенецки. Владыка Дионисий, бывший в свое время ведущим православным теологом в монархии Габсбургов, написал несколько книг и пять лет руководил православными приходами в Трансильвании. Он постарался восстановить мир и упорядочить церковную жизнь после конфликта, длившегося там с 1760 по 1762 г., защищал православных румын от влияния униатов и охранял их религиозную идентичность⁴⁰. Его богословские труды оказали большое влияние на развитие сербской теологической мысли, особенно если учесть время, в которое они

³⁸ АСАНУК, МПА «А» 364/1755.

³⁹ Епископ Новакович получил духовное образование в Российской империи. До 1792 г., когда митрополит Стефан Стратимирович основал «Богословию», у сербов не было высшего духовного учебного заведения, хотя семинарии периодически работали, особенно во время служения митрополитом Павла Ненадовича (1749–1768). Богословие развивалось в основном в монастырях и при епископских и митрополичьих дворах, однако те, кто хотел расширить свои знания, продолжали учебу за пределами монархии Габсбургов, в России. В XVIII в. сербы поступали в Киевскую духовную академию. Из-за удаленности и стесненного экономического положения количество обучавшихся там было невелико: с 1726 по 1762 г. всего 28 человек, среди которых выделялись Дионисий Новакович, Йован Раич и Моисей Путник. Дионисий Новакович был одним из первых сербов, получивших высшее духовное образование в России. В 1726 г. он, будучи монахом монастыря Савина, прибыл в Киев и учился в Духовной академии до 1737 г. По окончании образования он был приглашен на должность профессора теологии в школу владыки Висарiona Павловича в Нови-Саде. В ходе работы благодаря полученному в России опыту он попытался реформировать преподавание. В 1749 г. митрополит Павел Ненадович предложил ему составить план обучения в новооснованной школе в Сремски-Карловцах. См.: Прибичевић 1905: 248–252; Радојчић 1913: 668–673; Петров 1972: 164–165; Нинковић 2018: 230–234.

⁴⁰ Вукосављев 2013: 285; Давидов 2011: 83–116, 141–145, 151–155; Тимотијевић 144; Вуковић 1997: 21–33.

были созданы — эпоху наступления светских и церковных властей монархии Габсбургов на православие. Защитить верующих Трансильвании, Арадской епархии, Хорватии и Славонии пытался митрополит Павел Ненадович, а епископ Новакович подготовил теоретическую базу борьбы против религиозной конверсии⁴¹.

За заслуги перед церковью и православным миром монархии Габсбургов владыка Новакович удостоился эпитафии, в которой упоминаются его выдающаяся образованность и обучение в России:

Увидит кто zde воззрит что дивни лежит. Во гробе сем темном всем нам неизбежном Дионисиј муж православниј, в наук преизградниј, епископ будимски, сечујски и трансилванијски, Новаковић, от рода зовомиј В далмацији рождениј, В Роесиј научен Богословији изучен, о Србије да тако лишисја, пастирја велика, сердцем прослезисја что не будет толика иже правја престолом и учја словом лет 19т, а два семдесјат поживе сего света преслисја 1767. лета. Вечнаја памјат јему буди и нас Христе не забуди, причти јего со свјатими Архијереји твојими. (курсив мой. — Н.Н.)⁴².

С момента неожиданной кончины Дионисия Новаковича в декабре 1767 г. и до августа 1770 г. Будимскую епископскую кафедру никто не занимал. Ситуация изменилась в августе 1770 г., когда в Сентендре был рукоположен Арсений Радивоевич, родом из этого города. Он недолго возглавлял Будимскую епархию: в 1774 г. занял место бачского епископа в Нови-Саде. В короткое время правления он приступил к строительству нового епископского двора в Сентендре. Радивоевич не уделял много внимания реформам в епархии — ими пришлось заниматься его преемнику Софронию Кириловичу, бывшему трансильванскому епископу⁴³. Епископство Кириловича совпало с периодом, когда по указанию Марии Терезии (1740–1780 гг.) осуществлялись многочисленные реформы, касающиеся сербского общества в монархии Габсбургов. Были введены новые правила, регулирующие открытие школ и организацию обучения (ранее на эту сферу влияла церковь), было сокращено количество приходов и протопресвитерианств, отменены многие церковные праздники,

⁴¹ АСПЕБ, Е, К, Фасц. 3–17; АСАНУК, МПА, «А» 373, 374, 433, 434, 466, 516, 543/1755; Витковић 1874: 203–206, 285–287; Вукашиновић 2010: 142–149, 160–170.

⁴² Стефановић 1987: 323.

⁴³ Васин, Нинковић 2018: 57–59.

закрыты монастыри, не приносившие доход⁴⁴. Меры не могли не затронуть Будимскую епархию. Реформы не вызвали там сопротивления и проблем, как было в других регионах, населенных сербами. Приходы были объединены, так что вместо трех стали действовать два протопресвитерианства⁴⁵. Монастырь Ковин⁴⁶ на острове Чепель превратился в приходскую церковь, а его монахи были переселены в Грабоц⁴⁷. Закрытие Ковина спровоцировало сопротивление и вызвало просьбы оставить его в прежнем виде, но никакого исключения не могло быть — и скоро все успокоилось⁴⁸.

Кириловичу досталась епархия, в северных приходах которой в основном были добротные построенные храмы в барочном стиле. В период епископства Радивоевича и Кириловича завершили роспись этих церквей, а также кладку колоколен в стиле барокко. На строительство храмов жертвовали миряне, собранных средств всегда не хватало, так как работы проходили в три этапа: первый — строительство самой церкви, второй — украшение интерьера (резьба по дереву и роспись) и третий — возведение роскошных колоколен с западного входа. На севере епархии это проходило без особых проблем, поэтому владыка обратил внимание на юг, так как он сам был родом из тех мест, из Дунасекче на Дунае⁴⁹. Кроме строительства церквей и строгого контроля за жизнью приходов, Кирилович озаботился укреплением епархии, подчинив ей греческую общину в Кечкемете, которая прежде была подвластна карловицкому митрополиту. Большое внимание он уделял живущим изолированно греческо-цинцарско-сербским православным общинам в Дёре и Секешфехерваре. Епископ также отнял ставропигиальный статус у приходов в Пеште и Буде. В период правления Кириловича в епархии насчитывалось 3450 домов православных и 76 священников, из которых 48 имели приходы⁵⁰.

Когда в 1781 году Софроний был избран темешварским епископом, Будимская епархия снова оказалась без владыки, однако это

⁴⁴ Микавица, Лемајић, Васин, Нинковић 2016: 306–312; Костић 2011.

⁴⁵ Васин, Нинковић 2018: 58–64.

⁴⁶ На о. Чепель находится г. Рацкеве, в сербской традиции, именуемый Српски Ковин или Рацки Ковин (*прим. перев.*).

⁴⁷ Сербское название Грабоца — Грабовац (*прим. перев.*).

⁴⁸ АСАНУК, МПА “А” 185. и 279/1776, 57, 117. и 132/1777; Руварац 1905: 362–364.

⁴⁹ Давидов 2011: 94, 129, 142, 162, 164, 289, 311, 329, 332.

⁵⁰ Точанац 2014: 196.

не вызвало трудностей, поскольку Софроний не покидал епархию до весны 1782 г. После короткого периода под управлением бачского епископа Атанасия Живковича епархию возглавил Кирилович. Она включала территории восьми жупаний, причем в двух из них — Пештской и Бараньской — находились 84 % православных домохозяйств⁵¹. Кирилович руководил епархией небезуспешно, так как хорошо знал местные условия. Многие вопросы по управлению он передал только что созданной консистории. Это все позволило ему привести в порядок монастырь Грабоц, где начались работы по росписи⁵². Кириловичу удалось также повлиять на избрание уроженца Буды Гедеона Никитича на место нового трансильванского епископа⁵³.

Несмотря на то, что миряне в Будимской епархии несколько раз пытались добиться, чтобы им назначили епископа, такой случай представился только в 1786 г., когда в марте того года умер владыка Софроний. Кончина вршацкого епископа Викентия в конце 1785 г. послужила поводом для созыва Синода, на котором было принято решение и относительно Будимской епархии. Император Иосиф II по предложению митрополита Моисея Путника утвердил его фаворита — крушедольского архимандрита Стефана Стратимировича — на место будимского епископа. Стратимирович возглавлял епархию всего четыре года, тем не менее его правление оставило глубокий след в ее истории. Особое внимание он уделял организации обучения в новых школах на юге епархии, строительство которых завершилось незадолго до его прибытия. Во время его правления началась война монархии Габсбургов в союзе с Россией против Османской империи (1787–1791). Стратимирович, согласно обычаям того времени, призвал прихожан помочь медицинскими средствами и деньгами. Из-за войны архив Карловицкой митрополии перенесли из Сремски-Карловцев в Сентендре и передали в его ведение. Таким образом он сохранился: через несколько недель после того, как перевезли документы, пожар охватил митрополичий двор⁵⁴.

Владыка Стефан сыграл важную роль в 1790 г., когда из-за конфликта в Венгрии и смерти императора Иосифа II отправился

⁵¹ АСАНУК, МПА «А» 547/1781.

⁵² Тодић 2010: 359–360, 369–370.

⁵³ Васин, Нинковић 2018: 65–69.

⁵⁴ Нинковић 2016: 145–161.

в Вену с архиепископом Моисеем и несколькими владыками. В столице митрополит Моисей скоропостижно скончался, Стратимировичу поручили заниматься организацией его похорон в кафедральной церкви в Сентендре. Затем Стратимирович уехал на сабор в Темешвар, где нужно было разрешить сербские политические и церковные проблемы⁵⁵.

Стратимирович так и не вернулся в Сентендре, поскольку на том самом саборе был избран митрополитом⁵⁶. Кафедру он занимал 46 лет и стал, по оценкам современников и историков, одним из самых влиятельных архиереев в многовековой истории Сербской православной церкви⁵⁷. В Будимской епархии Стратимирович получил опыт управления, который пригодился на посту Карловицкого митрополита. Его преемником в Сентендре стал Дионисий Попович (Папазоглу), бывший до этого белградским митрополитом. В 1791 г. он переехал из Османской империи в монархию Габсбургов и перешел из подчинения Константинопольской патриархии в Карловицкую митрополию. С назначения Дионисия Поповича начался новый период в истории Будимской епархии⁵⁸.

Перевод с сербского Л. Ю. Пахомовой

⁵⁵ Васин, Нинковић 2018: 80–81.

⁵⁶ Гавриловић, Петровић 1972: 452–458.

⁵⁷ О Стефане Стратимировиче как Карловицком митрополите см.: Слїепчевић 1936.

⁵⁸ Дионисий (Димитрий) Попович (Папазоглу) родился в Козани близ Салоник в 1750 г. в семье священника. По завершении образования женился, в браке с суженой Ириной родился сын Харитон. В 1775 г. Попович был рукоположен в диакона, стал помогать отцу. После смерти отца и жены оставил сына на попечение родных и принял постриг в монастыре Ватопед, где вскоре стал архимандритом. Оттуда был приглашен в Валахию и стал наставником детей валашского князя, позднее переехал в Константинополь, был возведен в сан епископа без диоцеза, проповедовал в Фанаре (район Константинополя — *прим. перев.*). Кафедру получил в 1785 г., став белградским митрополитом, и возглавлял ее до 1791 г. Будучи будимским епископом, сам переводил с греческого на сербский язык, а также пригласил к своему двору Луку Милованова (1784–1828), который по заказу Поповича перевел с латыни и греческого труды Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова и Феофилакта Болгарского (Охридского). На деньги Дионисия Поповича была напечатана книга *Сокровище Христїанское и житїе Кїрилла и Меводїа*. См.: Римский 1857: 67–69; Синдик, Гроздовић-Пајић, Мано-Зиси 1991: 148–162; Гавриловић 2005: 108, 151, 198; Васин, Нинковић 2018: 93–94.

Список исторических географических названий

Темешвар — ныне Тимишоара в Румынии

Список сокращений

АСАНУК — Архив Сербской академии наук и искусств в Сремски-Карловцах

АСПЕБ — Архив Сербской православной епархии в Буде

МПА — Митрополитско-патриарший архив

Литература

- Васин, Нинковић 2018 — *Васин Г., Нинковић Н.* Историја Будимске епархије. Сремска Митровица: Историјски архив Срем, 2018. 202 с.
- Витковић 1873 — *Витковић Г.* Споменници из будимског и пештанског архива. Београд: Државна штампарија, 1873. Зб. 1. 309 с.
- Витковић 1873а — *Витковић Г.* Споменници из будимског и пештанског архива. Београд: Државна штампарија, 1873. Зб. 2. 401 с.
- Витковић 1874 — *Витковић Г.* Споменници из будимског и пештанског архива. Београд: Државна штампарија, 1873. Зб. 3. 494 с.
- Витковић 1875 — *Витковић Г.* Споменници из будимског и пештанског архива. Београд: Државна штампарија, 1873. Зб. 4. 486 с.
- Вукашиновић 2010 — *Вукашиновић В.* Српска барокна теологија: библијско и светотајинско богословље у Карловачкој митрополији XVIII века. Требиње: Манастир Тврдош, 2010. 350 с.
- Вуковић 1997 — *Вуковић К.* Михаило Живковић (1776–1824). Нови Сад: Галерија Матице српске, 1997. 129 с.
- Вукосављевић 2013 — *Вукосављевић З.* Архитектура српских православних цркава у Мађарској. Будимпешта: Терц, Српски институт, 2013. 432 с.
- Гавриловић 2005 — *Гавриловић В.* Темишварски сабор и Илирска дворска канцеларија (1790–1792). Нови Сад: Платонеум, 2005. 366 с.
- Гавриловић 2005а — *Гавриловић С.* Извори о Србима у Угарској с краја XVII и почетком XVIII века. Београд: САНУ, 2005. Књ. 4. 432 с.
- Гавриловић, Петровић — *Гавриловић С., Петровић Н.* Темишварски сабор 1790. Нови Сад; Сремски Карловци: Архив Војводине, 1972. 726 с.
- Давидов 2011 — *Давидов Д.* Сентандреја: српске повеснице. Београд: Српска академија наука и уметности; Нови Сад: Прометеј, 2011. 235 с.
- Ивић 1913 — *Ивић А.* Живот Срба у Угарској од смрти кнеза Бетлена до друге опсаде Беча (1629–1683). Загреб: Краљевска земаљска тискара, 1913. 18 с.
- Јакшић 1900 — *Јакшић М.* О Вићентију Јовановићу, прилози за историју митрополитства му 1731–1737. Нови Сад: Штампарија Српске књижевне браће М. Поповић, 1900. 222 с.

- Јакшић 1962 — *Јакшић И.* Срби у Столном Београду од 1543. до 1947. године. Нови Сад: Војвођански музеј, 1962. 184 с.
- Костић 2011 — *Костић М.* Граф Колер. Српска насеља у Русији. Српске привилегије. Загреб: Просвјета, 2011. 495 с.
- Микавица, Гавриловић, Васин 2007 — *Микавица Д., Гавриловић В., Васин Г.* Знаменита документа за историју српског народа 1538–1918. Нови Сад: Филозофски факултет, 2007. 416 с.
- Микавица, Лемајић, Васин, Нинковић 2016 — *Микавица Д., Лемајић Н., Васин Г., Нинковић Н.* Срби у Хабзбуршкој монархији од 1526. до 1918: 2 т. Нови Сад: Прометеј, Филозофски факултет, РТВ, 2016. 1018 с.
- Нинковић 2013 — *Нинковић Н.* Исаија Антоновић епископ арадски и митрополит карловачки (1731–1749) // *Истраживања.* 2013. № 24. С. 179–203.
- Нинковић 2016 — *Нинковић Н.* Стефан Стратимировић као Будимски епископ (1786–1790) // Српске студије. 2016. № 7. С. 145–161.
- Нинковић 2017 — *Нинковић Н.* Митрополит Павле Ненадовић. Нови Сад: Филозофски факултет, Историјски архив Срем, 2017. 528 с.
- Нинковић 2018 — *Нинковић Н.* Карловачка митрополија и српско школство у Хабзбуршкој монархији од 1699. до 1848. године // *Philologica slavica Vindobonensia.* 2018. № 4. С. 229–245.
- Павић 1972 — *Павић М.* Гаврил Стефановић Венцловић. Београд: СКЗ, 1972. 326 с.
- Петров 1972 — *Петров М.* Питомци српског народног сабора у Сремским Карловцима на Кијевској духовној академији у другој половини XIX века // *Зборник Матице Српске за историју.* 1972. № 5. С. 164–167.
- Пецињачки 1992 — *Пецињачки С.* Срби, српска црква и вероисповедна школа у Столном Београду // *Сентандрејски зборник.* 1992. № 2. С. 199–212.
- Поповић 1952 — *Поповић Ј. Д.* Срби у Будиму. Београд: СКЗ, 1952. 393 с.
- Прибићевић 1905 — *Прибићевић В.* Срби питомци Кијевске академије у времену од 1721–1762 год // *Богословски гласник.* 1905. № 7. С. 248–252.
- Радојчић 1913 — *Никола Р.* Кијевска академија и Срби // *Српски књижевни гласник.* 1913. № 9. С. 668–674.
- Римскиј 1857 — *Римскиј П.* Животоописане Дјонусја отъ Поповића православногъ епископа будимскогъ // *Србскиј лѣтопись.* 1857. № 95. С. 65–84.
- Руvaraц 1904 — *Руvaraц Д.* Грамата митрополита београдског Мојсија Петровића за владикау сентандрејско-Будимског Василија Димитријевића // *Српски Сион.* 1904. № 14. С. 586–587.
- Синдик, Гроздановић-Пајић, Мано-Зиси 1991 — *Синдик Н., Гроздановић-Пајић Н., Мано-Зиси К.* Опис рукописа и старих штампаних књига библиотеке Српске православне епархије будимске у Сентандреји. Београд; Нови Сад: Народна библиотека Србије, 1991. 420 с.

- Слијепчевић 1936 — *Слијепчевић Ђ.* Стеван Стратимировић митрополит Карловачки као поглавар цркве, просветни и национално политички радник. Београд: Књижара Влад. Н. Рајковића и Комп., 1936. 225 с.
- Стефановић 1987 — *Стефановић Д.* Епитафи у српским црквама и портама у Сентандреји // Сентандрејски зборник. 1987. № 1. С. 309–328.
- Тодић 2010 — *Тодић Б.* Радови о српској уметности и уметницима XVIII века, по архивским и другим подацима. Нови Сад: Галерија Матице српске, 2010. 577 с.
- Точанац 2008 — *Точанац И.* Српски народно-црквени сабори (1718–1735). Београд: Историјски институт, 2008. 305 с.
- Точанац 2014 — *Точанац И.* Реформа Српске православне цркве у Хабзбуршкој монархији за време владавине Марије Терезије и Јосифа II (1740–1790). Докт. дис. Београд: Филозофски факултет, 2014. 339 с. URL: <https://nardus.mpn.gov.rs/bitstream/handle/123456789/3349/Disertacija.pdf?sequence=6&isAllowed=y> (дата обраћања: 10.09.2021) (рукопис).
- Тричковић 1980 — *Тричковић Р.* Српска црква средином XVII века // Глас Српске академије наука и уметности. 1980. № 320. С. 61–164.

References

- Davidov, D., 2011. *Szentendre: srpske povesnice* [Szentendre: Serbian histories]. Belgrade: Srpska akademija nauka i umetnosti; Novi Sad: Prometej, 235 p. (in Serb.)
- Gavrilović, S., Petrović, N., 1972. *Temišvarski sabor 1790* [The Sabor of Timișoara, 1790]. Novi Sad–Sremski Karlovci: Arhiv Vojvodine, 726 p. (in Serb.)
- Gavrilović, S., 2005a. *Izvori o Srbima u Ugarskoj s kraja XVII i početkom XVIII veka* [Sources on Serbs in Hungary from the late seventeenth to the early eighteenth century], 4. Belgrade: SANU, 432 p. (in Serb.)
- Gavrilović, V., 2005. *Temišvarski sabor i Ilirska dvorska kancelarija (1790–1792)* [The Sabor of Timișoara and the Illyrian Court Chancellery (1790–1792)]. Novi Sad: Platoneum. 366 p. (in Serb.)
- Ivić, A., 1913. *Život Srba u Ugarskoj od smrti kneza Betlena do druge opsade Beča (1629–1683)* [Life of the Serbs in Hungary from the death of Prince Bethlen to the second siege of Vienna (1629–1683)]. Zagreb: Kraljevska zemaljska tiskara, 18 p. (in Serb.)
- Jakšić, I., 1962. *Srbi u Stolnom Beogradu od 1543. do 1947. godine* [Serbs in Belgrade city from 1543 to 1947]. Novi Sad: Vojvođanski muzej, 184 p. (in Serb.)
- Jakšić, M., 1900. *O Vićentiju Jovanoviću, prilozi za istoriju mitropolitstva mu 1731–1737* [On Vićentije Jovanović, additions to the history of his metropolitanate, 1731–1737]. Novi Sad: Štamparija Srpske knjižare braće M. Popović, 222 p. (in Serb.)

- Kostić, M., 2011. *Grof Koler. Srpska naselja u Rusiji. Srpske privilegije* [Count Koller. Serbian settlements in Russia. Serbian privileges]. Zagreb: Prosvjeta, 495 p. (in Serb.)
- Mikavica, D., Gavrilović, V., Vasin, G., 2007. *Znamenita dokumenta za istoriju srpskog naroda 1538–1918* [Famous documents from the history of the Serbian nation]. Novi Sad: Filozofski fakultet, 416 p. (in Serb.)
- Mikavica, D., Lemajić, N., Vasin, G., Ninković, N., 2016. *Srbi u Habzburškoj monarhiji od 1526. do 1918* [Serbs in the Habsburg Monarchy from 1526 to 1918], in 2 vols. Novi Sad: Prometej; Filozofski fakultet; RTV, 1018 p. (in Serb.)
- Ninković, N., 2013. Isaija Antonović episkop aradski i mitropolit karlovački (1731–1749) [Isaija Antonović, the Bishop of Arad and Metropolitan of Karlovci (1731–1749)]. *Istraživanja*, 24, pp. 179–203. (in Serb.)
- Ninković, N., 2016. Stefan Stratimirović kao Budimski episkop (1786–1790) [Stefan Stratimirović as a Bishop of Buda (1786–1790)]. *Srpske studije*, 7, pp. 145–161. (in Serb.)
- Ninković, N., 2017. *Mitropolit Pavle Nenadović* [Metropolitan Pavle Nenadović]. Novi Sad: Filozofski fakultet; Istorijski arhiv Srem, 528 p. (in Serb.)
- Ninković, N., 2018. Karlovačka mitropolija i srpsko školstvo u Habzburškoj monarhiji od 1699. do 1848. godine [The Metropolitanate of Karlovci and Serbian education from 1699 to 1848]. *Philologica slavica Vindobonensia*, 4, pp. 229–245. (in Serb.)
- Pavić, M., 1972. *Gavril Stefanović Venclović*. Belgrade: SKZ, 326 p. (in Serb.)
- Pecinjački, S., 1992. Srbi, srpska crkva i veroispovedna škola u Stolnom Beogradu [Serbs, Serbian church, and religious school in capital Belgrade]. *Sentandrejski zbornik*, 2, pp. 199–212. (in Serb.)
- Petrov, M., 1972. Pitomci srpskog narodnog sabora u Sremskim Karlovcima na Kijevskoj duhovnoj akademiji u drugoj polovini XIX veka [The pupils of the Serbian National Sabor in Sremski Karlovci at the Kiev Theological Academy in the second half of the nineteenth century]. *Zbornik Matice srpske za istoriju*, 5, pp. 164–167. (in Serb.)
- Popović, J.D., 1952. *Srbi u Budimu* [Serbs in Buda]. Belgrade: SKZ, 393 p. (in Serb.)
- Pribičević, V., 1905. Srbi pitomci Kijevske akademije u vremenu od 1721–1762. god. [The Serbian foundationers of Kiev Academy from 1721 to 1762]. *Bogoslovski glasnik*, 7, pp. 248–252. (in Serb.)
- Radojičić, N., 1913. Kijevska akademija i Srbi [The Kiev Academy and the Serbs]. *Srpski književni glasnik*, 9, pp. 668–674. (in Serb.)
- Rimskij, P., Životoopisanje Dionisija ot Popovića pravoslavnog episkopa budimskog [The Life of Dionisij Popović, the Orthodox Bishop of Buda]. *Srbskij letopis*, 95, pp. 65–84. (in Serb.)
- Ruvarac, D., 1904. Gramata mitropolita beogradskog Mojsija Petrovića za vladiku sentandrejsko-Budimskog Vasilija Dimitrijevića [Diploma of the

- Metropolitan of Belgrade Mojsije Petrović for the Bishop of Szentendre and Buda Vasilije Dimitrijević]. *Srpski Sion*, 14, pp. 586–587. (in Serb.)
- Sindik, N., Grozdanović-Pajić, M., Mano-Zisi, K., 1991. *Opis rukopisa i starih štampanih knjiga biblioteke Srpske pravoslavne eparhije budimske u Sentandreji* [Description of manuscripts and old printed books of the Library of the Serbian Orthodox Diocese of Buda in Szentendre]. Belgrade; Novi Sad: Narodna biblioteka Srbije, 420 p. (in Serb.)
- Slijepčević, Đ., 1936. *Stevan Stratimirović mitropolit Karlovački kao poglavar crkve, prosvetni i nacionalno politički radnik* [Stevan Stratimirović, Metropolitan of Karlovci, as the head of the church, an educational and national politician]. Belgrade: Knjižara Vlad. N. Rajkovića i Komp., 225 p. (in Serb.)
- Stefanović, D., 1987. Epitafi u srpskim crkvama i portama u Sentandreji [The Epitaphs in Serbian churches and churchyards in Szentendre]. *Sentandrejski zbornik*, 1, pp. 309–328. (in Serb.)
- Točanac, I., 2008. *Srpski narodno-crkveni sabori (1718–1735)* [The Serbian National-Church Councils (1718–1735)]. Belgrade: Istorijski institut, 305 p. (in Serb.)
- Točanac, I., 2014. *Reforma Srpske pravoslavne crkve u Habzburškoj monarhiji za vreme vladavine Marije Terezije i Josifa II (1740–1790)* [The reform of Serbian Orthodox church in the Habsburg Monarchy during the reign of Maria Theresa and Joseph II (1740–1790)]. PhD thesis. Beograd: Filozofski fakultet, 339 p. URL: <https://nardus.mpn.gov.rs/bitstream/handle/123456789/3349/Disertacija.pdf?sequence=6&isAllowed=y> (accessed: 10.09.2021) (manuscript). (in Serb.)
- Todić, B., 2010. *Radovi o srpskoj umetnosti i umetnicima XVIII veka, po arhivskim i drugim podacima* [Works on Serbian art and artists of the eighteenth century, based on archival and other sources]. Novi Sad: Galerija Matice srpske, 577 p. (in Serb.)
- Tričković, R., 1980. Srpska crkva sredinom XVII veka [Serbian church in the middle of the seventeenth century]. *Glas Srpske akademije nauka i umetnosti*, 320, pp. 61–164. (in Serb.)
- Vasin, G., Ninković, N., 2018. *Istorija Budimske eparhije* [The history of Buda Metropolis]. Sremska Mitrovica: Istorijski arhiv Srem, 202 p. (in Serb.)
- Vitković, G., 1873. *Spomenici iz Budimskog i peštanskog arhiva* [Monuments from the Archives of Buda and Pest], 1. Belgrade: Državna štamparija, 309 p. (in Serb.)
- Vitković, G., 1873a. *Spomenici iz budimskog i peštanskog arhiva* [Monuments from the Archives of Buda and Pest], 2. Belgrade: Državna štamparija, 401 p. (in Serb.)
- Vitković, G., 1874. *Spomenici iz budimskog i peštanskog arhiva* [Monuments from the Archives of Buda and Pest], 3. Belgrade: Državna štamparija, 494 p. (in Serb.)
- Vitković, G., 1875. *Spomenici iz budimskog i peštanskog arhiva* [Monuments from the Archives of Buda and Pest], 4. Belgrade: Državna štamparija, 486 p. (in Serb.)

- Vukašinić, V., 2010. *Srpska barokna teologija: biblijsko i svetotajinsko bogoslovlje u Karlovačkoj mitropoliji XVIII veka* [Serbian baroque theology: Biblical and sacramental theology in the Metropolitanate of Karlovci in the eighteenth century]. Trebinje: Manastir Tvrdoš, 350 p. (in Serb.)
- Vukosavljev, Z., 2013. *Arhitektura srpskih pravoslavnih crkava u Mađarskoj* [Architecture of Serb Orthodox churches in Hungary]. Budapest: Terc, Srpski institut, 432 p. (in Serb.)
- Vuković, K., 1997. *Mihailo Živković (1776–1824)* [Mihailo Živković (1776–1824)]. Novi Sad: Galerija Matice srpske, 129 p. (in Serb.)

Nenad Đ. Ninković

PhD, Extraordinary Professor, Department of History, Faculty of Philosophy, University of Novi Sad, Novi Sad, Serbia. 21102, Dr. Zorana Đinđića, 2. E-mail: nenad.ninkovic@ff.uns.ac.rs

The Serbs in the Centre of the Hungarian State: The Diocese of Buda in the Eighteenth Century

Among the dioceses of the Archbishopric of Karlovci (Metropolitanate), Buda was the smallest in terms of number of adherents. Its significance, however, was disproportionate to its size. During the eighteenth century, there were several influential Serbian bishops (such as Sinesije Živanović, Sofronija Kirilović, and Arsenije Radivojević) and archbishops (including Vikentije Jovanović, Isaija Antonović, and Pavle Nenadović) in the Habsburg Monarchy who came from the Diocese of Buda. In the Diocese of Buda, the class of merchants, traders, and the educated were more sophisticated than in any other Orthodox diocese in Hungary. This left a significant impact on Serbian history because they played an important role in the assemblies, which were the Serbs' most important secular institution within the Habsburg Monarchy. This paper will first consider the beginnings of the Diocese of Buda, which was formed during the mid-sixteenth century when Hungary was part of the Ottoman Empire. Then the development of the diocese will be analysed starting from 1695, when it was established according to the Privileges of Emperor Leopold I, until 1791, when it was headed by Dionisije Popović (Papazoglu), who until then had been the Metropolitan of Belgrade, and under whom a new period in the diocese's history began. The paper will then address the history of Orthodox church building, the influence of bishops both inside and outside the Diocese of Buda, and the considerable differences between the northern and southern parts of the diocese.

Keywords: Diocese of Buda, Archbishopric of Karlovci, Serbs, Buda, Pest, Szentendre, Habsburg Monarchy

How to cite: Ninković, N. Đ., 2021. The Serbs in the Centre of the Hungarian State: The Diocese of Buda in the Eighteenth Century. *Tsentral'noevropejskiiie issledovaniia*, 2021, 4(13), pp. 93–114. doi: 10.31168/2619-0877.2021.4.4.

Горан Васин

Доктор, экстраординарный профессор, отделение истории, философский факультет, Университет Нови-Сада, Нови-Сад, Сербия. 21102, Др. Зорана Ђинђића, 2.
E-mail: goran.vasin@ff.uns.ac.rs

Сербы в центре Венгерского государства: Будимская епархия в «долгом» XIX веке

История Будимской епархии, одной из важнейших административно-территориальных единиц сербской православной Карловицкой митрополии¹, была в XIX в. наполнена бурными и динамичными событиями, равно как и история сербов в составе монархии Габсбургов. Поскольку епархия находилась в самом центре венгерской части империи, ее положение было простым и в значительной мере обусловлено событиями, происходившими на центральной политической сцене страны. Число сербов, проживавших на территории монархии, не было велико, что ограничивало их возможности и располагаемые ими ресурсы. Переломные события — наполеоновские войны, революция 1848–1849 гг., попытки решения национального вопроса во второй половине XIX в. — оказали существенное влияние на жизнь епархии как церковной единицы. Многие политические решения, определявшие развитие империи и положение ее населения, отражались и на сербской церкви и ее прихожанах по всей монархии. Епархия находилась под бдительным контролем венгерских властей, многочисленные свидетельства которого в переломные исторические моменты усиливали драматизм и нестабильность повседневной жизни сербов Будимской епархии.

Ключевые слова: Карловицкая митрополия, сербы в монархии Габсбургов, XIX век, революция 1848–1849 гг., Первая мировая война

Данная статья является доработанной текстовой версией одноименного доклада, представленного автором на конференции «Венгрия как фактор государственных, этнических и культурных взаимодействий в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе в Новое и Новейшее время» (Институт славяноведения РАН, Москва, 2–3 ноября 2020 г.).

¹ Распространенные в отечественной историографии прилагательные от топонима Сремски-Карловцы «карловацкий/карловацкая» являются калькой с сербского «карловачки/карловачка». В статье использована грамматическая форма, соответствующая нормам словообразования русского языка «карловицкий/карловицкая».

Цитирование: *Васин Г.* Сербь в центре венгерского государства. Будимская епархия в «долгом» XIX веке // *Центральноевропейские исследования.* 2021. Вып. 4(13) / гл. ред. О. В. Хаванова. М. : Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 115–130. DOI: 10.31168/2619-0877.2021.4.5.

После окончания австро-русско-турецкой войны 1787–1791 гг. произошли организационные изменения, затронувшие Карловицкую митрополию, а вскоре и Будимскую епархию. На ситуацию там заметно повлияло вступление на кафедру в Буде митрополита Дионисия Поповича (Папазоглу, 1750–1828). А избрание Стефана Стратимировича (1757–1836) митрополитом Карловицким на Темешварском саборе 1790 г., на котором также была сформулирована и сербская национальная программа, оказало большое влияние на дальнейшее развитие всей Сербской православной церкви в монархии Габсбургов. Хотя будимская церковная община и выступила против фигуры Дионисия Поповича, бывшего подданного Османской империи, эти жалобы не сыграли существенной роли: новоизбранный митрополит Стефан Стратимирович принял решение властей, и так начались почти три десятилетия деятельности митрополита Дионисия Поповича.

Она была связана с основанием школ: гимназии в 1791 г. и семинарии в 1794 г. в Сремски-Карловцах, а также «Препарандии» (учительской семинарии), открытой в Сентендре в 1812 г. и позднее перемещенной в Сомбор. Сам владыка Дионисий Попович управлял епархией до 1828 г. и, как правило, избегал радикальных изменений курса во внутрицерковном (каноническом) плане, однако эпоха революций и войны с Наполеоном всколыхнули всю монархию Габсбургов, особенно после поражений под Аустерлицем в 1805 г. и Ваграмом в 1809 г., фактически означавших ее полный разгром. В турецкой части Сербии в это время полыхало Первое сербское восстание 1804–1813 гг., поэтому Будимская епархия, находившаяся в центре венгерской части страны, оставалась пассивна, а духовенство заботилось в основном о том, как бы не навлечь на себя подозрения в симпатиях к повстанцам. В посланиях духовенству и пастве митрополит Стратимирович призывал воевать против тех, кто разрушает христианскую веру и святыни. Епархия собирала средства на венгерскую армию и каритативную деятельность. Ввиду того, что Венгерский регентский совет строго контролировал доходы и расходы митрополии, церковные власти, как в Буде, так и в Сремски-Карловцах заботились

о том, чтобы их обязательства исполнялись в полном объеме, подчеркивая тем самым свою лояльность монархии.

Взаимоотношения будимского владыки и митрополита Стратимировича едва ли можно назвать сердечными, но это не мешало работе церковных институтов². Попович несколько лет пытался добиться укрепления имущественного положения священников епархии, о чем свидетельствует широкий круг сохранившихся архивных источников. Схожие действия проводились и в отношении новых и старых школ, предпринимались попытки осуществления системных преобразований, приобщения к грамотности как можно большего числа сербских детей. Однако это встречало сопротивление родителей в деревнях: они не отпускали детей учиться из-за большого числа разнообразных обязанностей, которые те должны были выполнять весной и осенью. Важные решения были приняты в отношении новых мер здравоохранения и санитарных норм, особенно во время эпидемии чумы 1795–1796 гг. Но и позднее, в 1811 г., большое внимание уделялось усилиям, направленным на искоренение старого обычая оставлять и перемещать покойников в открытых гробах, для того чтобы снизить вероятность распространения будущих эпидемий³. Идея митрополита Поповича перенести центр епархии из Сентендре в Буду не была реализована из-за финансовых затруднений, а сам он получил тяжкие увечья во время попытки вооруженного ограбления его резиденции в Буде в конце 1827 г., от которых не смог оправиться и скончался в феврале 1828 г.⁴

Стефан Станкович (1788–1841) занимал кафедру с 1828 по 1834 г. и за это время внес заметный вклад в дело обновления храмов и улучшения материального положения епархии. Хотя он пробыл епископом в Буде всего несколько лет, ему удалось стабилизировать ситуацию. Несколько раз он выступал в венгерском парламенте, когда там обсуждались вопросы, связанные с введением латинского и венгерского языков; позже уделял внимание этой проблеме, став Карловицким митрополитом.

В 1834 г. Станкович стал епископом Бачским, а на его место был поставлен Юстин Йованович (1786–1834). 19 августа 1834 г. он был

² Васин, Нинковић 2018: 80–86.

³ Васин, Кисић, Божанић, 2014: 764–767; Васин, Нинковић, 2015: 277–287.

⁴ Васин, Нинковић 2018: 89–94.

рукоположен будимским владыкой, а 25 ноября того же года скончался от инсульта⁵. Он был похоронен в Соборной церкви в Буде, которая серьезно пострадала в 1944 г., а потом и вовсе была разрушена.

В 1835–1839 гг. во главе епархии находился Пантелеймон Живкович (1795–1851), позже занявший аналогичный пост в Темешваре. О его деятельности сохранилось немного информации, за исключением того, что епископ Живкович руководил заседаниями консистории, курировал ремонтные работы в церквях, выступал за укрепление дисциплины среди священников и указывал на необходимость сохранения единства церкви и уважения государственных властей.

Занятие Станковичем епископской кафедры в Нови-Саде помогло ему стать митрополитом в 1837 г. Важной его задачей стало решение вопроса канонического положения румын. Недолгое (до 1841 г.) руководство Станковича митрополией было отмечено многочисленными попытками переустройства церкви после 46 лет деятельности его предшественника Стратимировича.

Епископ Буды Платон Атанацкович (1788–1867) заступил на этот пост в 1839 г. и во время обострения межнациональных противоречий в 1840 г. первым ощутил всю сложность положения сербского православного епископа в центре венгерской части государства Габсбургов. Владыка Атанацкович и ранее находился в Будимской епархии, поэтому в пастырском труде ему не пришлось начинать с нуля. Образованный человек, он развил бурную деятельность в своем диоцезе. Его инициатива, направленная на то, чтобы церковная община Пешта написала себе статут, стала важным шагом в развитии управления общинами по всей митрополии. От митрополита Станковича он решительно требовал созыва Народно-церковного сабора и Синода для более эффективного управления митрополией. Атанацкович положил начало и проекту строительства нового епископского двора⁶. Много лет священники, монахи, горожане, торговцы отправляли пожертвования для строительства резиденции⁷. На выборном Народ-

⁵ АСАНУК. МПА. А. 349/1834. Вест о смрти епископа Јустина (Запись о кончине епископа Юстина).

⁶ АСПЕБ. ЕР. Владика Платон Атанацковић о изградњи (Владыка Платон Атанацкович о строительстве).

⁷ АСПЕБ. ЕР. Год. 1842, 1843, 1846. Писма владици Платону у форми извештаја локалних свештеника (Письма владыке Платону с донесениями от приходских священников).

но-церковном саборе, состоявшемся в Сремски-Карловцах в 1842 г. уже после смерти Станковича, он был одним из кандидатов на должность нового митрополита.

Митрополит Иосиф Раячич (1785–1861) и епископ Платон Атанацкович очень быстро осознали, что их цель — сохранение и укрепление сербской идентичности в Венгрии. На заседании Государственного собрания Венгрии в 1843–1844 гг. владыка Раячич говорил о необходимости соблюдения прав национальностей и уделил особое внимание языковому вопросу, бывшему тогда в центре внимания из-за введения венгерского в церковный обиход. Также в парламенте выступал и владыка Платон. Он жаловался на неуважение к институту *сербского конгресса* (курсив мой. — Г.В.) и игнорирование правовых аспектов Рескрипта и Декларатории со стороны венгерских властей. Использование венгерского языка в церковных делах и богослужебных книгах он считал незаконным и напрямую направленным против церкви и сербов.

В марте 1848 г., после начала волнений в Пеште и выдвижения требований сербов и венгров, Будимская епархия оказалась в центре революционных событий. На Майской скупщине в Сремски-Карловцах 1 (13) мая 1848 г. митрополит Раячич был провозглашен патриархом. Война, начавшаяся между сербами и венграми после нападения генерала Яноша Храбовского (1777–1852) на Сремски-Карловци в июне 1848 г., сделала патриарха и епископа Буды участниками противостояния между Пештом и Веной⁸. С момента поездки в Инсбрук

⁸ Атмосфера была наполнена романтическим настроением и национальной энергией. Уже в первый день Скупщина объявила Иосифа Раячича патриархом, а Стевана Шупликаца (1786–1848) — воеводой. Другие решения были приняты на второй и на третий день: провозглашалась свобода и независимость сербского народа под властью австрийского императорского дома и венгерской короны. Объявлялось о создании Сербской Воевоины, в которую входили Баранья, Срем с частью Военной границы, Бачка с Бечейским районом и Шайкашским батальоном, Банат с его частью Военной границы — Кикиндским районом. Сербская Воеводина вступала в союз с Тринединым Королевством Хорватии, Славонии и Далмации. Был сформирован Народный комитет как исполнительный орган Скупщины. Планировалась поездка на Первый славянский съезд в Прагу. Со дня завершения работы Скупщины ситуация была крайне напряженной. Генералу Яношу Храбовскому в Петроварадин было отправлено постановление пештского правительства о приведении войск в состояние повышенной боеготовности. Сербская делегация во главе с патриархом Раячичем отправилась в Инсбрук, чтобы передать императору требования и решения Майской скупщины. Министр Этвеш готовил почву для интервенции. 12 июня 1848 г. начались вооруженные столкновения

в мае 1848 г. и получения императорского патента, подтверждавшего его патриарший сан, а потом занятия ключевого положения в Главном комитете без согласия Раячича не могло быть принято никаких важных решений, связанных с Сербской Воеводиной и отношениями между императорским двором и сербами⁹. С другой стороны, сербы,

после того, как генерал Храбовский выдвинулся из Петроварадина в Сремски-Карловцы, чтобы разогнать Народный комитет.

⁹ Понятие мадьяризации не связано исключительно с периодом после подписания Соглашения 1867 г.: его корни необходимо искать в более раннее время. В 1830–1832 гг. среди сербов отмечалось особенно сильное недовольство вытеснением народного языка из употребления в школе и церкви и навязыванием вместо него венгерского. Это можно объяснить попыткой создания единой централизованной венгерской державы в рамках монархии Габсбургов. Такие попытки начались с церковной организации: на епархии Карловицкой митрополии оказывалось давление с целью заставить их отказаться от использования славяносербского языка в пользу венгерского. Первое такое предложение датируется 1832 г., когда епископ Будимский Стефан Станкович получил поручение ограничить использование сербского языка на территории своей епархии. Несколькими подобными попыткам последовали позже, в 1833–1834 гг. Похожие требования были адресованы и митрополиту Стратимировичу. В парламенте прозвучал призыв начать переходить на богослужебные книги на венгерском языке. При митрополите Раячиче в 1842–1843 гг. из Темешварской епархии доходили известия о попытках навязывания другого способа ведения церковных книг вместо устоявшегося. Реальную проблему представлял тот факт, что даже священники были обязаны знать венгерский, а в 1847 г. венгерский палатин отправил митрополиту Раячичу инструкцию, в которой подчеркивалась необходимость вести переписку на венгерском, а не на латинском языке.

Постепенное распространение венгерского началось с созыва Государственного собрания 1790–1791 гг. Статья 16 предусматривала создание кафедр венгерского языка в гимназиях, академиях и университетах. В 1805 г., согласно статье 4, письма Венгерской придворной канцелярии и Государственного собрания должны были писаться параллельно по-латински и по-венгерски. В 1830 г. в статье 8 указывалось, что каждый чиновник, за исключением хорватских, должен знать венгерский. С 1 января 1834 г. адвокатурой имели право заниматься только те, кто владел венгерским. Вскоре после этого было принято предложение, в соответствии с которым законы должны были приниматься, а судебные прения вестись только на этом языке. В соответствии со статьей 6 закона 1840 г. латинский язык заменялся венгерским. В том же году было введено правило, в соответствии с которым в невенгерских населенных пунктах в течение трех лет необходимо было перейти на ведение церковных книг на венгерском (статья 6, пункт 7). Законом 1844 г. (статья 2, пункт 3) предусматривалось, что депутаты парламента могут пользоваться только венгерским языком.

С другой стороны, венгерские политики считали созывы Государственного собрания 1832–1836 г. реформаторскими. Важнейшие идеи исходили от графа Миклоша Вешшеленьи (1796–1850). Согласно его представлениям, венгры находились «среди моря славян и румын», из чего следовало, что необходимо укреплять их политическое положение и формировать новую политическую элиту. Что касается распространения

проживавшие на территории Будимской и Бачской епархий, оказались под беспрецедентным давлением, что и обусловило многие шаги, предпринятые в этой ситуации Платоном Атанацковичем. В войне, в которой многие сербы в составе императорских войск сражались против венгров, владыка занял противоположную сторону. Его провозглашение епископом Бачки без одобрения патриарха и Синода стало большой проблемой для церковной организации. Начавшийся конфликт между патриархом Раячичем и епископом Атанацковичем стал одним из крупнейших для сербской митрополии в XIX в. Положение, в котором Атанацкович оказался в качестве епископа Буды во время революции и с началом сербско-венгерских конфликтов, было очень непростым. Под бдительным взором венгерских властей он старался снизить накал страстей, успокоить народ и духовенство и оправдать себя и церковь перед властями. Кроме того, уже в июне министр Йозеф Этвеш (1813–1871) несколько раз указал ему на то, что решения карловицкого патриарха нелегитимны, и настаивал на строгом соблюдении венгерских законов. Было очевидно, что власти не станут терпеть брожений в Будимской епархии. В такой обстановке Атанацкович получил меморандум о его назначении правительством епископом Бачки¹⁰. Сложилась ситуация, в которой он оказался на грани выживания. В ходе войны за Сербскую Воеводину и событий, происходивших на Военной границе, он имел небольшие возможности для маневра. Хотя в каноническом смысле патриарх Раячич занимал главенствующее положение, на практике летом — осенью 1848 г. у владыки Атанацковича не было иных вариантов, кроме как подчиниться решениям венгерского правительства¹¹. Конфликт был

венгерского языка, Вешшеленьи считал, что латинский устарел, поэтому отсутствует возможность его дальнейшего использования, а кроме того, необходимо обучать людей и готовить их к новым вызовам. С этого времени венгерский язык использовался в законодательстве, государственном и местном управлении и особенно в образовании. Закон о языке 1844 г. был призван защитить венгров от немецких чиновников. Немецкий остался языком переписки с имперскими властями (Васин, Лемајић, Микавица, Нинковић 2016: 417–446).

¹⁰ АСПЕБ. К. 1847–1852. 84–94/1848. Акта о именовану владыке Платона у бачку епархију (Акт о рукоположении владыки Платона Бачским епископом).

¹¹ По окончании революции императорским патентом от 18 ноября 1849 г. было провозглашено создание провинции Сербская Воеводина и Темешский Банат с центром в г. Темешваре (совр. Тимишоара в Румынии. — *Прим. перев.*). Титул сербского воеводы сохранялся за императором. Военная граница не вошла в состав Сербской Воеводины, а в Среме к ней были отнесены только Илокский и Румский срезы,

разрешен императором Францем Иосифом I (1848–1916 гг.), настоявшим на том, чтобы Платон Атанацкович остался епископом Бачки. Владыка формально выполнил волю патриарха Раячича сжечь *Аналитику* (в которой патриарх очень жестко критиковался), точнее говоря, были уничтожены ее доступные экземпляры: большая их часть уже была распространена среди читателей и организаций¹².

Избрание епископом Буды Арсения Стойковича (1804–1892) принесло епархии несколько десятилетий покоя: он возглавлял кафедру в 1853–1892 гг. По природе взвешенный и дипломатичный, он избегал резких и безрассудных поступков и многого добился. Было отреставрировано большое количество храмов, а священники получали надлежащее материальное обеспечение. Стойкович старался, чтобы во времена великих перемен в монархии Габсбургов в 1860–1868 гг. епархия не оказалась втянутой в политику, тем самым обеспечивая ей мир и безопасность. Владыка Стойкович принял участие в Народно-церковном саборе (июль-август 1864 г.), а затем в Совещательном саборе, прошедшем в феврале 1865 г., на котором обсуждался вопрос о разделении с румынами. Роль владыки Стойковича на этих заседаниях была велика. Например, на выборах патриарха он получил четыре голоса (Самуил Маширевич (1804–1870) — 49 голосов). После голосования его попросили передать свои голоса Маширевичу, чтобы сделать выбор единодушным. По оценкам австрийской полиции Стойкович был хорошим теологом с прекрасной репутацией и обладал заслуженным

а остальные отошли к Триединому королевству. В Воеводину, управляемую напрямую из Вены, были включены территории, населенные преимущественно сербами (Бачка и Срем). Таким образом, с одной стороны, двор и правительство хотели еще раз наказать венгров за революционные события 1848–1849 гг. С другой — сербы формально вознаграждались за поддержку императора в критический момент. Следует иметь в виду, что власти при этом не хотели затрагивать интересы многочисленных немцев и румын в Банате. Согласно переписи 1850–1851 гг. на территории Сербской Воеводины и Темешского Баната проживали 1 426 221 человек, из которых — 397 459 румын, 335 080 немцев, 321 110 сербов и 221 845 венгров, а остальное население составляли буневцы, шокцы, словаки, чехи, болгары, евреи, цинцари и др. Временным управляющим в Темешваре был назначен Фердинанд Майерхофер. Современники остроумно комментировали положение дел: «Сербы за верность вознаграждены тем, чем венгры наказаны за непослушание». Для патриарха Раячича и сербской верхушки такое решение сербского вопроса продемонстрировало, как мало двор ценит их поддержку. Таким образом церковь утрачивала возможность сохранить политическое влияние на сербов в монархии Габсбургов.

¹² Васин, Нинковић 2018: 122–127.

авторитетом, поскольку благодаря его влиянию патриарх Раяич поддержал позицию Вены в 1861 г. на Благовещенском саборе и после него¹³. Во время обсуждений с румынской делегацией (в феврале 1865 г. — *прим. ред.*) владыка Стойкович был членом сербской депутации¹⁴. В парламентских прениях по сербскому вопросу в 1866–1868 гг. он дипломатично, но настойчиво представлял интересы церкви и стремился добиться улучшения материального положения священников Будимской епархии. Знаменитый и спорный «Закон о народностях» 1868 г. он воспринял спокойно, советуя священникам следовать его букве и избегать политиканства и деления на партии¹⁵.

Однако Стойкович все же был втянут в сербскую политическую и церковную борьбу, развязанную Светозаром Милетичем (1826–1901) и Сербской либеральной партией. После смерти патриарха Маширевича в январе 1870 г. он был назначен управляющим митрополией. На этом посту он оказался в центре событий, происходивших на народно-церковных саборах 1870–1871 гг. Он не определился, какую сторону поддержать в жестком конфликте, возникшем между консервативно-клерикальным и либеральным течениями, несомненно, пытался маневрировать между позицией Милетича и своими желаниями и амбициями. Его желание стать патриархом при поддержке либералов отмечалось и сербскими архиереями, и правительством в Пеште. Епископ Пакрацкий Никанор Груич (1810–1887) в церковной газете *Србски народ* («Сербский народ») обвинил Стойковича в том, что он не служит интересам церкви и поддерживает тех, чьи действия вредят ее положению. Во время Народно-церковного сабора 1871 г. позиция епископа Буды оставалась той же. Большое уважение, которым он пользовался среди депутатов и народа, позволяло ему лавировать между противоборствующими сторонами. Еще в начале января 1871 г. он получил конфиденциальное письмо о приеме у императора Франца Иосифа I, на котором также присутствовал Дьюла Андраши (1823–1890). В ходе разговора Стойкович был назван человеком партии Милетича, готовым поддержать его идеи на саборе¹⁶.

¹³ Васин 2015b: 117–118.

¹⁴ Васин 2015b: 121–122; Васин, Лемајић, Микавица, Нинковић 2016: 75–80.

¹⁵ Васин, Нинковић 2018: 135–140.

¹⁶ Андраши писал Стойковичу, что, если патриарх не может быть избран по закону, лучше всего отложить выборы (Васин 2015b: 276; Васин 2017: 22–28).

На Народно-церковном саборе 29 июня (11 июля) 1874 г. либеральное большинство избрало Арсения Стойковича патриархом, однако правительство в Будапеште не торопилось официально подтвердить этот выбор¹⁷. Сам Стойкович искал способ снять с себя ответственность за произошедшее. Хотя он лично отправился на аудиенцию к императору, чтобы доказать ему свою преданность и одновременно опровергнуть представления о том, что он сторонник Милетича, это не возымело эффекта. В сложившейся патовой ситуации 19 июля 1874 г. патриархом был избран румынский митрополит Прокопий Ивачкович (1808–1881). Сербская пресса ежедневно писала о Стойковиче, называя его легитимным сербским патриархом, что не способствовало расположению к нему главы венгерского правительства Кальмана Тисы (1830–1902). Всегда под подозрением, постоянно под наблюдением, епископ Арсений Стойкович изо всех сил старался поддерживать нормальные условия церковной жизни, но политика год за годом наносила ему все новые безжалостные удары. Однажды обозначенный как сторонник либералов, он оставался под наблюдением венгерской полиции, что было очень тяжелым бременем после подписания Соглашения 1867 г. Политика становилась все более важным фактором, влиявшим и на священников Будимской епархии, которых Стойкович постоянно призывал держаться в стороне от политических коллизий и церковных конфликтов. Епископ хорошо помнил народно-церковные саборы 1872 и 1874 гг. и не хотел снова участвовать в интригах. Опытному архиерею было ясно, что Кальман Тиса продолжит политику своих предшественников и что он, конечно, снова не будет избран. Так и произошло на Народно-церковном саборе (1881 г.): Стойковича выбрали патриархом, однако Тиса не утвердил решения большинства участников сабора. В январе 1882 г. правительство утвердило новым патриархом епископа Бачки Германа Анджелича (1822–1888)¹⁸.

Смерть Арсения Стойковича в 1892 г. привела к «вакууму»: до 1896 г. Будимской епархией управлял патриарх Георгий Бранкович (1830–1907), что позволяло ему контролировать эту важную

¹⁷ Стойкович получил 63 голоса, семь посланников воздержались. В преддверии сабора он серьезно заболел и поэтому был не в состоянии присутствовать на заседаниях.

¹⁸ Васин 2015b: 381–441.

церковную единицу в центре венгерского государства¹⁹. В 1897 г. епископом Будимским был избран Лукиан Богданович (1867–1913), также будущий патриарх. Молодой (ему исполнилось всего 29 лет) владыка энергично и с большим желанием принялся за работу, стремясь улучшить положение дел. Снова реставрировались храмы и монастыри, обновился состав священников, а Будапешт превратился в важный центр притяжения богатых и влиятельных сербов. Личное обаяние и харизма епископа Богдановича помогли ему произвести благоприятное впечатление на венгерскую политическую элиту и снять все сомнения относительно Будимской епархии. Текелианум получил новое великолепное здание, большое значение уделялось вопросам статуса священников и их собственности. Избрание Лукиана Богдановича патриархом в 1908 г. произошло в обстановке политической борьбы, прений и противоречий, связанных с аннексией Боснии и Герцеговины²⁰. На патриаршем престоле его ждали очень непростые времена. Дела епархии, которыми Богданович занимался и после своего избрания патриархом, были весьма обременительны. Он управлял ей до 1913 г., когда был избран епископ Георгий Зубкович (1878–1951). Патриарх Богданович оказался в трудном положении: «сербский процесс» в Загребе в 1909 г., нестабильность в монархии, враждебность по отношению к Сербии со стороны Вены и Будапешта, Балканские войны 1912–1913 гг., из которых Сербия

¹⁹ Васин 2014b: 175–225.

²⁰ В ходе первого голосования 19 июля (1 августа) 1908 г. 40 голосов получил епископ Вршаца Гаврило Змеянович (1847–1932), кандидат от Радикальной партии, в то время как за пакрацкого владыку Мирона Николича (1841–1946) проголосовало только 30 человек. Премьер-министр Шандор Векерле (1848–1921) подчеркивал, что будущий патриарх должен знать венгерский язык, что исключало Змеяновича из круга претендентов на этот пост. Векерле предложил выбрать кандидатуру Лукиана Богдановича. 2 (15) сентября 1908 г. был одобрен новый состав Народно-церковного сабора. Особым рескриптом подчеркивалось, что вршацкий епископ Змеянович не может быть кандидатом из-за незнания им венгерского языка (что определялось решениями Государственного собрания 1840 и 1843–1844 гг.). В итоге 9 (22) сентября 1908 г. (на шестом заседании) патриархом был избран Богданович, получивший 39 голосов, тогда как Мирон Николич — 25. *Pesti Hirlap* («Пештская газета») писала, что выбор Богдановича означает продолжение той политики, которая началась на саборе 1907 г. Патриарх обещал передавать 20% своих доходов (140 тыс. крон) на зарплату священникам и выплату пенсий. Тень на выбор патриарха Лукиана бросал и тот факт, что епископы не хотели за него голосовать, даже несмотря на угрозы, высказанные комиссаром бароном Гюнтером. Ни один владыка не голосовал за сербского патриарха. См.: Васин 2014a: 301–314.

вышла победительницей, усиливали тяжкое бремя, которое ему приходилось нести. Венгерское правительство требовало следовать официальному курсу, что еще больше ослабляло позиции патриарха. Трагическая и таинственная смерть в сентябре 1913 г. в Бадгастайне стала символическим концом того, что представляла собой Карловацкая митрополия в преддверии Великой войны²¹.

Епископ Георгий Зубкович во время Первой мировой войны взял на себя трудновыполнимую миссию, в которой преуспел: он спасал жизни священников и церковное имущество, в то время как сербы находились под наблюдением, арестовывались, заключались в тюрьмы и насильственно перемещались. Ситуация осложнялась тем, что центр епархии находился в сердце Венгерского государства. Любое проявление нелояльности или неповиновения, прославление Сербии или *сербства* публично осуждались епископом и церковью. В июле 1914 г. владыка Зубкович направил много доверенных посланий своим священникам. Он советовал проповедовать с амвона мир, порядок и преданность Отечеству, поскольку при любом подозрении в измене будет караться не только тот, на кого оно пало, но и церковь и все верующие. Он призывал сохранить ту репутацию, которую церковь имеет у государственных властей. После того как Австро-Венгрия объявила войну Сербии, было выпущено еще одно послание, требовавшее соблюдать еще большую осторожность. Епископ призывал к миру и самоотверженности, а также к поддержке родной Австро-Венгрии и императора Франца Иосифа I. Он требовал, чтобы было проявлено уважение к государству, а тем самым — к церкви и ее великому наследию, и, в соответствии с военными традициями, призывал, если будет необходимо, идти в бой²². По-другому и быть не могло. Принимая во внимание события, происходившие в Боснии и Герцеговине, где в ходе антисербских выступлений страдали храмы и имущество жителей, выбор был невелик²³. Осенью 1914 г. по распоряжению военного министра епископ Зубкович назначил капелланов и священников при больницах Славко Николича, Стевана Чампрага и Радивое Бикара. Также он сообщил министру, что епархия берет на себя обязательства передавать всю необходимую информацию

²¹ Васин 2020: 156–171.

²² АСПЕБ. ЕД. 1914. Бр. 72. Упутства свештеницима епархије (Инструкции для священников епархии).

²³ Васин 2015а: 149–155.

священникам и будет соблюдать положения, налагаемые Красным Крестом²⁴. Очевидно, что епископы не имели возможности действовать иначе, как заявлять о верности императору и династии, особенно после прорыва сербской армии в Срем осенью 1914 г. и погромов, которые последовали за ее отступлением²⁵.

Такая ситуация продолжалась на протяжении всей войны. Сохранились несколько писем от министров, содержащих требования оказания помощи Красному Кресту, больницам и ухода за ранеными. Требования эти были приняты к исполнению епископом Зубковичем. Положение в приходах было спокойным. Разбирательства и жалобы сводились к плохому материальному обеспечению священников, чего можно было бы ожидать, учитывая войну и инфляцию. Таким образом, епархия под руководством владыки Зубковича замерла в ожидании завершения войны, однако текущие дела, связанные с функционированием митрополии, решались. Похожим образом она пережила и Вторую мировую войну. С 1919 г. Будимская епархия является составной частью обновленного Сербского патриархата²⁶.

Перевод с сербского Б. С. Новосельцева

Список сокращений

АСАНУК — Архив Сербской академии наук и искусств, Сремски-Карловцы
АСПЕБ — Архив Сербской православной Будимской епархии, Сентендре
ЕР — Фонд Епископской резиденции
МПА — Митрополитско-патриарший архив

Литература

Васин 2014а — *Васин Г.* Избор Лукијана Богдановића за Карловачког патријарха 1908 // Истраживања. 2014. Бр. 25. С. 301–314.
Васин 2014б — *Васин Г.* Патријарх Георгије Бранковић и његова доба. Нови Сад: Мало историјско друштво, 2014. 345 с.
Васин 2015а — *Васин Г.* Пречанска политика и Сарајевски атентат // Први светски рат — узорци и последице. Бања Лука: Академија наука и умјетности Републике Српске, 2015. С. 164–179.

²⁴ АСПЕБ. ЕД. 87, 97–98, 99–101/ 1914. Посланице свештенству (Послания священникам).

²⁵ См.: Васин 2018а: 233–287.

²⁶ Микавица, Васин, Нинковић 2018.

- Васин 2015b — *Васин Г.* Сабори раскола, српски црквено-народни сабори у Хабзбуршкој монархији 1861–1914. Београд: Службени гласник, 2015. 814 с.
- Васин 2017 — *Васин Г.* Никанор Грујић. Нови Сад: Радио-телевизија Војводине, 2017. 397 с.
- Васин 2018a — *Васин Г.* Архијереји Карловачке митрополије на прелому векова. Нови Сад: Радио-телевизија Војводине, 2018. 337 с.
- Васин 2020 — *Васин Г.* Патријарх Лукијан Богдановић — крај једне епохе. Нови Сад: Филозофски факултет, 2020. 242 с.
- Васин, Кисић, Божанић 2014 — *Васин Г., Кисић М., Божанић С.* Неадекватно сахрањивање као важан фактор у епидемијама куге код Срба у Хабзбуршкој монархији крајем XVIII века // Српски архив за целокупно лекарство. 2014. № 11/12. С. 764–767.
- Васин, Лемајић, Микавица, Нинковић 2015 — *Васин Г., Лемајић Н., Микавица Н., Нинковић Н.* Срби у Хабзбуршкој монархији од 1526. до 1918. Т. 1. Нови Сад: Прометеј, 2016. 495 с.
- Васин, Нинковић 2015 — *Васин Г., Нинковић Н.* Смртност између санитарних прописа и народних обичаја: куга у Срему 1795–1796 // Зборник Матице српске за друштвене науке. 2015. № 2 (151). С. 277–287.
- Васин, Нинковић 2018 — *Васин Г., Нинковић Н.* Историја будимске епархије. Сремска Митровица: Историјски Архив Срема, 2018. 202 с.
- Микавица, Васин, Нинковић 2018 — *Микавица Д., Васин Г., Нинковић Н.* Прећански Срби у Првом светском рату. Нови Сад: Прометеј; Београд: Радио-телевизија Војводине, 2018. 345 с.

References

- Lemajić, N., Mikavica, D., Ninković, N., Vasin, G., 2016. *Srbi u Habsburškoj monarhiji od 1526. do 1918* [Serbs in the Habsburg Monarchy from 1526 to 1918], 1. Novi Sad: Prometej, 495 p. (in Serb.)
- Mikavica, D., Ninković, N., Vasin, G., 2018. *Prečanski Srbi u Prvom svetskom ratu* [Serbs of Vojvodina in the First World War]. Novi Sad: Prometej; Beograd: Radio Televizija Vojvodine, 345 p. (in Serb.)
- Vasin, G., 2014. Izbor Lukijana Bogdanovića za Karlovačkog patrijarha 1908 [Election of Lukijan Bogdanović as Patriarch of Karlovac in 1908]. *Istraživanja*, 25, pp. 301–314. (in Serb.)
- Vasin, G., 2014. *Patrijarh Georgije Branković i njegova doba*. Novi Sad: Malo istorijsko društvo, 345 p. (in Serb.)
- Vasin, G., 2015. Prečanska politika i Sarajevski atentat. In: *Prvi svetski rat — uzorci i posljedice*. Banja Luka: Akademija nauka i umjetnosti Republike Srpske, pp. 164–179. (in Serb.)

- Vasin, G., 2015. *Sabori raskola, srpski crkveno-narodni sabori u Habzburškoj monarhiji 1861–1914* [Sabors of breaks, Serbian church-people's sabors in the Habsburg Monarchy 1861–1914]. Belgrade: Službeni glasnik, 814 p. (in Serb.)
- Vasin, G., 2017. *Nikanor Grujić* [Nikanor Grujić]. Novi Sad: Prometej, 397 p. (in Serb.)
- Vasin, G., 2018. *Arhijereji Karlovačke mitropolije na prelomu vekova* [The hierarchs of the Karlovac Metropolitanate at the turn of the century]. Novi Sad: Prometej, 337 p. (in Serb.)
- Vasin, G., 2020. *Patrijarh Lukijan Bogdanović – kraj jedne epohe* [Patriarch Lukijan Bogdanović – the end of an epoch]. Novi Sad: Filozofski fakultet, 242 p. (in Serb.)
- Vasin, G., Kisić, M., Božanić, S., 2014. Neadekvatno sahranjivanje kao važan faktor u epidemijama kuge kod Srba u Habzburškoj monarhiji krajem XVIII veka. *Srpski arhiv za celokupno lekarstvo*, 11/12, pp. 764–767. (in Serb.)
- Vasin, G., Ninković, N., 2015. Smrtnost između sanitarnih propisa i narodnih običaja: kuga u Sremu 1795–1796 [Mortality between sanitary regulations and folk customs: the plague in Srem 1795–1796]. *Zbornik Matice srpske za društvene nauke*, 2 (151), pp. 277–287. (in Serb.)
- Vasin, G., Ninković, N., 2018. *Istorija budimske eparhije* [The history of Diocese of Buda]. Sremska Mitrovica: Istorijski Arhiv Srema, 202 p. (in Serb.)

Goran Vasin

Doctor, Extraordinary Professor, Department of History, Philosophy Faculty, University of Novi Sad, Novi Sad, Serbia. 21102, Dr. Zorana Đinđića, 2. E-mail: goran.vasin@ff.uns.ac.rs

Serbs in the Centre of the Hungarian State: The Diocese of Buda in the Long Nineteenth Century

The nineteenth century history of the Buda Diocese, one of the most important administrative-territorial units of the Serbian Orthodox Karlovci Metropolis, was filled with turbulent and dynamic events, as was that of the Serbs within the Habsburg monarchy. Since the diocese was located in the very centre of the Hungarian part of the empire, its position was difficult and significantly affected by events taking place on the central political stage of the country. The number of Serbs living on the territory of the monarchy was not large, which limited their opportunities and available resources. Events such as the Napoleonic wars, the Revolution of 1848–1849, and attempts to resolve the national question in the second half of the nineteenth century all had a significant impact on the life of the diocese as a church unit. Many political decisions that determined the development of the empire and the position of its population were reflected in the Serbian church and its parishioners throughout the monarchy. The diocese was under the vigilant control of the Hungarian authorities, the numerous testimonies of which, at critical historical moments, increased the drama and instability of the daily life of the Serbs of the Buda Diocese.

Keywords: Metropolitanate of Karlovci, Serbs in the Habsburg Monarchy, nineteenth century, Revolution of 1848–1849, First World War

How to cite: Vasin, G., 2021. Serby v tsentre vengerskogo gosudarstva. Budimskaia eparkhiia v “dolgom” 19 veke. *Tsentral’noevropeiskie issledovania*, 2021, 4(13), pp. 115–130. doi: 10.31168/2619-0877.2021.4.5.

Людмила Константиновна Новосельцева

Младший научный сотрудник, Институт славяноведения
РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32А.
E-mail: mnovoseltseva91@gmail.com

**«Честь имею доложить»:
австрийская государственная полиция
о политических процессах у сербов накануне
подписания Соглашения 1867 г.**

Политическая активность сербов монархии Габсбургов традиционно воспринималась отечественными учеными в связи с идеями возможного объединения сербского народа в независимом государстве. Благодаря введению в научный оборот нового для российской историографии круга источников представляется возможным скорректировать представления о политической культуре и борьбе сербской политической элиты за реализацию национальных прав. Призрачные перспективы в решении этого вопроса виделись истеблишменту в переустройстве монархии Габсбургов и Соглашении 1867 г. Дискуссии о роли и месте сербского сообщества в этом процессе стали отправной точкой для идейного размежевания между сторонниками Вены и Пешта и формирования политического спектра, который на протяжении второй половины XIX в. обладал весьма специфическими чертами. Фактически активность проявляла только Сербская национальная партия свободомыслящих (в литературе традиционно именуемая либеральной), фракции которой находились в постоянной борьбе за влияние. В настоящем исследовании предпринята попытка реконструировать картину политической жизни сербов в монархии Габсбургов накануне и после подписания Соглашения 1867 г. на материалах отчетов австрийской государственной полиции. Также представляется возможным оценить, какие факторы позволили либеральной партии в короткий срок возглавить национальное движение, а консерваторов вынудили сойти с политической сцены.

Ключевые слова: сербы в монархии Габсбургов, политический спектр, полицейские отчеты, сепаратизм, либералы

Цитирование: *Новосельцева Л.К.* «Честь имею доложить»: отчеты австрийской государственной полиции о политических процессах у сербов накануне подписания Соглашения 1867 г. // Центральноевропейские исследования. 2021. Вып. 4(13) / гл. ред. О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 131–158. DOI: 10.31168/2619-0877.2021.4.6

Начавшиеся в 1865 г. переговоры и подготовка будущего компромисса между Веной и Пешт-Будой вселили в сербское сообщество монархии Габсбургов надежду на возрождение национальной автономии взамен ликвидированной в 1860 г. провинции Сербская Воеводина и Темешский Банат. Угасшая было политическая активность сербов возобновилась в новом ключе: едва достигнутое на Благоевещенском саборе 1861 г. единодушие о способе реализации национальных прав было нарушено изменившимися условиями как извне, так и внутри их социума. Большинство депутатов Государственного собрания 1865–1866 гг. последовательно отстаивали принцип неприкосновенности венгерской политической нации в противовес чаяниям и требованиям немадьярских народов, что вызывало неоднозначную реакцию в сербском обществе. Дискуссии о том, кто должен стать гарантом национальной автономии — монарх или парламент — и дальнейшее идейное размежевание в сербской политической элите стали в конце 1860-х годов объектом пристального наблюдения государственной полиции (*Staatspolizei*).

Национальное движение сербов в монархии Габсбургов: к историографии проблемы

Национальный вопрос в государстве Габсбургов — один из наиболее дискуссионных в истории композитарной монархии. Суть полемики среди специалистов относительно этих процессов сводится к следующему: благодаря или вопреки сложившимся условиям формировались и развивались движения народов империи. Сторонники негативной оценки опыта полиэтничного государства убедительны в рассуждениях о том, что политика, проводимая Габсбургами, а после подписания Соглашения 1867 г. и венгерскими властями, и предлагаемые ими наднациональные идеи (будь то династическая лояльность или концепция *natio Hungarica*) провоцировали вспышки национализма, подчас в крайних его формах¹. Справедливости ради стоит уточнить, что по большей части речь идет о всплесках бурной деятельности национальных элит, а не широких слоев населения². Позитивный взгляд опирается в первую очередь на факты

¹ Подробнее: Вэнк 1995.

² Бут 2019.

об экономическом развитии отдельных регионов Австро-Венгрии. Так, Мишель Паларе доказал, что благодаря австро-венгерским дотациям по уровню индустриального строительства даже отсталая по меркам империи Босния и Герцеговина к рубежу XIX—XX вв. превосходила соседние независимые балканские государства³. Неоспоримы достижения в сфере народного просвещения: образование в высших учебных заведениях страны могли получить молодые люди вне зависимости от этнической принадлежности и вероисповедания. Питер Джадсон позитивно оценил тот факт, что рамки, заданные габсбургскими государственными институтами, мотивировали национальные элиты демонстрировать креативность политического мышления, для того чтобы руководимые ими движения сохраняли флексибельность⁴. Многие исследователи единодушны во мнении, что существование такого сложного механизма было в интересах большинства народов империи, кроме сербов, для которых туманная перспектива воссоединения с собратьями по другую сторону границы преобладала над возможностью приспособиться к австро-венгерским реалиям⁵. На наш взгляд, это укоренившийся в историографии стереотип, требующий развенчания.

Проблемы сербских национальных интересов в монархии Габсбургов касался в своих трудах австрийский историк Хорст Хазельштайнер (1942–2019)⁶. На базе широкого круга источников он проанализировал динамику событий и оценил перспективы движения после подписания Соглашения 1867 г. Довольно схематично тема раскрыта в работах международного коллектива ученых в многотомном издании Австрийской академии наук «Монархия Габсбургов»⁷. Среди англоязычных работ стоит выделить статью американского исследователя Уэйна Вучинича (1913–2005) «Сербы в Австро-Венгрии»⁸, в которой автор, не касаясь частных деталей, охарактеризовал политические процессы в сербском социуме монархии Габсбургов от революции 1848–1849 гг. до начала Первой мировой войны.

³ Palairet 1998: 232–233.

⁴ Цит. по: Pál 2017: 188.

⁵ Исламов 1995: 42–43.

⁶ Haselsteiner 1976.

⁷ Krestić 2006.

⁸ Vuchinich 1967.

Югославскими и сербскими специалистами выработано два подхода к изучению этой проблемы. Первый представлен историко-биографическими исследованиями (многочисленные работы академика В. Крестича, Д. Микавицы, Л. Ракича), которые воспроизводят историю сербского национального движения и политической мысли через призму деятельности его лидеров: либералов Светозара Милетича (1826–1901), Михайло Полит-Десанчича (1826–1901) и Лазы Костича (1841–1910), радикала Яши Томича (1856–1922), в меньшей мере фигурируют имена консерваторов Джордже Стратимировича (1822–1908), Светислава Касапиновича (1839–1922). Другой подход предполагает, в первую очередь, изучение социальной базы и экономических интересов сербского сообщества. Андрия Раденич привел аргументы в пользу того, что сербское движение в Австро-Венгрии имело несколько направлений, которые зачастую противоречили друг другу. Для финансовой элиты главная цель состояла в сохранении стабильности, которая напрямую зависела от интегрированности в экономические структуры Венгерского королевства, и потому ее политические интересы ограничивались реализацией церковно-школьной автономии. Упомянутые либеральные лидеры стремились к осуществлению национально-территориальной автономии, и их внепарламентская деятельность с точки зрения властей была противозаконной⁹.

Важно отметить, что многогранное и разнообразное по тематике идейно-политическое наследие эпохи по-разному интерпретировалось в зависимости от конъюнктуры. Главным образом речь идет о целеполагании национального движения. Для историков периода между мировыми войнами очевидно было, что главной целью активности сербской элиты была защита национальных интересов и преодоление конфликта между титульной нацией и этническим меньшинством¹⁰. Опыт политиков, прошедших австро-венгерское «горнило», по достоинству был оценен в молодом Югославском королевстве. Идеи об освобождении и воссоединении сербского народа, как и о консолидации югославян в рамках монархии Габсбургов, не ставились во главу угла ни самими политиками, ни исследователями, поскольку воспринимались как утопичный сценарий или крайне

⁹ Раденић 1981.

¹⁰ Кириловић 1937: 2–52.

отдаленная перспектива при стечении обстоятельств, под которыми подразумевалось внешнее воздействие на Австро-Венгрию, а именно война с участием великих держав¹¹.

В историографии социалистического периода акцент сместился, поэтому в югославской, и под ее влиянием в отечественной историографии национальное движение сербов в Австро-Венгрии рассматривалось преимущественно в контексте планов объединения всего сербского народа в независимом государстве¹². В связи с этим целенаправленно, хотя и весьма избирательно исследовалась деятельность лидеров либерального течения (в 1869 г. оформившегося в Сербскую национальную партию свободомыслящих). Особый интерес традиционно вызывало его молодежное крыло, поскольку львиную долю их идейного наследия до 1878 г. составляли планы решения сербского вопроса в границах монархии Габсбургов и за её пределами. При этом практика консервативных кругов оказалась вне фокуса внимания специалистов, что создавало впечатление, будто в сербской среде отсутствовала альтернатива движению свободомыслящих.

Дискуссия Тофика Муслимовича Исламова (1927–2004)¹³ и авторов коллективной монографии «На путях к Югославии: за и против» под редакцией Искры Васильевны Чуркиной¹⁴ привела к изменению принятой в России модели изучения национальных движений югославянских народов в Австро-Венгрии. В рецензии Исламов подверг оппонентов критике за рассмотрение процессов, происходивших в монархии Габсбургов, в русле национально ориентированных историографий изучаемых народов и пристрастность в оценках деятельности венского двора и венгерской революции как триггера. Кроме того, он справедливо отметил, что не все сюжеты, важные для понимания политики югославянских народов, получили достаточное освещение. В частности, Исламов предложил рассматривать программы реализации национальных прав сербов в Австро-Венгрии в отрыве от планов воссоединения сербского народа в едином государстве¹⁵, что успешно

¹¹ Милутиновић 1936: 43–93.

¹² См., например: Фрейдзон (ред.) 1981.

¹³ См.: Исламов 2001; Карасев, Чуркина, Шемякин 2002.

¹⁴ Чуркина (ред.) 1997.

¹⁵ Исламов 2004: 295.

реализуется в отечественной историографии на современном этапе. Также одним из перспективных направлений представляется анализ деятельности консервативного фланга политического спектра и социальной мобильности сербов в рамках империи до и после подписания Соглашения 1867 г.¹⁶

Важно отметить, что российскими учеными в рамках проекта «Человек на Балканах» была разработана методология комплексного анализа социально-экономических, политических и культурных процессов в странах Юго-Восточной Европы. В первую очередь речь идет о так называемом двухфазовом принципе, которым руководствовался А.Л. Шемякин (1960–2018) при изучении модернизации в Сербии и политической культуры национальной элиты в последней трети XIX — начале XX в. На первом этапе изысканий он реконструировал социокультурный контекст и охарактеризовал тенденции развития государства после обретения независимости, а затем обратился к анализу политических процессов и выявлению их особенностей, используя свидетельства русских современников о Сербии и сербах, так как в совокупности они представляли весьма репрезентативный и достоверный источник¹⁷.

Представляется, что эта методика применима и в настоящем исследовании, поскольку его целью является демонстрация специфических черт партийной системы у сербов монархии Габсбургов на этапе ее формирования. Особенности функционирования политического спектра, а именно доминирование либерального крыла на протяжении второй половины XIX в., существенно отразились на восприятии сербского национального движения в историографии. На наш взгляд, реконструкция процесса идейного размежевания и попыток оформления партий в сербской среде в монархии Габсбургов в 1866–1867 гг. даст возможность внести необходимые коррективы в представления о политической культуре и облике национальной элиты. Так как социокультурный контекст достаточно освещен в литературе, детального рассмотрения заслуживают обстоятельства создания основного источника — отчетов служащих австрийской государственной полиции.

¹⁶ См.: Кирилина, Стыкалин, Хаванова (ред.) 2018.

¹⁷ Шемякин 2010.

Специфика источника

Отчеты служащих австрийской государственной полиции опубликованы в первом томе собрания материалов, посвященных деятельности Светозара Милетича и либеральной партии¹⁸. Коллекция документов, а это, помимо упомянутых отчетов, донесения дипломатов и чиновников, переписка государственных деятелей, протоколы заседаний, материалы судебного делопроизводства и др., была собрана сотрудниками Исторического института в Белграде под руководством Николы Петровича в рамках работы в сербских, австрийских, венгерских и российских архивах в 1960-е годы. Тексты представлены в оригинале на немецком, венгерском, французском и русском языках и в переводе на сербский. Американский историк Гейл Стоукс (1933–2012) отметил в рецензии, что наиболее любопытны для исследователей материалы о процессах внутри сербского социума в монархии Габсбургов. Еще в 1970 г. он предположил, что эта группа источников будет первоклассным ресурсом для детального изучения сербского национального движения и национализма в Австро-Венгрии¹⁹. И в рамках этого круга проблем в качестве одной из перспективных Стоукс обозначил тему политической борьбы между консерваторами и либералами, возглавляемыми Джорджем Стратимировичем и Светозаром Милетичем. Детальную картину их противостояния позволили восстановить отчеты директоров полицейских департаментов Пешта и Темешвара.

Их рапорты ранее использовались специалистами в комплексе с другими документами и потому удостоились лишь кратких характеристик. Привлекая доклады в качестве единственного источника, необходимо на базе доступной литературы²⁰ и самих текстов представить обстоятельства их появления. Накануне подписания Соглашения 1867 г. полиция переживала структурные изменения на фоне либерализации государственного управления, последовавшей за поражением при Садове в 1866 г. Ведомственный бюджет был существенно урезан, и, как следствие, свернута оперативно-розыскная деятельность, а государственной безопасностью занялись традиционные

¹⁸ *Петровић Н.* Светозар Милетић и Народна странка. Грађа 1860–1885. Књ. 1. 1860–1869. Сремски Карловци: Минерва, 1968.

¹⁹ Stokes 1970.

²⁰ На русском языке см.: Деак 2019.

службы²¹. Коснулась эта тенденция и отделения полиции в Пеште, директором которого с 15 августа 1860 г. был Йозеф Ворафка. За положением дел на территории бывшей провинции Сербская Воеводина и Темешский банат вело наблюдение действовавшее с 1851 г. отделение в Темешваре во главе с Самуэлем Лайзером. В конце 1866 г. оба ведомства временно приостановили деятельность и возобновили ее уже под контролем венгерских властей, хотя фактически пережившая смену хозяев полицейская структура лишь расширила список инстанций, перед которыми она отчитывалась²². В феврале 1867 г. Й. Ворафка получил параллельные инструкции из Пешта и Вены: премьер-министр Дюла Андраши (1823–1890) и министр внутренних дел Венгерского королевства Бела Венкхейм (1811–1879) поручили возобновить работу отделений полиции, в то время как из отдела государственной безопасности единого имперского министерства иностранных дел поступил приказ экстренно сократить до минимума агентурную сеть и обеспечить безопасность уволенным. Есть данные, что С. Лайзеру пришлось отказаться от услуг двух из четырех осведомителей (он рассекретил их имена) и сохранить работу за более надежными информаторами²³. Окончательно агентурная сеть бывшей государственной полиции была расформирована венгерскими властями 30 апреля 1867 г. В то время как происходила постепенная ликвидация структуры политического сыска, она продолжала, хотя и по инерции, функционировать и стабильно снабжать власти сведениями о настроениях в среде немадьярских народов Венгерского королевства.

Рассуждая о методологии работы с такого рода источниками, Г. Н. Бибииков справедливо отметил, что донесения так или иначе «отражают симпатии и антипатии и могут нести отголосок негласного противостояния»²⁴. Поэтому исследователь должен оценивать их объективность через понимание механизмов сбора, анализа и интерпретации данных. На основании отчетов можно сделать вывод о том, что, помимо прессы, служащие полиции получали информацию, добытую как агентами наружного наблюдения, так и лицами, близко знакомыми с сербской политической элитой. Подготовленная

²¹ Liang 1992: 28.

²² Ress 2010: 523.

²³ Deak 2013: 530–533.

²⁴ Бибииков 2021: 52.

на этой базе аналитика, представленная в отчетах беспристрастных по долгу службы Й. Ворафки и С. Лайзера, на наш взгляд, дает достоверные представления о функционировании политической системы у сербов монархии Габсбургов в 1866–1867 гг.

Также необходимо пояснить, что столь узкие хронологические рамки исследования объясняются изменением задачи, поставленной перед полицией, и завершением ее деятельности на территории Венгерского королевства. До августа 1866 г. настроения в среде сербов монархии Габсбургов анализировались в контексте их взаимоотношений с подданными сербского князя и представителями политических элит других югославянских народов империи. Пристальное внимание к этим контактам было обусловлено внешнеполитическим курсом Княжества Сербия в годы революции 1848–1849 гг., связанным с реализацией плана «Начертание» Илии Гарашанина (1812–1874). При всей важности национального движения сербов в Южной Венгрии, малая вероятность воссоединения с пречанами²⁵ после подавления революции побуждала власти княжества сконцентрироваться на приоритетном для них антиосманском направлении²⁶. Тем не менее Министерство иностранных дел в Вене продолжало держать руку на пульсе. Особую роль в этом сыграл Теодор (Тея) Радосавлевич (1805–1873)²⁷, австрийский консул в Белграде с 1851 по 1858 г., который будучи уже комендантом Осиека в 1858–1873 гг., продолжал отслеживать связи сербов по обе стороны Дуная через сеть информаторов.

Дуэль вождей: борьба за электорат

До осени 1866 г. отделение полиции в Пеште информировало МИД в пространных отчетах за довольно продолжительные промежутки времени. Примечательно донесение Й. Ворафки от 9 августа 1866 г., в котором он дал текущую сводку событий с ноября 1865 г. Текст позволяет составить представление о том, какая работа была проведена для подготовки аналитической справки. Ворафка отметил, что за происходящими событиями наблюдает лично,

²⁵ *Пречанские сербы* (от серб. *преко* — «за»), то есть проживающие за Дунаем и Савой.

²⁶ Никифоров 2015: 170–171.

²⁷ Деак 2019: 60.

так как основные действующие лица его повествования в то время были депутатами Государственного собрания 1865–1866 г. и находились непосредственно в Пеште. Очевидно, что данные он представил в порядке их важности для оценки ситуации. Ворафка отметил, что особого внимания заслуживает многогранная деятельность Светозара Милетича, который представлял сербское национальное меньшинство в парламенте, принимал активное участие в судьбе Матицы сербской, являлся учредителем и главным редактором оппозиционной газеты *Застава* («Знамя», до июня 1867 г. выходила в Пеште) и был в целом охарактеризован как последовательный проводник великосербской идеи. Потенциальную опасность директор полиции увидел в обширных связях Милетича с молодежью:

При его поддержке организуются “специфические” общества — якобы клубы по интересам, научные кружки, но не сомневаюсь, что их реальная деятельность национально-политического толка. Среди них особое внимание обращают на себя организация “Зора” в Вене и “Преодница” при Текелиануме в Пеште²⁸.

Он приложил к отчету перевод агитационного листка формирующегося общества *Зора*, призывавшего на съезд молодых людей не только из разных уголков империи, но и из-за границы, и снабдил его комментарием, что эта затея однозначно не студенческий слет. Ворафка обратил внимание на фразы «решительные действия», «лучшее будущее для нации», «объединить все силы», отметив, что они не имеют смысла, если речь идет о «научном воспитании», а не о завоевании политической и национальной независимости²⁹. В свою очередь члены организации *Преодница* предложили провести встречу молодежи в Нови Саде, «центре сербства». Милетич оказал этому мероприятию информационную поддержку, опубликовав прокламации и итоговую программу заседаний в нескольких номерах газеты *Застава*. Вероятно, намеков директора отделения полиции Пешта было достаточно, для того чтобы за съездом молодежи, состоявшимся 27–29 августа 1866 г., и за членами образованной на нем организации «Объединенная сербская молодежь», или *Омладина* (*Уједињена*

²⁸ Ворафка — Министерству иностранных дел, Пешт, 9 августа 1866 г. // *Петровић Н.* Светозар Милетић и Народна странка. С. 315.

²⁹ Там же.

омладина српска), был установлен надзор с продолжением этой тенденции уже при венгерских властях³⁰.

Предположительно, с помощью агентов наружного наблюдения Ворафке удалось установить содержание бесед С. Милетича с частными лицами, поскольку встречи происходили в общественных местах. С неким русским эмиссаром сербского происхождения Вуковичем он 11 июня 1866 г. встречался в Императорской купальне в Буде. 22 июня 1866 г. Милетич посетил в отеле «Белая ладья» господина Селаковича, тестя И. Гарашнина, тогда министра иностранных дел и председателя Совета министров Княжества Сербия³¹. Ворафка отметил неразборчивость Милетича в плане выбора покровителя, способного оказать ему поддержку в требованиях обеспечения территориально-политических интересов сербов в Венгерском королевстве.

Отдельного упоминания в полицейском отчете удостоился и национальный герой, заслуживший авторитет в годы революции 1848–1849 гг., бывший генерал австрийской армии Джордже Стратимирович (1822–1908). Рассматривая его деятельность, Ворафка заострил внимание на отдельных высказываниях, выходящих за рамки того, что мог бы себе позволить депутат парламента, изъявивший лояльность императору и, по собственному утверждению, пострадавший от лукавства венгерских политиков³². Поскольку действовала установка от вышестоящей инстанции, «аргусово око» цеплялось взглядом за любое проявление потенциальной угрозы государственной безопасности. В частности, Ворафка упомянул о двух инцидентах с участием Стратимировича. В июне 1866 г. он дал интервью политическому обозревателю *Заставы* Глигорие Гершичу (1842–1918), в котором была затронута тема заговора против сербского князя Михаила Обреновича (1839–1842 гг., 1860–1868 гг.) силами сторонников свергнутого Александра Карагеоргиевича (1842–1858 гг.). Корреспондент усомнился в реальности этого утверждения, предположив, что бывший правитель, скорее всего, опровергнет информацию. На это Стратимирович якобы ответил: «Я Вас уверяю, это так». Отставной генерал не раз избирал апелляцию к собственному авторитету как средство самоутверждения в сербской политической

³⁰ Васин, Лемајић, Микавица, Нинковић 2015: 57.

³¹ Ворафка — Министерству иностранных дел, Пешт, 9 августа 1866 г. // *Петровић Н.* Светозар Милетић и Народна странка. С. 317.

³² Новосельцева 2018: 65–66.

среде. В той же беседе с Гершичем по вопросу воссоединения нации он заявил:

Мы должны прийти к единому государству, правда, пока этот вопрос решается такими людьми, как я, (кто-то. — *Л.Н.*) должен заниматься литературой и общественной жизнью сербов³³.

Показательный случай произошел и на одном из банкетов, устроенных Стратимировичем, на котором присутствовали председатель Матицы сербской Стефан Брановачки (1804–1880), тогда помощник адвоката поэт Лаза Костич (1841–1910), депутаты парламента Манойлович, Трифунац и некий Йосифович. Последний произнес здравицу хозяину, пожелав успехов «в великих делах на Балканах», на что чествуемый Стратимирович ответил: «Я просто хочу быть сербским Вашингтоном»³⁴. По мнению академика В. Крестича, такая самоуверенность стоила Стратимировичу карьеры и «светлого» будущего. Не имея реальной протекции ни со стороны венского двора, ни от венгерских властей, без поддержки, исходящей из Сербии, он при своем статусе народного героя вынужден был на общих основаниях принимать участие в политической борьбе, развернувшейся в сербском сообществе накануне дуалистического переустройства монархии Габсбургов, и не выдержал конкуренции с оппонентами во главе с Милетичем по объективным причинам³⁵.

Осенью 1866 г. Ворафка поменял формат подачи информации в донесениях: приводимые им сведения вкуче представляли теперь сопоставительный анализ сербских идейно-политических течений в условиях электоральной конкуренции. Четко прослеживается, что директор полиции сравнивал методы работы с аудиторией, ее социальный состав, освещенность идей и практической деятельности формирующихся партий в средствах массовой информации, роль лидера и его инициативность.

Важно отметить, что при всем различии видения реализации национальных прав и Милетич, и Стратимирович выступали с идеями

³³ Ворафка — Министерству иностранных дел, Пешт, 9 августа 1866 г. // *Петровић Н.* Светозар Милетић и Народна странка. С. 317.

³⁴ Там же. С. 318. Поскольку по традиции Ворафка не раскрывал свой источник информации, остается только догадываться, каким образом ему «достались» эти сведения — как результат работы наблюдателя или донос одного из гостей.

³⁵ Крестич 2013: 278.

федеративного переустройства империи. Накануне подписания Соглашения 1867 г. лидер либералов представлял себе двуединую монархию как унию Австрии и Венгрии, с дарованием автономии на основании гражданских и национальных прав всем этническим меньшинствам на уровне комитатов с приоритетом мадьяр как титульной нации. Его взгляды в литературе часто называют дуалистическим федерализмом. Осуществление подобной программы было возможно при тесном сотрудничестве венгерских политиков с представителями немадьярских народов, за которое и ратовали либералы. Консервативно-клерикальное течение во главе со Стратимировичем стояло на позициях государственного федерализма и решение этого вопроса делегировало двору и имперскому правительству, которое перекроило бы государство на федеративных началах согласно историческому праву³⁶. Определяющими документами в данном случае стали бы Привилегии, дарованные сербам Габсбургами в XVII–XVIII вв. Представители обоих течений предприняли попытку договориться и выработать единую концепцию защиты национальных прав на заседаниях Государственного собрания и взаимоотношений с Веной и Пештом. Инициатором выступил Стратимирович, который созвал в сентябре 1866 г. в Велики-Бечкереке конференцию сербских депутатов парламента, большинство которых представляли консервативные круги. Милетич на страницах *Заставы* раскритиковал состав участников, итоговые положения³⁷. Стратимирович пошел на встречу своему оппоненту и предложил встретиться на совещании в Нови-Саде месяцем позже.

Наблюдавший за развитием ситуации Ворафка за неделю до начала мероприятия, 8 октября 1866 г., отдал распоряжение начальнику отделения полиции в Темешваре С. Лайзеру следить за делегатами и выяснить, какие вопросы будут обсуждаться на заседаниях³⁸. В результате этой встречи окончательно оформилось размежевание либералов и консерваторов, которые вступили в острую политическую борьбу друг с другом на разных уровнях — в рамках сербского народно-церковного сабора и венгерского Государственного

³⁶ Кирилина, Стыкалин, Хаванова (ред.) 2018: 137–138.

³⁷ Ворафка предоставил перевод этой статьи в МИД. См.: Ворафка, Пешт, 19 сентября 1866 г. // *Петровић Н.* Светозар Милетић и Народна странка. С. 320.

³⁸ Ворафка, Пешт, 8 октября 1866 г. // *Петровић Н.* Светозар Милетић и Народна странка. С. 333.

собрания, что на основании секретной информации констатировали в отчетах Ворафка и Лайзер. Последний был впечатлен тем, как стремительно распространились результаты конференции среди сербов, проживавших в южных комитатах Венгрии. Неравнодушные жители Вршаца, Темешвара, Велики-Бечкерека, Велика-Кикинды, Стари-Бечея и самого Нови-Сада собирались даже по ночам, чтобы определиться со своей позицией, и в большинстве случаев выразили доверие отставному генералу Стратимировичу. Впрочем, он обратил внимание на то, что среди других народов, населяющих Венгерское королевство, мало кто верит в лояльность сербов династии, считая конфронтацию в их среде фиктивной и необходимой лишь для того, чтобы внезапно выступить единым фронтом даже против австрийского правительства. Лайзер признался, что он лично не видит тенденций к этому:

Нет среди них уникальных личностей, которые осознавали бы все национальное величие и искали будущность в едином югославянском государстве или в присоединении к России. Но такие настроения в народе вызывают сомнения, поэтому не стоит их брать в расчет, даже если придется действительно пожертвовать сербами в угоду венграм. Сейчас сербство для них крепостная стена против мадыарских устремлений, и те, кто в это верит, верны правительству³⁹.

Будто вопреки такой оценке политики поспешили оформить партии во главе с Милетичем и Стратимировичем, личная дуэль которых существенно повлияла на политическую ориентацию всего сербского сообщества Венгерского королевства. Консерваторы попробовали организовать Сербскую австрофильскую консервативную партию, распространяя среди высших кругов в Вене, Пеште и Нови-Саде в качестве программы неофициальный анонимный документ *Promemoria* («Памятная записка»). Они не только предлагали создать объединение благонадежных сербских подданных во главе со Стратимировичем, но и обвиняли либералов в узурпации национальных общественных организаций (Матица сербская, Сербская читальня, театр), в неадекватной пропаганде мадыаронских идей среди школьников и гимназистов, опасных связях с молодежью из Сербии, «махинациях

³⁹ Лайзер, Пешт, 16 октября 1866 г. // *Петровић Н.* Светозар Милетић и Народна странка. С. 339–340.

и заигрывании с Россией, которые Милетич даже не скрывает»⁴⁰. Помимо меморандума Стратимирович опубликовал в немецкоязычных изданиях, пражской газете *Politik* («Политика») и венском журнале *Zukunft* («Будущее»), анонимные статьи с подписями «S» и «Gj» (его авторство установил Й. Ворафка), в которых уведомил широкую общественность о «чудном поведении» Милетича на конференции в Нови-Саде, когда тот отказался включить представителей высшего клира в национальную делегацию при дворе⁴¹. Директор полиции Пешта неоднократно подмечал различие в выборе аудитории и методах работы с ней, в том числе и через средства массовой информации, у либералов и консерваторов, однако не пытался установить причину этого расхождения. Убедительным представляется объяснение Х. Хазельштайна, что соперничающие партии нуждались в опоре и сторонники Стратимировича, заискивая перед императором и правительством Р. Белкреди, подчеркивали опасность деятельности Милетича, понимая, что тот обладал гораздо большими возможностями для влияния на народное мнение⁴².

В условиях, когда основные каналы национальной пропаганды были «узурпированы» либералами, а устаревающие издания консервативного толка не могли составить конкуренцию самой читаемой сербской газете *Застава*, политики-австрофилы вынуждены были искать другие способы агитации. Сложившаяся в их среде практика анонимности коррелировала с деятельностью их лидера, предпочитавшего скрывать свое непосредственное участие в политической борьбе. Ворафка в донесениях не раз писал о демонстративной отстраненности Стратимировича от жизни сербского сообщества. Вхожий в кулуары власти отставной генерал добивался желаемого в ходе важных личных встреч и частных бесед, в том числе и с императором Францем Иосифом I (1848–1916 гг.), практически не принимая участия в массовых мероприятиях⁴³, а народную поддержку для него «организовывало» окружение. В донесении директора

⁴⁰ Pro memoria, Вена, 1 октября 1866 г. // *Петровић Н.* Светозар Милетић и Народна странка. С. 333.

⁴¹ Ворафка, Вена, 9 ноября 1866 г. // *Петровић Н.* Светозар Милетић и Народна странка. С. 350–351.

⁴² Haselsteiner 1976: 96.

⁴³ *Стратимировић Ђ.* Успомене. Нови Сад: Мало историјско друштво, 2013. С. 110.

полиции от 16 ноября 1866 г. была проанализирована статья из журнала *Zukunft*, подготовленная «уважаемыми гражданами Нови-Сада». Авторы поделились с читательской аудиторией разочарованием от сотрудничества с венгерским истеблишментом и проводимой политики реализации концепта единой политической нации. В связи с этим авторы призывали всех неравнодушных к судьбе сербского народа на будущих парламентских заседаниях поддержать делегатов от Велики-Бечкерек. Состав группы депутатов не был обозначен в тексте, однако Ворафка сразу вычислил Стратимировча и его сторонников⁴⁴.

В отчете директора полиции Пешта генерал косвенно охарактеризован как умелый манипулятор неформальными инструментами коммуникации: он был способен обратить слухи, толки, мало значащие события в свою пользу. Примером тому является описанная Ворафкой в отчете за 15 января 1867 г. ситуация. Стратимирович получил от депутатов хорватского сабора благодарственное письмо за защиту интересов Триединого королевства и немадьярских народов на одном из заседаний Государственного собрания, хотя в действительности к этому гораздо больше усилий приложил Милетиц. Текст телеграммы также был опубликован в *Pester Lloyd* («Пештский Ллойд»). Удивленный Стратимирович завел со своим знакомым (имя отсутствует в отчете. — *Л. Н.*) разговор о том, что могло бы значить это послание. Собеседник уверенно ответил: «Господа, выразившие Вам благодарность, вероятно, хотят, чтобы Вы стали начальником Хорватской придворной канцелярии вместо Кушевича⁴⁵». На банкете в честь этого события Стратимирович еще раз поднял беспокоивший его вопрос в беседе с профессором славянского языка и литературы гимназии Ференчем. Предупрежденный заранее, преподаватель ответил утвердительно. Судя по отчету Ворафки, содержащаяся в нем информация была предоставлена именно Ференчем, который считал, что сам Стратимирович был инициатором появления благодарственного письма и режиссером истории вокруг телеграммы. В день празднования в газете *Србобран* («Защитник сербов») вышла статья корреспондента из Нови-Сада, где подробно разбирались версии, почему

⁴⁴ Ворафка, Пешт, 16 ноября 1866 г. // *Петровић Н.* Свегозар Милетић и Народ на странка. С. 354–356.

⁴⁵ Кушевич Эмил (Милан, 1807–1877) — хорватский политический деятель, генерал от артиллерии, в 1865–1869 гг. начальник Хорватской придворной канцелярии.

депутаты хорватского сабора выразили лидеру сербских консерваторов особую благодарность⁴⁶.

В следующем отчете, от 21 января 1867 г., Ворафка доложил, что ему стали известны некоторые подробности этого курьезного случая. Информатор, близкий к либеральному стану, сообщил, что хорватские политики без чьей-либо подсказки искренне благодарили Стратимировича, однако телеграмм предполагалось отправить две — вторую должен был получить Милетич. Предупрежденный Михаилом Полит-Десанчичем, тогда депутатом хорватского сабора, вождем либералов заблаговременно отказался от такой почести, не желая «быть, прости Господи, довеском к Стратимировичу»⁴⁷.

Впрочем, прозорливый директор полиции Пешта уличил в использовании театральщины и самого Милетича. В октябре 1866 г. неожиданный вотум доверия консерваторам и развернутая оппонентами кампания в прессе серьезно ударили по его репутации. Путь к восстановлению реноме оказался тернистым, так как в это же время власти Сербии запретили распространение либеральной *Заставы* на территории княжества в связи с критикой в их адрес⁴⁸. Ворафка в донесении от 30 ноября 1866 г. отметил, что перед Милетичем стояли две цели — вернуть статус национального лидера, временно перешедший к Стратимировичу, и произвести впечатление на сербское правительство. Правда, методы решения этих задач директор полиции Пешта назвал банальными, поскольку окружение поспешило сфабриковать вотум доверия Милетичу. Осенью 1866 г. основная масса сербского населения солидаризировалась с их оппонентами, поэтому либералы обратились к аудитории, которая изначально не придерживалась консервативных взглядов, — молодежи. Ворафка писал, что приложенные ранее усилия вполне себя оправдали: в критический момент организация *Преодница*, бывшая под покровительством либералов, организовала сбор подписей

⁴⁶ Ворафка, Пешт, 15 января 1867 г. // *Петровић Н.* Светозар Милетић и Народна странка. С. 386.

⁴⁷ Ворафка, Пешт, 21 января 1867 г. // *Петровић Н.* Светозар Милетић и Народна странка. С. 389.

⁴⁸ *Милетић С.* Забрана «Заставе» у Србији // *Милетић С.* Сабрани списи. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 1999. Т. II/1. / приред. Ч. Попов, Д. Микавица. С. 222–223.

в поддержку Милетича. Среди членов этой организации наблюдался раскол на две группировки: воспитанников сербского Текелианума⁴⁹ и выпускников других учебных заведений. Милетич поручил устранить его своему протеже — молодому врачу Любомиру Ненадовичу (1837–1916), который блестяще справился с задачей. На примирительный банкет были приглашены Милетич, инспектор Текелианума Йован Йованович-Змай (1833–1904) и лидер *Омладины*, сотрудник *Заставы* Владимир Йованович (1833–1922). Подняв тост за своего патрона, Ненадович благодарил его и представил как «того человека, на которого только и может надеяться сербский народ», а также заявил, что в решающий момент молодежь поможет Милетичу в его деле, и призвал голосовать за него и других депутатов от Стари-Бечея⁵⁰.

Ворафка довольно язвительно прокомментировал эпизод:

Этот апофеоз, явно инсценированный Ненадовичем по договоренности с чествуемым Милетичем, очевидно, воспринимался либералами как первый шаг на пути к политической реабилитации его как настоящего апостола сербства⁵¹.

В целом он описывал попытки политического реванша за нанесенное Стратимировичем поражение как нелепые и иллюстрировал следующими картинками. Спустя пару дней после триумфа Милетича Ненадович предложил активистам коллективно составить хвалебный текст, который нужно было напечатать в ближайшем номере *Заставы* (№ 80 от 23 ноября 1866 г. — *Л.Н.*). В ходе этой работы кто-то из студентов задал Милетичу вопрос, почему при декларируемой открытости издания редакция до сих пор не опубликовала перевод статьи консерваторов из журнала *Zukunft*. Тот ответил, что выпустит обращение граждан Нови-Сада вместе с готовящимся молодежным воззванием. Реплику, что тогда возможна путаница, главный редактор *Заставы* парировал, что в таком случае не опубликует перевод. Й. Йованович-Змай высказался: «Это алиберально, Милетич хочет

⁴⁹ *Текелианум* (серб. Текелијанум) — благотворительный фонд сербского купца и филантропа Савы Текелии (1761–1842), основанный для поддержки сербской молодежи, получавшей образование в Пеште.

⁵⁰ Ворафка — Министерству полиции, Пешт, 30 ноября 1866 г. // *Петровић Н.* Светозар Милетић и Народна странка. С. 362–363.

⁵¹ Там же.

обрядить свободное мнение в смирительную рубашку»⁵². Лидер либералов ответил, как написал Ворафка, «весьма характерно для себя», что «готов предоставить свободу мнения любому, но никогда не будет печатать на страницах своей газеты что-то во вред себе»⁵³.

Не без иронии директор полиции Пешта отметил, что эта акция не принесла Милетичу ожидаемой пользы:

Заявление молодых людей не помогло Милетичу обратить на себя внимание среди интеллигентного сербского населения. Напротив, опубликованный им документ выглядел смешно и был оценен в этих кругах по достоинству, но и на этом Милетич не приобрел желаемой популярности⁵⁴.

Ворафка связал последующую деятельность Милетича во время его пребывания в Пеште в ноябре 1866 г. с этой неудачей. 24 ноября по инициативе сербской диаспоры состоялась «славянская» встреча со словаками и русинами, в основном студентами или занятыми в торговле молодыми людьми, для которых вождь либералов выступил на сербском и словацком языках с лекцией по истории этих народов. Его целью было вдохновить присутствующих на создание обществ взаимного просвещения, чего он с успехом достиг, будучи заочно избранным председателем будущего сербско-словацкого общества⁵⁵.

Пиррова победа либералов

В январе 1867 г. началась завершающая стадия переговоров между венским правительством и венгерскими политиками во главе с Ференцем Деаком (1803–1876), которая в корне изменила расстановку сил среди сербов Венгерского королевства. Грядущее в скором времени переустройство империи на дуалистических началах привело к временному перемирию между либералами и консерваторами. Светозар Милетич изменил мнение по спорному вопросу, поднятому на конференции в Нови-Саде в октябре 1866 г. Он заявил, что при всей

⁵² Ворафка — Министерству полиции, Пешт, 30 ноября 1866 г. // *Петровић Н.* Светозар Милетић и Народна странка. С. 362–363.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

противоречивости этой перемены возможно, что появление сербской делегации во главе с патриархом Самуилом Маширевичем повлияет на ход переговоров и ситуацию в целом⁵⁶. Но в сложившихся условиях высшая церковная иерархия быстрее перестроилась со своей верноподданнической позиции: вчерашние противники Пешта спокойно приняли условия Соглашения 1867 г. и стали близко сотрудничать с венгерским правительством, помогая в борьбе с оппозицией, в первую очередь с либералами под предводительством Милетича⁵⁷. Реакция Джордже Стратимировича и его сторонников не была столь молниеносной: для эволюции и оформления новых взглядов им потребовалось время на строительство новой «умеренной, независимой и либеральной» (курсив мой. — Л.Н.) партии⁵⁸. В отчете от 28 января 1867 г., в котором генерал упоминается в последний раз в донесениях директора полиции Пешта, Й. Ворафка констатировал некоторую растерянность в его действиях: с одной стороны, лидер консерваторов прибыл 27 января в Вену для переговоров с чешскими политиками-федералистами о дальнейших, возможно, совместных акциях, с другой, согласно секретным данным, он рассчитывал остаться верным своим убеждениям и при неблагоприятном стечении обстоятельств уехать из Венгрии⁵⁹.

Главным героем полицейских донесений за первый квартал 1867 г., до упразднения структуры, стал Светозар Милетич, который на тот момент остался единственным народным трибуном. Круг его сторонников расширялся в геометрической прогрессии. Признание выразилось в том числе и в избрании Милетича градоначальником Нови-Сада 10 мая 1867 г., которое было аннулировано в связи с подозрениями о причастности лидера либералов к организации покушения на сербского князя Михаила Обреновича. Игнорирование программ комфортного для немадьярских народов переустройства монархии Габсбургов со стороны венгерских политиков подтолкнуло сербских либералов добиваться осуществления национальных прав любыми способами, что означало открытую конфронтацию с властями.

⁵⁶ Ворафка — Министерству иностранных дел, Пешт, 27 января 1867 г. // *Петровић Н.* Светозар Милетић и Народна странка. С. 362–393.

⁵⁷ Кирилина, Стыкалин, Хаванова (ред.) 2018: 138.

⁵⁸ Крестић, Љушић 1999: 68.

⁵⁹ Ворафка — Министерству иностранных дел, Пешт, 28 января 1867 г. // *Петровић Н.* Светозар Милетић и Народна странка. С. 362–393.

14 февраля 1867 г. датируется последний отчет директора полиции в Темешваре С. Лайзера, в котором он доложил о настроениях сербского общества в южных комитатах Венгерского королевства. Он пожаловался, что в нынешних условиях ограниченному контингенту агентов сложно добывать информацию, особенно в сельской местности, так как сербы настороженно относятся к представителям других народов Венгерского королевства. Несмотря на то, что большинство сербов сохраняли лояльность династии и продолжали доверять правительству в Вене, Лайзер отметил рост числа последователей Милетича среди молодых людей, который стал выглядеть угрожающим с того момента, как венгерский парламент отказался удовлетворить национальные требования сербов. Лайзер долгое время не мог лично оценить масштаб распространения либеральной идеи, но компетентные люди уверили его в том, что, пока хоть как-то на заседаниях Государственного собрания будет обсуждаться национальный вопрос и сербы в частности, не стоит ожидать с их стороны волнений⁶⁰.

Заключение

Осень 1866 г. стала своеобразной реперной точкой в истории сербского национального движения в монархии Габсбургов. Соглашение между Веной и Пештом не представлялось уже отдаленной перспективой, о чем говорил сам Франц Иосиф. Австрийские власти видели в документе в том числе и возможность безопасно разделить бремя борьбы с национальными движениями. При дворе считали, что венгерская политическая элита благодаря конституционным традициям и монархическому духу обеспечит в Транслейтании стабильность⁶¹. Именно поэтому консервативный фланг сербского политического спектра оказался без необходимой поддержки со стороны Вены и, не успев вовремя перестроиться и начать сотрудничество с венгерским истеблишментом, уступил удерживаемую с начала 1860-х годов пальму первенства либералам. Те считали защиту народных интересов своей прерогативой до начала 1880-х годов. По мнению Арпада Лебла, это негативно сказалось на развитии партийной системы

⁶⁰ Лайзер — Министерству иностранных дел, Темешвар, 14 февраля 1867 г. // *Петровић Н. Светозар Милетић и Народна странка*. С. 398–399.

⁶¹ Somogyi 1983: 80.

у сербов Австро-Венгрии. Отсутствие как таковой альтернативы в рамках национального движения делало «заложниками» либералов тех политически активных сербов, которым было безразлично их будущее в Венгерском королевстве, но по разным причинам несогласных с методами Милетича⁶².

Потенциальную угрозу государственной безопасности, исходившую от либерального и созвучного ему молодежного движений, определили в 1866 г. Ворафка и Лайзер, но в условиях постепенной передачи этой проблемы под юрисдикцию Пешта министерство иностранных дел и полиция ограничились лишь наблюдением. Венгерские власти оказались внимательными к этим прогнозам и руководствовались ими во взаимодействиях с сербской политической элитой конца 1860-х — начала 1870-х годов. Одной из первых мер стало усиление контроля над прессой, в связи с этим редакция *Заставы* переместилась в Нови-Сад в июне 1867 г.⁶³ В том же году против Милетича было развернуто судебное делопроизводство о превышении им должностных полномочий на посту градоначальника Нови-Сада и по подозрению в участии в заговоре против сербского князя Михаила Обреновича. Обладая в том числе и информацией из полицейских отчетов о ненадежности Джордже Стратимировича⁶⁴, в Пеште не стали помогать ему в возрождении консервативного течения и оформлении его в партию в 1872 г. Без покровительства бывший национальный герой превратился в политического банкрота.

Список исторических географических названий

Темешвар — ныне Тимишоара в Румынии
Велики-Бечкерек — ныне Зренянин в Сербии
Велика-Кикинда — ныне Кикинда в Сербии
Стари-Бечей — ныне Бечей в Сербии

⁶² Lebl 1979: 9.

⁶³ Протокол заседания совета министров. 12 июня 1867 г., Пешт // *Петровић Н.* Светозар Милетић и Народна странка. С. 409.

⁶⁴ Б. Каллай — Д. Андраши, 18 июня 1868 г., Белград // *Петровић Н.* Светозар Милетић и Народна странка. С. 460.

Литература

- Бибиков 2021 — *Бибиков Г.Н.* Полугодовые донесения губернских жандармских штаб-офицеров как источник по истории местного управления Российской империи 1830-х гг. // Новое прошлое. 2021. № 1. С. 34–57.
- Бут 2019 — *Бут Ю.Е. П. М.* Дзадсон. Империя Габсбургов: история по-новому. Кембридж (Массачусетс), 2016, 567 с. // Новая и новейшая история. 2019. № 1. С. 232–234.
- Васин, Лемајић, Микавица, Нинковић 2015 — *Васин Г., Лемајић Н., Микавица Н., Нинковић Н.* Срби у Хабзбуршкој монархији од 1526. до 1918. Т. 2. Нови Сад: Прометеј, 2016. 559 с.
- Вэнк 1995 — *Вэнк С.* Династическая империя или многонациональное государство: размышления о наследии империи Габсбургов в национальном вопросе // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства / отв. ред.: Т.М. Исламов, А.И. Миллер. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 5–24.
- Деак 2019 — *Деак А.* По следам революционеров: Государственная полиция в Австрийской империи, 1849–1852 // Historia Provinciae — Журнал региональной истории. 2019. Т. 3. № 1. С. 53–85.
- Исламов 1995 — *Исламов Т.М.* Конец средневропейской империи. Размышления относительно места и роли империи Габсбургов в европейской истории // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства / отв. ред.: Т.М. Исламов, А.И. Миллер. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 25–47.
- Исламов 2001 — *Исламов Т.М.* Югославия: от объединения к разьединению // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 147–158.
- Исламов 2004 — *Исламов Т.М.* История югославян империи Габсбургов в освещении русских историков конца XX столетия // Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время (Памяти Владимира Павловича Шушарина) / под ред. Т.М. Исламова, А.С. Стыкалина (отв. ред.), М.К. Юрасова. М.: Институт славяноведения РАН, 2004. С. 289–313.
- Карасев, Чуркина, Шемякин 2002 — *Карасев А.В., Чуркина И.В., Шемякин А.Л.* О статье Т.М. Исламова «Югославия: от объединения к разьединению» // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 167–172.
- Кирилина, Стыкалин, Хаванова (ред.) 2018 — Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки / под ред. Л.А. Кирилиной, А.С. Стыкалина, О.В. Хавановой (отв. ред.). М.: Индрик, 2018, 406 с.
- Кириловић 1937 — *Кириловић Д.* Српски народни сабори. Списи бечке Државне архиве. Књ. 1: 1861–1875. Нови Сад: Историјско друштво, 1937. 223 с.

- Крестић 2013 — *Крестић В. Ђ.* Срби у Угарској, 1790–1918. Нови Сад: Матица Српска, 2013. 525 с.
- Крестић, Љушић 1999 — *Крестић В., Љушић Р.* Програми и статуту српских политичких странака до 1918. године. Београд: Издавачка кућа Књижевне новине, 1999. 514 с.
- Милутиновић 1936 — *Милутиновић К.* Михајло Полит-Десанчић као историчар. Нови Сад: Штампарија Јовановић и Богданов, 1936. 179 с.
- Никифоров 2015 — *Никифоров К. В.* «Начертание» Или Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М.: Индрик, 2015. 256 с.
- Новосельцева 2018 — *Новосельцева Л. К.* «Кто в молодости не был либералом»: к политической биографии Джордже Стратимировича // Славянский альманах. 2018. № 3–4. С. 60–69.
- Раденић 1981 — *Раденић А.* Срби у Хабзбуршкој монархији, 1868–1878 // Историја српског народа. Београд: Српска књижевна задруга, 1981. Књ. 5. Т. 2. Од Првог устанка до Берлинског конгреса, 1804–1878. С. 153–230.
- Фрейдзон (ред.) 1981 — Освободительные движения народов Австрийской империи: Период утверждения капитализма / отв. ред. В. И. Фрейдзон. М.: Наука, 1981. 464 с.
- Чуркина (ред.) 1997 — На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII — начало XX в. / под ред. И. В. Чуркиной М.: Индрик, 1997. 416 с.
- Шемякин 2010 — *Шемякин А. Л.* Особенности политического процесса в Сербии глазами русских (последняя треть XIX — начало XX века) // Славяноведение. 2010. № 5. С. 3–15.
- Deák 2013 — *Deák Á.* Államrendőrség Magyarországon, 1849–1867. Akad. dokt. értekezés. Budapest, 2013. 631 old. (рукопись).
- Haselsteiner 1976 — *Haselsteiner H.* Die Serben und der Ausgleich. Zur politischen und staatsrechtlichen Stellung der Serben Südungarns in den Jahren 1860–1867. Wien; Köln; Graz: Böhlau, 1976. 126 s.
- Krestić 2006 — *Krestić V.* Vereine und Interessenvertretungen bei den Serben // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. VIII. Politische Öffentlichkeit und Zivilgesellschaft. Teilb. 1. Vereine, Parteien und Interessenverbände als Träger der politischen Partizipation / hrsg. von H. Rumpler, P. Urbanitsch. Wien: Verlag der Österr. Akademie der Wissenschaften, 2006. S. 1301–1319.
- Lebl 1979 — *Lebl A.* Građanske partije u Vojvodini 1887–1918. Novi Sad: Institut za Istoriju, 1979. 332 s.
- Liang 1992 — *Liang H.* The rise of modern police and the European state system from Metternich to the Second World war. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 345 p.
- Pál 2017 — *Pál J.* The Habsburg Empire: A New History by Judson Pieter M. // The Hungarian Historical Review. 2017. Vol. 6. № 1. P. 180–190.

- Palairet 1998 — *Palairet M.* The Balkan economies c. 1800–1914. Evolution without development. Cambridge: Cambridge University press, 1998. 432 p.
- Ress 2010 — *Ress I.* Andrassy Gyula és a közös külügyminisztérium hírszolgálatának változásai 1867–1872 // *Történelmi Szemle.* 2010. 52 évf. 4. sz. 523–536. old.
- Somogyi 1983 — *Somogyi É.* Vom Zentralismus zum Dualismus. Der Weg der deutschösterreichischen Liberalen zum Ausgleich von 1867. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1983. 119 S.
- Stokes 1970 — *Stokes G.* Svetozar Miletić i Narodna stranka. Građa, 1860–1885. Knjiga 1. 1860–1869. Edited by Nikola Petrović. Sremski Karlovci: Istorijски arhiv autonomne pokrajine Vojvodine, 1969 // *Slavic review.* 1970. № 29 (2). P. 319–320.
- Vuchinich 1967 — *Vuchinich W.S.* The Serbs in Austria-Hungary // *Austrian History Yearbook.* 1967. Vol. 8. № 2. P. 3–47.

References

- Bibikov, G.N., 2021. Polugodovye donesenii gubernskikh zhandarmskikh shtab-ofitserov kak istochnik po istorii mestnogo upravlennia Rossiiskoi imperii 1830-kh gg. [Semi-annual reports of the provincial gendarme staff officers as a source on the history of local government of the Russian empire in the 1830s]. *Novoe proshloe*, 1, pp. 34–57. (in Rus.)
- But, Iu.E., 2019. P.M. Dzhadson. Imperii Gabsburgov: istoriia po-novomu. Kembriđzh (Massachusetts), 2016, 567 s. [Judson P.M. The Habsburg Empire: A New History. Cambridge, Massachusetts, 2016, 567 p.]. *Novaia i noveishaia istoriia*, № 1, pp. 232–234. (in Rus.)
- Churkina, I.V., ed., 1997. *Na putiakh k Jugoslavii: za i protiv. Ocherki istorii natsional'nykh ideologii jugoslavianskikh narodov. Konets XVIII–nachalo XX vv.* [On the way to Yugoslavia: pros and cons. Essays on the history of the national ideologies of the Yugoslav peoples. From the late eighteenth to the early twentieth centuries]. Moscow: Indrik, 416 s.
- Churkina, I.V., Karasev, A.V., Shemiakin, A.L., 2002. O stat'e T.M. Islamova "Jugoslaviia: ot ob'edineniia k raz'edineniiu" [On the article of T.M. Islamov "Yugoslavia: from unification to separation"]. *Voprosy istorii*, 1, pp. 167–172. (in Rus.)
- Deák, Á., 2013. *Államrendőrség Magyarországon, 1849–1867.* Dr. Sc. thesis. Budapest, 631 p. (manuscript).
- Deak, Á., 2019. Po sledam revoliutsionerov: Gosudarstvennaia politsiia v Avstriiskoi imperii, 1849–1852 [In the footsteps of revolutionaries: the Federal Gendarmerie in Austrian Empire, 1849–1952]. *Historia Provinciae — Journal of Regional History*, 3, 1, pp. 53–85. (in Rus.).
- Freidzon, V.I., ed., 1981. *Osvoboditel'nye dvizheniia narodov Avstriiskoi imperii: Period utverzheniia kapitalizma* [Liberation Movements in Austrian empire:

- The Period of the Establishment of Capitalism] Moscow: Nauka, 464 p. (in Rus.)
- Haselsteiner, H., 1976. *Die Serben und der Ausgleich. Zur politischen und staatsrechtlichen Stellung der Serben Südongarns in den Jahren 1860–1867*. Wien; Köln; Graz: Böhlau, 126 p.
- Islamov, T. M., 1995. Konets sredneevropeiskoi imperii. Razmyshleniia otnositel'no mesta i roli imperii Gabsburgov v evropeiskoi istorii [The end of the Central European Empire. Reflections on the place and role of the Habsburg Empire in European history]. In: Islamov, T. M., Miller, A. I., eds. *Avstro-Vengriia: opyt mnogonatsional'nogo gosudarstva*. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, pp. 25–47. (in Rus.)
- Islamov, T. M., 2001. Iugoslaviia: ot ob'edineniia k razedineniiu [Yugoslavia: from unification to separation]. *Voprosy istorii*, 5, pp. 147–158. (in Rus.)
- Islamov, T. M., 2004. Istoriiia iugoslavian imperii Gabsburgov v osveshchenii russkikh istorikov kontsa 20 stoletiiia [The History of the Yugoslavs of the Habsburg Empire in the coverage of Russian Historians of the late twentieth century]. In: Islamov, T. M., Stykalin, A. S., Iurasov, M. K., eds. *Vengrii i ikh sosedi po Tsentral'noi Evrope v Srednie veka i Novoe vremia (Pamiaty Vladimira Pavlovicha Shusharina)*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2004, pp. 289–313. (in Rus.)
- Khavanova, O. V., Kirilina, L. A., Stykalin, A. S., eds, 2018. *Politicheskie partii i obshchestvennye dvizheniia v monarkhii Gabsburgov, 1848–1914 gg. Ocherki* [Political parties and social movements in the Habsburg Monarchy, 1848–1914. Essays]. Moscow: Indrik, 406 p. (in Rus.)
- Kirilović, D., 1937. *Srpski narodni sabori. Spisi bečke Državne arhive* [Serbian national sabor. The materials of the Vienna State Archives], 1: 1861–1875. Novi Sad: Istorijско društvo, 223 p. (in Serb.)
- Krestić, V., 2006. Vereine, Parteien und Interessenvertretungen bei den Serben. In: Rumpler, H., Urbanitsch, P., eds. *Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. VIII. Politische Öffentlichkeit und Zivilgesellschaft. Teilb. 1. Vereine, Parteien und Interessenverbände als Träger der politischen Partizipation*. Wien: Verlag der Österr. Akademie der Wissenschaften, pp. 1301–1319.
- Krestić, V., 2013. *Srbi u Ugarskoj, 1790–1918*. Novi Sad: Matica Srpska, 525 p. (in Serb.)
- Krestić, V., Ljušić, R., 1999. *Programi i statuti srpskih političkih stranaka do 1918. godine*. Beograd: Izdavačka kuća Književne novine, 514 p.
- Lebl, A., 1979. *Građanske partije u Vojvodini 1887–1918*. Novi Sad: Institut za Istoriju, 332 p. (in Serb.)
- Liang, H., 1992. *The rise of modern police and the European state system from Metternich to the Second World war*. Cambridge: Cambridge University Press, 345 p.
- Milutinović, K., 1936. *Mihajlo Polit-Desančić kao istoričar* [Mihajlo Polit-Desančić as a historian]. Novi Sad: Štamparija Jovanović i Bogdanov, 179 p. (in Serb.)

- Nikiforov, K. V., 2015. "Nachertanie" Ilii Garashanina i vneshniaia politika Serbii v 1842–1853 gg. [Ilija Garashanin's "Nachertanije" and Serbia's foreign policy in 1842–1853]. Moscow: Indrik, 256 p. (in Rus.)
- Novoseltseva, L. K., 2018. "Kto v molodosti ne byl liberalom": k politicheskoi biografii Dzhordzhe Stratimirovicha ["If you're not a liberal when you're young": to the political biography of Đorđe Stratimirović]. *Slavic almanac*, 3–4, pp. 60–69. (in Rus.)
- Pál, J., 2017. The Habsburg Empire: A New History by Judson Pieter M. *The Hungarian Historical Review*, 6, 1, pp. 180–190.
- Palairot, M., 1998. *The Balkan economies c. 1800–1914. Evolution without development*. Cambridge: Cambridge University press, 432 p.
- Radenić, A., 1981. Srbi u Habzburškoj monarhiji 1868–1878 [Serbs in the Habsburg Monarchy, 1868–1878]. In: *Historija srpskog naroda*, 5, 2. *Od Prvog ustanka do Berlinskog kongresa, 1804–1878*. Beograd: Srpska književna zadruka, pp. 153–230.
- Ress, I., 2010. Andrassy Gyula és a közös külügyminisztérium hírszolgálatának változásai 1867–1872. *Történelmi Szemle*, 52, 4, pp. 523–536.
- Shemiakin, A. L., 2010. Osobennosti politicheskogo protsessa v Serbii glazami russkikh (posledniaia tret' XIX – nachalo XX veka) [Features of the political process in Serbia through the eyes of Russians (last third of the 19th – early 20th centuries)]. *Slavianovedenie*, 5. S. 3–15. (in Rus.)
- Somogyi, É., 1983. *Vom Zentralismus zum Dualismus. Der Weg der deutschösterreichischen Liberalen zum Ausgleich von 1867*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 119 p.
- Stokes, G., 1970. Svetozar Miletić i Narodna stranka. Građa, 1860–1885. Knjiga 1. 1860–1869. Edited by Nikola Petrović. Sremski Karlovci: Istorijski arhiv autonomne pokrajine Vojvodine, 1969. *Slavic review*, 29 (2), pp. 319–320.
- Vasin, G., Lemajić, N., Mikavica, D., Ninković, N., 2016. *Srbi u Habzburškoj monarhiji od 1526. do 1918* [Serbs in the Habsburg Monarchy from 1526 to 1918], 2. Novi Sad: Prometej, 559 p. (in Serb.)
- Vuchinich, W. S., 1967. The Serbs in Austria-Hungary. *Austrian History Yearbook*, 8, 2, pp. 3–47.
- Wank, S., 1995. Dinasticheskaia imperiia ili mnogonatsional'noe gosudarstvo: razmyshleniia o nasledii imperii Gabsburgov v natsional'nom voprose [A dynastic empire or a multinational state: Reflections on the legacy of the Habsburg Empire in the national question]. In: Islamov, T. M., Miller, A. I., eds. *Avstro-Vengriia: opyt mnogonatsional'nogo gosudarstva*. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, pp. 5–24. (in Rus.)

Liudmila K. Novoseltseva

Junior Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A.
E-mail: mnovoseltseva91@gmail.com

**“I Have the Honour to Report”:
The Austrian State Police
on the Political Processes among the Serbs
on the Eve of the Signing of the Compromise of 1867**

The political activity of the Serbs of the Habsburg Monarchy was traditionally perceived by scholars in connection with ideas of possible unification of the Serbian people in an independent state. Owing to the active inclusion of a new range of sources in historical research in Russia, it seems possible to reconstruct the reaction of Serbian society in the context of the struggle for national rights within the framework of a multi-ethnic state. The political elite hoped to resolve this issue by means of the reorganisation of the Habsburg Monarchy on the principles of the Compromise of 1867. Discussions about the role and place of the Serbian community in this process became the starting point for the ideological demarcation between the supporters of Vienna and Pest and the segment of the political spectrum that throughout the second half of the nineteenth century kept their very specific features. In fact, only the Serbian National Party of Freethinkers (traditionally called Liberal in literature), whose factions were in a constant struggle for influence, was active. In the present study, an attempt is made to reconstruct the political processes among the Serbs of the Habsburg Monarchy on the eve and shortly after the signing of the Compromise of 1867 on the basis of the reports of the Austrian State Police, to assess what factors allowed the liberal party to lead the national movement in a short space of time, and to suggest why the conservative wing failed to compete with it.

Keywords: Serbs in the Habsburg Monarchy, political spectre, police reports, separatism, liberals

How to cite: Novoseltseva, L. K., 2021. “Chest’ imeiu dolozhit’”: avstriiskaia gosudarstvennaia politsiia o politicheskikh protsessakh u serbov nakanune podpisaniiia Soglasheniia 1867 g. *Tsentral’noevropeiskie issledovaniia*, 2021, 4(13), pp. 131–158. doi: 10.31168/2619-0877.2021.4.6.

**ПРОСТРАНСТВО
АВСТРО-ВЕНГРИИ**

Любовь Алексеевна Кирилина

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ле-
нинский проспект, 32А. E-mail: kirilina.ljuba@rambler.ru

Австро-венгерское соглашение 1867 г. и особенности словенской политики

Специфика отношения словенских политиков к введению австро-венгерского дуализма в 1867 г. обуславливалась их пониманием путей преобразования Австрийской империи, а также основными положениями их национально-политической программы, сформулированной еще в период революции 1848–1849 гг. В середине 1860-х годов, когда политическая жизнь в империи оживилась, они, стремясь приспособить свои требования к идее Австрийской федерации, выдвинутой чешскими национальными деятелями, разработали программы объединения словенских земель на основе не естественного, а исторического права, без перекраивания границ провинций. Это были программы Внутренней Австрии и королевства Иллирия, не встретившие поддержки у славянских политиков. В 1866 г., незадолго до заключения австро-венгерского соглашения, многие словенские либералы вернулись к требованию создания Объединенной Словении. Введение дуализма в империи вызвало резкое недовольство словенских политиков, стремившихся к образованию Австрийской федерации, их протест нашел выражение в национальной прессе, выступлениях словенских депутатов в рейхсрате, в таборском движении. Новые реалии, сложившиеся в империи, а также победы Бисмарка во франко-прусской войне в 1870 г. подтолкнули словенских и хорватских политиков к активному обсуждению разных вариантов создания политического югославянского союза, вплоть до рассмотрения на встрече в Сисаке идеи выхода словенских земель из состава Цислейтании и заключения автономными Словенией и Хорватией реальной унии с Венгрией. Неприятие дуализма как формы политической организации империи и стремление заменить его тем или иным вариантом федерации были характерны для идеологии большинства словенских политиков вплоть до Первой мировой войны.

Ключевые слова: Австро-венгерский дуализм, Австрийская федерация, словенские национальные программы, югославянский союз, уния с Венгрией

Цитирование: *Кирилина Л.А.* Австро-венгерское соглашение 1867 г. и особенности словенской политики // Центральноевропейские исследования.

2021. Вып. 4(13) / гл. ред. О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 161–182. DOI: 10.31168/2619-0877.2021.4.7.

1860-е годы стали для Австрийской империи временем перемен, когда началась постепенная демократизация политической жизни и преобразование империи в дуалистическую, происходившие под влиянием внутренних и внешних факторов. В задачи данной статьи входит: проследить, как эти преобразования повлияли на жизнь империи, а внешнеполитическая обстановка — на развитие национальной мысли словенцев, и, главным образом, осветить отношение словенских политиков к возможному введению дуализма в середине 1860-х годов, когда проекты будущей реформы еще разрабатывались, а также в 1867–1870 гг., когда австро-венгерское соглашение уже вступило в силу.

В статье использована лишь небольшая часть обширной российской, словенской и хорватской историографии, посвященной проблемам политической истории многонациональной империи того периода¹, национальной идеологии и политики словенцев², а также хорватско-словенским связям конца 1860-х годов³. Однако в указанных трудах не акцентировалось внимание на вопросах, затрагивающих отношение словенских национальных деятелей к введению дуализма и к венграм: как правило, они рассматривались в общей канве словенской политики. Также, на наш взгляд, еще недостаточно внимания уделено поддержке некоторыми словенцами в 1870 г. идеи объединения Словении с Триединым королевством и заключения ими реальной унии с Венгрией. Эти ракурсы нуждаются в более целенаправленном освещении.

Еще на заре своей политической жизни, во время революции 1848 г., словенцы сформулировали принципы реформирования государственного устройства Австрийской империи, которых, с некоторыми модификациями, придерживались вплоть до Первой мировой войны и которые, в рамках данной темы, оказали влияние на их отношение к введению дуализма в 1867 г. Это федерализация империи,

¹ Исламов, Котова, Хаванова 2000; Фрейдзон (ред.) 1981; Кирилина, Стыкалин, Хаванова (ред.) 2018; Фрейдзон 2001; Cvirn 2006, 2012; Zwitter, Šidak, Bogdanov 1962.

² Кирилина 2000; Чуркина 2011; Cvirn 2006; Gestrin, Melik 1973; Melik 2002; Prijatelj 1938; Prijatelj 1940.

³ Ciliga 1964; Gross 2004; Gross, Szabo 1992; Kermavner 1962; Kermavner 1965–1966; Korunić 1986; Rahten 2008; Zwitter 1962.

объединение словенских земель, их союз с хорватами и сербами империи — при сохранении целостности границ монархии и безусловной лояльности габсбургскому дому. Последнее обстоятельство обусловило в 1848 г. негативное отношение словенских политиков к национально-освободительным и объединительным движениям поляков и итальянцев, объединению Германии и к венгерской революции⁴. С особым возмущением словенские газеты писали о венгерской политике в Воеводине, о притеснениях хорватов и сербов. Подготовку и начало войны хорватов против венгров словенцы встретили с воодушевлением⁵. В словенских областях была объявлена подписка на сбор денег для хорватской армии, и многие национальные деятели внесли свою лепту в ее экипировку⁶. Помимо денежной помощи хорватам, некоторые словенцы выражали готовность прийти им на помощь с оружием в руках⁷.

В период неоабсолютизма словенское национальное движение могло развиваться только в просветительских рамках. Начавшаяся после принятия Октябрьского диплома (1860), а следом Февральского патента (1861) половинчатая политическая демократизация в империи дала мощный импульс развитию словенской политической, культурной и общественной жизни. Октябрьский диплом словенские патриоты восприняли с энтузиазмом, надеясь, как вспоминал впоследствии либерал Йосип Вошняк (1834–1911), что благодаря ему империя сможет преобразоваться в федеративное государство⁸. Возникла сеть словенских просветительских обществ, появились издательство «Словенская матица», Драматическое общество в Любляне (1866), гимнастическое общество «Южный Сокол» (1863), многочисленные читальни, ставшие центром словенской культурной жизни. В 1860-е годы началось и политическое размежевание в словенском лагере (на умеренно консервативных старословенцев и либеральных младословенцев, по примеру чехов).

Когда в июле 1865 г. Антон Шмерлинг (1805–1893), выступавший против соглашения с венграми, ушел в отставку, а место государственного министра занял Рихард Белькреди (1823–1902),

⁴ Подробнее см.: Кирилина 2000.

⁵ *Celjske slovenske novine*. 1848. 9 VIII.

⁶ *Kmetijske in rokodeljske novice*. 1848. 30 VIII; 4.X; *Slovenija*. 1848. 28 VII; 22 VIII.

⁷ *Slovenija*. 1848. 17 X.

⁸ *Vošnjak J. Spomini*. Ljubljana: Slovenska matica, 1982. S. 163.

стремившийся к компромиссу с венгерскими либералами, словенцы отнеслись к перемене правительственного курса с настороженностью. Так, накануне прихода Белькреди к власти лидер старословенцев Янез Блейвейс (1808–1881) писал в газете *Kmetijske in rokodeljske novice* («Новости сельского хозяйства и ремесел», далее — *Novice*), что корона сближается с венгерскими староконсерваторами, «а им больше всего по сердцу дуализм». Он выразил надежду, что Австрия не будет раздроблена «на два лагеря» и не встанет на путь дуализма, «который никогда не сможет ее осчастливить»⁹. Корреспондент *Novice* писал в августе 1865 г. в разделе «От штирийской Савы», что в дни министерского кризиса не ясно, «будет ли дуализм или федерализм, или сохранится централизм», надеясь, что стремление словенцев к равноправию не останется «гласом вопиющего в пустыне»¹⁰.

Поскольку в середине 1860-х годов чехи, поляки, хорваты выступали за федерализм, основанный на историческом праве, словенцы постарались приспособиться к общей тенденции, отступили от идеи создания Объединенной Словении на этническом принципе и разрабатывали программы объединения без перекраивания границ провинций. Ими были выдвинуты два варианта: образование провинции Внутренняя Австрия, включавшей Штирию, Каринтию, Крайну, Приморье, и королевства Иллирия (Приморье, Крайна, Каринтия).

Программу Внутренней Австрии разработали и поддержали словенские деятели, группировавшиеся вокруг газет *Novice* и *Slovenec* («Словенец»). Последнюю издавал с 1865 г. каринтийский священник Андрей Эйншпилер (1813–1888). Он предлагал разделить империю «по принципу автономии королевств и областей, равноправия всех народов и языков и одинаковых позиций всех земель по отношению к центральному правительству» на девять областей, одной из которых должна была стать Внутренняя Австрия. Необходимость образования австрийской федерации Эйншпилер обосновывал тем, что она защитит монархический принцип, основанный на историческом праве, и явится мощнейшим заслоном от революции¹¹. Петер Хицингер, описывая в *Novice* программу Внутренней Австрии, утверждал,

⁹ *Novice*.1865. 5 VII.

¹⁰ *Novice*. 1865. 2 VIII.

¹¹ Melik 2002: 292–293.

что словенцам «не остается другого пути, кроме как опереться на историческую основу», многовековые связи между народами¹².

В сентябре 1865 г. словенские патриоты из Штирии, Крайны и Каринтии организовали совещание в Мариборе. По результатам этой встречи как материал для дискуссии была опубликована Мариборская программа. В ее основу легла программа Внутренней Австрии. Для каждой провинции предусматривалось свое провинциальное собрание и императорское наместничество, для всего внутриаустрийского объединения — общее собрание и придворная канцелярия. Национальные проблемы должны были решать национальные общие собрания, в которых были бы представлены депутаты этого народа из всех земель. Избирательные округа планировалось образовать по национальностям, в случае если в провинции проживало смешанное население, то по национальным куриям. Административными единицами стали бы общины, жупании (по образцу Венгрии и Хорватии), составленные по возможности по национальным границам¹³.

Программа образования королевства Иллирия, разработанная каринтийским священником Матией Маяром (1809–1892), подразумевала комбинацию исторического права и разделения провинций по национальностям. Маяр предложил назвать королевство не Словенией, а Иллирией, чтобы избежать недовольства немцев и подчеркнуть историческую преемственность с наполеоновскими Иллирийскими провинциями.

Обе эти программы не предполагали включения в новые административно-территориальные единицы значительной части словенских земель. По примерным подсчетам В. Мелика, в областях Внутренней Австрии словенцы составляли бы больше половины населения лишь вместе с хорватами Истрии. В королевстве Иллирия было бы словенское большинство, лишь 1/5 немецкого населения, однако штирийские словенцы (1/3 всех словенцев) остались бы вне ее границ¹⁴.

От обеих программ их сторонникам вскоре пришлось отказаться: они не встретили поддержки ни у чешских и хорватских федералистов, ни у большинства словенских политиков.

¹² Novice. 1865. 26 VII.

¹³ Novice. 1865.4 X.; Slovenec. 1865. 7 X.

¹⁴ Melik 2002: 292.

После поражения в 1866 г. в войне с Пруссией и Италией, исключения Австрии из Германского союза и объединения Италии австрийское правительство окончательно было поставлено перед необходимостью решить вопрос о переустройстве монархии. Словенцы радовались ликвидации Германского союза, полагая, что она уменьшила угрозу присоединения к Германии австрийских земель, и надеялись на преобразование империи в федерацию. Вместе с тем они опасались дальнейшего усиления Пруссии и ее гегемонистских планов. Большую озабоченность вызывали также присоединение к Италии Венецианской области (и венецианских словенцев), а также претензии итальянцев на Приморье, широко обсуждавшиеся в итальянской и словенской прессе¹⁵.

В июле 1866 г., во время австро-прусской войны, в Вене прошло совещание чешских, польских и хорватских федералистов. На нем было решено оказать сопротивление введению дуализма. Славянские политики приняли программу одного из ведущих чешских деятелей Франтишека Ригера, в основу которой была положена работа лидера старочехов и автора концепции австрославизма, выдвинутой им еще в 1848 г., Франтишека Палацкого (1798–1876) «Идея Австрийского государства» (1865). Согласно этой программе, империя была разделена на несколько провинций, причем словенцы вместе с немцами были определены в группу габсбургских «наследственных земель»¹⁶.

Если идею протеста против заключения австро-венгерского соглашения словенские национальные деятели поддержали, то проект Франтишка Ладислава Ригера (1818–1903), не учитывавший национальных интересов словенцев, вызвал у них разочарование, что привело к переосмыслению концепций, основанных на историческом праве. Описывая в воспоминаниях события 1860-х годов, Й. Вошняк отметил:

Для нас, словенцев, чехи по справедливости являлись примером — в том, что касается их упорства в ведении национальной борьбы и достижении экономического прогресса, однако в политике мы слишком часто шли у них на поводу, хотя этим им ничем не помогли, а себе навредили¹⁷.

¹⁵ Melik 2002: 319.

¹⁶ Фрейдзон (ред.) 1981: 131–132; Фрейдзон 2001: 146–148.

¹⁷ *Vošnjak J.* Spomini. S. 207.

Словенцы приняли активное участие в политической дискуссии о преобразовании империи. С осени 1866 г. до февраля 1867 г. в *Novice* и в ставшем трибуной младословенцев *Slovenec* появилось много статей о политической обстановке в империи.

Особенно бурное обсуждение дальнейших путей развития словенского народа проходило на страницах *Slovenec* в рубрике «Наша программа после войны» (австро-прусской. — Л.К.). В октябре 1866 г. А. Эйншпицер опубликовал статью о словенской программе. Подчеркнув, что в основе ее лежат принципы национальности, автономии и равноправия, он счел приемлемыми обе программы объединения — и Внутренней Австрии, и королевства Иллирия. В состав королевства он предложил включить и Нижнюю Штирию. Признав, что объединение в чисто словенскую провинцию невозможно, так как потребовало бы перекраивания исторически сложившихся границ, он предположил, что в новом объединении (Иллирии) будут сосуществовать три равноправных народа: немцы, итальянцы и словенцы¹⁸.

Однако многие словенские либералы вновь выступили за создание Объединенной Словении. Один из них в статье от 22 сентября 1866 г. предложил разделить будущую Цислейтанию (характерно, что земли венгерской короны он даже не упомянул) на четыре провинции: чешско-моравско-силезскую, галицийскую, немецкую и словенскую. Последняя должна была охватить словенцев Гориции, Крайны, Триеста, Истрии, а также Штирии и Каринтии и иметь своего провинциального губернатора и свой ландтаг¹⁹. За объединение словенцев на основе национального принципа и их союз с Триединым королевством и сербской Воеводиной высказались в *Slovenec* Й. Вошняк и Божидар Раич (1827–1886)²⁰. Вошняк предложил разделить империю на пять провинций: севернославянскую, галицийскую, венгерскую, немецкую и югославянскую, в которой на основе равноправия словенцы объединились бы с сербами и хорватами²¹. Раич объединение словенцев с сербами и хорватами предусматривал лишь

¹⁸ *Slovenec*. 1866. 10 X.

¹⁹ *Slovenec*. 1866. 22 IX.

²⁰ Авторство определено по письму Л. Светеца Б. Вошняку от 30 сентября 1866 г., опубликованному последним в: *Vošňjak J. Spomini*. S. 183.

²¹ *Slovenec*. 1866. 29 IX.

в том случае, если правительству покажется, что чисто словенская провинция слишком мала²².

Наиболее решительно за объединение словенцев на национальной основе и против исторического права выступил в трех статьях Лука Светец (1826–1921)²³. Историческое право «больше подходит венграм и немцам, чем нам, — писал он. — Историческое право для доброй половины австрийских славян — историческая несправедливость»²⁴. В письме Й. Вошняку от 24 декабря 1866 г. Светец высказал опасение, что в ближайшее время Австрийская империя распадется, поскольку Бисмарк объединит всех немцев и словенцы окажутся в составе Германии. Словенцев спасет только их забота о своей национальности и объединение с южными славянами²⁵. Старые мастиные политики, группировавшиеся вокруг *Novice*, идею создания Объединенной Словении и югославянского объединения не поддержали и третью статью Светеца печатать в своей газете отказались²⁶.

При всем разнообразии представлений словенских деятелей о необходимых в Австрийской империи преобразованиях практически все они выступали против введения дуализма. Еще в феврале 1866 г. один из лидеров словенских клерикалов Лука Еран (1818–1896) в католической газете *Zgodnja Danica* («Утренняя звезда») назвал дуализм «двухговым крокодиллом», который сожрет Австрию и славян²⁷. Блейвейс писал в *Novice* в январе 1867 г.: «Дуализм — сейчас наибольшее несчастье Австрии. <...> Кто хочет дуализм, играет с огнем». Он высказал недовольство тем, что правительство учитывает интересы 4 (5) млн венгров, но не принимает в расчет чаяния 16 (17) млн славян, стремящихся к федерации²⁸. Незадолго до опубликования императорского рескрипта от 17 февраля 1867 г., провозглашавшего восстановление венгерской конституции и образование правительства Венгрии, в статье в газете *Slovenec* говорилось: «Для нас, славян, наступят тяжелые времена. Венгры и немцы на коне. <...> Дуализм не для Австрии»²⁹.

²² Slovenec. 1866. 29 IX.

²³ Novice. 1866. 3 X.; 10 X.; Slovenec. 1866. 3 XI.

²⁴ Novice. 1866. 3 X.

²⁵ Текст письма см.: *Vošnjak J. Spomini*. S. 183–185.

²⁶ Ibidem.

²⁷ *Zgodnja Danica*. 1866. 1 II.; *Prijatelj* 1938: 108.

²⁸ Novice. 1867. 2 I.

²⁹ Slovenec. 1867. 7 II.

Многие проживавшие в словенских областях немцы также выступали против дуализма, но за сохранение системы немецкого централизма. Например, 29 декабря 1866 г. граф Антон фон Ауэрсперг (1807–1886) говорил на заседании крайнского ландтага: «Дуализм — гибель Австрии! Государственный организм болен; дуализм для него стал бы двумя костылями вместо здоровых крепких ног»³⁰.

Словенцы были разочарованы политикой правительства Белькреди, так как их положение не изменилось, но в целом его режим поддерживали, полагая, что в принципе он одобряет идею национального равноправия³¹. Когда в феврале 1867 г. министром-президентом империи стал Фридрих фон Бойст (Бейст, 1809–1896), в газете *Slovenec* проскользнуло ностальгическое замечание: «Белькреди нам не сделал ничего хорошего, но и не поработал и не преследовал нас. Однако нам его жаль...»³²

К Бойсту, как к одному из архитекторов австро-венгерского соглашения, словенские политики отнеслись настороженно. По мнению Й. Вошняка, он «все разрешал венграм, да и немцам пришлось по душе»³³.

15 марта 1867 г. между австрийским императором Францем Иосифом I и представителями венгерского национального движения во главе с Ференцем Деаком, был заключен договор, в соответствии с которым Австрийская империя преобразовывалась в дуалистическую монархию.

Результаты выборов, прошедших в империи в январе 1867 г., оказались успешными для словенцев: Крайнское провинциальное собрание впервые получило словенское большинство, увеличилось число словенских депутатов и в Штирии. Валентин Зарник с энтузиазмом писал в *Novice* о результатах выборов: «Сейчас мы можем сказать, что в мире действительно есть словенский народ, он живет, он политически созрел»³⁴.

Решением правительства от 4 февраля 1867 г. австрийский рейхсрат был объявлен конституционным органом³⁵. Вскоре, в середи-

³⁰ Novice. 1867. 2 I.

³¹ См. речь Л. Томана в рейхсрате 3 июня 1867 г.: Novice. 1867. 12 VI.

³² Slovenec. 1867. 7 II.

³³ Vošnjak J. Spomini. S. 207.

³⁴ Novice. 1867. 6 II.

³⁵ Melik 2002: 298.

не февраля, в Вене собрались на встречу федералисты из чешских и словенских земель, Галиции, Тироля, чтобы договориться о направлениях дальнейшей политики. Было решено принять, на определенных условиях, участие в выборах в рейхсрат³⁶. Чехи отказались принять участие в работе рейхсрата, однако их лидер Ф. Ригер советовал словенцам действовать не так решительно, как чехи, поскольку их положение в империи хуже³⁷. Словенские депутаты поехали в Вену. Л. Светец, сообщая Й. Вошняку 7 мая 1867 г. об отъезде в столицу крайнской делегации, поделился размышлениями: «Стоит ли ради славянской солидарности, которой и так нет, рисковать своим положением в провинции? Мы решили, что нет». Он привел следующие аргументы в пользу участия словенских депутатов в работе рейхсрата: окончательное решение австрийского вопроса от словенцев не зависит, при всех стараниях они не свергнут систему Бойста, зато могут спровоцировать правительство на действия, которые пошатнут положение словенцев в Крайне: «Умнее склониться перед ураганом, чем сломиться, оказывая ему сопротивление»³⁸.

22 мая 1867 г. начались заседания рейхсрата. В них приняли участие восемь словенских депутатов. В дебатах по поводу поддержки дуалистического Адреса 3 июня 1867. словенские депутаты Ловро Томан (1827–1870) и Л. Светец, по совету Ф. Ригера, выступили против дуализма. Томан заявил, что дуализм — двойной централизм, его нельзя вводить в Австрии, «это могила нашей жизни», и потребовал справедливого отношения ко всем австрийским народам³⁹. Светец ему вторил: «Сейчас свободный путь открыт только венграм, <...> для остальных народов он закрылся, как только с венграми было заключено соглашение сомнительной пользы».

Венгры «отхватили себе лучший кусок мяса, а нас ожидают только тяготы». По его мнению, дуализм не будет способствовать укреплению монархии, ни ее «материальной выгоде», ни ее свободе, поскольку его цель — «обеспечить господство только двум народам, а все остальные подчинить им»⁴⁰. Однако 5 июня, когда поляки и ти-

³⁶ Представителями словенцев на встрече были Л. Томан, Х. Коста, В. Клун, Л. Светец, А. Доминкуш. См.: Novice. 1867. 20 II.

³⁷ Prijatelj 1938: 117.

³⁸ Письмо опубликовано в: *Vošnjak J.* Spomini. S. 211–212.

³⁹ Novice. 1867. 12 VI.

⁴⁰ Novice. 1867. 19 VI.

рольцы проголосовали в рейхсрате за соглашение с венграми, пять из восьми словенских депутатов их поддержали, чтобы, как пояснил Томан, «была полная гармония». Как видно, последовательностью политика словенских депутатов не отличалась.

Среди словенской общественности это голосование вызвало недовольство, депутатов обвиняли в предательстве национального дела, а также в корыстолюбии⁴¹. Светец опубликовал в *Novice* оправдательное письмо, в котором утверждал, что при голосовании у словенских депутатов «не было корыстных мотивов»⁴². Обвинения в адрес Л. Томана, впрочем, были небезосновательны: глава австрийского правительства Бойст передал Томану концессию на строительство железной дороги в Верхней Крайне. Когда Томан появился через несколько дней после голосования в Любляне, он с удивлением констатировал, «что люди повсюду смотрят на него как на разбойника». Томан выгодно продал эту концессию банку, после чего часть полученных денег подарил Словенской матице, а на остальные купил себе имение Полхов Градец⁴³.

Старословенцы сначала разделяли общее недовольство деятельностью депутатов, но вскоре стали их защищать. Блейвейс писал, что их преданность национальному делу не вызывает сомнений и нельзя отказать им в праве «судить по-своему» и обвинять их в предательстве. Голосование было пустой формальностью. Но слова Блейвейса не убедили словенскую общественность, раздражало ее и то, что Бойст не принял во внимание «пожеланий и требований словенского народа» (расширение автономии провинций, равноправие словенского языка в школах, учреждениях, судах и т. п.), которые ему на приеме 28 июня 1867 г. вручил Л. Томан в виде особого меморандума⁴⁴.

После того как три словенских депутата 17 октября 1867 г. проголосовали в рейхсрате за дуалистическую реформу основного закона об имперском представительстве, критика стала еще более острой. Я. Блейвейс в октябре 1867 г. писал в *Novice*, что «народ не доволен нерешительной политикой» депутатов в рейхсрате, поскольку они не защищают его «желания и требования»⁴⁵. Как писала первая

⁴¹ Cvirn 2006: 251.

⁴² Novice. 1867. 19 VI.

⁴³ Cvirn 2006: 251, 253.

⁴⁴ Novice. 1867. 17 VII.

⁴⁵ Novice. 1867. 23 X.

общесловенская газета *Slovenski Narod* («Словенский народ», орган либералов, начавший в тот год выходить в Мариборе), по словенским землям сразу же пронесся клич: «Мы преданы, мы проданы!»⁴⁶

Некоторые из «дуалистов» пытались защищаться. В четырех статьях, опубликованных в январе — феврале 1868 г. в *Novice*, Светец попытался убедить возмущенную общественность, что словенские депутаты не могли предотвратить введения дуализма. Он писал, что декабрьская конституция — компромисс между централистами и автономистами, ее принцип федералистский, он обеспечивает национальное равноправие. «Дуализм — не то, чего мы боялись. <...> Мы проводили реальную политику, такую политику и нужно вести». Следует осознать, считал Светец, что большинство народов приняли дуализм и новую конституцию, поэтому словенцам следует пользоваться новыми правами и требовать то, что им нужно⁴⁷.

В отличие от *Novice*, газеты *Slovenski Gospodar* («Словенский хозяин») и *Slovenski Narod* до конца весны 1868 г. резко критиковали депутатов, обвиняя их в оппортунизме. Доказывали, что словенская политика своей услужливостью по отношению к власти не достигла ничего, кроме мелочей, не стоящих упоминания. Нужно учиться у чехов последовательности, придерживаться славянской солидарности и решительно требовать Объединенную Словению, поскольку это единственная гарантия национального равноправия словенцев⁴⁸. Во второй половине 1868 г. нападки прессы на депутатов поутихли, хотя общественность продолжала требовать, чтобы они, наконец, начали вести «принципиальную и энергичную политику».

После введения дуализма политическая обстановка в империи накалилась. Словенцы восприняли его как тяжелый удар, нанесенный всем славянам империи. Среди них прокатилась мощная волна протеста, затронувшая широкие слои народа. Национальные деятели организовывали митинги (таборы) по чешскому примеру, на которых выдвигались требования создания Объединенной Словении и расширения прав словенского языка. Старословенцы и младословенцы выступали на них единым фронтом. Требование создания Объединенной Словении выдвигали также словенские депутаты

⁴⁶ Slovenski narod. 1868. 1 VIII.

⁴⁷ Novice. 1868. 5. II.

⁴⁸ Slovenski narod. 1868. 2, 4 VII.

и в ландтагах Крайны и Штирии. В конце 1860-х годов младословенцы добавили к своим требованиям и создание югославянского союза, по их инициативе оживились связи с хорватами, Хорватские народняки из солидарности приезжали на некоторые таборы, принимали участие и в ряде других словенских мероприятий⁴⁹.

Франко-прусская война 1870 г. и победы Бисмарка обеспокоили словенских либералов. Если *Novice* выступали на стороне немцев, то *Slovenski Narod* был убежден, что победа Пруссии стала бы прежде всего «победой австрийского германства против австрийских славян»⁵⁰. Пруссофильское движение среди австрийских немцев обеспокоило австрийских славян. Словенцы и хорваты стали активнее обсуждать политическую югославянскую идею⁵¹.

В октябре — ноябре 1870 г. некоторые хорватские и словенские либералы, опасаясь присоединения словенских земель, Истрии и Далмации к Объединенной Германии, всерьез рассматривали вариант заключения унии с Венгрией. Ряд статей на эту тему опубликовала хорватская газета *Zatočnik* («Поборник»), издававшаяся с 1869 г. в г. Сисак. Редактором ее был народняк Йосип Мишкатович, который полагал, что Хорватии нужна государственная связь с Венгрией, однако Нагодбу (Венгерско-хорватское соглашение 1868 г.) следует пересмотреть для достижения национального и политического равноправия хорватов и венгров. Направленность газеты во многом определял Матия Мразович (1824–1896), который принадлежал к австро-югославистскому крылу Хорватской национальной партии и считался близким доверенным лицом Йосипа Штроссмайера (1815–1905) и Франьо Рачки (Рачкий, 1828–1894). Таким образом, в этой газете были представлены соперничавшие партийные группировки народняков, югославистская и выступавшая за ревизию Нагодбы⁵².

В ряде передовиц в *Zatočnik*⁵³ Йосип Мишкатович (1836–1890) выступил с программой объединения словенских земель с Триединым королевством и заключения ими договора с Венгрией. При

⁴⁹ Korunić 1986: 346.

⁵⁰ Slovenski narod. 1870.7 IV.

⁵¹ Prijatelj 1940: 67.

⁵² Gross 2004: 216; Kermavner 1965–1966: 341.

⁵³ *Zatočnik*. 1870. 31 VIII; 10, 14, 15 X. Авторство Мишкатовича (подпись «М.») установили хорватские и словенские историки в 1960-е годы. См.: Ciliga 1965: 100; Kermavner 1965–1966: 322.

этом он предусматривал выход Словении, Далмации и Чехии из состава наследственных австрийских земель, которые, по его мнению, присоединятся к Германии. В идеале он замыслил создание союза Венгрии, Чехии, Галиции и Триединого королевства, объединенного со Словенией, в котором будут признаны равные национальные права всех входящих в него народов. Хотя эта программа не встретила одобрения у других лидеров хорватской и далматинской Национальных партий, а также у большинства словенских политиков⁵⁴, некоторые словенские либералы выказали интерес к идее объединения с Триединым королевством и союза с Венгрией. Вероятно, статьи Мишкатовича оказали влияние и на позицию младословенца Йосипа Юрчича (1844–1881), который опубликовал в газете *Slovenski Narod* две статьи под общим названием «Словенцы и хорваты». Он подчеркнул, что словенцам угрожает германизация и италиянизация. Словенцы — первый «бастион югославянства», преграждающий немцам путь на Восток. До введения дуализма они могли опереться на хорватов, но в 1867 г. между ними воздвигли «Стену Бойста», они стали иностранцами друг для друга. Юрчич упрекнул хорватов в том, что они проявляют мало интереса к словенским делам⁵⁵. Над Хорватией властвует барон Раух, уничтожающий любое самостоятельное движение. Юрчич привел мнение венгерского ученого Юлиуса Шварца⁵⁶, что нельзя присоединять словенцев к немецкому союзу Цислейтании, который подчинится Пруссии, Словения как отдельная область должна объединиться с Хорватией и Далмацией. Юрчич называл происходящее «знамением времени»:

Мы <...> без колебаний готовы отдаться тому, кто нас объединит, даст опору в югославянстве и спасет от онемечивания. Нам не стоит бояться мадьяризации, особенно в союзе с хорватами, а онемечивание нам действительно сильно угрожает.

При этом он отвергал мысль о том, что словенцы ради создания единого югославянского языка откажутся от развития своего литературного языка⁵⁷.

⁵⁴ Gross 2004: 221.

⁵⁵ Slovenski narod. 1870. 15 X.

⁵⁶ Вероятно, имеется в виду Дюла Шварц (1839–1900) — венгерский либеральный философ права, депутат австрийского рейхсрата.

⁵⁷ Slovenski narod. 1870. 15, 22 X.

Мишкатович в газете *Zatočnik* откликнулся на статью Юрчича. В публикации «Словенцы и хорваты» он выразил удовлетворение тем, что такой «уважаемый орган», как *Slovenski Narod*, поддержал идею объединения хорватских и словенских земель. При этом под «словенскими землями» он имел в виду только «Истрию, Крайну и словенскую Штирию», не упоминая о дальнейшей судьбе словенцев Приморья и южной Каринтии. Автор подчеркивал, что он и его сторонники подразумевают только заключение политического союза между хорватами и словенцами и не имеют ничего общего с теми своими земляками, кто считает словенцев «горными хорватами». Он поддержал стремление словенцев к сохранению национально-языковой индивидуальности:

Если бы *Novice* писали по-хорватски, они бы уже давно прекратили бы свое существование <...>, а немцы нанесли бы еще больший вред словенскому народу, чем причиняют ему сторонники Рауха⁵⁸.

Хорватские политики организовали 8 ноября 1870 г. встречу хорватских, сербских и словенских коллег в Сисаке, тогда еще входившем в состав Военной границы. Мразович обратился к редактору газеты *Slovenski Narod* Антону Томшичу и к Я. Блейвейсу с предложением, чтобы словенцы приняли в ней участие. Он подчеркнул, что это дело должно остаться тайным⁵⁹. На встречу приехали четыре словенца из Крайны и Штирии и 20 членов Хорватской национальной партии. Сербы из Венгрии не прибыли на собрание, как и далматинцы, последние — из-за плохих погодных условий⁶⁰. Участники встречи договорились, что Словения вступит в конфедерацию с Триединым королевством, в состав которого должны войти Хорватия, Далмация, Славония, Военная граница и Фиуме/Риека. С Венгрией будет заключена реальная уния. Таким образом, эта концепция предусматривала введение субдуализма⁶¹. Подробности принятой программы Томшич сообщил Вошняку в письме в середине ноября: в венгерском парламенте Триединое королевство и Словения будут иметь общее представительство. Финансовые, торговые и военные дела, касающиеся системы в целом, обсуждаются и решаются на общем съезде. Правительства земель полностью независимы, исполнительная власть тоже

⁵⁸ *Zatočnik*. 1870. 24 X.

⁵⁹ *Prijatelj* 1940: 72.

⁶⁰ *Korunić* 1986: 385.

⁶¹ *Gross* 2004: 222.

автономна. В конфедерации предполагалось осуществить полное национальное равноправие⁶². «Мы не могли ничего обещать, <...> дело новое и его нужно обдумать». Было решено разработать программу и собрать большой югославянский съезд в Любляне 1 декабря⁶³.

Однако уже на следующий день, 9 ноября 1870 г., Мразович написал Юрчичу письмо, которое было опубликовано 19 ноября в газете *Slovenski Narod* почти без купюр под названием *Jugoslovanske zveze* («Югославянская звезда»). Мразович писал: если сейчас поставить вопрос об унии с Венгрией, которая разрушит режим бана Рауха, «мы бы, сами того не желая, укрепили его позицию». Хорватский народ в 1867 г. обманулся в своей вере в венгров, Хорватия за три года «во всем сильно деградировала». Нынешнее правительство намерено уничтожить «все ростки национального развития». Хорватский политик пришел к выводу: «Опыт доказывает хорватам, что корона св. Стефана более не является защитой конституции и политических прав, гражданской и личной свободы».

Учитывая судьбу словенцев в Цислейтании, он задался вопросом, не следовало ли хорватам подумать об объединении Хорватии, Славонии, Далмации и Военной границы со Словенией в составе Цислейтании. Объединение 6 млн югославян благодаря географическому положению стало бы важнейшим в империи. Мразович предлагал словенским патриотам обдумать эту проблему⁶⁴.

О встрече в Сисаке словенская печать долго молчала. Только 22 ноября в газете *Slovenski Narod* появилась заметка Томшича о том, что о югославянском союзе пишут немцы, чехи, хорваты. «А мы, словенцы? Мы молчим». Мы придержали обсуждение, поскольку нам не следует влиять на общественное мнение и в надежде, что выскажутся наши вожди. На следующий день Блейвейс в газете *Novice* опубликовал краткую заметку «Триединое королевство» о необходимости сотрудничества югославян и обещал (но не выполнил), что в дальнейшем газета регулярно будет писать о движении «наших южных братьев» и их планах⁶⁵. Напротив, *Slovenski Narod* стал писать о югославянском движении почти в каждом номере⁶⁶.

⁶² Korunić 1986: 385–386; Rahten 2008: 52–53.

⁶³ Prijatelj 1940: 76.

⁶⁴ Slovenski narod. 1870. 19 XI.

⁶⁵ Novice. 1870. 23 XI.

⁶⁶ Slovenski narod. 1870. 24, 26, 29 XI.

Первый югославянский съезд, в котором приняли участие и старословенцы, и младословенцы, а также представители хорватов и сербов империи, прошел в Любляне 1 декабря 1870 г.⁶⁷ На нем была принята новая резолюция, явившаяся по сравнению с сисакской шагом вперед в решении югославянского вопроса: она охватывала не только хорватов и словенцев, но и сербов, и всех южных славян, живших за границами Австро-Венгрии⁶⁸. Однако речи об унии с Венгрией в ней уже не было. Не поднимался этот вопрос и впоследствии, поскольку вскоре стало ясно, что Бисмарк не планирует присоединять к Германии наследственные земли Габсбургов, а значит, для словенцев миновала самая большая угроза их национальному существованию.

Подведем некоторые итоги. Словенцы, вне зависимости от политических группировок, негативно отнеслись к введению дуализма, выступая за федерализацию империи. Но старословенцы, считавшие, что нужно проводить реальную политику, смирились с новой ситуацией быстрее, чем младословенцы. Об этом свидетельствуют и материалы словенской прессы. Введение дуализма вызвало мощный всплеск массовой национальной активности словенцев, выразившейся прежде всего в проведении таборов, на которых выдвигался лозунг Объединенной Словении и другие национальные требования.

На содержание национальных программ, разрабатывавшихся словенцами в 1860-е годы, и на деятельность словенских патриотов оказали влияние программы и политика других славянских народов империи, прежде всего чехов и хорватов, выступавших с позиций исторического права. Также существенно воздействовала на них не только внутривполитическая, но и международная обстановка. Словенцы радикализировали свои требования всякий раз, когда чувствовали угрозу возможного распада империи и присоединения словенских земель к Объединенной Германии. Эту тенденцию можно проследить и в 1866, и в 1870 г. Подобные опасения привели к усилению интереса словенских политиков (главным образом, младословенцев) в 1870 г. к идее создания югославянского союза и рассмотрению разных его вариантов — вплоть до нехарактерных для словенской

⁶⁷ Историография югославянского съезда в Любляне 1870 г. весьма обширна. См., например: Ciliga 1964; Gross, Szabo 1992; Kermavner 1962; Korunić 1986; Zwitter 1962 и др.

⁶⁸ Чуркина 2011: 219.

национальной идеологии идей о выходе словенских земель из состава Цислейтании и образования автономных Словении и Хорватии, связанных с Венгрией реальной унией.

Мысли о губительности дуализма для империи словенские национальные деятели высказывали начиная с середины 1860-х годов вплоть до распада Австро-Венгрии. В конце 1930-х годов историк культуры Иван Приятель (1875–1937) подытожил их точку зрения емкой фразой: «Самую глубокую могилу выкопали себе с помощью дуализма австрийский немец и венгр, они и легли в нее через 51 год»⁶⁹.

Литература

- Исламов, Котова, Хаванова 2000 — *Исламов Т.М., Котова Е.В., Хаванова О.В.* Создание Австро-Венгерской монархии // История Европы / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 2000. Т. 5. От французской революции XVIII в. до первой мировой войны. С. 311–314.
- Кирилина 2000 — *Кирилина Л.А.* Словенцы в революции 1848–1849 гг. / отв. ред. В.И. Фрейдзон. М.: Институт славяноведения РАН, 2000. 160 с.
- Кирилина, Стыкалин, Хаванова 2018 — Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки / отв. ред. О. В. Хаванова. М.: Индрик, 2018. 408 с.
- Фрейдзон 1981 — Освободительные движения народов Австрийской империи: Период утверждения капитализма / отв. ред. В.И. Фрейдзон. М.: Наука, 1981. 464 с.
- Фрейдзон 2001 — *Фрейдзон В.И.* История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). СПб.: Алетейя, 2001. 318 с.
- Чуркина 2011 — *Чуркина И.В.* Модернизация словенской экономики во второй половине XIX в. Завершение формирования словенской нации // *Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В.* История Словении / отв. ред. И. В. Чуркина. Санкт-Петербург: Алетейя, 2011. С. 217–219.
- Ciliga 1964 — *Ciliga V.* Narodna stranka i južnoslavensko pitanje (1866–70) // *Historijski zbornik XVII.* Zagreb, 1965. S. 85–114.
- Cvirn 2006 — *Cvirn J.* Razvoj ustavnosti in parlamentarizma v Habsburški monarhiji. Dunajski državni zbor in slovinci (1848–1918). Ljubljana: Filozofska fakulteta Univerzi v Ljubljani, Oddelek za zgodovino, 2006. 320 s.
- Cvirn 2012 — *Cvirn J.* Razvoj ustavnosti in parlamentarizma v Avstriji (1848–1867) // *Zgodovina v šoli.* 2012. Letnik 21. Št. 1/2. S. 78–92, 95–96.

⁶⁹ Приятель 1938: 122.

- Gross 2004 — *Gross M.* Vijek i djelovanje Franje Račkoga. Zagreb: Novi Liber, 2004. 523 s. (Historiae. Vol. 5).
- Gross, Szabo 1992 — *Gross M., Szabo A.* Prema hrvatskome građanskom društvu. Zagreb: Globus, 1992. 626 s.
- Kermavner 1962 — *Kermavner D.* Hegemonistična prekonstrukcija jugoslovan-skega programa v Ljubljani // *Zgodovinski časopis XVI.* 1962. S. 81–144.
- Kermavner 1965–1966 — *Kermavner D.* Še iz predzgodovine jugoslovan-skega kongresa v Ljubljani decembra 1870. // *Zgodovinski časopis XIX – XX.* 1965–1966. S. 319–354.
- Korunić 1986 — *Korunić P.* Jugoslovenska ideologija u hrvatskoj i slovenskoj poli-tici. Hrvatsko-slovenski politički odnosi 1848–1870. Zagreb: Globus, 1986. 421 s.
- Gestrin, Melik 1973 — *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1973. 364 s.
- Melik 2002 — *Melik V.* Slovenska politika ob začetku dualizma // *Melik V.* Sloven-ci 1848–1918: razprave in članke. Maribor: Založba Litera, 2002. S. 290–323.
- Prijatelj 1938 — *Prijatelj I.* Kulturna in politična zgodovina slovencev 1848–1895 / ur. A. Ocvirk. Ljubljana: Pri Akademski založbi v Ljubljani, 1938. III del. Staroslovenci. Obdobje okorelega konservatizma (1860–1868). 122 s.
- Prijatelj 1940 — *Prijatelj I.* Kulturna in politična zgodovina slovencev 1848–1895 / ur. A. Ocvirk. Ljubljana: Pri Znanstvenem društvu v Ljubljani, 1940. V del. Mladoslavenci. Obdobje romantičnega realizma (1868–1881). 218 s.
- Rahten 2008 — *Rahten A.* Savezništva i diobe. Razvoj slovensko-hrvatskih politič-kih odnosa u Habsburškoj monarhiji 1848.–1918. Zagreb: Golden marketing-Tehnička knjiga, 2008. 302 s.
- Vošnjak 1982 — *Vošnjak J.* Spomini. Ljubljana: Slovenska matica, 1982. 701 s.
- Zwitter 1962 — *Zwitter F.* Nekaj problemov okrog jugoslovan-skega kongresa v Ljubljani leta 1870. // *Zgodovinski časopis XVI.* 1962. S. 145–170.
- Zwitter, Šidak, Bogdanov 1962 — *Zwitter F., Šidak J., Bogdanov V.* Nacionalni pro-blemi v habsburški monarhiji. Ljubljana: Slovenska matica, 1962. 231 s.

References

- Churkina, I. V., 2011. Modernizatsiia slovenskoi ekonomiki vo vtoroi polovine 19 v. Zavershenie formirovaniia slovenskoi natsii. [Modernisation of the Slovenian economy in the second half of the nineteenth century. Completion of the formation of the Slovenian nation]. In: Kirilina, L. A., Piljko, N. S., Churkina, I. V. *Istoriia Slovenii.* [History of Slovenia]. Saint Petersburg: Aletejia, pp. 217–219. (in Rus.)
- Ciliga, V., 1965. Narodna stranka i južnoslavensko pitanje (1866–70). *Historijski zbornik*, XVII, pp. 85–114.

- Cvirn, J., 2006. *Razvoj ustavnosti in parlamentarizma v Habsburški monarhiji. Dunajski državni zbor in slovinci (1848–1918)*. Ljubljana: Filozofska fakulteta Univerzi v Ljubljani, Oddelek za zgodovino, 320 p.
- Cvirn, J., 2012. *Razvoj ustavnosti in parlamentarizma v Avstriji (1848–1867). Zgodovina v šoli*, 21, 1–2, pp. 78–92, 95–96.
- Freidzon, V. I., 1981. *Osvoboditel nye dvizheniia narodov Avstrijskoi imperii: Period utverzheniia kapitalizma*. [Liberation movements of the peoples of the Austrian Empire: The period of the establishment of capitalism]. Moscow: Nauka, 464 p. (in Rus.)
- Freidzon, V. I., 2001. *Istoriia Khorvatii. Kratkii ocherk s drevneishikh vremen do obrazovaniia respubliki (1991 g.)*. [History of Croatia. A brief sketch from ancient times to the establishment of the republic (1991)]. Saint Petersburg: Aletejia, 318 p. (in Rus.)
- Gestrin, F., Melik, V., 1973. *Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918*. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 364 p.
- Gross, M., 2004. *Vijek i djelovanje Franje Račkoga*. Zagreb: Novi Liber. 523 p. (Historiae, 5).
- Gross, M., Szabo, A., 1992. *Prema hrvatskome građanskom društvu*. Zagreb: Globus, 626 p.
- Islamov, T. M., Kotova, E. V., Khavanova, O. V., 2000. Sozdanie Avstro-Vengerskoi monarkhii [Establishment of the Austro-Hungarian Monarchy]. In: Chubarian, A. O., ed. *Istoriia Evropy. 5, Ot frantsuzskoi revolyutsii 18 v. Do Pervoi mirovoi voiny*. [History of Europe, 5, From the French Revolution of the eighteenth century up to the First World War]. Moscow: Nauka, pp. 311–314. (in Rus.)
- Kermavner, D., 1962. Hegemonistična prekonstrukcija jugoslovanskega programa v Ljubljani. *Zgodovinski časopis*, XVI, pp. 81–144.
- Kermavner, D., 1965–1966. Še iz predzgodovine jugoslovanskega kongresa v Ljubljani decembra 1870. *Zgodovinski časopis*, XIX–XX, pp. 319–354.
- Kirilina, L. A., 2000. *Slovinci i revolucija 1848–1849 gg.* [Slovenes and the revolution of 1848–1849], ed. by V. I. Freidzon. Moscow: Institut slavianovedenia RAN, 160 p. (in Rus.)
- Kirilina, L. A., Stykalin, A. S., Khavanova, O. V., eds, 2018. Politicheskie partii i obshchestvennye dvizheniia v monarkhii Gabsburgov, 1848–1914 rr. Ocherki. [Political parties and social movements in the Habsburg Monarchy, 1848–1914. Essays], Moscow: Indrik, 408 p. (in Rus.)
- Korunić, P., 1986. *Jugoslovenska ideologija u hrvatskoj i slovenskoj politici. Hrvat-sko-slovenski politički odnosi 1848–1870*. Zagreb: Globus, 421 p.
- Melik, V., 2002. Slovenska politika ob začetku dualizma. In: Melik, V. *Slovinci 1848–1918: razprave in članke*. Maribor: Založba Litera, pp. 290–323.
- Prijatelj, I., 1938. *Kulturna in politična zgodovina slovencev 1848–1895, 3, Staroslovenci. Obdobje okorelega konservatizma (1860–1868)*, ed. by A. Ocvirk. Ljubljana: Pri Akademski založbi v Ljubljani, 122 p.

- Prijatelj, I., 1940. *Kulturna in politična zgodovina slovencev 1848–1895*, 5, *Mladostlovenci. Obdobje romantičnega realizma (1868–1881)*, ed. by A. Ocvirk. Ljubljana: Pri Znanstvenem društvu v Ljubljani, 218 p.
- Rahten, A., 2008. *Savezništva i diobe. Razvoj slovensko-hrvatskih političkih odnosa u Habsburškoj monarhiji 1848.–1918*. Zagreb: Golden marketing-Tehnička knjiga, 302 p.
- Vošnjak, J., 1982. *Spomini*. Ljubljana: Slovenska matica, 701 p.
- Zwitter, F., 1962. Nekaj problemov okrog jugoslovanskega kongresa v Ljubljani leta 1870. *Zgodovinski časopis*, XVI, pp. 145–170.
- Zwitter, F., Šidak, J., Bogdanov, V., 1962. *Nacionalni problemi v habsburški monarhiji*. Ljubljana: Slovenska matica, 231 p.

Liubov A. Kirilina

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A. E-mail: kirilina.ljuba@rambler.ru

The Austro-Hungarian Agreement of 1867 and the Specifics of Slovenian Politics

The specific attitude of Slovenian politicians to the introduction of Austro-Hungarian Dualism in 1867 was determined by their understanding of the ways in which the Austrian Monarchy could be transformed, as well as the main provisions of their national-political programme, which had been formulated during the Revolution of 1848–1849. In the mid-1860s, when political life in the empire revived, they sought to adapt their demands to the idea of an Austrian federation that had been put forward by Czech national figures, and they developed programs for the unification of the Slovenian lands based on not natural, but historical law, without redrawing the borders of the provinces. These were the programs of Inner Austria and the Kingdom of Illyria, which did not meet with the support of Slavic politicians. In 1866, shortly before signing of the Austro-Hungarian Compromise, many Slovenian liberals returned to the demand for a United Slovenia. The introduction of dualism in the empire caused strong dissatisfaction among Slovenian politicians who sought to form an Austrian federation; their protest was expressed in the national press, in speeches by Slovenian deputies in the Reichsrat, and in the Tabor movement. New realities in the empire, as well as Bismarck's victories in the Franco-Prussian War in 1870, pushed Slovenian and Croatian politicians to actively discuss various options for creating a political South-Slavic union. For example, at a meeting in Sisak even the idea of abandoning the Slovenian lands in Cisleithania and concluding a real union between Hungary and an autonomous Slovenia and Croatia was discussed. The rejection of Dualism as a form of political organisation of the empire and the desire to replace it with one or another version of the federation were characteristic of the ideology of most Slovenian politicians until the First World War.

Keywords: Austro-Hungarian dualism, Austrian Federation, Slovenian national programmes, South-Slavic Union, union with Hungary

How to cite: Kirilina, L. A., 2021. Avstro-vengerskoe soglasenie 1867 g. i osobenosti slovenskoi politiki. *Tsentral'noevropeiskie issledovania*, 2021, 4(13), pp. 161–182. doi: 10.31168/2619-0877.2021.4.7.

Александр Михайлович Дронов

Кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32А. E-mail: dronov839@gmail.com

**«Политическая моральность»
Й. Ю. Штросмайера
в контексте хорватско-венгерских отношений
1860-х — начала 1870-х годов**

Йосип Юрай Штросмайер является крупной политической фигурой хорватской истории XIX века, представляя собой феномен клирика-политика. Будучи одним из идеологов Хорватской народной партии, он выступал за переустройство монархии Габсбургов на федералистских началах, считал королевство Хорватии и Славонии политически равноправным не только с Венгрией, но и с Австрией. Изучая религиозную философию, Штросмайер выработал некий «кодекс чести» для политика-народника, основывавшийся на политической моральности. Такая моральность базировалась на «кристальной» честности народного представителя перед собой и избирателями, что означало следование своим принципам до конца. На практике главным критерием для соответствия такой моральности стала защита прав королевства Хорватии и Славонии, а также шире — южных славян Габсбургской монархии — в отношении Венгрии и Австрии, другими словами, всяческое противодействие мадьяризации и германизации. Сам он следовал этому принципу на протяжении всего периода активной политической деятельности (1860–1873), что привело в итоге в условиях неблагоприятной для таких взглядов политической обстановки в монархии к разочарованию в политике и осознанию собственного бессилия повлиять на ситуацию. Тем не менее, несмотря на личные политические неудачи и связанные с ними нападки политических оппонентов в прессе, Штросмайер остался верен своим убеждениям, даже когда их перестало разделять большинство соратников по партии. Хорватско-венгерские отношения после 1868 г. он считал далекими от идеала политической моральности, главным образом, из-за их неравноправности.

Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-59-23005 «Монархия Габсбургов: новые направления в изучении экономического, социально-политического и национального развития композитарного государства Центральной Европы».

Ключевые слова: Хорватия, Венгрия, народняки, унионисты, хорватско-венгерские отношения, хорватско-венгерское соглашение 1868 г.

Цитирование: Дронов А. М. «Политическая моральность» Й. Ю. Штросмайера в контексте хорватско-венгерских отношений 1860-х — начала 1870-х годов // Центральноевропейские исследования. 2021. Вып. 4(13) / гл. ред. О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 183–204. DOI: 10.31168/2619-0877.2021.4.8.

1 апреля 1866 г. в Зале Кишфалуди в Венгерской академии наук 12 хорватов и 12 венгров собрались, чтобы решить судьбу хорватско-венгерских отношений. На кону стоял государственный статус Хорватии в трансформирующейся монархии Габсбургов. Хорватскую делегацию возглавил Йосип Юрай Штросмайер (1815–1905), секретарем делегации выступил народняк (представитель Хорватской народной партии, далее — ХНП) Иван Перковац (1826–1871). Во главе венгерской делегации стоял глава судебной канцелярии граф Антал Майлат (1801–1873), секретарем был вице-президент Венгерской академии наук Антал Ченгери (1822–1880). Во время одного из заседаний Штросмайер завел речь о том, как венгры преследовали хорватов в 1848 г. Слушая своего главного оппонента на этих переговорах, присутствовавший здесь венгерский министр юстиции Ференц Деак (1803–1876) потерял терпение, встал из-за стола, с грохотом демонстративно задвинул стул и вышел из зала. Штросмайера это смутило, он покраснел и подумал, что его неправильно поняли. Те, кто сидел ближе всего к нему из хорватских делегатов, начали ему объяснять, что такие высказывания против венгров неуместны. Они пошли искать Ф. Деака и просили того вернуться. Смущенный этим инцидентом и чувствующий себя виноватым Штросмайер снова взял слово, но очень быстро завершил речь. Так описывал это происшествие А. Ченгери¹. На следующий день Й. Штросмайер написал соратнику по партии и другу канонику Франьо Рачкому (1828–1894): «Я был в Пеште с Деаком, но подробнее о наших делах не смог с ним поговорить, потому что он сбежал с заседания. О Риеке² свое мнение

¹ Csengery Antal hátrahagyott iratai és feljegyzései / szerk. L. Csengery. Budapest: Magyar Történelmi Társulat, 1928. 182. old.

² *Риека* — хорватское название города, в 1776–1918 гг. официально входившего в состав Венгерского королевства и носившего название Фиуме.

ему высказал»³. Такие разные оценки давали два участника случаю на хорватско-венгерских переговорах, которые закончились ничем из-за принципиальной позиции обеих сторон и были прерваны австро-прусской войной.

Итак, на переговорах произошло столкновение мировоззрений двух политиков, поведение которых может быть рассмотрено с использованием методологии такого междисциплинарного направления научных исследований, как политическая этика⁴. В статье рассматривается политическая этика видного хорватского политического и религиозного деятеля второй половины XIX в. Й. Ю. Штросмайера в контексте хорватско-венгерских отношений в 1860-е — начале 1870-х годов, в частности, такой аспект, как «политическая моральность», использовавшийся им для обоснования собственной позиции. Под политической этикой мной понимается совокупность морально-нравственных начал, ценностей и норм, имеющих отношение к сфере политического. Это соответствует определению, принятому в таком молодом направлении исследований, каким является политическая этика, возникновение которой относится к последней четверти XX в. Одной из главных проблем современных этических дискуссий является плюрализм ценностей и убеждений нашего времени, поэтому в исследовании политической этики в истории считаем наиболее правильным исходить из контекста моральных представлений и ценностей, характерных для конкретного общества и эпохи. В историографии этот аспект до сих пор изучался не специально, а лишь в контексте других сторон личности и деятельности политика и епископа⁵. В статье показано, как Штросмайер трактовал это понятие и насколько следовал своим же политическим принципам на практике. В качестве основного источника используется его личная переписка с Ф. Рачким⁶.

³ Штросмайер — Рачкому, Джаково, 2 апреля 1866 г., цит. по: Korespondencija Rački — Strossmayer / ured. F. Šišić. Zagreb: JAZU, 1928. Knj. I. S. 32.

⁴ О политической этике см.: Sutor 1991; Разин 2006; Ерохов 2002.

⁵ Хорватская и сербская историография: Šišić 1928; Milutinović 1976; Sirotković 1980; Korunić 1989; Koščak 1990; Gross Szabo 1992; Tomljanovich 1998; Gross 2004. На русском языке см.: Фрейдзон 1959; Шарова 2017.

⁶ Korespondencija Rački — Strossmayer / ured. F. Šišić. Zagreb: JAZU, 1928. Knj. I. Ср.: Фрейдзон 1959.

На рейхсрате 1860 г., созванном императором Францем Иосифом (1848–1916 гг.) после длительного перерыва 1850-х годов⁷, Й. Штросмайер представлял Славонию. Он высказывался за переустройство монархии на основах федерализма и принципах национальной равноправности отдельных народов. Кроме того, будучи на тот момент уже одним из политических лидеров ХНП, которая стала продолжательницей дореволюционной Иллирской народной партии, он отстаивал хорватские национальные интересы в территориальной и языковой сферах. Так, он выступал за присоединение Далмации к Хорватии и Славонии, а также обретение хорватским языком статуса единственного официального для всех административных учреждений и властных институтов и единственного языка преподавания в школах.

Однако уже на заседаниях рейхсрата он понял, что одним из главных вопросов обсуждения является изменение характера австро-венгерских отношений в пользу серьезных уступок австрийских властей венграм, что вызвало его сильное беспокойство. На этой почве он установил тесные контакты с чешскими и польскими депутатами, а также другими представителями славянских земель монархии, выступавшими за федерализацию Австрийской империи. Кроме того, Й. Штросмайер нашел общий язык с крупными политиками-федералистами, такими как председатель совета министров имперского правительства граф Рихард Белькреди (1823–1902), чешский аристократ граф Генрих Клам-Мартиниц (1826–1887) и бывший министр просвещения граф Лео Тун (1811–1878).

Венгерские аристократы на рейхсрате выступали за возвращение дореволюционных венгерских законов для Венгрии. При этом с венгерскими либералами, которых тогда возглавлял будущий архитектор австро-венгерского соглашения Ференц Деак (1803–1876)⁸, у Штросмайера и хорватских национальных либералов в целом уже тогда возникли серьезные разногласия. Венгерские либералы выступали исключительно за дуализм и видели Хорватию и Славонию неотъемлемой частью Венгерского королевства, соглашаясь

⁷ Во время неабсолютистского режима А. Баха работа местных представительных учреждений (ландтагов) в Австрийской империи была прекращена. См.: Хорватия-Славония в период неабсолютизма // Кирилина, Стыкалин, Хаванова (ред.) 2018: С. 77–82.

⁸ О Ф. Деаке подробнее см.: Deák 2008.

предоставить хорватам лишь ограниченную автономию⁹. В свою очередь Й. Штросмайер, Франьо Рачки, Иван Вончина (1827–1885), Иван Кукулевич-Сакцинский (1816–1889), Иван Мажуранич (1814–1890), Матия Мразович (1824–1896) и другие идеологи хорватских либералов выступали исключительно за равноправные отношения и требовали от венгров относиться к Хорватии не как к «присоединенному» или «подчиненному», а как к «союзному» королевству¹⁰.

За период работы в рейхсрате Й. Штросмайер завоевал огромную популярность среди хорватов, которые на протяжении 1860 г. посылали ему жалобы и просьбы. Именно постоянное отстаивание хорватских национально-государственных интересов за этот год сделало Й. Штросмайера лидером хорватских народняков в глазах как самих однопартийцев, так и сочувствующего партии населения.

В апреле 1861 г. после долгого перерыва был созван хорватский сабор. 13 июля, когда происходило обсуждение отношений между Хорватией и Венгрией, депутат от северинского котара (округа) Славолуб Врбанчич (1822–1880), представитель ХНП (народняков)¹¹, сказал:

Некоторым господам очень важно, чтобы сабор во что бы то ни стало заключил реальную унию с Венгрией, и тогда они смогут раструбить по всему миру и по газетам: хорваты безусловно бросились в объятия к мадьярам¹².

В ответ на эту речь со своего места вскочил граф Юлие Янкович, жупан¹³ комитата Пожега, представитель Хорватско-венгерской конституционной партии (унионистов), и раздраженно

⁹ Фрейдзон 1970: 110.

¹⁰ *Rački F. Jugoslavjenstvo (Zagreb, 1860) // Programatski dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina. 1842.–1914. / ured. T. Cipek, S. Matković. Zagreb: Disput, 2006. S. 133.*

¹¹ О Хорватской народной партии см.: Кирилина, Стыкалин, Хаванова (ред.) 2018: 132.

¹² Штросмайер — Рачкому, Вена, 31 августа 1861 г., цит. по: *Korespondencija Rački — Strossmayer. S. 3.*

¹³ *Жупан* (хорв. *župan*) — глава комитата (жупании) в Венгерском королевстве; также в научной литературе используются варианты «фэйшпан» (венг. *főispán*), «обергешпан» (нем. *Ober-Gespan*).

произнес: «Это оскорбление!»¹⁴ На что Врбанчич заметил, что якобы поговаривают, что тот «хочет нас перед всем миром опозорить»¹⁵. После этого графы Янкович и Янош Эрдеди (жупан комитата Вараждин), а также некоторые другие унионисты покинули зал заседаний¹⁶.

В процитированном выше письме от 31 августа 1861 г. Штросмайер также писал, что побывал в «хорватском дикастерии»¹⁷. Там Иван Мажуранич показал ему письмо, которое императору написали депутаты-унионисты Янкович и Эрдеди после того, как демонстративно покинули заседание хорватского сабора. В нем они жаловались императору на народняков, называя их «бунтарями», которые якобы добиваются отделения от империи и от правящей династии, а также хотят создать отдельное югославянское королевство¹⁸. Таким образом, унионисты пытались представить народняков опасными для государства и монархии. В качестве ответного действия Штросмайер предложил публично зачитать это письмо в хорватском саборе, чтобы «сбросить маски» с унионистов¹⁹.

На тот момент Штросмайер определил в качестве главной задачи ХНП борьбу за федерализм в империи и максимальную политическую автономию Хорватии в ней в противовес стремлению унионистов возобновить прерванную в 1848 г. политическую унию с Венгерским королевством:

¹⁴ Штросмайер — Рачкому, Вена, 31 августа 1861 г., цит. по: Korespondencija Rački — Strossmayer. S. 3.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ В итоге на саборе 23 июля 1861 г. была принята ст. 42 «Об отношении триединого королевства Далмации, Хорватии и Славонии к короне и королевству венгерским», в которой народняки смогли зафиксировать свои позиции. См.: Članak 42. O odnošenju trojedne kraljevine Dalmacije, Hrvatske i Slavonije prema kruni i kraljevini ugarskoj (Zagreb, 1861) // Programatski dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina. S. 140.

¹⁷ *Дикастерий* (от лат. *dicasterium*) — учреждение, ведомство. Имеется в виду учрежденное 5 декабря 1860 г. в Вене придворное верховное ведомство по делам Хорватии и Славонии во главе с Иваном Мажураничем. 20 ноября 1861 г. дикастерий был преобразован в Хорватскую придворную канцелярию, где Мажуранич стал канцлером. См.: Veuc 1985.

¹⁸ Штросмайер — Рачкому, Вена, 31 августа 1861 г., цит. по: Korespondencija Rački — Strossmayer. S. 2.

¹⁹ Ibidem. Также см. письмо Мажуранича сабору в загребских газетах *Agramer Zeitung* («Загребское время»), и *Pozor* («Взгляд») от 11 сентября 1861 г.

А сейчас мы как единственный еще свободный²⁰ сабор и свободный народ засвидетельствуем перед миром нашу зрелость и умеренность и активно поддержим ту партию, которая стремится к действительной свободе, которая основывается на федералистских началах. Я ни за что не поверю, что венгерская политика, которая настолько же несправедливая и антиславянская, как и немецкая, может быть в чем-то нашей политикой²¹.

Штросмайер писал также, что сходных с ним позиций придерживаются «чехи и поляки». При этом он заметил: «Глупо думать, что в восточной части [монархии] победит свобода, если она не победит и в западной, и в Вене»²².

Вместе с тем Штросмайер уже тогда выступал против возможной дуализации империи с выделением исключительно венгерской части. Еще в декабре 1860 г. он обратил внимание имперского министра иностранных дел графа Иоганна Бернгарда фон Рехберг-и-Ротенлёвена (1806–1899) на известную несправедливость: австрийцы решили помочь тем, кто им в прошлом «создавал проблемы своим недовольством, восстаниями и сопротивлением», и при этом «отвернулись от верных и всегда лояльных в критические моменты для династии» славянских народов. Обращаясь также к Р. Белькреди и новому министру внутренних дел Антону фон Шмерлингу (1805–1893), Й. Штросмайер пытался объяснить важность присоединения к империи Боснии и Герцеговины, надеясь, что эти территории будут переданы в состав королевства Хорватии и Славонии. Однако никакой поддержки от австрийцев он так и не получил, поэтому уже в конце 1862 г. в письме народнику Метелу Ожеговичу сетовал:

Бах²³ и Шмерлинг суть синонимы, различие лишь в форме. Когда я был в Вене, то я этим людям пытался доказать, что важность имеет не только венгерский вопрос, но также важна и южнославянская проблема, которая тесно связана с восточным вопросом. Бог знает,

²⁰ Здесь «единственный свободный», так как, согласно Февральскому патенту 1861 г., только Хорватия из всех земель Габсбургской монархии (наряду с Австрией и Венгрией) сохранила свой представительский орган — сабор.

²¹ Штросмайер — Рачкому, Вена, 31 августа 1861 г., цит. по: Korespondencija Rački — Strossmayer. S. 2.

²² Ibidem.

²³ Александр фон Бах (1813–1893) — архитектор политической системы, известной как неоабсолютизм, министр внутренних дел империи в 1848–1857 гг.

как бы решили такой важный вопрос английские и французские государственные деятели в свою пользу, если бы имели такие возможности в отношении югославянства, какие имеют австрийцы²⁴.

Еще в 1860 г. Штросмайер надеялся, что преемником Шмерлинга станет Клам-Мартиниц, поэтому старался во время заседаний рейхсрата заручиться поддержкой со стороны последнего, ожидая, что тот «сделает что-то хорошее для нашего народа»²⁵. Основания для такого оптимизма подавал и сам Клам-Мартиниц, обещая передачу Далмации и Военной границы в состав Хорватии, а также возвращение «старого законодательства»²⁶. В 1864 г. Штросмайер связывал надежды уже с другим сторонником федералистских идей — Белькреди²⁷, который стал канцлером в следующем, 1865 году. Однако тот не только отказался реализовывать федералистские замыслы, но и оказал давление на их приверженцев, в том числе и Штросмайера, которому было предложено «не вмешиваться в политику». На это епископ возразил, что «времена сейчас настолько плохие для церкви и народа, что он по своему званию должен вмешиваться в политику, чтобы помимо народа защитить также и интересы св. веры и церкви Божьей»²⁸. Здесь Штросмайер позиционировал себя ответственным за паству в социально-политической сфере, что вполне соответствовало его взглядам в духе либерального католицизма²⁹.

Весной 1866 г. в Пеште состоялись переговоры хорватских и венгерских либералов, на которых Й. Штросмайер возглавил хорватскую делегацию из 12 человек. Фактическим главой равной по численности венгерской делегации стал Ференц Деак, давний политический оппонент Штросмайера. Во время одного из заседаний переговорщиков Деак не выдержал длинной речи

²⁴ Цит. по: *Nacrt života i djela biskupa J.J. Strossmayera / napisao i sabrao T. Smičičklas. Zagreb: Tisak Dioničke Tiskare, 1906. Vol. 1. Izabrani njegovi spisi: govori, rasprave i okružnice. S. 62.*

²⁵ Штросмайер — Рачкому, Вена, 31 августа 1861 г., цит. по: *Korespondencija Rački — Strossmayer. S. 2.*

²⁶ *Ibidem.*

²⁷ Штросмайер — Рачкому, Джаково, 29 февраля 1864 г., цит. по: *Korespondencija Rački — Strossmayer. S. 20.*

²⁸ *Nacrt života i djela biskupa J.J. Strossmayera. S. 66–67.*

²⁹ Подробнее о либеральном католицизме Штросмайера см.: *Švoger V. 2011: 77–123.*

Штросмайера с перечислением всех случаев притеснения венграми хорватов за долгую историю взаимоотношений двух соседних народов и демонстративно покинул зал заседаний. В итоге из-за принципиальной позиции обеих сторон переговоры ни к чему не привели и были свернуты с началом австро-прусской войны, то есть в середине июня 1866 г.

В следующем, 1867 году после нового военного поражения Австрийской империи дуалистическое разделение монархии стало реальностью³⁰. А хорваты и сербы вне области Военной границы и Далмации должны были оказаться под управлением венгров, что активизировало контакты южнославянских политиков Габсбургской монархии между собой. В начале апреля 1867 г. Штросмайер писал, что с ним вступил в переписку депутат венгерского парламента от сербов Венгрии Джордже Стратимирович (1822–1908)³¹, который сообщил ему о ходе своих переговоров с Дюлой Андраши (1823–1890)³² и Ференцем Деаком. По словам Стратимировича, венгерские политики считали себя невиновными в том, что происходит в Цислейтании. Однако Штросмайер на это возразил:

Их чувства могут быть честными, но принципы, которым они следовали и претворили в жизнь, основываются на теории *von zwei leitenden Nationen*³³, а потому логичным продолжением этих принципов есть *hüben und drüben*³⁴ угнетение народа славянского³⁵.

Из этого Штросмайер заключил, что венгры планировали активно вмешиваться во внутренние дела Хорватии, а потому «с этой частью империи не следует вступать в союз, если другие народы не будут свободны и конституционны»³⁶. Таким образом, здесь Штросмайер продолжил отстаивать принцип федеративности для славянских народов Габсбургской монархии. В качестве альтернативы заключению хорвато-венгерского соглашения Штросмайер предлагал добиваться

³⁰ См.: *Heka L.* 2017: 855–880.

³¹ Подробнее о нем см.: Новосельцева 2018.

³² Медяков 1998.

³³ Двух главенствующих наций, то есть немцев и венгров (нем.).

³⁴ Здесь и там (нем.).

³⁵ Штросмайер — Рачкому, Джаково, 2 апреля 1867 г., цит. по: *Korespondencija Rački — Strossmayer.* S. 42.

³⁶ *Ibidem.*

от императора как хорватского короля признания независимости Хорватии от Венгрии внутри империи:

Король, то, что находится за Дравой, безумно, несправедливо, подрывает веру в твои и наши намерения, и кажется, что путь соглашения, сам по себе непроторенный, становится каждый день все тяжелее³⁷.

При этом Штросмайер полностью не отказывался и от возможности хорвато-венгерского соглашения, но при условии выполнения венграми основных хорватских требований: интеграции земель «триединого королевства» и широкой политической автономии в составе общего королевства³⁸. Надежду на реализацию такого сценария епископу внушало то, что, по его словам, Андраши и Деак «не имеют ничего против нашей автономии и нашей интеграции»³⁹. При этом под интеграцией Штросмайер подразумевал присоединение к Хорватии Военной границы и Далмации с островами, а под автономией, в первую очередь, признание самостоятельного хорватского правительства. Он соглашался на наличие «общих дел» в венгеро-хорватском королевстве для обеих его частей, но настаивал, что у Хорватии должна быть своя армия, а в городах стоять хорватские гарнизоны⁴⁰.

Однако Хорватия не стала участницей переговорного процесса, поэтому Штросмайер предпринял отчаянную попытку в одиночку донести позицию находившихся тогда у власти хорватских народняков до Вены. Но там на него было оказано давление со стороны нового председателя Совета министров графа Фридриха Фердинанда фон Бойста (Бейста, 1809–1886), сменившего на этом посту Белькреди на волне подготовки австро-венгерского соглашения. При одобрении Франца Иосифа Штросмайеру было предложено отказаться от активного лоббирования хорватских интересов, в противном случае ему грозило лишение епископского сана и другие гонения. Штросмайер был на аудиенции у императора. Как он сам об этом вспоминал, император сказал:

Это моя воля и наказ, что Вы защищаете известную венгерскую программу. Если Вы этого не сделаете, Вас не будет в саборе. Скажу Вам

³⁷ Штросмайер — Рачкому, Джаково, 2 апреля 1867 г., цит. по: Korespondencija Rački — Strossmayer. S. 42.

³⁸ Ibid. S. 43.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Ibidem.

откровенно, что если Вы будете этому противиться, то я буду вынужден принять меры против Вас⁴¹.

Эти слова сильно взволновали Штросмайера: «Можете себе представить, что по этому поводу чувствовала моя честная душа»⁴². В итоге он решил уехать во Францию, чтобы его противники, «которые этого добились», не думали, что он изменил свою позицию.

В 1867 г. хорватский сабор был распущен в ответ на нежелание преобладавших на нем народняков и бана Шокчевича послать хорватских представителей на коронацию Франца Иосифа в Пеште венгерским и хорватским королем. Сам факт коронации одновременно венгерским и хорватским королем ставил крест на федерализме и триализме. Штросмайер писал с воодушевлением 24 мая 1867 г. из Парижа об этом решении хорватского сабора от 18 мая:

Наш народ не только свое право, но и свою честь перед миром спас и доказал, что настолько следует моральной силе и моральной жизни, что его ничто в мире не может вогнать в могилу и осудить на вечную смерть⁴³.

Здесь славонский епископ политическую моральность подкреплял отсылкой к христианской теме противопоставления рая (вечной жизни) и ада (вечной смерти). Тем не менее с этого времени Штросмайер уже не мог реально отстаивать хорватские национальные интересы, а также партийную программу. Воспользовавшись его выдавливанием из политического пространства, унионисты при поддержке венгров развернули против него кампанию в прессе.

Началось с того, что в немецкоязычной газете венгерских консерваторов *Die Debatte* («Дебаты»), которая печаталась в Вене, вышла статья, направленная лично против Штросмайера, «Панславянские агитации в Хорватии»⁴⁴. В ней Штросмайер обвинялся в целом ряде поступков, связанных с его деятельностью в Югославянской академии наук и искусств, в чине джаковского епископа,

⁴¹ Штросмайер — Рачкому, Вена, 29 апреля 1867 г. цит. по: Korespondencija Rački — Strossmayer. S. 45.

⁴² Ibidem.

⁴³ Штросмайер — Рачкому, Париж, 24 мая 1867 г., цит. по: Korespondencija Rački — Strossmayer. S. 45.

⁴⁴ Die panslavistischen Agitationen in Kroatien // Die Debatte. 1867. 04 X. № 272.

а также политика-народняка⁴⁵. Уязвленный такой огульной критикой, Штросмайер решил откликнуться статьями в разных газетах, где попытался ответить на обвинения в свой адрес. В частности, он отрицал свое влияние на назначение профессоров Югославянской академии, «которые стали жертвами новой политики»⁴⁶. На утверждение, что под его епископским управлением в джаковской общине все леса захвачены, он возражал, что этот лес явился компенсацией крестьянам, у которых «нет пашни»⁴⁷. По поводу главной газеты хорватских народняков *Pozor* Штросмайер отрицал, что газета являлась его проектом и издавалась на личные деньги⁴⁸. В конце ответной статьи Штросмайер писал:

Возможно, что люди, которые упомянутую статью инспирировали, имеют сегодня влияние на мое внешнее положение, мою свободу и даже на мою жизнь; до чего, однако, они никогда не смогут достать, так это моя совесть и честность, и пусть хорватско-сербский народ останется уверен, что они до моей смерти всегда останутся чистыми и непорочными⁴⁹.

Здесь можно заметить, что моральность политическая понимается Штросмайером неразрывно с личной. При этом Рачкому Штросмайер писал:

Источником статьи является наше правительство (имеется в виду Хорватская придворная канцелярия, которой тогда завладели унионисты. — *А.Д.*), которое решило любым способом меня уничтожить⁵⁰.

Находясь уже на родине в Джаково, Штросмайер отправил текст своей статьи Матие Мразовичу в Загреб для того, чтобы тот разослал ее по разным газетам, в том числе в таких, как венский журнал *Zukunft* («Будущее»), загребские *Pozor* (издания народняков),

⁴⁵ В. И. Фрейдзон, ссылаясь на хорватского историка Ф. Шишича, заметил, что в 1860–1880-х годах «епископ был владельцем ценных бумаг, акционером пароходного общества, вкладчиком сберегательных касс, кредитором купцов и предпринимателей». См.: Фрейдзон 1970: 80.

⁴⁶ Штросмайер — Рачкому, Джаково, 13 октября 1867 г., цит. по: Korespondencija Rački — Strossmayer. S. 50.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Ibidem.

Agramer Zeitung (близка унионистам), а также пражская *Politik* («Политика»). В связи с тем, что Мразович сразу не ответил Штросмайеру, тот решил, что его адресата нет дома, и переслал свой текст Рачкому, дописав еще несколько предложений. Однако эта ответная статья Штросмайера так и не была нигде опубликована. По всей видимости, как Мразович, так и Рачки не одобрили такую публикацию. Однако на этом попытка ответить оппонентам не закончилась. В письме Рачкому от 16 октября Штросмайер написал, что отправил в *Pozor* «несколько строчек», потому что посчитал нужным «сказать несколько слов» в интересах своей чести и своего звания⁵¹. Действительно, скоро в газете *Novi Pozor* («Новый взгляд», выходила в Вене с 5 сентября 1867 г.) было напечатано несколько статей, полемизировавших с той самой статьей в *Die Debatte* и оправдывавших Штросмайера.

Разные нападки в прессе продолжились и в последующие годы. Так, 26 февраля 1869 г. Й. Штросмайер написал Ф. Рачкому:

Не приеду в Загреб. В Загребе хотят сейчас ударить по печати на горе и срам нашего народа. Второе. Одним из средств, чтобы народ наш загнать под венгерское ярмо, была клевета на мою персону. Эту клевету распространяли по миру наши господа в Пеште, Вене и Загребе⁵².

С этого времени интерес к политике у Й. Штросмайера значительно снизился.

Королевским решением от 20 октября 1867 г. был утвержден октроированный избирательный закон, принятый для Хорватии и Славонии исполняющим обязанности бана унионистом бароном Левином Раухом⁵³. На конец 1867 г. баном планировались выборы в сабор по новому закону. Штросмайер выразил двоякое отношение к этим выборам, как и к возможности заключения хорвато-венгерского соглашения. С одной стороны, он не признавал октроированный избирательный закон легитимным, а потому избранный на его основе

⁵¹ Штросмайер — Рачкому, Джаково, 16 октября 1867 г., цит. по: Korespondencija Rački — Strossmayer. S. 51.

⁵² Штросмайер — Рачкому, Джаково, 26 февраля 1869 г., цит. по: Korespondencija Rački — Strossmayer. S. 73.

⁵³ По этому закону, повышавшему ценз, в выборах могли принять участие всего 6–7% взрослых мужчин королевства Хорватии и Славонии (в основном чиновники и крупные землевладельцы). См.: Фрейдзон 2001: 150.

«сабор не является сабором и не имеет какого-либо права решать какой-либо законодательный вопрос, а уж тем более вопрос наших государственных отношений с третьей стороной»⁵⁴. Логичным в такой ситуации Штросмайер считал противодействие. Надежду на такую реакцию давали сообщения, получаемые им от Рачкого и из Срема, о том, что сторонники народняков хотят протестовать и бойкотировать выборы. Однако такая тактика не вполне устраивала Штросмайера, который изначально придерживался мнения, что «наши люди не имеют достаточно энергии и единения, чтобы пойти радикальным путем»⁵⁵. Кроме того, он признал, что «октроированный закон — это сила». Следовательно, нужно не только «протестовать против всего и ясно и гласно заявлять, что никогда и никогда этот закон не может быть законом для Триединого королевства», но и «в качестве советников остаться в саборе и своим поведением в отношении народных вопросов приуготовлять *почву* для будущих выборов»⁵⁶.

Таким образом, Штросмайер считал более продуктивным для народняков участвовать даже в таких выборах по правилам унионистов ради возможности будущих электоральных побед. Здесь, опять же, Штросмайер подспудно апеллировал к моральному превосходству народняков над их главными оппонентами, что касается отстаивания свобод «триединого королевства» и работы с населением. При этом лично для себя Штросмайер выбрал путь бойкота, не желая выдвигать свою кандидатуру на выборы и считая для себя наилучшим вариантом даже не приезжать в Загреб. Успех народняков Штросмайер видел в том, чтобы превосходить оппонентов «числом, умом и красноречием»⁵⁷. А в качестве целей назвал народное благо и, как и всегда, благоприятное «европейское мнение».

Результаты состоявшихся выборов в сабор ожидаемо разочаровали Штросмайера⁵⁸. Он оценивал их как «фатальное насилие сегодняшних правителей и их подлых приспешников»⁵⁹. Но также он пи-

⁵⁴ Штросмайер — Рачкому, Джаково, 1 декабря 1867 г., цит. по: Korespondencija Rački — Strossmayer. S. 52.

⁵⁵ Ibidem.

⁵⁶ Ibidem.

⁵⁷ Ibidem.

⁵⁸ Народняки получили всего 14 мест в саборе (и то преимущественно за счет избирателей из Срема) против 52 мест у унионистов. См.: Фрейдзон 2001: 150.

⁵⁹ Штросмайер — Рачкому, Джаково, 1 января 1868 г., цит. по: Korespondencija Rački — Strossmayer. S. 55.

сал, что эти выборы «открыли крайнюю слабость нашего народа»⁶⁰. Прогноз Штросмайера о неуспешности всеобщей протестной мобилизации полностью оправдался, поэтому политик решил, что нужно реализовывать вторую стратегию, согласно которой, как уже говорилось выше, прошедшие в сабор народняки должны были использовать хорватский парламент как трибуну для своего «красноречия», то есть донесения до народа и коллективного «европейского мнения» своей позиции. Поэтому он советовал избравшемуся в сабор от города Сень Рачкому «насколько возможно чаще говорить», а также «никоим образом не позволять, чтобы какие-либо причины склоняли к молчанию»⁶¹. Однако вопреки такой стратегии Штросмайера депутаты-народняки все же реализовали сценарий бойкота и 8 января 1868 г. покинули сабор, объявив о его нелегитимности.

После заключения хорвато-венгерского соглашения в 1868 г. Штросмайер не изменил свою позицию и в отличие от части своих соратников не захотел договариваться с венграми от имени партии. Ситуация несколько изменилась в начале 1870-х годов, когда народняки вернули себе большинство в саборе, а попытка чешских политиков заключить австро-чешский договор в 1871 г. по типу хорвато-венгерского дала Штросмайеру вновь надежду на возможность превращения дуалистической монархии в федерацию. В 1872 г. хорватские политики предприняли попытку перезаключить соглашение с венграми на более выгодных для себя условиях. 9 июня 1872 г. хорватский сабор избрал королевский комитет для переговоров с венграми о ревизии соглашения (нагодбы) 1868 г. В отличие от 1866 г. хорватская делегация состояла лишь наполовину из народняков (шесть человек), остальные были унионистами. Венгры затягивали переговоры, и венгерский комитет начал работу лишь 5 марта 1873 г. В итоге новое соглашение было все-таки заключено, однако теперь уже и от имени народняков⁶², что с позиции политической моральности Штросмайера было худшим вариантом, нежели нахождение партии в оппозиции без каких-либо обязательств перед венграми.

Во время всех этих событий Штросмайер продолжал придерживаться осторожной позиции. Так, в декабре 1871 г. он писал по поводу

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ Ibidem.

⁶² См.: Кирилина, Стыкалин, Хаванова (ред.) 2018: 135. Ciliga 1970.

соглашения с венграми: «В сто раз лучше подождать подходящее время, чем себя компрометировать перед страной»⁶³. По поводу самих перспектив хорватско-венгерских отношений 25 октября 1872 г., будучи снова на переговорах в Пеште, епископ пессимистично написал Ф. Рачкому:

Я и сам думаю, что до какого-либо определенного соглашения с венграми дело так и не дойдет. Я не буду подписывать то, что могло бы угрожать правам нашего народа <...>. Привнесение морали в отношения может исправить писанные юридические нормы, но только в том случае, если отдадите земли под управление честных людей, если политика ваша будет руководствоваться понятиями высокой морали, а также если и моральное и материальное положение страны в условиях нового соглашения будут каждый день только улучшаться. Иначе будет снова зло и все наоборот⁶⁴.

Это, по сути, квинтэссенция понимания Штросмайером политической морали, которая, с одной стороны, стоит выше правовых норм, с другой, является воплощением индивидуальной моральной чистоты и ответственности перед обществом.

Дивиденды ХНП от соглашения 1873 г. в виде возвращения во власть и даже назначения бана-народняка не обрадовали Штросмайера, так как были для него несопоставимы с попранием хорватской политической моральности, за чистоту которой он боролся столько лет. Итогом такого неприятия новой реальности стал постепенный отход Штросмайера от внутренней хорватской политики.

В середине 1870-х годов Штросмайер сетовал, что даже при бане Раухе положение партии было лучше, так как в то время народняки находились в оппозиции и могли «геройски бороться с неприятелем», тогда как, взяв власть, они превратились в «слепое орудие венгров»⁶⁵. Таким образом, уже ретроспективно оценивая ситуацию конца 1860-х годов, Штросмайер считал оппозиционное положение партии даже лучшим, нежели нахождение у власти, потому что такое положение не связывало разными государственными

⁶³ Штросмайер — Рачкому, Рим, 11 декабря 1871 г., цит. по: Korespondencija Rački — Strossmayer. S. 150.

⁶⁴ Штросмайер — Рачкому, Пешт-Буда, 25 октября 1872 г., цит. по: Korespondencija Rački — Strossmayer. S. 190.

⁶⁵ Штросмайер — Рачкому, Рим, 10 декабря 1875 г., цит. по: Korespondencija Rački — Strossmayer. S. 387.

обязательствами в отношении Венгрии и позволяло партии свободно выражать национальную хорватскую позицию по любому вопросу. А именно такое поведение Штросмайер и считал наиболее морально правильным в политике, так как оно способствовало сохранению «чистой совести и незапятнанной честности»⁶⁶.

Период с начала 1860-х до начала 1870-х годов, на который приходится наиболее активная политическая деятельность Штросмайера, явился временем его борьбы как с обстоятельствами или внешними силами, так и с самим собой ради отстаивания постепенно кристаллизирующейся собственной политической моральности. Как можно было увидеть, сутью этого явления для Штросмайера был перенос личных моральных принципов, основанных на христианских религиозных представлениях, в политическую сферу. Такой перенос превращал политика в защитника некоей коллективной, в данном случае народной (национальной) морали в политическом пространстве. При этом основным мерилom политической моральности служила заинтересованность в отстаивании принципов свободы национального самоопределения. Такой критерий стал ответом на актуальную политическую обстановку в Габсбургской монархии и королевстве Хорватии и Славонии как ее части, то есть продуктом своей эпохи. Политическая моральность, в которой народ (нация) выступал как нечто цельное, как единый субъект, была направлена вовне, на взаимоотношения с другими сопоставимыми акторами. В данном случае в качестве оппонентов были выбраны другие (конкурирующие) политические партии в самой Хорватии, а также внешние игроки — политики других частей империи, выступавшие либо противниками, либо союзниками. Причем противники могли перестать быть таковыми, если бы стали уважать и понимать принципы политической моральности Штросмайера.

Отстаивая эти самые принципы политической моральности, Штросмайер был готов пожертвовать даже своим участием в самой политике. Таким образом, политическая чистоплотность в отстаивании «народных интересов», как они виделись самому политику, являлась решающим фактором в решении любых политических вопросов. Таким было видение самого Штросмайера, которому он старался следовать, как можно видеть на примере хорвато-венгерских отношений 1860-х — начала 1870-х годов, и на практике.

⁶⁶ Ibidem.

Список сокращений

ХНП — Хорватская народная партия
JAZU — Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti

Литература

- Ерохов 2002 — *Ерохов И.А.* О возможности политической морали // Полис. Политические исследования. 2002. № 4. С. 121–134.
- Кирилина, Стыкалин, Хаванова (ред.) — Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки / под ред. Л. А. Кирилиной, А. С. Стыкалина, О. В. Хавановой (отв. ред.). М.: Индрик, 2018. 408 с.
- Медяков 1998 — *Медяков А.С.* Югославянская политика Андраши (1867–1871 гг.) // Центральная Европа в Новое и новейшее время. Сборник к 70-летию Т. М. Исламова / отв. ред. А. С. Стыкалин. М.: Институт славяноведения РАН, 1998. С. 152–175.
- Новосельцева 2018 — *Новосельцева Л.К.* «Кто в молодости не был либералом»: к политической биографии Джордже Стратимировича // Славянский альманах. 2018. № 3–4. С. 60–69.
- Разин 2006 — *Разин А.В.* Единство морали и политики: исторический опыт и современные реалии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2006. № 2. С. 46–60.
- Фрейдзон 1959 — *Фрейдзон В.И.* Корреспонденция Рачкий — Штросмайер как источник по истории Хорватии второй половины XIX в. // Славянский архив. Сборник статей и материалов. М.: Издательство Академии Наук, 1959. С. 139–172.
- Фрейдзон 1970 — *Фрейдзон В.И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу. Подъем освободительного движения в 1859–1873 гг. История, идеология, политические партии. М.: Наука, 1970. 385 с.
- Фрейдзон 2001 — *Фрейдзон В.И.* История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). СПб.: Алетейя, 2001. 318 с.
- Шарова 2017 — *Шарова В.Л.* Йосип Юрай Штросмайер и проекты объединения народов монархии Габсбургов: от иллиризма к югославизму // Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XVIII–XXI вв. / редкол.: М. Ю. Дронов, А. А. Леонтьева, О. В. Хаванова (отв. ред.). М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 135–149.
- Beuc 1985 — *Beuc I.* Povijest institucija državne vlasti Kraljevine Hrvatske, Slavonije i Dalmacije. Zagreb: Pravni fakultet Zagreb, Centar za stručno usavršavanje i suradnju s udruženim radom, 1985. 403 s.

- Ciliga 1970 — *Ciliga V. Slom politike Narodne stranke (1865–1880)*. Zagreb: Matica hrvatska, 1970. 313 s.
- Deák 2008 — *Deák Á. From Habsburg Neo-absolutism to the Compromise of 1849–1867*. New York: Columbia University Press, 2008. 647 p.
- Gross 2004 — *Gross M. Vijek i djelovanje Franje Račkoga*. Zagreb: Novi Liber, 2004. 523 s.
- Gross, Szabo 1992 — *Gross M., Szabo A. Prema hrvatskome građanskom društvu. Društveni razvoj u civilnoj Hrvatskoj i Slavoniji šezdesetih i sedamdesetih godina 19. stoljeća*. Zagreb: Globus, 1992. 626 s.
- Heka 2017 — *Heka L. Analiza Austro-ugarske i Hrvatsko-ugarske nagodbe (u povodu 150. obljetnice Austro-ugarske nagodbe) // Zbornik Pravnog fakulteta Sveučilišta u Rijeci*. 2017. Vol. 38. Br. 2. S. 855–880.
- Korunić 1989 — *Korunić P. Jugoslavizam i federalizam u hrvatskom nacionalnom preporodu 1835–1875*. Zagreb: Globus, 1989. 250 s.
- Košćak 1990 — *Košćak V. Josip Juraj Strossmayer — političar i mecena*. Osijek; Revija: Izdavački centar Otvorenog sveučilišta Osijek, 1990. 297 s.
- Milutinović 1976 — *Milutinović K. Štrosmajer i jugoslovensko pitanje*. Novi Sad: Institut za izučavanje istorije, 1976. 281 s.
- Širotković 1980 — *Širotković J. O liku Josipa Jurja Strossmayera, pokrovitelja JAZU*. Zagreb: JAZU, 1980. 39 s.
- Šišić 1928 — *Šišić F. Ideje biskupa Štrosmajera*. Beograd: Štamparija “Škerlić”, 1928. 20 s.
- Sutor 1991 — *Sutor B. Politische Ethik. Gesamtdarstellung auf der Basis der Christlichen Gesellschaftslehre*. Paderborn u. a.: Ferdinand Schoningh, 1991. 338 S.
- Švoger 2011 — *Švoger V. Liberalni katolicizam u Hrvatskoj i Strossmayer // Zbornik radova 7. i 8. Strossmayerovih dana / ur. I. Mandić, Đakovo: Grad Đakovo, 2011. S. 77–123*.
- Tomljanovich 1998 — *Tomljanovich W.B. Bishop Josip Juraj Strossmayer: Nationalism and modern Catholicism in Croatia*. Yale: Yale University Press, 1998. 902 s.

References

- Beuc, I., 1985. *Povijest institucija državne vlasti Kraljevine Hrvatske, Slavonije i Dalmacije*. Zagreb: Pravni fakultet Zagreb, Centar za stručno usavršavanje i suradnju s udruženim radom, 403 p.
- Ciliga, V., 1970. *Slom politike Narodne stranke (1865–1880)*. Zagreb: Matica hrvatska, 313 p.
- Deák, Á., 2008. *From Habsburg Neo-absolutism to the Compromise of 1849–1867*. New York: Columbia University Press, 467 p.
- Erohov, I. A., 2002. O možnosti političeskoj morali [On the possibility of political morality]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 4, pp. 121–134. (in Rus.)

- Freidzon, V. I., 1959. Korrespondentsiia Rakhii — Shtrossmaier kak istochnik po istorii Khorvatii vtoroi poloviny 19 v. [The Rački—Strossmayer correspondence as a source on the history of Croatia in the second half of the nineteenth century]. *Slavyanskii arkhiv*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk, pp. 139–172. (in Rus.)
- Freidzon, V. I., 1970. *Bor'ba horvatskogo naroda za natsional'nuyu svobodu. Pod'em osvoboditel'nogo dvizheniia v 1859–1873 gg. Istoriia, ideologija, politicheskie partii* [The struggle of the Croatian people for national freedom. The rise of the liberation movement in 1859–1873. History, ideology, political parties]. Moscow: Nauka, 385 p. (in Rus.)
- Freidzon, V. I., 2001. *Istoriia Khorvatii. Kratkii ocherk s drevneishikh vremen do obrazovaniia respubliki (1991 g.)* [The history of Croatia. A brief overview from the ancient times to the proclamation of the republic]. Saint Petersburg: Aleteiia, 318 p. (in Rus.)
- Gross, M., 2004. *Vijek i djelovanje Franje Račkoga*. Zagreb: Novi Liber, 523 p.
- Gross, M., Szabo, A., 1992. *Prema hrvatskome građanskom društvu. Društveni razvoj u civilnoj Hrvatskoj i Slavoniji šezdesetih i sedamdesetih godina 19. stoljeća*. Zagreb: Globus, 626 p.
- Heka, L., 2017. Analiza Austro-ugarske i Hrvatsko-ugarske nagodbe (u povodu 150. obljetnice Austro-ugarske nagodbe). *Zbornik Pravnog fakulteta Sveučilišta u Rijeci. Rijeka*, 38, 2, pp. 855–880.
- Kirilina, L. A., Stykalin, A. S., Khavanova, O. V., eds, 2018. Politicheskie partii i obshchestvennye dvizheniia *Politicheskie partii i obshchestvennye dvizheniia v monarhii Gabsburgov, 1848–1914 gg. Ocherki* [Political parties and social movements in the Habsburg monarchy, 1848–1914. Essays]. Moscow: Indrik, 408 p. (in Rus.)
- Korunić, P., 1989. *Jugoslavizam i federalizam u hrvatskom nacionalnom preporodu 1835–1875*. Zagreb: Globus, 250 p.
- Košćak, V., 1990. *Josip Juraj Strossmayer — političar i mecena*. Osijek; Revija: Izdavački centar Otvorenog sveučilišta Osijek, 297 p.
- Medyakov, A. S., 1998. Yugoslavianskaya politika Andrashi (1867–1871 gg.) [The Andrassy's yugoslavian politics (1867–1871)] in: Stykalin, A. S., ed. *Tsentral'naia Evropa v Novoe i noveishee vremia. Sbornik k 70-letiiu T. M. Islamova*. Moscow: Institute slavianovedeiia RAN, pp. 152–175. (in Rus.)
- Milutinović, K., 1976. *Štrossmajer i jugoslovensko pitanje*. Novi Sad: Institut za izučavanje istorije, 281 p.
- Novosel'tseva, L. K., 2018. “Kto v molodosti ne byl liberalom”: k politicheskoi biografii Đorđe Stratimirovicha [“If you're not a liberal when you're young”: to the political biography of Đorđe Stratimirović]. *Slavic Almanac*, 3–4, pp. 60–69. (in Rus.)
- Razin, A. V., 2006. Edinstvo morali i politiki: istoricheskii opyt i sovremennye realii [The unity of morality and politics: historical experience and modern

- realities]. *Vestnik Moskowskogo Universiteta. Series 12. Politicheskie nauki*, 2, pp. 46–60. (in Rus.)
- Sirotković, J., 1980. *O liku Josipa Jurja Strossmayera, pokrovitelja JAZU*. Zagreb: JAZU, 39 p.
- Šišić, F., 1928. *Ideje biskupa Štrosmajera*. Beograd: Štamparija “Skerlić”, 20 p.
- Sharova, V.L., 2017. Iosip Iurai Shtrosmaier i proekty ob’edineniia narodov monarkhii Gabsburgov: ot illirizma k iugoslavizmu [Josip Juraj Strossmayer and the projects of uniting the peoples of the Habsburg monarchy: from Illyrism to Yugoslavism]. In: Dronov, M.Iu., Leont’eva, A. A., Khavanova, O. V., eds. *Vynuzhdennoe sosedstvo — dobrovol’noe prisposoblenie v diplomaticheskikh i mezhnatsional’nykh otnosheniakh v Tsentral’noi, Vostochnoi i Iugo-Vostochnoi Evrope 18–21 vv.* [Forced neighbourhood — a voluntary adaptation in diplomatic and interethnic relations in Central, Eastern and South-Eastern Europe from the eighteenth to the twenty-first centuries]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 135–149. (in Rus.)
- Sutor, B., 1991. *Politische Ethik. Gesamtdarstellung auf der Basis der Christlichen Gesellschaftslehre*. Paderborn u. a.: Ferdinand Schoningh, 338 p.
- Švoger, V., 2011. Liberalni katolicizam u Hrvatskoj i Strossmayer. In: Mandić, I., ed. *Zbornik radova 7. i 8. Strossmayerovih dana*. Đakovo: Grad Đakovo, pp. 77–123.
- Tomljanovich, W.B., 1998. *Bishop Josip Juraj Strossmayer: Nationalism and modern Catholicism in Croatia*. Yale: Yale University Press, 902 p.

Aleksandr M. Dronov

PhD, Research Fellow, Institute of Slavic studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A.
E-mail: dronov839@gmail.com

Josip Juraj Strossmayer's "Political Morality" in the Context of Croatian-Hungarian Relations in the 1860s and early 1870s

Josip Juraj Strossmayer is a major political figure in nineteenth century Croatian history, and he represents the archetype of a cleric-politician. As one of the ideologists of the Croatian People's Party (the *narodniaks*), he advocated the reconstruction of the Habsburg monarchy on a federalist basis and considered the Kingdom of Croatia and Slavonia to be politically equal not only with Hungary, but also with Austria. Interested in religious philosophy, Strossmayer developed a "code of honour" for a *narodniak*-politician, based on political morality. Such morality was based on the "crystal" honesty of the people's representative towards himself and the voters, which meant following his principles to the end. In practice, the main criterion for compliance with this morality was the defence of the rights of the Kingdom of Croatia and Slavonia, and more broadly the southern Slavs of the Habsburg monarchy in relation to Hungary and Austria; in other words, every manner of resistance to Magyarisation and Germanisation. He followed this principle himself throughout the entire period of his major political activity (1860–1873), which eventually led to his disillusionment with politics and the realization of his own powerlessness to influence the situation in unfavourable political conditions in the Monarchy. Nevertheless, despite personal political setbacks and the associated attacks of political opponents in the press, he didn't depart from his beliefs, but remained faithful to them, even when they ceased to be shared by the majority of his party colleagues. Croatian-Hungarian relations after 1868 he considered far from the ideal of political morality, mainly because of their inequality.

Keywords: Croatia, Hungary, *narodniaks*, unionists, Croatian-Hungarian relations, Croatian-Hungarian agreement of 1868

How to cite: Dronov, A. M., 2021. "Politicheskaia moral'nost'" I. Iu. Shtrosmaiera v kontekste khorvato-vengerskikh otnoshenii 1860-kh — nachala 1870-kh godov. *Tsentral'noevropeiskie issledovania*, 2021, 4(13), pp. 183–204. doi: 10.31168/2619-0877.2021.4.8.

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА
МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ
ВОЙНАМИ**

Николай Николаевич Станков

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Россия, Москва, 119334, Ленинский проспект, 32А. E-mail: stankov11@yandex.ru

Попытки реставрации монархии Габсбургов в Венгрии в 1921 г. и международные отношения в Центральной Европе (по чехословацким дипломатическим документам)

В статье на основе архивных и опубликованных документов рассматривается реакция Чехословакии, Королевства сербов, хорватов и словенцев, Румынии, Австрии и Германии на попытки Карла Габсбурга в марте – апреле и в октябре 1921 г. утвердиться на венгерском престоле. Значительное внимание уделяется дипломатическому, политическому и военному сотрудничеству Чехословакии, Королевства СХС и Румынии, завершению формирования Малой Антанты как военно-политического союза. Показано влияние позиции австрийского правительства во время первого путча Карла Габсбурга на внутривнутриполитическую ситуацию в стране и ее международное положение. Освещаются переговоры по бургенландскому вопросу, попытки Э. Бенеша выступить в роли посредника и реакция на них Королевства СХС, Румынии и Италии. В статье прослеживаются изменения в международных отношениях в Центральной Европе в этот период. Чехословакия помимо укрепления сотрудничества в рамках Малой Антанты стремилась к внешнеполитической изоляции Венгрии, ослаблению отношений с ней Австрии и Польши. Этой цели Праге удалось достичь в результате заключения договоров с Польшей (6 ноября 1921 г.) и с Австрией (16 декабря 1921 г.). Успехи Малой Антанты в борьбе против реставрации Габсбургов способствовали укреплению ее международно-политического и военного положения в Центральной Европе. Берлин расценивал активность Чехословакии и ее союзников как попытку изоляции Германии. В статье рассматриваются венгеро-германские переговоры осенью 1921 г., согласование ими позиций по многим международным проблемам.

Ключевые слова: Карл Габсбург, М. Хорти, Э. Бенеш, Малая Антанта, бургенландский вопрос, Австрия, германская дипломатия

Цитирование: *Станков Н.Н.* Попытки реставрации монархии Габсбургов в Венгрии в 1921 г. и международные отношения в Центральной Европе

(по чехословацким дипломатическим документам) // Центральноевропейские исследования. 2021. Вып. 4(13) / гл. ред. О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 207–241. DOI: 10.31168/2619-0877.2021.4.9.

Опытках реставрации монархии Габсбургов в Венгрии в 1921 г. существует многочисленная литература. Наиболее полное освещение получили действия Карла (1887–1922) и его сторонников в Венгрии, реакция регента Миклоша Хорти (1868–1957) и ведущих венгерских политиков, католического клира, военных кругов, отношение великих держав¹. Значительное внимание уделялось реакции Чехословакии, Румынии и Королевства СХС². В меньшей степени или вовсе не рассматривались отношения других стран Центральной Европы. Доступные в настоящее время архивные материалы и новейшие документальные публикации позволяют продолжить исследования предшественников. В данной статье предпринята попытка рассмотреть на основе чехословацких дипломатических документов, как события в связи с возвращением Карла в Венгрию в 1921 г. повлияли на развитие отношений в рамках Малой Антанты и на расстановку сил в Центральной Европе в целом.

Первый сборник дипломатических документов, относящихся к попыткам реставрации монархии Габсбургов в Венгрии, был опубликован Министерством иностранных дел ЧСР по свежим следам в 1922 г.³ В 2004–2005 гг. в серии «Документы внешней политики Чехословакии» вышло в свет фундаментальное двухтомное издание «Чехословацкая внешняя политика и образование Малой Антанты 1920–1921», включающее 830 документов, значительная часть которых отражает события, связанные с попытками Карла Габсбурга занять венгерский престол⁴. В этом издании опубликованы межгосударственные договоры и соглашения, переписка Министерства иностранных дел ЧСР с Конференцией послов в Париже,

¹ См., например: Пушкаш 1981: 248–278; Galandauer 2004: 306–328; Romsics 1995: 148–152, 159–170; Zeidler 2007.

² Язькова 1974: 154–170; Ádám 1985; Ádám 1988: 32–45; Dejmek 2006: 296–300, 303–307, 311–317; Krizman 1975: 34–36; Michela 2009: 171–213; Olivová 1959; Sládek 2000: 22–26; Tôht 2002; Vanku 1969: 14–18; Vinaver 1971: 154–187; Vinaver 1985: 31–35.

³ Diplomatické dokumenty týkající se pokusů o znovunastolení Habsburků na trůn mad'arský. Srpen 1919 – listopad 1921. Praha: Ministerstvo zahraničních věcí, 1922.

⁴ DCZP. Československá zahraniční politika a vznik Malé dohody 1920–1921. Praha: Ústav mezinárodních vztahů; Karolinum; Historický ústav AV ČR, 2004–2005. Sv. 1–2.

циркулярные телеграммы, инструкции министра чехословацким миссиям в Венгрии, Королевстве СХС, Румынии, Австрии, Польше, Франции, Великобритании, Италии, Германии, сообщения последних в Прагу и другие дипломатические документы. Их дополняют донесения военных атташе в Министерство национальной обороны ЧСР, отложившиеся в фонде «Военная канцелярия президента республики» в Военно-историческом архиве в Праге. При написании данной статьи для верификации сведений привлекались также материалы внешнеполитических ведомств Австрии и Германии.

* * *

Карл Габсбург, воспользовавшись тем, что после распада Австро-Венгерской монархии в 1918 г. он формально не отрекся от престола, а лишь отказался «от всякого участия в государственных делах»⁵, 26 марта 1921 г. прибыл из Швейцарии в Венгрию, чтобы утвердиться на венгерском троне. Карл рассчитывал, что его восстановлению на престоле благоприятствовала обстановка как в самой Венгрии, так и на международной арене и что М. Хорти передаст ему власть. Перед отъездом в Венгрию Карл в Париже встретился с французским маршалом Луи-Феликсом Франше д'Эспре (1856–1942), который от своего имени и от имени маршала Фердинанда Фоша (1851–1929) заверил его, что в случае восстановления на венгерском престоле военные окажут давление на правительство Франции, и оно выступит в поддержку Карла⁶. Слова маршала вселили в Карла уверенность, что его предприятие одобрено французским правительством, тем более что и премьер-министр Аристид Бриан (1862–1932) через посредников дал знать, что в случае успешной реставрации он посодействует признанию и не допустит военного вмешательства Малой Антанты⁷.

Карл понимал, что соседние государства решительно настроены против его восшествия на венгерский престол. Но он возлагал надежды на поддержку достаточно многочисленной и хорошо вооруженной венгерской армии. Что же касается вооруженных сил стран Малой Антанты, то их опасность Карл явно недооценивал.

⁵ Galandauer 2004: 281.

⁶ DČZP. Československá zahraniční politika. Sv. 1. S. 598. Dok. 414.

⁷ Galandauer 2004: 306.

По сведениям, которыми он располагал, в чехословацкой армии велась активная большевистская пропаганда, а многие офицеры прежде служили в австро-венгерской армии и остались монархистами. Карл не сомневался, что будет произведена мобилизация в Королевстве СХС, но предполагал, что сепаратистское движение в Хорватии сдержит интервенцию. Он надеялся, что и Румыния не выступит против него, поскольку Бухарест опасался наступления большевиков в Бессарабии и вряд ли бы решился двинуть армию в Венгрию. К тому же Карл состоял в переписке с румынским королем Фердинандом I (1914–1927 гг.), который выказывал ему свое расположение⁸.

Однако первые же шаги Карла в Венгрии опрокинули все его надежды. Когда 27 марта он прибыл в Будапешт и потребовал, чтобы регент Хорти передал ему власть, тот отказался, заявив, что это обернется для Венгрии катастрофой, оккупацией страны с непредсказуемыми последствиями. Несмотря на все уверения претендента, что его действия поддерживает Франция, Хорти не отступил, и Карл вынужден был удалиться в Сомбатхей⁹.

28 марта Хорти пригласил глав британской, французской и итальянской дипломатических миссий в Будапеште и сообщил им, что Карл прибыл без ведома венгерских властей, но в разговоре с регентом ссылался на согласие Бриана. Париж не замедлил отмежеваться от плана Карла, и в тот же день французский представитель в Будапеште заявил, что Франция целиком солидарна с требованием Великобритании и Италии, чтобы Карл покинул территорию Венгрии¹⁰.

Возвращение Карла в Венгрию вызвало острую реакцию Чехословацкой республики, Румынии и Королевства СХС. Задолго до этого события они не исключали возможности реставрации власти Габсбургов в Венгрии. Стремление обезопасить себя на случай угрозы со стороны Венгрии и реставрации монархии Габсбургов стало главным побудительным мотивом заключения союзного договора между Королевством СХС и ЧСР 14 августа 1920 г.¹¹ Румыния хотя и отказалась к нему присоединиться, тем не менее взяла на себя обязательства о военной взаимопомощи в случае «неспровоцированного

⁸ DČZP. Československá zahraniční politika. Sv. 1. S. 598–599. Dok. 414.

⁹ Пушкач 1981: 254–255; Galandauer 2004: 307–313.

¹⁰ DČZP. Československá zahraniční politika. Sv. 1. S. 546–547. Dok. 358–359.

¹¹ Ibid. S. 160–162. Dok. 82.

нападения» Венгрии на ЧСР или Королевство СХС¹². Страны Малой Антанты, как назвала этот союз венгерская пресса, вели переговоры с Австрией и Италией о принятии совместных мер по предотвращению реставрации власти Габсбургов¹³. Малую Антанту настораживало само обстоятельство, что Венгрия оставалась королевством без монарха. 28 января 1921 г. министр иностранных дел ЧСР Эдвард Бенеш (1884–1948) выступил с критикой государственного устройства Венгрии, которое создает условия для реставрации власти Габсбургов. Он заявил, что восстановление монархии в любой форме, в лице Карла или другого члена династии в Центральной Европе, недопустимо и правительство ЧСР будет твердо и последовательно эту позицию отстаивать¹⁴.

После возвращения Карла в Венгрию немедленно последовали протесты глав миссий Королевства СХС, Румынии и Чехословакии в Будапеште. Румынский посланник Траян Стырча, посетив Хорти 29 марта, заявил протест в связи с попыткой реставрации власти Габсбургов и выразил надежду, что регент и правительство предпримут надлежащие меры¹⁵. В тот же день регента посетил югославский посланник Милан Милоевич, который заявил, что его правительство рассматривает возвращение Габсбургов на трон как международную проблему и употребит все возможные средства вплоть до военных, чтобы этому воспрепятствовать¹⁶. 30 марта чехословацкий представитель Вацлав Лейганец (1878–1962) посетил министерство иностранных дел Венгрии и выразил протест от имени своего правительства¹⁷. В тот же день он получил новую инструкцию от министра иностранных дел ЧСР Э. Бенеша: передать правительству Венгрии, что если Карл не покинет ее территорию, то Чехословакия вместе со своими союзниками вынуждена будет прибегнуть к блокаде страны и военной демонстрации¹⁸. Содержание этой телеграммы Бенеш также довел до сведения чехословацких посланников в Белграде

¹² Ibid. S. 174–175. Dok. 93.

¹³ Ibid. S. 311–312. Dok. 193; ADÖ. Wien: Verlag für Geschichte und Politik; München: Oldenbourg, 1996. Bd. 3. S. 207–208, 211–213. Dok. 410–411.

¹⁴ Beneš 1924: 115.

¹⁵ DČZP. Československá zahraniční politika. Sv. 1. S. 548. Dok. 360.

¹⁶ Ibid. S. 547. Dok. 359.

¹⁷ Ibid. S. 549. Dok. 361.

¹⁸ Ibid. S. 549–550. Dok. 362.

Антонина Калины (1870–1922) и в Бухаресте Фердинанда Веверки (1887–1981)¹⁹. Калина в тот же вечер ответил, что правительство Королевства СХС приняло решение в случае переворота в Венгрии прибегнуть к военным мерам²⁰. Румынский посланник в Венгрии Стырча на следующий день, 31 марта, сообщил Лейганецу, что он получил инструкцию из Бухареста, предписывающую румынской дипломатической миссии в случае провозглашения Карла королем в полном составе покинуть Будапешт²¹. Сам Легайнец вновь посетил Министерство иностранных дел, чтобы передать ультиматум своего правительства²².

1 апреля Бенеш поручил посланнику в Белграде Калине обсудить с югославским правительством вопросы о совместных требованиях к Венгрии в связи с попыткой реставрации Габсбургов. Чехословацкий министр предлагал: 1) потребовать окончательного решения вопроса о династии и предоставления странам Малой Антанты твердых гарантий со стороны Венгрии; 2) немедленно решить вопрос о Западной Венгрии (Бургенланде)²³, которая по Трианонскому мирному договору должна быть передана Австрии, а Будапешт удерживал эту территорию, к тому же она стала прибежищем легитимистов; 3) договориться о совместных действиях на случай, если Венгрия данные гарантии нарушит²⁴.

Председатель правительства и министр иностранных дел Королевства СХС Никола Пашич (1845–1926) 2 апреля сообщил Калине, что предложения Бенеша он вынесет на обсуждение правительства. Чехословацкий дипломат обратил внимание Пашича на необходимость военного сотрудничества, с чем тот согласился и поручил генеральному штабу установить постоянный контакт с чехословацким военным представителем в Белграде Франтишеком Мелихаром (1889–1975). Во время беседы с лидером Демократической партии и министром просвещения Светозаром Прибичевичем (1875–1936) Калина попросил поддержать его предложение и походатайствовать,

¹⁹ DČZP. Československa zahraniční politika. Sv. 1. S. 550–551. Dok. 363–364.

²⁰ Ibid. S. 551. Dok. 365.

²¹ Ibid. S. 557. Dok. 369.

²² Ibid. S. 556. Dok. 369.

²³ Топоним Бургенланд (нем. *Burgenland* — «Край замков») сконструирован из немецких названий административно-территориальных единиц (комитатов) исторической Венгрии, содержащих слово «замок» (*Burg*): Шопрон (*Ödenburg*), Ваш (*Eisenburg*), Мошон (*Wieselburg*).

²⁴ DCZP. Československá zahraniční politika. Sv. 1. S. 568. Dok. 377.

чтобы королевское правительство как можно скорее направило в Прагу влиятельного политика и военную миссию для разработки подробного плана конкретных действий. Чехословацкий посланник очертил достаточно широкий круг вопросов, которые предстояло решить: о совместном выступлении против Венгрии, об отстранении Карла, о разоружении венгерской армии под контролем Малой Антанты, о предоставлении союзникам гарантий и т.д. Военный министр Королевства СХС генерал Бранко Йованович (1868–1921) приказал подготовиться к мобилизации и выступлению 1-й и 4-й армий, дислоцированных у границ Венгрии²⁵.

В тот же день, 2 апреля, вопрос о совместных действиях обсуждался и в Бухаресте. С этой целью министр иностранных дел Румынии Думитру Таке Ионеску (1858–1922) пригласил чехословацкого посланника Ф. Веверку и югославского — Бошко Чолака-Антича (1871–1949). Румынский министр считал, что в случае вступления Карла в Будапешт странам Малой Антанты следовало бы отозвать свои миссии, то есть разорвать дипломатические отношения с Венгрией. Он также полагал, что необходимо произвести приготовления к интервенции. Правда, у Веверки сложилось впечатление, что Таке Ионеску предпочитал, чтобы инициатива в данном вопросе исходила из Праги или Белграда и Румыния была бы вынуждена ее поддержать²⁶.

3 апреля главы британской, французской и итальянской миссий в Будапеште от имени Конференции послов в Париже потребовали от венгерского правительства не допустить реставрации Габсбургов, поскольку даже «минутный успех ее мог бы иметь роковые последствия для Венгрии»²⁷. Бенеш предложил всем странам Малой Антанты направить ноты в адрес Конференции послов и выразить удовлетворение занятой ими твердой позицией. Вместе с тем он рассматривал решения Конференции послов как одобрение действий стран Малой Антанты²⁸. Их ультиматум Венгрии был составлен в категорической форме: если Карл до 6 часов вечера 7 апреля не покинет территорию Венгрии, они отзовут миссии, разорвут с ней все отношения и объявят мобилизацию. Страны Малой Антанты рассчитывали

²⁵ Ibid. S. 573. Dok. 386; S. 575. Dok. 388.

²⁶ Ibid. S. 572–573. Dok. 385.

²⁷ Пушкаш 1981: 258; Heideking 1979: 168.

²⁸ DČZP. Československá zahraniční politika. Sv. 1. S. 576. Dok. 390; S. 577. Dok. 391.

вынудить Венгрию к окончательному решению вопроса о династии, предоставлении союзникам твердых гарантий, скорейшей передаче Западной Венгрии Австрии и отстранении легитимистов от командования венгерскими войсками²⁹.

Ультиматум не был пустой угрозой. В Чехословакии и Королевстве СХС велась подготовка войск к вторжению в Венгрию. 4 апреля Бенеш поручил Веверке передать Таке Ионеску, что предстоит наступление союзных войск на Будапешт и Сомбатхей и он был бы рад, если бы Румыния приняла участие в совместной акции. Но если Румыния не выступит, писал Бенеш, «пойдем сами с [Королевством] СХС». В этой телеграмме он также сообщил Веверке, что наступил «подходящий психологический момент» для переговоров с Румынией о военной конвенции³⁰. В тот же день Таке Ионеску встретился с королем, чтобы обсудить вопросы об интервенции и о союзе с ЧСР и Королевством СХС³¹. 6 апреля Таке Ионеску сообщил Веверке, что Румыния готова подписать договоры о союзе с Чехословакией и Королевством СХС³². Поскольку к тому времени вопрос об интервенции против Венгрии отпал, так как 5 апреля Карл Габсбург покинул ее территорию, усилия румынского министра сосредоточились на подготовке союзного договора, который он предлагал заключить на предстоявшей встрече министров иностранных дел ЧСР, Румынии и Королевства СХС в Белграде. Однако против коллективного договора Малой Антанты были настроены король Фердинанд I и некоторые члены румынского правительства³³. Очевидно принимая во внимание это обстоятельство, а также сложную международную ситуацию и обострение внутриполитической борьбы в Королевстве СХС, Бенеш считал, что вряд ли встреча в Белграде в тот момент могла закончиться успешно, и предложил сначала подписать по образцу чехословацко-югославского договора от 14 августа 1920 г. чехословацко-румынский договор, а затем румыно-югославский³⁴.

Бенеш предлагал Бухаресту и Белграду предпринять совместные действия в отношении Венгрии: 1) направить коллективную

²⁹ DČZP. Československa zahraniční politika. Sv. 1. S. 576. Dok. 390.

³⁰ Ibid. S. 580. Dok. 396.

³¹ Ibid. S. 580. Dok. 397.

³² Ibid. S. 592. Dok. 408.

³³ Ibidem.

³⁴ Ibid. S. 601–602. Dok. 416.

ноту протеста Венгрии о том, что вопрос о Габсбургах не является ее внутренним делом, на чем настаивали венгерские политики; 2) обратиться в Париж и Лондон с заявлением о скорейшем завершении процедуры ратификации Трианонского договора, за которой должны последовать немедленная передача Западной Венгрии (Бургенланда) Австрии и разоружение венгерской армии; 3) ЧСР, Румыния и Королевство СХС должны по отдельности в доверительной форме довести до сведения Венгрии, что если ее парламент окончательно отстранит Габсбургов, то тем самым послужит улучшению отношений с этими государствами; 4) между собой достичь соглашения, что в случае новой попытки реставрации власти Габсбургов Малая Антанта вручит Венгрии ультиматум, чтобы в течение 48 часов инцидент был ликвидирован, и одновременно приступит к подготовке вооруженных сил, которые по истечении 48 часов оккупируют территории, определенные планами генеральных штабов; 5) об этих мерах имело бы смысл поставить в известность Венгрию и союзников, возможно и общественность, естественно не уточняя, какие именно территории предполагалось оккупировать; 6) генеральным штабам, прежде всего речь шла о чехословацкой и югославской армиях, надлежало приступить к разработке этих планов³⁵.

Также Ионеску согласился направить совместную ноту протеста Венгрии и даже взялся ее редактировать. Он также дал соответствующие инструкции румынским посланникам в Париже и Лондоне. Пункт о Западной Венгрии он предлагал исключить, поскольку, по его мнению, это означало бы возвышение Австрии. Таке Ионеску считал, что Австрия должна первой обратиться к Малой Антанте. С требованием о разоружении венгерской армии он согласился. Что же касается четвертого и последующего пунктов, предусматривавших совместные действия в случае попытки реставрации власти Габсбургов, Ионеску считал, что они нуждаются в более детальном обсуждении³⁶.

Одновременно Румыния и ЧСР вели переговоры о союзном договоре, которые проходили не без затруднений. Если Бенеш предлагал, чтобы договор был аналогичен чехословацко-югославскому договору от 14 августа 1920 г.³⁷, то румынская сторона вначале выра-

³⁵ Ibid. S. 605. Dok. 419.

³⁶ Ibid. S. 621. Dok. 429.

³⁷ Ibid. S. 622. Dok. 431.

зила пожелание добавить к договору приложение, что чехословацкое правительство принимает во внимание польско-румынский договор от 3 марта 1921 г.³⁸, а затем премьер-министр генерал Александру Авереску (1859–1938) предложил вместе с союзным договором подписать краткий протокол, что в случае румыно-советской войны ЧСР не введет ограничений, то есть не будет препятствовать поставкам в Румынию боеприпасов и оружия³⁹. С первым предложением Бенеш согласился, по поводу же второго он ответил, что в случае нападения России военные грузы могут перевозиться через территорию ЧСР, что несложно устроить в соответствии с международным правом. Подписание же отдельного протокола, по мнению Бенеша, было бы ошибкой, поскольку «давало бы оружие в руки некоторых людей и партий». Он считал, что достаточно слова и заверения, что с заключением союзного договора это само собой разумеется. Бенеш предлагал подписать союзный договор, а о требовании Авереску договориться дополнительно⁴⁰.

23 апреля 1921 г. в Бухаресте Таке Ионеску и Веверка подписали союзный договор⁴¹. Последние согласования и приготовления к подписанию, как сообщал Веверка в Прагу, проходили в нервной обстановке. Король Фердинанд I и премьер-министр Авереску настаивали на том, чтобы союзный договор с Чехословакией не подписывать до тех пор, пока не будут выполнены все их требования. В ответ Таке Ионеску пригрозил отставкой, и в конечном счете король согласился, чтобы договор был подписан с одним приложением, а что касается провоза оружия, то это требование будет включено в секретную военную конвенцию, которую заключат начальники генеральных штабов позже⁴². В результате подписанный 23 апреля союзный договор почти дословно повторял чехословацко-югославский договор 14 августа 1920 г., но в отличие от него предусматривал заключение военной конвенции и содержал приложение о том, что чехословацкое правительство принимает во внимание польско-румынский договор от 3 марта 1921 г.⁴³ А. А. Язькова (1930–2016), впрочем, утверждала, что то-

³⁸ DČZP. Československa zahraniční politika. Sv. 1. S. 612. Dok. 424.

³⁹ Ibid. S. 638. Dok. 441.

⁴⁰ Ibid. S. 638–639. Dok. 441. Pozn. 3.

⁴¹ Ibid. S. 644–645. Dok. 445.

⁴² Ibid. S. 646. Dok. 446.

⁴³ Ibid. S. 644–645. Dok. 445.

гда же был подписан и протокол о военных грузах⁴⁴, но в сборнике «Чехословацкая внешняя политика и образование Малой Антанты» договор опубликован с одним приложением⁴⁵. Чехословацко-румынская военная конвенция как дополнение к союзному договору была подписана начальниками генеральных штабов 2 июля 1921 г.⁴⁶

По поручению Бенеша посланник ЧСР в Белграде Калина регулярно информировал Пашича о ходе чехословацко-румынских переговоров. 14 апреля Пашич сообщил Калине, что и его правительство намерено заключить союзный договор с Румынией, но в связи с занятостью внутривластными проблемами — в скупщине шли дебаты о конституции Королевства СХС — он мог бы встретиться с Таке Ионеску не раньше конца мая. Во время беседы с чехословацким посланником Пашич дал понять, что югославо-румынский союзный договор может быть направлен только против венгерского ревизионизма, но о каких-либо обязательствах Королевства СХС, направленных против России, речи быть не могло. 5 июня Таке Ионеску прибыл в Белград. С югославской стороны в переговорах, которые велись с 5 по 7 июня, участвовали Н. Пашич и заместитель министра иностранных дел Тихомир Попович⁴⁷. 7 июня Пашич и Таке Ионеску подписали союзный договор. От договоров ЧСР с Румынией и Югославией он отличался тем, что был направлен против «неспровоцированного нападения» не только со стороны Венгрии, но и со стороны Болгарии⁴⁸. Сразу же после заключения договора Попович сообщил Калине о его содержании, подчеркнув, что «договор не содержит никаких обязательств интервенции против России»⁴⁹.

Чехословацко-югославские переговоры о военной конвенции затягивались. Калина неоднократно обращал внимание правящих кругов Королевства СХС на необходимость ее подписания. 19 апреля чехословацкий посланник обратился с этим вопросом к принцу-регенту Александру Карагеоргиевичу (1888–1934), деликатно намекнув, что

⁴⁴ Язькова 1974: 159.

⁴⁵ DČZP. Československá zahraniční politika. Sv. 1. S. 644–645. Dok. 445.

⁴⁶ Ibid. Sv. 2. S. 71. Dok. 537.

⁴⁷ Ibid. S. 23–25. Dok. 506.

⁴⁸ Diplomatické dokumenty o spojeneckých smlouvách Republiky Československé s Královstvím srbským, chorvatským a slovenským a s Královstvím Rumunským. Prosinec 1919 — srpen 1921. Praha, 1923. S. 157–159. Dok. 72.

⁴⁹ DČZP. Československá zahraniční politika. Sv. 2. S. 23–25. Dok. 506.

неплохо бы поручить правительству и генеральному штабу ускорить переговоры⁵⁰. 21 апреля военный министр генерал Б. Йованович сообщил Калине, что в ближайшие дни он направит делегацию в Прагу⁵¹. Но внезапная смерть генерала 29 апреля, занятость Пашича внутривосточными проблемами помешали осуществлению этого плана. В течение последующих трех месяцев трижды менялись руководители военного ведомства Королевства СХС. Только в конце июля югославская делегация прибыла в Прагу, и 31 июля состоялось подписание военной конвенции⁵².

Во время путча Карла весной 1921 г. Малую Антанту беспокоил вопрос о том, какую позицию займет Вена, поскольку была опасность, что реставрация власти Габсбургов произойдет не только в Венгрии, но и в Австрии. Как сообщал чехословацкий военный атташе в Вене Коутский, возвращение Карла в Венгрию создало крайне напряженное состояние в австрийском обществе: с одной стороны, оно вызвало воодушевление монархистов, считавших, что пробил час восстановления империи, а с другой стороны — массовые протесты демократов, ставших на защиту республики⁵³. Чехословацкая дипломатия не исключала, что федеральный канцлер Михаэль Майр (1864–1922), будучи представителем Христианско-социальной партии, пойдет на поводу ее монархического большинства⁵⁴. Но канцлер не поддавался влиянию монархического крыла своей партии и 1 апреля выступил на заседании Национального совета с заявлением, в котором подчеркнул, что его правительство рассматривает реставрацию власти Габсбургов в Венгрии как угрозу мирному развитию Австрийской республики⁵⁵.

Решительные действия канцлера Майра во время путча одобрили страны Малой Антанты. Но в самой Австрии заявление Майра вызвало раздражение монархистов и националистов. Немецкая национальная партия призвала население к плебисциту о единстве с Германией, намереваясь использовать всеобщее стремление к аншлюсу, которое было вызвано тяжелым экономическим положением Австрии. Против Вены вновь начали фрондировать альпийские

⁵⁰ DČZP. Československa zahraniční politika. Sv. 1. S. 639. Dok. 442.

⁵¹ Ibid. S. 641–642. Dok. 443.

⁵² Ibid. Sv. 2. S. 104. Dok. 560.

⁵³ VNA. Praha. VKPR. 1919–1925. Kt. 40. č.j. 52.

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ ADÖ. Bd. 3. S. 590–591. Dok. 517.

провинции. Временный поверенный в делах ЧСР в Австрии Роберт Флидер (1883–1957) 14 апреля написал в Прагу, что Штирия, Тироль и Зальцбург намерены провести плебисцит о присоединении к Германии. Федеральному правительству удалось убедить власти Штирии и Зальцбурга отложить плебисцит, но в Тироле он должен был состояться уже через десять дней⁵⁶.

24 апреля 1921 г. во время плебисцита в Тироле за аншлюс проголосовало 132 296 человек, и лишь 1722 — против. Примеру Тироля намерен был последовать Зальцбург⁵⁷. Правительство Майра пыталось предотвратить плебисцит, уверяя, что он ухудшит положение Австрии, сделает невозможным получение иностранных кредитов, так как вызовет недовольство Антанты и соседних государств. Правительство не исключало даже возможности оккупации части австрийских земель⁵⁸. Однако, несмотря на все предостережения, плебисцит в Зальцбурге все-таки состоялся, и абсолютное большинство его участников высказалось за присоединение к Германии⁵⁹. События в Австрии, агитация националистов за создание Великой Германии нашли отклик среди немцев в Чехословакии, которые начали готовиться к плебисциту о присоединении пограничных областей к Германии⁶⁰. В изданиях судетских немцев, выходивших в Австрии, появились материалы с нападками на президента ЧСР Томаша Гаррига Масарика (1850–1937)⁶¹.

После плебисцита в Зальцбурге французская дипломатия сочла необходимым выступить с протестом, поскольку затянувшееся молчание мирового сообщества могло расцениваться как проявление слабости Антанты, неспособной добиться соблюдения мирных договоров. Париж потребовал прекратить плебисцит. Вслед за Францией с протестами к Австрии обратились Италия и страны Малой Антанты⁶². Проводившийся в австрийских провинциях плебисцит поставил в сложное положение германское правительство, и рейхсканцлер

⁵⁶ DČZP. Československá zahraniční politika. Sv. 1. S. 614. Dok. 425.

⁵⁷ Preradovich 1971: 71.

⁵⁸ См.: DČZP. Československá zahraniční politika. Sv. 1. S. 659. Dok. 458; Sv. 2. S. 13. Dok. 501.

⁵⁹ Preradovich 1971: 48.

⁶⁰ DČZP. Československá zahraniční politika. Sv. 2. S. 12. Dok. 498; S. 16. Dok. 501.

⁶¹ Ibid. Sv. 1. S. 671. Dok. 463.

⁶² Ibid. Sv. 1. S. 660. Dok. 458; S. 683. Dok. 473; Sv. 2. S. 14. Dok. 501.

Йозеф Вирт (1879–1956) обратился к правительству Австрии с просьбой принять меры, чтобы предотвратить плебисциты в других провинциях⁶³. Канцлер Майр выступил с соответствующим заявлением. Но действия Майра во время габсбургского путча подорвали его влияние в Христианско-социальной партии, и вопреки требованиям канцлера ландтаг Штирии постановил плебисцит провести. 1 июня 1921 г. правительство Майра заявило об отставке.

Ситуацией в Австрии попыталась воспользоваться Венгрия. Будапешт убеждал Антанту, в первую очередь Францию, оставить Бургенланд Венгрии, ссылаясь на то, что там ведется активная пангерманская агитация и в связи с движением за аншлюс передача его Австрии не в интересах Парижа⁶⁴. Одновременно Будапешт добивался, чтобы Австрия отказалась от своих притязаний на Бургенланд и не препятствовала возвращению в Венгрию Карла Габсбурга. В этом направлении развернул активную деятельность в Вене бывший министр иностранных дел в Венгрии Густав Грац (1875–1946)⁶⁵.

Венгрия также поддерживала ирредентистское движение в ЧСР, Королевстве СХС и Румынии. Чехословацкий представитель Лейганец 3 мая сообщил из Будапешта о создании в Министерстве иностранных дел Венгрии новой секции «Защита меньшинств на оккупированных территориях», которая должна была руководить ирредентистской пропагандой на территориях, переданных по Трианонскому договору ЧСР, Королевству СХС и Румынии. Сотрудники секции взаимодействовали с министерствами внутренних дел, финансов, национальной обороны, культов и просвещения Венгрии. Из Будапешта в Словакию, Трансильванию, Хорватию направлялись специальные эмиссары, которые на местах из различных слоев населения рекрутировали агентов, обеспечивали их денежными средствами и пропагандистскими материалами⁶⁶.

Лейганец информировал МИД ЧСР о поставках в Венгрию из Австрии и Германии оружия и военных материалов, о приезде из Берлина генерала Ойгена фон Фалькенхайна (1853–1934) и двух офицеров. При этом генерал имел несколько встреч с Хорти⁶⁷. Че-

⁶³ ADÖ. Bd. 3. S. 652. Dok. 540.

⁶⁴ DČZP. Československá zahraniční politika. Sv. 1. S. 661. Dok. 458.

⁶⁵ Ibid. S. 662–663. Dok. 459.

⁶⁶ Ibid. S. 664. Dok. 459.

⁶⁷ Ibid. S. 652. Dok. 451.

хословацкий представитель также сообщил в Прагу о развитии польско-венгерских отношений, в частности о прибытии в Будапешт польской делегации для переговоров об экономическом сотрудничестве во главе с Юлианом Толлочко (1864–1922). Особо в донесении от 22 апреля Лейганец выделил слова главы польской делегации на состоявшемся накануне банкете, когда тот пожелал, чтобы Венгрия «все, что потеряла, получила обратно», чтобы она «снова обрела свою былую силу и славу», обещая в этом поддержку Польши⁶⁸. Лейганец предостерег о возможном создании союза Германии, Австрии, Венгрии и Польши в качестве противовеса Малой Антанте и как следствие — угрозе изоляции ЧСР⁶⁹.

Чтобы воспрепятствовать этому, чехословацкая дипломатия развила активность в нескольких направлениях. Прежде всего Прага поставила целью не допустить создания венгеро-польского союза. В конце апреля 1921 г. посланником в Польшу был назначен Проккоп Макса (1883–1961), сторонник чехословацко-польского сотрудничества, к тому же имевший связи в политических кругах Варшавы, в том числе и в окружении начальника государства Юзефа Пилсудского (1867–1935)⁷⁰. Сразу же по прибытии в Варшаву Макса установил контакт с вице-министром иностранных дел Польши Эразмом Пильцем (1851–1929)⁷¹. Им пришлось приложить немало усилий, чтобы сдвинуть с мертвой точки польско-чехословацкие отношения. Среди поляков были широко распространены античешские настроения. По признанию самого Пильца, многие были убеждены, что Польша и ЧСР находятся в состоянии «политической войны»⁷². Поляки были недовольны нейтралитетом Чехословакии во время польско-советской войны, результатами раздела Тешинской Силезии, отказом Праги признать Рижский мир и принадлежность Восточной Галиции Польше. ЧСР раздражало вмешательство Польши в словацкие дела, деятельность на ее территории самозванного словацкого правительства во главе с Франтишеком Егличкой (1879–1939). Но Праге было важно вбить клин между Венгрией и Польшей, а Варшава в условиях конфликта с Германией из-за Верхней Силезии

⁶⁸ Ibid. S. 643. Dok. 444.

⁶⁹ Ibid. S. 663. Dok. 459.

⁷⁰ Ibid. S. 672–673. Dok. 466; S. 673–676. Dok. 467.

⁷¹ Ibid. S. 671. Dok. 464; S. 674–676. Dok. 467.

⁷² Ibid. S. 674. Dok. 467.

нуждалась в поддержке Чехословакии. 20 июня Макса сообщил в Прагу, что Пильц и новый министр иностранных дел Константы Скимунт (1866–1949) намерены начать переговоры с ЧСР по вопросам политического и экономического сотрудничества, в том числе и о вступлении Польши в Малую Антанту, которое, по предложению польских дипломатов, предполагалось осуществить поэтапно⁷³. Был намечен круг вопросов, по которым возможно было достичь соглашения в первую очередь. Польское правительство обещало в ближайшее время присоединиться к заявлениям Малой Антанты и Италии против возвращения Габсбургов в Венгрию. Чтобы ускорить переговоры, Пильц был назначен в Чехословакию поверенным в делах Польской республики⁷⁴.

Варшава тогда же обратилась в Белград с предложением о сотрудничестве и вступлении Польши в Малую Антанту. Но правительство Королевства СХС весьма сдержанно отнеслось к польской инициативе. Белград настораживала политика Польши в отношении России, пассивность во время попытки Карла Габсбурга утвердиться на венгерском престоле, множество нерешенных проблем в чехословацко-польских отношениях. Поэтому из Белграда последовал ответ, что сближению с Малой Антантой должно предшествовать урегулирование Польшей всех спорных вопросов с ЧСР⁷⁵.

В конце мая 1921 г. Прага предприняла шаги для налаживания отношений с Будапештом⁷⁶. В июне начали работу чехословацко-венгерские комиссии по правовым и финансовым вопросам в Праге и по вопросам торговли и коммуникаций в Будапеште⁷⁷. 23 июня Бенеш встретился в Марианске-Лазне с министром иностранных дел Венгрии Миклошем Банффи (1873–1950). В чешской документальной публикации эти переговоры отражены весьма скупо, подчеркивается лишь, что обсуждались конкретные вопросы экономического сотрудничества в связи с работой упомянутых выше двусторонних комиссий. В политических вопросах, как отмечено в циркулярной телеграмме заместителя министра иностранных дел ЧСР Вацлава Гирсы (1875–1954) от 25 июня, «венгры приблизились к нашей точке

⁷³ DČZP. Československa zahraniční politika. Sv. 1. S. 674–676. Dok. 467.

⁷⁴ Ibid. Sv. 2. S. 46–49. Dok. 522; S. 61–63. Dok. 533.

⁷⁵ Ibid. Sv. 2. S. 70. Dok. 536.

⁷⁶ Ibid. Sv. 1. S. 697. Dok. 484.

⁷⁷ См.: Ibid. Sv. 2. S. 5. Dok. 489; S. 33. Dok. 511; S. 43–46. Dok. 521.

зрения признания действительного положения дел»⁷⁸. Детально переговоры в Марианске-Лазне, основываясь на венгерских дипломатических документах и мемуарах Банффи, исследовал словацкий историк М. Михела. Он отметил, что в ходе переговоров венгерская сторона поставила вопрос о более тесном сотрудничестве Венгрии, Австрии и Чехословакии, чему, по ее мнению, способствовали бы достижение соглашений о венгерском меньшинстве в Словакии и территориальных уступках, а также о Бургенланде. Бенеш выразил готовность уступить территории около Лученца и Комарно, но при условии, что Венгрия больше не будет выдвигать никаких территориальных требований. Банффи уклонился от дискуссии, приберегая свои предложения о территориальных уступках до более благоприятных времен⁷⁹. Очевидно, чехословацкий министр и рассчитывал на такую реакцию Банффи. Вряд ли Бенеш собирался что-либо уступить Венгрии, тем более что и Комарно, и железнодорожная ветка Чата — Шаги — Лученец для ЧСР были чрезвычайно важны с точки зрения как стратегической, так и экономической, на чем чехословацкий министр настаивал на Парижской мирной конференции⁸⁰. Более успешно протекали чехословацко-венгерские переговоры по вопросам экономического сотрудничества⁸¹. В целом Бенеш позитивно оценил результаты переговоров с Банффи, особо отмечая, что они привели к изоляции Польши⁸². В политических кругах Венгрии также были удовлетворены итогами переговоров, считая, что они «несколько притупили острие Малой Антанты»⁸³.

Будапешт не собирался отказываться от своих территориальных требований. На заседании правительства 1 августа 1921 г. премьер-министр Иштван Бетлен (1874–1946) заявил, что он считает возможной ревизию условий Трианонского договора мирным путем: «Мы можем надеяться, что в случае благоприятной дипломатической конъюнктуры удастся вернуть большие территории Словакии

⁷⁸ Ibid. Sv. 2. S. 55. Dok. 527.

⁷⁹ Michela 2009: 179.

⁸⁰ Аблонци 2020: 61–62; DČZP. Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. Praha: Ústav mezinárodních vztahů: Karolinum: Historický ústav AV ČR, 2001. Sv.1. S. 266. Dok. 154.

⁸¹ Michela 2009: 179–180.

⁸² DČZP. Československá zahraniční politika. Sv. 2. S. 56. Dok. 530.

⁸³ Michela 2009: 181.

и Трансильвании и Банат»⁸⁴. Складывание такой благоприятной конъюнктуры для возвращения этих земель в будущем Бетлен связывал с политикой Германии⁸⁵.

Летом 1921 г. в центре европейской дипломатии оказался бургенландский вопрос. 26 июля в Париже состоялся обмен ратификационными грамотами, Трианонский договор вступил в силу и в течение месяца Венгрия должна была передать Бургенланд Австрии. Но Будапешт не торопился и передачу Бургенланда обусловил выводом войск Королевства СХС из Бараньи, оставленной по Трианонскому договору в составе Венгрии. Кроме того, Будапешт вступил в «доверительные и неофициальные» переговоры с новым канцлером Австрии Йоханом Шобером (1874–1932), убеждая его разделить Бургенланд. 13 июля венгерский посланник в Австрии Силард Маширевич предложил канцлеру «локальную модификацию установленной договором границы». Речь шла об одной седьмой или одной восьмой части Бургенланда, точнее о городе Шопрон, который Венгрия хотела оставить за собой⁸⁶. 4 августа, когда Маширевич посетил Шобера вместе с бывшим министром иностранных дел Грацем, венгерские требования уже изменились: согласно предложенному ими плану раздела, Австрия должна была получить три четверти Бургенланда, а одна четверть оставалась бы у Венгрии (город Шопрон и территория с населением примерно 100 000 человек). Шобер не отклонил это предложение, но заметил, что необходимой предпосылкой всех дальнейших переговоров является выполнение Венгрией мирного договора⁸⁷. 5 августа Банффи доложил на заседании правительства, что переговоры завершились успешно, хотя некоторые осложнения вызывало требование австрийских социал-демократов решить этот вопрос путем плебисцита⁸⁸.

Австрия находилась в сложном положении. Помимо внутриполитических и экономических проблем в стране, обострялась ситуация в самом Бургенланде, где венгры развернули мощную пропагандистскую кампанию. Кроме того, в июле 1921 г. появились сведения,

⁸⁴ Цит. по: Romsics 1995: 154–155.

⁸⁵ Romsics 1995: 155.

⁸⁶ ADÖ. Wien: Verlag für Geschichte und Politik; München: Oldenbourg, 1998. Bd. 4. S. 53–54. Dok. 553.

⁸⁷ Ibid. S. 57. Dok. 556.

⁸⁸ Пущкаш 1981: 264.

что Карл Габсбург не отказался от своих планов и намерен во второй половине августа на аэроплане прилететь в Венгрию⁸⁹. В создавшейся ситуации Вена попыталась заручиться поддержкой других государств. 10 августа 1921 г. в Халльштатте состоялась встреча президента ЧСР Т.Г. Масарика и министра иностранных дел Э. Бенеша с президентом Австрии Михаэлем Хайнишем (1858–1940) и канцлером Й. Шобером. Обе стороны подтвердили, что намерены следовать букве мирных договоров. Они отвергли любые попытки реставрации Габсбургов и договорились продолжать переговоры с тем, чтобы в ближайшее время подписать официальное австро-чехословацкое соглашение. Чехословакия полностью поддержала Австрию в вопросе о Бургенланде. Со своей стороны Шобер заверил представителей ЧСР, что его правительство против присоединения к Германии⁹⁰.

Тем временем ситуация в Бургенланде накалялась. Несмотря на то, что в середине августа 1921 г. Белград вывел свои войска из Печа и Бараньи, Будапешт не торопился выполнить свои обещания в отношении Бургенланда. Наоборот, вывод югославских войск из Бараньи послужил поводом для усиления пропаганды о возрождении Великой Венгрии⁹¹. В Бургенланде все большие обороты набирала агитация о неделимости земель «короны св. Стефана», созывались многолюдные собрания, на которых раздавались призывы блокировать границу с Австрией, разорвать с ней дипломатические отношения, прекратить поставки продовольствия⁹². Карлисты Иштван Фридрих (1883–1951) и Дюла Андраши-мл. (1860–1929) вели активную агитацию за восстановление Карла Габсбурга на венгерском престоле, за новую «интеграцию» венгерского королевства. Фридрих сам отвергал мирные договоры и поддерживал отношения с их противниками в Болгарии и Турции, выступал за сотрудничество с Германией⁹³. Из офицеров и студентов формировались добровольческие отряды⁹⁴. Ряды венгерских добровольцев быстро пополнялись, в том числе за счет выходцев из Трансильвании и Словакии. Положение

⁸⁹ DČZP. Československá zahraniční politika. Sv. 2. S. 77–78. Dok. 541; S. 96–97. Dok. 556.

⁹⁰ Ibid. S. 111. Dok. 569; ADÖ. Bd. 4. S. 68–69. Dok. 563.

⁹¹ DČZP. Československá zahraniční politika. Sv. 2. S. 145. Dok. 596.

⁹² Ibid. S. 131. Dok. 583.

⁹³ Ibid. S. 77–78. Dok. 541.

⁹⁴ Ibid. S. 131. Dok. 583.

обострялось еще и тем, что во главе многих венгерских добровольческих отрядов стояли легитимисты. Айзенштадт (венг. Кишмартон), Шопрон, Сомбатхей находились под их контролем. Существовала опасность, что эти отряды будут использованы в целях реставрации Габсбургов и в военных действиях против соседних стран⁹⁵. В начале сентября в дипломатической переписке появились сообщения о возможном вторжении венгерских войск в Австрию и Словакию⁹⁶, о том, что венгры надеялись на поддержку австрийских карлистов и клерикалов, и в Вене не без оснований опасались монархического путча⁹⁷.

12 сентября, когда обстановка в Бургенланде и вокруг него обострилась до предела, Бенеш обратился к Конференции послов в Париже с требованием принять решительные меры⁹⁸ и, не дожидаясь ответа, принял предложение Венгрии выступить в качестве посредника в переговорах с Австрией. 23 сентября он, следуя «моральному долгу», встретился с канцлером Шобером в Хайнбурге. Чехословацкий министр поддержал присоединение Бургенланда к Австрии за исключением Шопрона. Бенеш убеждал канцлера, что ради сохранения мира в Центральной Европе Австрия должна уступить Венгрии Шопрон с небольшой округой, какой именно, он показал на карте. Бенеш считал, что за эту уступку Австрия вправе рассчитывать на компенсацию. ЧСР должна была стать гарантом выполнения этого соглашения⁹⁹.

После переговоров с австрийским канцлером Бенешу предстояла встреча с венгерским министром иностранных дел Банффи. Тот, хотя и был инициатором посреднической миссии Бенеша, теперь отказался от его услуг ввиду новых обстоятельств. 23 апреля, когда Бенеш вел переговоры с Шобером, венгерское правительство получило ноту Конференции послов, которая в ультимативной форме требовала, чтобы Венгрия в десятидневный срок освободила Бургенланд¹⁰⁰. Поэтому во время встречи министров иностранных дел Вен-

⁹⁵ См.: Бауэр 1925: 231–234; Пушкаш 1981: 265–266.

⁹⁶ DČZP. Československá zahraniční politika. Sv. 2. S. 147. Dok. 596.

⁹⁷ Ibid. S. 143. Dok. 593.

⁹⁸ Diplomatické dokumenty týkající se pokusů o znovunastolení Habsburků na trůn maďarský, Srpen 1919 – listopad 1921. S. 71–73. Dok. 28.

⁹⁹ DČZP. Československá zahraniční politika. Sv. 2. S. 167. Dok. 615; ADÖ. Bd. 4. S. 101–103. Dok. 578.

¹⁰⁰ DČZP. Československá zahraniční politika. Sv. 2. S. 189. Dok. 636; Heideking 1979: 172.

грии и ЧСР, которая все-таки состоялась 26 сентября в Брно, Бенешу не оставалось ничего другого, как посоветовать Банффи выполнить требование Конференции послов, тем более что фактически это был ответ на его ноту от 12 сентября¹⁰¹. Тем не менее для венгерской дипломатии было важно, что Бенеш во время переговоров с Шобером поддержал ее притязания на Шопрон.

Посредническая миссия Бенеша в австро-венгерском споре не принесла ему славы. Действия своего шефа не одобрили посланники ЧСР во Франции Штефан Осусский (1889–1973) и в Швейцарии Кирил Душек (1881–1924). Они считали, что посредничество Бенеша нанесло серьезный ущерб интересам Чехословакии. Он фактически поддержал Будапешт в стремлении пересмотреть территориальные установления Трианонского мирного договора, содействовал его политике *fait accompli* («свершившегося факта»), способствовал усилению существовавшего в Венгрии политического режима и достижению австро-венгерского соглашения. И все это уже в ближайшем будущем Будапешт мог использовать против Чехословакии. Кроме того, по мнению Осусского и Душека, посредничество Бенеша в австро-венгерском споре могло вызвать недовольство Белграда и Бухареста¹⁰².

Действительно, союзники ЧСР по Малой Антанте крайне отрицательно отнеслись к посреднической миссии Бенеша. Как только об этом появились сообщения в прессе, к чехословацкому представителю в Венгрии Карелу Фейстмантелю (1871–1945) обратились за разъяснениями посланники Австрии, Королевства СХС и Румынии. Все три посланника уступку Шопрона венграм считали «роковым» решением. Особенно был раздосадован югославский посланник Милоевич: ведь его страна оставила Баранью без всяких условий, теперь венгры получают Шопрон, а если все будет идти так и дальше, то весной дело дойдет и до Словакии. По мнению Милоевича, уступка Шопрона усилит позиции правительства Бетлена и монархистов. Он был убежден, что было бы лучше, если бы Малая Антанта действовала солидарно и категорически настаивала на проведении в жизнь Трианонского мирного договора¹⁰³. В политических кругах Королевства

¹⁰¹ DČZP. Československá zahraniční politika. Sv. 2. S. 181. Dok. 625.

¹⁰² Ibid. S. 173. Dok. 622.

¹⁰³ Ibid. S. 184–185. Dok. 629.

СХС многие придерживались похожей точки зрения, не скрывая, что они предпочли бы не посредничать, а диктовать венграм свои условия¹⁰⁴. Румыния свое отношение к посредничеству Бенеша выразила в более закамуфлированной форме со ссылкой на великие державы, которые настаивали на выполнении Трианонского договора и рекомендовали избегать любых несогласованных инициатив¹⁰⁵.

К посреднической деятельности Бенеша ревниво отнеслась Италия, которая не желала усиления Чехословакии в Центральной Европе. К тому же она раньше предложила свои посреднические услуги в австро-венгерском споре, и по этому поводу между заинтересованными сторонами шла оживленная дипломатическая переписка. Рим рассматривал Венгрию как свою будущую союзницу, противостоящую Королевству СХС, и поэтому был готов пойти ей навстречу в бургенландском вопросе. Итальянский министр иностранных дел Пьетро Томази делла Торретта (1873–1962) пригласил представителей Австрии и Венгрии для переговоров в Венецию. Переговоры состоялись 11–13 октября 1921 г. и завершились подписанием соглашения. Венгрия обязалась очистить Бургенланд от добровольцев, а Австрия соглашалась, что вопрос о принадлежности города Шопрона и его окрестностей будет решен путем плебисцита¹⁰⁶. Плебисцит состоялся в декабре 1921 г. Большинство голосов было подано за то, чтобы Шопрон оставался в составе Венгрии¹⁰⁷.

Но еще до того, как решилась судьба Бургенланда, произошло событие, которого многие опасались: концентрацией венгерских войск в Западной Венгрии воспользовался Карл Габсбург. 20 октября он прилетел на аэроплане в Бургенланд и заявил, что берет на себя верховную власть в Венгрии. Из своих сторонников Карл сформировал правительство, председателем которого назначил Иштвана Раковски (1858–1931)¹⁰⁸. Значительная часть войск, расположенных в Западной Венгрии и находившихся под командованием легитимистов, перешла в его распоряжение и двинулась на Будапешт¹⁰⁹. Новый путч был лучше подготовлен, более удачно выбрано время.

¹⁰⁴ DČZP. Československa zahraniční politika. Sv. 2. S. 188. Dok. 635.

¹⁰⁵ Ibid. S. 186–187. Dok. 632.

¹⁰⁶ ADÖ. Bd. 4. S. 120–124. Dok. 585.

¹⁰⁷ См.: Пушкаш 1981: 267–268; Romsics 1995: 168.

¹⁰⁸ DČZP. Československá zahraniční politika. Sv. 2. S. 211. Dok. 650.

¹⁰⁹ Пушкаш 1981: 270–271; Galandauer 2004: 321–322.

Наблюдатели и пресса отмечали, что действия Карла Габсбурга в Венгрии вызвали сочувствие в Словакии и Хорватии¹¹⁰. На это же указал Людвиг Виндишгрец (1882–1968), один из ближайших сподвижников Карла, посетивший осенью 1921 г. ЧСР, Королевство СХС и Румынию¹¹¹. Определенные надежды на победу Карла возлагали и австрийские монархисты. Но, как предполагал германский посланник в Вене Фредерик фон Розенберг (1874–1937), они не отважились на открытое выступление, дожидаясь, когда Карл утвердится в Венгрии¹¹².

Розенберг не исключал выступления против Карла Малой Антанты. Но германский дипломат указал на ряд обстоятельств, которые, по его мнению, могли оказать сдерживающее влияние на поведение малоантантовских государств. В частности, Прага должна была считаться с возможными волнениями в Словакии и среди богемских немцев. Бухарест колебался, подчеркивая свою самостоятельность и ссылаясь на русскую угрозу в Бессарабии. Действия Белграда сковывались проблемами в Хорватии, Черногории, Македонии и в соседней Албании. Но тем не менее, как считал Розенберг, именно от Королевства СХС в решающей степени зависело дальнейшее развитие событий¹¹³.

Германский дипломат ошибся лишь отчасти. Он недооценил роль Чехословакии в мобилизации сил Малой Антанты против путча Карла. 22 октября Бенеш, который с сентября 1921 г. совмещал должности председателя правительства и министра иностранных дел ЧСР, направил в дипломатические представительства циркулярную телеграмму:

Если Карл останется в Венгрии, для нас это — *casus belli*. Если же и не останется, то мы с еще большей силой и решимостью осуществим дипломатический, а возможно, и военный нажим, чтобы вопрос о Габсбургах и Бургенланде был окончательно решен. Если же Антанта не пойдет с нами, то мы пойдем с Малой Антантой, возможно, и против воли Антанты¹¹⁴.

¹¹⁰ Dokumentation zur österreichischen Zeitgeschichte. 1918–1928. S. 188.

¹¹¹ Windisch-Graetz 1957: 187–191, 199.

¹¹² Bundesarchiv. Berlin. Reichskanzlei R 43. Serie: Auswärtige Angelegenheiten (1919–1925). Ungarn. Bd. 1. I/156. Bl. 13.

¹¹³ Ibid. Bl. 12.

¹¹⁴ DČZP. Československá zahraniční politika. Sv. 2. S. 212. Dok. 653.

Белград разделял мнение Праги¹¹⁵. В тот же день представители малоантантовских государств в Будапеште посетили министра иностранных дел Банффи и югославский посланник Милоевич от имени всех выразил протест и «упомянул о *casus belli*». Банффи ответил, что венгерское правительство настроено против Карла. Это же подтвердил регент Хорти, который принял представителей ЧСР, Королевства СХС и Румынии спустя час. Более того, регент заявил, что, если потребуется, он применит против Карла вооруженные силы¹¹⁶.

Белград и Прага также начали военные приготовления. Вечером 22 октября военный министр Королевства СХС генерал Миливое Зечевиц (1872–1946) отдал приказ о сосредоточении вооруженных сил на границе с Венгрией¹¹⁷. 23 октября туда выдвинулись 1-я и 4-я армии, усиленные дивизиями из 2-й и 3-й армий¹¹⁸. В ЧСР была объявлена мобилизация, в результате которой численность чехословацкой армии превысила 400 тыс. чел.¹¹⁹

В те тревожные дни отличалось поведение Румынии. В то время как правительства Королевства СХС и ЧСР постоянно согласовывали действия, из Белграда и Праги шел непрерывный поток инструкций и телеграмм в дипломатические представительства за рубежом, в Бухаресте наступило затишье. «Настроение здесь весьма сдержанное», — написал в Прагу 23 октября временный поверенный в делах ЧСР в Румынии Эмиль Отт. В столице не было ни премьер-министра, ни министра иностранных дел. Чехословацкому дипломату удалось встретиться только с генеральным секретарем МИД Румынии Георге Дерусси (1870–1931), который заверил его «в полной солидарности Малой Антанты»¹²⁰. Тем не менее несколько дней румынские миссии за границей не получали никаких инструкций из Бухареста¹²¹. Только 25 октября министр иностранных дел Таке Ионеску сообщил Отту, что король Фердинанд I одобрил план военных мероприятий и шесть румынских дивизий выступят на Будапешт и одна — на Бургенланд¹²².

¹¹⁵ DČZP. Československa zahraniční politika. Sv. 2. S. 214. Dok. 656.

¹¹⁶ Ibid. S. 220. Dok. 665.

¹¹⁷ Ibid. S. 214. Dok. 656.

¹¹⁸ Ibid. S. 216. Dok. 659.

¹¹⁹ Ibid. S. 217. Dok. 660.

¹²⁰ Ibid. S. 217. Dok. 661.

¹²¹ Ibid. S. 219. Dok. 664; S. 240. Dok. 685.

¹²² Ibid. S. 235. Dok. 683.

Венгерские власти к тому времени самостоятельно подавили выступление Карла. Регент Хорти, хотя и слыл среди карлистов верным сторонником Габсбургов и состоял с Карлом в переписке, во время октябрьского путча решил избавиться от экс-императора. Желая сохранить власть главы государства, 24 октября Хорти разбил войска карлистов на подступах к Будапешту. Карл Габсбург был интернирован¹²³.

Тем не менее ЧСР и Королевство СХС продолжали наращивать вооруженные силы у границ Венгрии. Не только Будапешт, но и Антанта опасались, что югославская и чехословацкая армии откроют боевые действия против Венгрии. Высокопоставленный чиновник французского министерства иностранных дел, генеральный секретарь Конференции послов Жюль Ларош (1872–1961) предположил, что они начнут наступление 27 октября и первой целью югославской армии будет Баранья¹²⁴. В действительности Малая Антанта прибегла к давлению на Будапешт, чтобы предъявить Венгрии ультиматум, проект которого Бенеш составил и 23 октября направил для согласования союзникам. Ультиматум предусматривал, что в течение 48 часов с момента его вручения Венгрия должна принять следующие условия: 1) детронизация всех Габсбургов и устранение возможности восстановления их на престоле; 2) разоружение Венгрии под контролем с участием Малой Антанты; 3) безусловное выполнение всех условий мирных договоров, не принимая во внимание Венецианское соглашение; 4) возмещение всех затрат, связанных с мобилизацией¹²⁵. Белград полностью разделял позицию Праги, а Бухарест поддержал только два первых пункта. Таке Ионеску стремился избежать разногласий с Большой Антантой. Бухарест согласился поддержать требование о возмещении ущерба в связи с мобилизацией, но сам от этих выплат отказался. Румыния также не желала возобновления споров о Бургенланде, то есть она признала Венецианское соглашение¹²⁶.

26 октября Бенеш поручил посланникам ЧСР в Лондоне, Париже и Риме ознакомить правительства с содержанием ультиматума, который Малая Антанта собиралась вручить Венгрии, и в случае их согласия

¹²³ Подробнее см.: Пушкаш 1981: 272–277.

¹²⁴ Heideking 1979: 175. Anm. 72.

¹²⁵ DČZP. Československá zahraniční politika a vznik Malé dohody 1920–1921. Sv. 2. S. 216. Dok. 660.

¹²⁶ Ibid. S. 248. Dok. 697; S. 263. Dok. 712.

предоставить Чехословакии и Королевству СХС мандат на осуществление экономических и военных санкций против Венгрии¹²⁷.

В ожидании оккупации активизировалась венгерская демократическая эмиграция. Один из ее лидеров Бела Линдер (1876–1962) уверял министра внутренних дел Королевства СХС С. Прибичевича и чехословацкого посланника в Белграде А. Калину, что венгерская армия не сможет устоять против вооруженных сил Малой Антанты. Линдер убеждал собеседников, что в случае оккупации Венгрии оживится деятельность оппозиционных партий и удастся создать демократическое правительство, которое гарантирует гражданские свободы и права национальных меньшинств, будет соблюдать Трианонский договор и пресечет ирредентистскую пропаганду, установит дружественные отношения с соседями¹²⁸. Калина отметил, что армия и значительная часть населения Королевства СХС выступали за оккупацию Венгрии. Они с недоверием относились к хортистскому режиму и предпочли бы видеть во главе венгерского государства Михая Каройи (1875–1955), Б. Линдера и других демократов¹²⁹.

Очевидно, все эти закулисные переговоры и приготовления не удалось сохранить в тайне. 29 октября венгерский посланник в Праге Ласло Тахи (1881–1940) посетил МИД ЧСР и во время беседы с заместителем министра В. Гирсой обвинил Чехословакию в недружественном отношении к Венгрии и во вмешательстве в ее внутренние дела. В частности, он заявил, что в Будапеште господствует убеждение, что подлинной целью чехословацкого правительства является, во-первых, временно оккупировать и захватить часть венгерской территории для создания коридора к Королевству СХС, чего не удалось достичь во время Парижской мирной конференции, и, во-вторых, оказать влияние на государственное устройство Венгрии, упразднить монархический строй, сместить Хорти и создать новое республиканское правительство из политических деятелей, находившихся в эмиграции¹³⁰. В тот же день, 29 октября, британские посланники в Праге Джордж Клерк (1874–1937) и в Белграде Чарльз Юнг (1865–1944) предупредили правительства ЧСР и Королевства СХС,

¹²⁷ DČZP. Československa zahraniční politika a vznik Male dohody 1920–1921. Sv. 2. S. 241–243. Dok. 688, 690.

¹²⁸ Ibid. S. 247. Dok. 696.

¹²⁹ Ibid. S. 310. Dok. 757.

¹³⁰ Ibid. S. 267. Dok. 716.

чтобы без согласия Антанты они не предпринимали в отношении Венгрии никаких военных действий¹³¹. Клерк в беседе с Гирсой подчеркнул, что Хорти и венгерское правительство своими энергичными действиями во время путча Карла снискали симпатии не только союзников, но и всего мира, и открыто предостерег чехословацкие власти «от каких-либо опрометчивых шагов» в отношении Венгрии¹³².

В ответ на все эти обвинения и предостережения Бенеш направил чехословацкому посланнику в Лондоне Войтеху Мастны (1874–1954) инструкцию, чтобы тот довел до сведения британского правительства, что ЧСР не вмешивается во внутренние дела Венгрии, «не меняет правительство и не назначает эмигрантов»¹³³.

Конференция послов не поддержала большинство требований Малой Антанты. Она одобрила Венецианское соглашение, отказала в участии Малой Антанты в работе союзной комиссии по разоружению Венгрии, поскольку согласно Трианонскому договору в ее состав входили только представители великих держав. Конференция послов также отказала Малой Антанте в возмещении затрат, связанных с мобилизацией, мотивируя тем, что необходимости в этом не было, поскольку венгерское правительство самостоятельно подавило путч Карла¹³⁴. Кроме того, Конференция послов требовала отказаться от интервенции против Венгрии. Но Бенеш считал, что Малой Антанте следует настаивать на своем до конца: продолжать дипломатическую борьбу и быть готовыми в любой момент к военному выступлению, используя вооруженные силы в качестве давления в надежде таким образом добиться удовлетворения своих требований¹³⁵.

31 октября Бенеш направил Конференции послов ноту, в которой повторялись прежние требования: детронизация династии Габсбургов, выполнение всех условий Трианонского договора, участие стран Малой Антанты в разоружении Венгрии и возмещение всех затрат, связанных с мобилизацией. Бенеш утверждал, что Хорти и правительство Бетлена только тогда энергично выступили против Карла, когда в ЧСР и Королевстве СХС была проведена мобилизация¹³⁶.

¹³¹ Ibid. S. 261. Dok. 711; S. 271. Dok. 722.

¹³² Ibid. S. 261. Dok. 711.

¹³³ Ibid. S. 262. Dok. 711. Pozn. 2.

¹³⁴ Ibid. S. 246. Dok. 695; S. 269–270. Dok. 720.

¹³⁵ Ibid. S. 273. Dok. 724.

¹³⁶ Ibid. S. 279–282. Dok. 731.

Из всего перечня Конференция послов поддержала только требование о детроизации династии Габсбургов. Хортисты воспользовались создавшейся ситуацией и низложили Габсбургов с венгерского престола, отменив Прагматическую санкцию 1723 г., регламентировавшую права престолонаследия австрийского дома, и объявив, что «привилегия выбора короля вновь переходит к нации»¹³⁷.

Конференция послов потребовала, чтобы ЧСР и Королевство СХС приступили к демобилизации¹³⁸. В ответ Пашич предпринял попытку обусловить ее предварительным разоружением Венгрии под контролем с участием Малой Антанты¹³⁹. Но его попытка завершилась безуспешно, и в ноябре 1921 г. ЧСР и Королевство СХС вынуждены были начать демобилизацию¹⁴⁰.

Германия внимательно следила за развитием событий в Венгрии, опасаясь, что ими воспользуется Франция для осуществления своей антигерманской политики в Центральной Европе. Германский посланник в Вене Розенберг не исключал, что Париж подтолкнет к сотрудничеству Австрию и Венгрию и окончательно похоронит идею аншлюса или попытается отделить от Германии Баварию и объединить ее с Австрией под династией Виттельсбахов, а затем поспособствует более тесным «государственно-правовым отношениям» обоих государств с Венгрией¹⁴¹. Германский посланник в Будапеште граф Эгон фон Фюрстенберг-Штаммхайм (1869–1925) выражал опасение, что путем Карла попытаются воспользоваться ЧСР и Королевство СХС, чтобы при поддержке Франции осуществить идею бургенландского коридора¹⁴². В споре о Бургенланде Германия заняла сторону Австрии. Чехословацкий военный атташе в Берлине полковник Гондл объяснял заинтересованность Германии в присоединении немцев Бургенланда к Австрии ее надеждами на аншлюс¹⁴³. Гондл отметил,

¹³⁷ DČZP. Československa zahraniční politika a vznik Male dohody 1920–1921. Sv. 2. S. 314. Dok. 760; S. 320. Dok. 764. Карл Габсбург был вывезен на остров Мадейру, где и умер 1 апреля 1922 г. в возрасте 35 лет. (Пушкаш 1981: 277; Galandauer 2004: 338).

¹³⁸ Heideking 1979: 178–179.

¹³⁹ DČZP. Československá zahraniční politika. Sv. 2. S. 309–310. Dok. 757–758; S. 327–328. Dok. 768–769; S. 331. Dok. 773.

¹⁴⁰ Ádám 1988: 45.

¹⁴¹ Bundesarchiv. Berlin. Reichskanzlei R 43. Serie: Auswärtige Angelegenheiten (1919–1925). Ungarn. Bd. 1. I/156. Bl. 12–13.

¹⁴² Ibid. Bl. 21.

¹⁴³ VNA. Praha. VKPR. Karton 39. c.j. 10759.

что возвращение Карла вызвало в Германии единодушный протест со стороны всех политических течений — от монархистов до коммунистов. Причины такого исключительного явления в политической жизни Веймарской республики чехословацкий атташе видел в том, что правые партии считали, что пацифистские и антигерманские устремления Карла Габсбурга содействовали поражению Германии в Первой мировой войне, а демократические партии рассматривали возвращение Карла в Венгрию как угрозу восстановления монархии, примеру которой могла последовать Бавария, а возможно, и вся Германия¹⁴⁴.

Когда в разгар путча 22 октября бывший канцлер Австрии Карл Реннер (1870–1950) прибыл в Берлин и пытался выяснить отношение германской дипломатии к возвращению Карла в Венгрию, его собеседник — руководитель третьего отдела МИД Германии Карл фон Штокхаммерн (1869–1928) — ответил, что с германской стороны «активные действия в Венгрии, или Австрии, или еще где-то, естественно, полностью исключены», а задача австрийского правительства состоит в том, чтобы предотвратить распространение путча на Австрию¹⁴⁵. Берлин был гораздо больше обеспокоен переговорами Вены с Прагой. На вопрос Штокхаммерна о содержании переговоров с Бенешем Реннер ответил, что они касались лишь проблем, связанных с возможным нападением Венгрии на Словакию или на территорию Австрии. Но тем не менее германский дипломат не поверил в искренность Реннера, ответ которого ему показался «немного взволнованным и уклончивым»¹⁴⁶.

Интуиция его не подвела. Австрия и Чехословакия вели переговоры по более широкому кругу вопросов, чем сообщил Реннер, и они завершились подписанием Ланского договора 16 декабря 1921 г., центральным пунктом которого было признание и взаимная гарантия границ, установленных Сен-Жерменским и Трианонским договорами. Оба государства взяли на себя обязательство не допускать на своей территории никаких политических или военных организаций, деятельность которых была бы направлена против целостности и безопасности другой договаривавшейся стороны. Чехословакия и Австрия обязались взаимно поддерживать друг друга в борьбе

¹⁴⁴ Ibidem.

¹⁴⁵ ADAP. 1918–1945. Ser. A. 1918–1925. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1987. Bd. 5. S. 331–332. Dok. 162.

¹⁴⁶ Ibidem. Ср.: Станков 2017.

«против любых планов и попыток восстановления старого режима, как с точки зрения внешней и внутренней политики, так и относительно формы правления и государственного устройства». Австрия и Чехословакия обязались соблюдать нейтралитет в случае, если одна из них подвергнется вооруженному нападению¹⁴⁷.

Германия была крайне озадачена активностью чехословацкой дипломатии в 1921 г. В Берлине считали, что успехи Малой Антанты в борьбе против реставрации Габсбургов способствовали укреплению ее международно-политического и военного положения в Центральной Европе в противовес интересам Германии¹⁴⁸. Переговоры, которые Прага вела с Венгрией, Польшей, Австрией, в случае успешного завершения грозили Германии изоляцией. Однако чехословацко-венгерские переговоры в сентябре 1921 г. сорвались, а события вокруг октябрьского путча Карла и подписание чехословацко-польского договора 6 ноября 1921 г. заронили новое недоверие между Будапештом и Прагой. Этим поторопился воспользоваться Берлин. Венгрия, также опасавшаяся остаться в изоляции, проявила большую заинтересованность в сближении с Германией. В конце сентября 1921 г. в Берлин прибыл бывший министр торговли Венгрии Йозеф Стерени (1861–1941). Фюрстенберг, сообщая на Вильгельмштрассе о предстоявшей поездке, характеризовал его как «непоколебимого поборника» венгеро-германского сотрудничества. Берлинская миссия Стерени продолжалась более месяца, и по возвращении в Будапешт 14 ноября он доложил о ее результатах премьер-министру И. Бетлену. В тот же день Бетлен принял германского посланника Фюрстенберга. Помимо премьера с венгерской стороны во встрече приняли участие министр иностранных дел Банффи и Стерени. Во время беседы неоднократно отмечалось совпадение их взглядов на многие международные проблемы. В частности, и Германия, и Венгрия проявили взаимную заинтересованность в развитии отношений с Великобританией, Италией, Румынией. С Чехословакией, как сказал Бетлен, ситуация омрачена в результате путча Карла и его последствий. Обе стороны расценили чехословацко-польский договор от 6 ноября 1921 г. как враждебный акт, имеющий в равной

¹⁴⁷ ADÖ. Bd. 4. S. 193–195. Dok. 621; DČZP. Československá zahraniční politika. Sv. 2. S. 393–395. Dok. 817.

¹⁴⁸ VHA. Praha. VKPR. Kt. 39. c.j. 10759.

степени антигерманскую и антивенгерскую направленность¹⁴⁹. Этот договор вызвал в Венгрии сильное раздражение. «Дружба с Польшей закончилась», — констатировали венгерские политики¹⁵⁰. В то же время они приветствовали сближение Германии с Советской Россией. Бетлен и Банффи подчеркнули, что решение всех проблем Венгрии возможно только в союзе с Германией. Обсуждались вопросы экономического и торгового сотрудничества. Как сообщил Фюрстенберг в Берлин, из этой беседы он вынес убеждение, что во внешней политике Венгрии начинается новый этап. Перепробовав все возможные комбинации отношений с Большой и Малой Антантой, «Венгрия, раскаиваясь, возвращается к ориентации на Германию»¹⁵¹.

Таким образом, в результате попыток реставрации монархии Габсбургов в Венгрии в 1921 г. произошли определенные сдвиги в международных отношениях в Центральной Европе. Первый путч Карла подтолкнул Бухарест к заключению союзных договоров с Прагой и Белградом, к подписанию военных конвенций, сотрудничеству генеральных штабов Чехословакии, Румынии и Королевства СХС, ускорив завершение формирования Малой Антанты как военно-политического союза. Достигнутые в этом направлении успехи были в полной и даже в избыточной мере продемонстрированы согласованными военными приготовлениями ЧСР и Королевства СХС во время второго путча Карла в октябре 1921 г., когда возникла угроза перерастания международно-политического кризиса в вооруженный конфликт.

Чехословацкие дипломатические документы свидетельствуют, что помимо укрепления военно-политического сотрудничества в рамках Малой Антанты, Прага прилагала значительные усилия к внешнеполитической изоляции Венгрии, к ослаблению ее связей с Польшей и Австрией, вступив с ними в переговоры, которые в конечном счете увенчались заключением двусторонних договоров. Тем самым ЧСР удалось нейтрализовать Польшу и Австрию, приблизить их к Малой Антанте и изолировать от Венгрии. Вследствие активности чехословацкой дипломатии в состоянии изоляции оказалась не только Венгрия, но такая же перспектива угрожала и Германии, что послужило импульсом для венгеро-германских переговоров о сотрудничестве осенью 1921 г.

¹⁴⁹ Подробнее см.: ADAP. 1918–1945. Ser. A: 1918–1925. Bd. 5. S. 374–378. Dok. 181.

¹⁵⁰ Ibid. S. 376. Dok. 181.

¹⁵¹ Ibidem.

Список сокращений

- Королевство СХС – Королевство сербов, хорватов и словенцев
ЧСР – Чехословацкая республика
ADAP – Akten zur deutschen auswärtigen Politik
ADÖ – Außenpolitische Dokumente der Republik Österreich 1918–1938
DČZP – Dokumenty československé zahraniční politiky
VNA – Vojenský historický archiv. Praha
VKPR – Vojenská kancelář presidenta republiky. 1919–1925

Литература

- Аблонци 2020 – *Аблонци Б.* Трианонский мирный договор 1920 года: Факты, легенды, домыслы: пер. с венг. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2020. 168 с.
- Бауэр 1925 – *Бауэр О.* Австрийская революция 1918 г. / пер. с нем. М.: Гос. изд-во, 1925. 294 с.
- Пушкаш 1981 – *Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии. Ноябрь 1918 – апрель 1927 г. М.: Наука, 1981. 368 с.
- Станков 2017 – *Станков Н.Н.* «Секретный» протокол Реннера – Бенеша 1920 года в контексте международных отношений в Центральной Европе // Славянский альманах. 2017. № 3–4. С. 118–133.
- Язькова 1974 – *Язькова А.А.* Малая Антанта в европейской политике: 1918–1925 гг. М.: Наука, 1974. 332 с.
- Ádám 1985 – *Ádám M.* Les deux coups d'Etat de l'ex-roi Charles et la Petite Entente // Acta historica. Budapest, 1985. T. 31. № 1–2. P. 33–85.
- Ádám 1988 – *Ádám M.* Richtung – Selbstvernichtung. Die Kleine Entente 1920–1938. Budapest: Corvina; Wien: Österreichischer Bundesverlag, 1988. 203 S.
- Beneš 1924 – *Beneš E.* Problémy nové Evropy a zahraniční politika československá. Projevy a úvahy z roku 1919–1924. Praha: Melantrich, 1924. 306 s.
- Dejmek 2006 – *Dejmek J.* Edvard Beneš. Politická biografie českého demokrata. Praha: Karolinum, 2006. Č. I. 632 s.
- Galandauer 2004 – *Galandauer J.* Karel I. Poslední český král. Praha; Litomyšl: Paseka, 2004. 358 s.
- Heideking 1979 – *Heideking J.* Areopag der Diplomaten: die Pariser Botschafterkonferenz der alliierten Hauptmächte und die Probleme der europäischen Politik 1920–1931. Husum: Matthiesen, 1979. 383 S.
- Krizman 1975 – *Krizman B.* Vanjska politika jugoslavenske države 1918–1941. Diplomatsko-historijski pregled. Zagreb: Školska knjiga, 1975. 200 s.
- Michela 2009 – *Michela M.* Pod heslom integrity. Slovenská otázka v politike Maďarska 1918–1921. Bratislava: KALLIGRAM, 2009. 272 s.

- Olivová 1959 — *Olivová V.* Československá zahraniční politika a pokus o restauraci Habsburků v roce 1921 // Československý časopis historicky. 1959. № 4. S. 675–698.
- Preradovich 1971 — *Preradovich N.* Die Wilhelmstraße und der Anschluß Österreichs 1918–1933. Bern; Frankfurt a. M.: Lang, 1971. 327 S.
- Romsics 1995 — *Romsics I.* István Bethlen: A Great Conservative Statesman of Hungary, 1874–1946 / translated from Hungarian by M. D. Fenyo. New York: Columbia University Press, 1995. 491 p.
- Sládek 2000 — *Sládek Z.* Malá dohoda 1919–1938. Její hospodářské, politické a vojenské komponenty. Praha: Karolinum, 2000. 297 s.
- Tóth 2002 — *Tóth A.* Československá diplomacie a první restaurační pokus Karla Habsburského v Maďarsku (26. března — 5. dubna 1921) // Slovanský přehled. 2002. № 3. S. 343–370.
- Vanku 1969 — *Vanku M.* Mala Antanta 1920–1938. Titovo Užice: Dimitrije Tucovic, 1969. 398 s.
- Vinaver 1971 — *Vinaver V.* Jugoslavija i Mađarska. 1918–1933. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 1971. 574 s.
- Vinaver 1985 — *Vinaver V.* Jugoslavija i Francuska između dva svetska rata (Da li je Jugoslavija bila francuski "satelit"). Beograd: Institut za savremenu istoriju, 1985. 482 s.
- Windisch-Graetz 1957 — *Windisch-Graetz L.* Ein Kaiser kämpft für die Freiheit. So begann Ungarns Leidensweg. Wien; München: Herold, 1957. 227 S.
- Zeidler 2007 — *Zeidler M.* Charles IV's attempted returns to the Hungarian throne // Karl I. (IV.), der Erste Weltkrieg und das Ende der Donaumonarchie / hrsg. von A. Gottsmann. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2007. S. 269–284.

References

- Ablonczy, B., 2020. *Trianonskii mirnyi dogovor 1920 goda: Fakty, legendy, domysly* [The Trianon Peace Treaty of 1920: facts, legends, speculations]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 168 p. (in Rus.)
- Ádám, M., 1985. Les deux coups d'Etat de l'ex-roi Charles et la Petite Entente. *Acta Historica*. (Budapest), 31, 1–2, p. 33–85.
- Ádám, M., 1988. *Richtung — Selbstvernichtung. Die Kleine Entente 1920–1938*. Budapest: Corvina; Wien: Österreichischer Bundesverlag, 203 p.
- Bauer, O., 1925. *Avstrijskaia revoliutsiia 1918 goda* [The Austrian Revolution 1918]. Moscow: Gosudarstvennoe izdadelstvo, 294 p. (in Rus.)
- Beneš, E., 1924. *Problémy nové Evropy a zahraniční politika československá. Projevy a úvahy z roku 1919–1924*. Praha: Melantrich, 306 p.
- Dejmek, J., 2006. *Edvard Beneš. Politická biografie českého demokrata*, 1. Praha: Karolinum, 632 p.

- Galandauer, J., 2004. *Karel I. Poslední český král*. Praha; Litomyšl: Paseka, 358 p.
- Heideking, J., 1979. *Areopag der Diplomaten: die Pariser Botschafterkonferenz der alliierten Hauptmächte und die Probleme der europäischen Politik 1920–1931*. Husum: Matthiesen, 383 p.
- Iaz'kova, A. A., 1974. *Malaja Antanta v evropejskoj politike: 1918–1925 gg.* [The Little Entente in the European Politics: 1918–1925]. Moscow: Nauka, 332 p. (in Rus.)
- Krizman, B., 1975. *Vanjska politika jugoslavenske države 1918–1941. Diplomatsko-historijski pregled*. Zagreb: Školska knjiga, 200 p.
- Michela, M., 2009. *Pod heslom integrity. Slovenská otázka v politike Maďarska 1918–1921*. Bratislava: KALLIGRAM, 272 p.
- Olivová, V., 1959. Československá zahraniční politika a pokus o restauraci Habsburků v roce 1921. *Československý časopis historický*, 4, pp. 675–698.
- Preradovich, N., 1971. *Die Wilhelmstraße und der Anschluß Österreichs 1918–1933*. Bern; Frankfurt a. M.: Lang, 327 p.
- Pushkash, A. I., 1981. *Vneshniaia politika Vengrii. Noiabr' 1918 – april' 1927 g.* [The Foreign Policy of Hungary. November 1918 to April 1927]. Moscow: Nauka, 1981, 368 p.
- Romsics, I., 1995. *István Bethlen: A Great Conservative Statesman of Hungary, 1874–1946*, translated from Hungarian by M. D. Fenyo. New York: Columbia University Press, 491 p.
- Sládek, Z., 2000. *Malá dohoda 1919–1938. Její hospodářské, politické a vojenské komponenty*. Praha: Karolinum, 297 p.
- Stankov, N. N., 2017. “Sekretnyi” protokol Rennera – Benesha 1920 goda v kontekste mezhdunarodnykh otnoshenii v Tsentral'noi Evrope [The “Secret” Renner–Beneš protocol of 1920 in the context of international relations in Central Europe]. *Slavianskii al'manakh*, 3–4, pp. 118–133.
- Tôth, A., 2002. Československá diplomacie a první restaurační pokus Karla Habsburského v Maďarsku (26. březen – 5. duben 1921). *Slovanský přehled*, 3, pp. 343–370.
- Vanku, M., 1969. *Mala Antanta 1920–1938*. Titovo Užice: Dimitrije Tucovic, 398 p.
- Vinaver, V., 1985. *Jugoslavija i Francuska između dva svetska rata (Da li je Jugoslavija bila francuski “satelit”)*. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 482 p.
- Vinaver, V., 1971. *Jugoslavija i Mađarska. 1918–1933*. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 574 p.
- Windisch-Graetz, L., 1957. *Ein Kaiser kämpft für die Freiheit. So begann Ungarns Leidensweg*. Wien; München: Herold, 227 p.
- Zeidler, M., 2007. Charles IV's attempted returns to the Hungarian throne. In: Gottsmann, A., ed. *Karl I. (IV.), der Erste Weltkrieg und das Ende der Donaumonarchie*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, pp. 269–284.

Nikolay N. Stankov

DSc., Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninskii
Prospekt, 32A. E-mail: stankov11@yandex.ru

The Habsburgs' Attempts of the Restoration in Hungary in 1921 and the International Relations in Central Europe (based on the Czechoslovak diplomatic documents)

The author of the article investigates the reaction of Czechoslovakia, the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, Romania, Austria and Germany on Charles Habsburg's restoration attempts to retrieve the Hungarian crown in March, April and October, 1921. The work is based on archival and published documents. The author pays special attention to the diplomatic, political and military collaboration of Czechoslovakia, the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes and Romania and to the forming of the Little Entente as a military and political alliance. The influence of the position of the Austrian government during Charles Habsburg's first putsch on the domestic situation in that country and the international relation in Central Europe is analysed in the paper. The author of the article also demonstrates the character of the international negotiations in the issue dealing with Burgenland, Beneš's attempts to be a moderator during the negotiations and the reaction of the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, Romania and Italy to them. The changes of the international relations in Central Europe at this time are also investigated in details. Besides that, Czechoslovakia was making attempts not only to strengthen the cooperation of the members of the Little Entente but also to isolate Hungary and to weaken its relations with Austria and Poland. The politicians in Prague achieved this purpose by concluding the treaties with Poland on 6 November 1921 and Austria on 16 December 1921. The successes of the Little Entente in the resistance against the Habsburgs' restoration in Hungary dealt with the enforcement of its international, political and military positions in Central Europe. The German diplomats considered the activity of the Czechoslovakia and its country members as an attempt to isolate Germany. Under those conditions Germany and Hungary were both interested in cooperation. The negotiations between Hungary and Germany during the autumn of 1921 and the co-ordination of these states' attitude with a number of international problems are analysed in the article.

Keywords: Charles Habsburg, Miklós Horthy, Edvard Beneš, Little Entente, the question of Burgenland, Austria, German diplomacy

How to cite: Stankov, N.N., 2021. The Habsburgs' attempts of the restoration in Hungary in 1921 and the international relations in Central Europe (based on the Czechoslovak diplomatic documents). *Tsentral'noevropeiskie issledovania*, 2021, 4(13), pp. 207–241. doi: 10.31168/2619-0877.2021.4.9.

Петр Владимирович Мошечков

Кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32А. E-mail: pmoshechkov@yandex.ru

Чехословакия и СССР в 1933 — июне 1934 г.: на пути к установлению дипломатических отношений

Статья посвящена одному из малоисследованных в современной отечественной историографии аспектов — истории нормализации советско-чехословацких отношений в 1933–1934 гг. В ней предпринята попытка рассмотреть ход переговоров по данному вопросу, проводившихся на высшем уровне между правительствами Чехословакии и СССР. Равным образом освещаются и обстоятельства, способствовавшие установлению между странами 9 июня 1934 г. дипломатических отношений. В ходе проведенного исследования удалось выяснить, что наметившийся с конца февраля 1933 г. новый этап сближения Чехословакии с Советским Союзом происходил на фоне серьезных сдвигов в европейской политической системе, вызванных усилением позиций нацистской Германии и одновременно началом ослабления Французской Республики, являвшейся союзницей ЧСР. Это вынудило правительство страны заняться поиском новых дипломатических комбинаций. На протяжении всего процесса переговоров шаги, предпринимавшиеся правительственными кругами и дипломатами обеих стран, характеризовались крайней осторожностью, а принятие ими тех или иных решений колебалось в зависимости от изменения обстановки в европейской политике. Нельзя не отметить и тот факт, что важную роль в формировании взглядов чехословацкого правительства и чехословацкого МИД на проблему установления нормальных отношений с Советским Союзом играла и их ориентация на позиции, занимаемые по данной проблеме союзниками Чехословакии по Малой Антанте — Румынией и Югославией. Статья основана на материалах фондов Архива внешней политики Российской Федерации и Архива Министерства иностранных дел Чешской Республики, часть из которых была опубликована в сборниках «Документы внешней политики СССР» и «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», а также изданном в 2002 г. современным чешским исследователем Й. Деймеком сборнике циркулярных телеграмм министра иностранных дел Чехословакии Э. Бенеша.

Ключевые слова: советско-чехословацкие отношения, советско-французские отношения, Восточный пакт, Лондонские конвенции, Лига Наций, Министерство иностранных дел Чехословацкой республики, Народный комиссариат иностранных дел СССР

Цитирование: *Мошечков П.В.* Чехословакия и СССР в 1933 — июне 1934 г.: на пути к установлению дипломатических отношений //

Центральноевропейские исследования. 2021. Вып. 4(13) / гл. ред. О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 242–272. DOI: 10.31168/2619-0877.2021.4.10.

Одной из ключевых и актуальных тем в современной отечественной историографии является исследование международных отношений накануне и в годы Второй мировой войны. Среди них особое место занимает история нормализации отношений между СССР и Чехословакией и заключения 16 мая 1935 г. договора о взаимной помощи. Значительная часть авторов, писавших по данной тематике, сконцентрировала внимание на обстоятельствах его подписания на фоне проводившихся параллельно переговоров о франко-советском сотрудничестве и Восточном пакте¹. В современной чешской и словацкой историографиях анализ проблемы дан, в первую очередь, в трудах А. Климека и Э. Кубу, Й. Деймека и Б. Ференчуговой². Из последних работ, затрагивающих вопросы советско-чехословацких отношений в 1933–1935 гг., следует особо выделить книгу В. В. Марьиной «Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек, 1884–1948»³, а также вышедшую в 2019 г. монографию Э. Ворачека, Д. Губены и Б. Литеры⁴. Вместе с тем исследователям не всегда в полной мере удавалось проследить ход переговоров между советскими и чехословацкими дипломатами на протяжении 1933–1934 гг.

Вопрос о нормализации отношений между Чехословакией и СССР был поднят уже в начале 1920-х годов. Кульминацией шедших между сторонами переговоров стало заключение 5 и 6 июня 1922 г. двух временных договоров (между ЧСР и Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и ЧСР и советской Украиной (УССР)). Их подписанием были фактически установлены дипломатические и консульские отношения между государствами, предусматривавшие в том числе создание представительств на их территориях. Однако заключение этих соглашений не предусматривало признания СССР Чехословакией *de jure*.

¹ Резонов 1952; Прасолов 1968; Петерс 1965; Кизченко 1972; Кен 1996; Кен 1997; Кен, Рупасов 2000.

² Dejmek 2001; Dejmek 2006; Ferencuhová 2006; Klímek, Kubů 1995; Král 1970; Lukeš 1999; Moulis 1965; Ort 1955; Olivová 1965.

³ Марьиная 2013.

⁴ Voráček, Hubený, Litera 2019.

Договоры получили законную силу в результате распоряжения Совета министров ЧСР от 7 августа 1922 г., но не были ратифицированы Национальным собранием из-за негативной позиции, занятой чехословацкими национальными демократами⁵.

На этом активная фаза переговоров о развитии советско-чехословацких отношений завершилась. Несмотря на то, что вопрос об углублении контактов между двумя странами ставился неоднократно в течение последующих лет, всякий раз принималось решение об отсрочке его реализации. В первую очередь, серьезным камнем преткновения на пути к официальному установлению дипломатических отношений между двумя странами были как политика чехословацкого правительства, направленная на поддержку проживающих в стране русских эмигрантов (так называемая русская акция), так и оказание помощи, в том числе и финансовой, чехословацким левым силам со стороны Коминтерна. Данные обстоятельства зачастую становились предметами резкой критики в прессе соответствующих стран, а также выдвигаемых ими в отношении друг друга официальных протестов. Не менее важным фактором было и кардинальное расхождение во взглядах среди представителей чехословацкой политической элиты на проблему советско-чехословацких отношений.

Не стоит упускать из виду и то обстоятельство, что чехословацкий МИД, политика которого в отношении Советского Союза характеризовалась исключительной осторожностью, следил за тем, как менялось отношение к этой стране у западных держав, в первую очередь Французской Республики, союзницы Чехословакии⁶, а также дипломатических кругов Румынии и Югославии. Так, вопрос о признании СССР *de jure* обсуждался всеми участниками Малой Антанты уже в 1923–1924 гг. На тот момент им удалось достичь договоренности о том, что каждая из стран решит вопрос об установлении отношений с Советским Союзом самостоятельно. В то время как Чехословакия была готова пойти на данный шаг, Румыния и Югославия выступили против принятия подобного решения. Для румынской стороны препятствием для налаживания контактов с Советским Союзом оставался вопрос о территориальной принадлежности

⁵ Станков 2007: 259–261; Voráček, Hubený, Litera 2019: 189.

⁶ Серапионова 2020: 149, 156.

Бессарабии⁷. В апреле 1924 г. был заключен румынско-французский договор, которым правительство Третьей республики признавало право Румынии на данную территорию. На состоявшемся в июле того же года совещании Малой Антанты представители румынской стороны заявили, что не пойдут на установление более тесных

⁷ 2 (15) декабря 1917 г. осуществлявший временное управление Бессарабией *Сфатул цэрий* (Краевой совет) заявил о создании Молдавской Народной Республики, являвшейся равноправным членом «единой Российской Федеративной демократической республики». 20 декабря 1917 г. на его закрытом заседании было принято решение о приглашении на территорию региона румынских войск под предлогом «обеспечения нормального функционирования тыла русско-румынского фронта», с чем выразили свое согласие и представители Антанты и США в Яссах. 6 января 1918 г. румынские войска начали переправу через Прут, в общей сложности в Бессарабию было переброшено 4 дивизии румынской армии. Совет народных комиссаров РСФСР воспринял эти действия румынской стороны как «военные действия против Российской республики», приняв в ответ решение о разрыве дипломатических отношений с Румынией. В середине февраля 1918 г. в Бессарабию начали продвижение части Красной армии, принимавшие до этого участие в освобождении Киева и разгроме Центральной рады. Их успешные действия вызвали тревогу у румынского правительства в связи с подъемом радикальных настроений в стране, большая часть которой находилась под оккупацией германских и австро-венгерских войск. В этих обстоятельствах новый премьер-министр Румынии генерал Александру Авереску (1859–1938) вступил в переговоры с советской стороной. 5–9 марта 1918 г. РСФСР и Румыния подписали соглашение, согласно которому последняя обязывалась вывести из Бессарабии войска в течение двух месяцев. Однако после того, как румынское правительство заключило 5(18) марта 1918 г. прелиминарный мир с Центральными державами, оно нарушило соглашение с РСФСР, пропустив германские и австро-венгерские войска на Украину и в левобережную Молдавию, тем самым отрезав Бессарабию от остальной территории РСФСР. Впоследствии актами от 27 марта (9 апреля) и 27 ноября (10 декабря) *Сфатул цэрий* принял решение о вхождении региона в состав Румынского королевства. Поскольку голосование происходило в условиях оккупации, страны Антанты на первых порах не объявили об официальном признании его результатов. Совнаркомы РСФСР и УССР выразили протест против румынской акции. Позже право Румынии на Бессарабию было признано Парижским (Бессарабским) протоколом от 28 октября 1920 г., подписанным представителями Великобритании, Франции, Италии, Румынии и Японии. Однако поскольку японская сторона не ратифицировала его, данное соглашение так и не вступило в силу. В дальнейшем данная проблема стала не только основным препятствием, тормозившим ход советско-румынских переговоров об урегулировании имеющихся между сторонами спорных вопросов и установлении дипломатических отношений, затянувшихся вплоть до июня 1934 г., но и серьезной помехой для отношений СССР с Польшей и Чехословакией, связанными с Румынией договорными обязательствами. См.: *Виноградов В. Н., Ерещенко М. Д., Семенова Л. Е., Покивайлова Т. А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М.: Индрик, 1996. С. 174–182; 252; 296.

контактов с СССР до тех пор, пока последний не признает Бессарабию частью Румынии⁸.

Новый этап сближения между СССР и Чехословакией в 1933–1934 гг. начался на фоне существенных сдвигов в системе международных отношений в Европе. Одним из факторов стал приход к власти в Германии в январе 1933 г. партии национал-социалистов и назначение канцлером А. Гитлера. Стремясь укрепить внешнеполитические позиции страны в тот момент, когда еще только начиналось восстановление германской военной мощи, Гитлер и его окружение обозначили в качестве одной из задач своего внешнеполитического курса подрыв действовавшей в Европе системы международных отношений⁹.

Вступление Германии на путь усиления позиций во внешней политике означало угрозу интересам Франции, на тот момент еще сохранявшей статус наиболее влиятельной из стран европейского континента. К тому моменту Третья республика уже не могла рассчитывать на поддержку со стороны Великобритании. Представители ее правящих кругов, придерживаясь политики «равновесия сил», на данном этапе постепенно начали прямо или косвенно поддерживать требования Германии, стремясь создать противовес преобладанию Франции на континенте¹⁰. Начавшееся ослабление ее позиций серьезно настораживало правительственные круги Чехословакии.

Другим государством, политика которого вызывала беспокойство у чехословацкого МИД, была Италия. Еще в октябре 1932 г. занимавший посты премьер-министра и министра иностранных дел страны Бенито Муссолини заявил в произнесенной в Турине речи о возможности стабилизации отношений на европейской дипломатической арене путем установления директории четырех держав: Германии, Италии, Великобритании и Франции. Предложенный им проект подобного соглашения обсуждался в марте 1933 г. во время переговоров с британскими премьер-министром Джеймсом Рамсеем Макдональдом (1866–1937) и министром иностранных дел Джоном Олсбруком Саймоном (1873–1954) в Риме, а затем — во время встречи последних с премьер-министром Третьей республики Эдуардом

⁸ Voráček, Hubený, Litera 2019: 201.

⁹ Случ 2007: 99.

¹⁰ Белоусова 1976: 146–148.

Даладье (1884–1970) и Жозефом Поль-Бонкуром (1873–1972). Очевидная направленность «пакта четырех» на пересмотр мирных договоров и осуществление их ревизии за счет восточных союзников Франции, равно как и согласие последней участвовать в обсуждении данного соглашения, стали неожиданностью для Праги и вызвали в чехословацких правительственных кругах серьезные опасения не только относительно позиций своей страны, но и судьбы всей Малой Антанты¹¹.

Поэтому неудивительно, что с начала 1933 г. чехословацкий МИД приступил к поиску новых дипломатических комбинаций. Согласно точке зрения его руководителя, Э. Бенеша (1884–1948), не допустить реализации экспансионистских планов Германии позволило бы только присутствие в Европе крупной коалиции союзных государств¹². В качестве одного из действенных инструментов, способного укрепить положение Чехословацкой республики и ее центрально-европейских союзников, Румынии и Югославии, на международной арене, Э. Бенеш рассматривал дальнейшее сплочение всех трех стран в рамках Малой Антанты. Еще 16 февраля 1933 г. в Женеве министры иностранных дел Югославии, Румынии и Чехословакии подписали Организационный пакт. Данная мера рассматривалась ими как важный шаг на пути к созданию союзнического блока, который мог обладать большим политическим весом в европейской системе международных отношений, что позволило бы организовать экономическое сотрудничество между странами Центральной Европы и стабилизировать территориальный *status quo*¹³.

Активную позицию чехословацкие дипломаты проявили и во время итальянско-британских и британско-французских переговоров в марте 1933 г. 22 марта 1933 г. на совещании в Женеве представители Чехословакии, Румынии и Югославии обсуждали возможные пути противостояния установлению в Европе директории Германии, Италии, Великобритании и Франции. В опубликованном через

¹¹ Кургуныян 1973: 19–23.

¹² Beneš E. Paměti. Praha: Academia, 2008. Sv. 1. S. 7–8; Voráček, Hubený, Litera 2019: 13.

¹³ Telegrafická zpráva E. Beneše ministerstvu zahraničních věcí a některým vyslanectvím ČSR, týkající obsahu nadcházející konference Malé Dohody // Beneš E. Cirkulární telegrámy, 1920–1935 / k vydání připravil J. Dejmek. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 2002. S. 198–199; Ferencuhová 2000: 340.

несколько дней коммюнике Постоянный совет Малой Антанты заявил об «энергичном противодействии» входящих в блок стран любой ревизионистской политике со стороны западных держав¹⁴.

Параллельно чехословацкая дипломатия предприняла попытку сближения с Польшей, руководствуясь тем, что польская сторона в равной мере была встревожена переговорами по проекту «пакта четырех», в особенности обсуждением вопроса о ревизии восточных границ Германии. Учитывая возможность чехословацко-германского вооруженного столкновения, Э. Бенеш обратился к министру иностранных дел Польши Юзефу Беку (1894–1944) с призывом выработать общую линию внешней политики. Кроме того, он предложил польскому правительству заключить договор «о вечной дружбе», предусматривающий урегулирование всех споров, которые могли бы привести к антагонизму между двумя странами, отказ от применения политических действий, способных нанести ущерб интересам польской стороны, а также демилитаризацию польско-чехословацкой границы¹⁵. Однако расхождения позиций чехословацкого МИД с позицией польской стороны, намеревавшейся вступить в переговоры с западными державами в качестве равного партнера, и его уклончивая позиция в отношении сотрудничества с Польшей по «пакту четырех»¹⁶ вызвали опасения у польского руководства, что Чехословакия и ее партнеры по Малой Антанте присоединятся к «пакту четырех», а Польша останется в изоляции. Именно поэтому польская сторона вступила на путь переговоров с Германией¹⁷.

Происходившие на европейской политической арене изменения пристально анализировались и советским руководством. Подписание в декабре 1932 г. постановления конференции пяти держав, согласно которому правительства Великобритании, Франции и Италии выразили свое согласие с предоставлением Германии «равенства

¹⁴ Морозов 2004: 60–61.

¹⁵ Там же. С. 67–68.

¹⁶ Так, во время беседы с главой британского внешнеполитического ведомства Д. О. Саймоном, состоявшейся в Женеве 25 марта 1933 г., Э. Бенеш заявил, что создание в Европе директората четырех держав означает разрыв с «идеалом Лиги Наций», а сам проект пакта предусматривает непосредственную ревизию мирных договоров. Одновременно министр иностранных дел сделал оговорку, означавшую, что он допускает ревизию границ в отношении других стран, но не Чехословакии. Там же. С. 61.

¹⁷ Там же. С. 69–73.

прав в системе, дающей безопасность всем нациям»,¹⁸ и начало переговоров по «пакту четырех» ознаменовали собой угрозу создания крупной коалиции, противоречия между участниками которой могли бы быть предотвращены за счет предоставления Германии возможности вести экспансию на восточном направлении. В Москве опасались, что принятие западноевропейскими державами данной концепции приведет к соглашению оказавшихся в дипломатической изоляции государств Восточной Европы с Германией. Тревогу вызывали и события на Дальнем Востоке. В 1931–1932 гг. японская Квантунская армия оккупировала Маньчжурию, что, в свою очередь, создало угрозу стратегическим позициям СССР в регионе. В сложившейся ситуации в руководящих кругах Советского Союза постепенно возобладало убеждение о необходимости активизировать политику в отношении стран Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы, в том числе и государств Малой Антанты, традиционно рассматривавшихся как «военный кулак», направленный против СССР¹⁹.

Вполне вероятно, что новая попытка сближения между советской и чехословацкой сторонами началась на фоне этих соображений. Не случайно 16 января 1933 г. заведующий политическим отделом МИД ЧСР Павел Велнер обратился к полпреду СССР в Праге Александру Яковлевичу Аросеву (1890–1938) и торгпреду Фрицу Фрицевичу Килевицу (1885–1937) с предложением «начать общие переговоры о торговом договоре, о торговом представительстве и о налогах». Советские представители выразили свое согласие²⁰. В этот же день состоялась их встреча с Э. Бенешем. Последний сам поднял тему о необходимости заключения соглашения, в тексте которого были бы урегулированы все проблемы, связанные с чехословацко-советскими отношениями в области экономики: вопросы об

¹⁸ Постановление конференции пяти держав о равноправии и об участии Германии в конференции по разоружению. Женева, 11 декабря 1932 г. // Сборники документов по международной политике и международному праву. М.: НКВД, 1933. Вып. V: Экономические конференции и соглашения. № 34. С. 138–139.

¹⁹ Кен, Рупасов 2000: 100–101; Voráček, Hubený, Litera 2019: 222.

²⁰ Телеграмма представителя СССР в Чехословакии и торгового представителя СССР в Чехословакии в Народный комиссариат иностранных дел СССР // ДВП СССР. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 16: 1 января — 31 декабря 1933 г. / ред. кол. Ф. П. Доля, Б. П. Мирошниченко, М. А. Попов [и др.]. № 14. С. 30.

установлении квот на ввоз советских товаров в ЧСР, права торгпредства и его налогообложение²¹.

Вместе с тем в 1933 г. экономическая сторона советско-чехословацких переговоров постепенно отступала на второй план. Во время состоявшейся 16 января беседы Бенеш сообщил полпреду и торгпреду о планируемом совещании членов Малой Антанты в Женеве, в ходе которого предполагалось затронуть «вопрос о признании СССР одновременно всеми членами Малой Антанты», а также о готовности румынского правительства «вслед за пактом немедленно установить и дипломатические отношения с СССР». В связи с этим министр иностранных дел ЧСР предпринял попытку прозондировать вопрос о том, пойдет ли СССР на уступки в формулировке бессарабского вопроса²².

7 и 8 марта 1933 г. состоялись две беседы А. Я. Аросева с Э. Бенешем, во время которых полпред попытался выяснить позицию главы внешнеполитического ведомства ЧСР по вопросу о том, каким образом он видит сближение Малой Антанты с Советским Союзом. Отвечая ему, Бенеш подчеркнул, что если правительство СССР не готово подписать соглашение со всеми членами Малой Антанты, то это можно будет сделать по отдельности с каждым из них. Он заверил Аросева, что Румыния, ранее отвергавшая предлагаемый советской стороной текст пакта о ненападении, теперь была готова принять его формулировку в несколько измененной форме, которая, согласно точке зрения Бенеша, могла бы быть приемлема и для СССР. В столь благоприятных условиях советским дипломатам оставалось лишь предложить проект пакта Чехословакии. Последняя, в свою очередь, тотчас подала бы его на рассмотрение югославского и румынского внешнеполитических ведомств²³.

Советская сторона приняла предложение Бенеша, однако в очередной раз сделала это с крайней осторожностью. Это достаточно хорошо прослеживается в секретной записке Максима Максимовича

²¹ Телеграмма представителя СССР в Чехословакии и торгового представителя СССР в Чехословакии в Народный комиссариат иностранных дел СССР // Там же. № 15. С. 30.

²² Там же. С. 31.

²³ Телеграмма представителя СССР в Чехословакии А. Я. Аросева в Народный комиссариат иностранных дел СССР // ДМИСЧО. М.: Наука, 1977. Т. 2: Август 1922 г. — июнь 1934 г. № 434. С. 543.

Литвинова (1876–1951), направленной И. В. Сталину 9 марта 1933 г. Ссылаясь на ряд неясностей, существующих в изложении Аросевым позиции румынской стороны, сделанном со слов Э. Бенеша, М. М. Литвинов предлагал выяснить у министра иностранных дел два момента: 1) приступят ли Чехословакия и Югославия к переговорам с Советским Союзом без Румынии (в том случае, если предложенные Румынией условия имели бы ультимативный характер, советской стороне не имело смысла начинать какие-либо переговоры о пакте); 2) являются ли «выдвинутые Бенешем условия пакта с Румынией» исключительно зондажем с его стороны (в таком случае, полагал нарком иностранных дел, пакт мог бы быть заключен без их упоминания). Примечательно, что дальнейшие переговоры с чехословацкой стороной Литвинов предложил вести не в Праге через А. Я. Аросева, а вынести их на более высокий уровень, проведя их в Женеве. Советскую сторону на них должен был представлять полномочный представитель Советского Союза в Париже Валериан Савельевич Довгалевский (1885–1934), одновременно являвшийся одним из членов советской делегации на конференции по сокращению и ограничению вооружений²⁴.

Доступные на сегодняшний день документы показывают, что Сталин ознакомился с запиской М. М. Литвинова и одобрил высказанное им предложение. Довгалевскому было поручено выяснить позицию Бенеша по следующим четырем вопросам:

1. Готовы ли Чехословакия и Югославия заключить пакт и без Румынии, или настаивают на трех пактах? 2. Имеет ли он единый для всех стран текст или разные с учетом особенностей каждой страны? 3. Имеет ли он (Бенеш. — *П. М.*) в виду вести переговоры от всех трех стран? 4. Принимает ли Румыния теперь текст, который нами сообщен французскому правительству, открытый для подписания в течение четырех месяцев, и в котором Бессарабия не упоминается²⁵?

²⁴ АВП РФ. Ф. 010. Секретариат Н. Н. Крестинского. Оп. 8. П. 33. Д. 97. Л. 8. М. М. Литвинов — И. В. Сталину, Москва, 9 марта 1933 г.

²⁵ Под данной формулировкой М. М. Литвинов, скорее всего, имел в виду проект пакта о ненападении между Советским Союзом и Румынией. Он был выработан в ходе переговоров, происходивших в январе 1932 г. между членом коллегии НКВД Борисом Спиридоновичем Стомоныковым (1882–1941) и румынским поверенным в делах в Риге Михаем Стурдзой (1886–1980), а затем, в сентябре — октябре того же года, между Литвиновым и румынским посланником Виктором Кадере (1891–1980) в Женеве. Во время первого этапа взаимных консультаций стороны договорились оставить

При беседе с Бенешем Довгалеvскому следовало подчеркнуть, что переговоры имеют неофициальный характер, и попросить министра иностранных дел представить ему текст предложенного Аросеv проекта²⁶.

13 марта 1933 г. В. С. Довгалеvский встретился с Э. Бенешем. Глава внешнеполитического ведомства Чехословакии заверил собеседника, что советскому правительству проще было бы начать переговоры с Малой Антантой о едином соглашении о ненападении, в процессе которых обговорить с представителями каждой из входящих в нее стран все имеющиеся между ними и СССР спорные вопросы. После их обсуждения Бенеш предполагал подписать единый договор между Советским Союзом и Малой Антантой. Через несколько недель стороны должны были составить и подписать специальный акт, в котором было бы заявлено о ликвидации взаимных претензий. Кроме того, предусматривалось, что все четыре участника обменяются нотами об установлении дипломатических отношений. Завершая беседу с Довгалеvским, Бенеш отметил, что для него было бы приемлемо и «предложение о трех пактах и о трех отдельных нотах о восстановлении отношений». Принимая во внимание полученные сведения, В. С. Довгалеvский заключил, что при такой постановке вопроса «заключение пакта откладывается в долгий ящик», а выдвигаемое Бенешем решение «не похоже на реальную программу, рассчитанную на скорое исполнение»²⁷.

Отчет В. С. Довгалеvского был получен НКВД, после чего его руководство выслало полпредам СССР в Париже и Праге новые

бессарабский вопрос за рамками переговорного процесса, что позволило им значительно продвинуться в выработке большей части текста будущего договора. Переговоры были приостановлены после того, как румынская сторона выразила свое несогласие с внесением в проект оговорки о существовании между СССР и Румынией территориальных споров. По той же причине не привели ни к какому результату и встречи между М. М. Литвиновым и В. Кадере в Женеве. См.: *Виноградов В. Н., Ерещенко М. Д., Семенова Л. Е., Покивайлова Т. А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Там же. С. 297–298.

²⁶ М. М. Литвинов — В. С. Довгалеvскому, 10 марта 1933 г., Москва // ДМИСЧО. Т. 2. № 435. С. 544.

²⁷ Телеграмма члена советской делегации на конференции по сокращению и ограничению вооружений В. С. Довгалеvского в Народный комиссариат иностранных дел СССР, Женевa, 13 марта 1933 г. // Там же. № 437. С. 545–546.

инструкции. М. М. Литвинов указал Аросеву на очевидность того, что Чехословакия и Югославия не будут подписывать с СССР пакт о ненападении без участия в этой процедуре Румынии, ибо она начала бы настаивать на неприемлемых для советской стороны формулировках в бессарабском вопросе, в связи с чем продолжение переговоров с Чехословакией выглядело бы бессмысленным²⁸.

Более обтекаемая и осторожная формулировка содержалась в телеграмме, направленной В. С. Довгалевскому. Ему предписывалось сообщить Бенешу о готовности СССР заключить со всеми тремя странами пакт о ненападении. Вместе с тем Довгалевский должен был указать главе чехословацкого внешнеполитического ведомства, что советские дипломаты сомневаются в возможности разрешить бессарабский вопрос «по существу», а также договориться с Титулеску, «если он отвергает текст, сообщенный нами французскому правительству». В том случае, если бы Э. Бенеш предложил Довгалевскому проект пакта, полпреду в Париже предлагалось принять его²⁹.

Вторая встреча Довгалевского с Бенешем состоялась 18 марта 1933 г. Полпред СССР в Париже передал своему собеседнику точку зрения советской стороны, изложенную в инструкциях Литвинова. Он заявил о том, что в настоящее время отсутствует благоприятный момент для решения вопроса о Бессарабии. Однако, как следует из записи беседы двух дипломатов, чехословацкий министр иностранных дел не был удовлетворен ответом советской стороны и предложил Довгалевскому отложить переговоры «до более подходящего момента»³⁰. Впрочем, из более позднего письма полпреда в Париже от 9 апреля 1933 г. следует, что Э. Бенеш, коснувшись темы «пакта четырех», заявил, что в том случае, если дипломатам Малой Антанты не удалось бы предотвратить заключение соглашения между Италией, Германией, Францией и Великобританией, для Чехословакии, Югославии

²⁸ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 33. Д. 97. Л. 5–8. М. М. Литвинов — А. Я. Аросеву, Москва, 15 марта 1933 г.

²⁹ М. М. Литвинов — В. С. Довгалевскому, Москва, 17 марта 1933 г. // ДМИСЧО. Т. 2. № 438. С. 546.

³⁰ Запись беседы министра иностранных дел Чехословакии Э. Бенеша с членом советской делегации на конференции по сокращению и ограничению вооружений В. С. Довгалевским относительно пакта о ненападении, Женева, 18 марта 1933 г. // Там же. № 439. С. 547.

и Румынии стал бы актуален вопрос «о заключении в противовес директории другого пакта с участием СССР»³¹.

Новая подвижка в вопросе о заключении пакта между СССР и Малой Антантой была предпринята во второй половине апреля 1933 г. Незадолго до отъезда из Праги в Москву, 23 апреля 1933 г., А. Я. Аросев нанес визит Э. Бенешу, во время которого министр иностранных дел Чехословакии выразил намерение передать советской стороне через бывшего полпреда текст проекта пакта о ненападении³². 4 мая 1933 г. он был направлен в полпредство. В основу предложенного главой внешнеполитического ведомства ЧСР проекта лег «Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики» (пакт Бриана — Келлога) от 27 августа 1928 г.³³ Следует отметить, что в АВП РФ отложились материалы, косвенно свидетельствующие о получении НКВД проекта Бенеша: в справке, направленной в Москву советским поверенным в делах в Праге Полоцким, содержалась адресованная Литвинову просьба прислать его копию, поскольку таковой не оказалось в полпредстве³⁴.

После отъезда Аросева переговоры о признании СССР *de jure* продолжил новый полпред Сергей Сергеевич Александровский (1889–1945)³⁵, находившийся в Праге с конца мая 1933 г. Инструктируя его, заместитель наркома иностранных дел Николай Николаевич Крестинский (1883–1938) отметил, что для советской стороны настал благоприятный момент для улучшения взаимоотношений с Чехословакией. По мнению Москвы, чехословацкая сторона

³¹ В. С. Довгалевский — Н. Н. Крестинскому, [Париж], 9 апреля 1933 г. // ДВП СССР. Т. 16. № 113. С. 224–225.

³² АВП РФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 33. Д. 97. Л. 9. А. Я. Аросев — М. М. Литвинову, Прага, 15 марта 1933 г.

³³ Там же. Л. 11–15. Пакт о ненападении.

³⁴ Там же. Л. 23. Б. Полоцкий — М. М. Литвинову, Прага, 28 мая 1933 г.

³⁵ Отзыв А. Я. Аросева с поста полпреда в Праге и его фактическое отстранение от переговоров с чехословацким МИД по вопросу о пакте о ненападении были связаны с окончательным обострением его отношений с руководством советского внешнеполитического ведомства и, в первую очередь, с самим М. М. Литвиновым, не согласным с жесткими и категорическими методами, которые этот дипломат предлагал использовать в политическом курсе Советского Союза в отношении Чехословакии. Александровский был назначен полпредом как более гибкий и лояльный человек, уже знакомый с ключевыми проблемами советско-чехословацких отношений (в 1923–1931 гг. он служил в качестве секретаря Советского информационного представительства в Праге). См.: Кен 1996: 62; Кен, Рупасов 2000: 224–225.

рассчитывала, что приход к власти в Германии враждебного по отношению к коммунизму национал-социализма заставит СССР изменить отношение к ней и теперь Советский Союз выступит на стороне Чехословакии. Кроме того, чехословацкое правительство, как союзника Франции, к сближению с СССР подталкивал и факт улучшения советско-французских отношений, в том числе подписания между двумя странами 29 ноября 1932 г. пакта о ненападении. Третьим фактором, указывающим на наличие благоприятных моментов для возобновления переговоров с Чехословакией, мог стать внесенный СССР в Лигу Наций вопрос о заключении конвенции об определении агрессора. Крестинский написал:

Победившие в мировой войне государства, а также государства, возникающие в результате войны, в том числе и Чехословакия, истолковывают это определение как заявление о неприкосновенности установленных в Версале границ и, соответственно, начинают чувствовать к нам за внесение нашего предложения известную симпатию и благодарность³⁶.

Однако представители чехословацкой стороны отнеслись к вопросу о нормализации отношений с СССР довольно сдержанно. В частности, не увенчался успехом зондаж, который Литвинов произвел в Лондоне во время заседаний Международной экономической конференции. 16 июня он получил из Москвы директивы, в которых в ответ на сделанный Бенешем 15 июня очередной запрос сообщалось о согласии советской стороны заключить общий пакт о ненападении с государствами Малой Антанты. При этом советское правительство ставило в качестве условия включение в него формулировок о наличии между сторонами спорных вопросов и возобновлении дипломатических отношений СССР со всеми тремя странами одновременно. Вместе с тем оно, не желая прерывать шедшие параллельно переговоры о пакте ненападения с Италией, рекомендовало в первую очередь подписать советско-итальянский договор «до того, как будут окончены переговоры с Малой Антантой»³⁷.

³⁶ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 33. Д. 97. Л. 25–26. Н. Н. Крестинский — С. С. Александровскому, Москва, 7 июня 1933 г.

³⁷ Н. Н. Крестинский — М. М. Литвинову, [Москва], 16 июня 1933 г. // ДВП СССР. Т. 16. № 183. С. 351–352.

В этот же день нарком иностранных дел встретился с Э. Бенешем, который заявил Литвинову, что договор о ненападении между членами Малой Антанты с одной стороны и Советским Союзом с другой можно заключить лишь при том условии, если все существующие между сторонами спорные моменты подвергнутся одновременному урегулированию. В их число входил и вопрос о Бессарабии. Литвинов отверг предложение Бенеша, отметив, что Советский Союз «готов на пакт со всеми тремя странами, на гарантию ненападения на Румынию с оставлением Бессарабского вопроса открытым»³⁸.

Затягивание Чехословакией переговоров и одновременное выяснение возможностей улучшения взаимоотношений с СССР являлось ее искусным дипломатическим маневром. Его целью могло быть оказание давления на Францию и недопущение подписания ею «пакта четырех». Однако дипломаты Третьей республики заверили коллег в странах Малой Антанты, что одновременно с подписанием пакта Франция предоставит им письменные гарантии о защите их интересов. В результате на конференции государств Малой Антанты, состоявшейся в Праге 29 мая 1933 г., было выражено согласие их дипломатических представителей с «пактом четырех». На следующий день, 30 мая, Постоянный совет Малой Антанты опубликовал декларацию, в которой выразил согласие с редакцией пакта, содержащей французские поправки³⁹.

Тем временем на фоне шедших между Великобританией, Францией, Германией и Италией переговоров по «пакту четырех держав» вновь стала актуальной идея проведения конференции с участием СССР и его западных соседей с целью подписания совместного протокола об определении понятия агрессии⁴⁰. 24 июня 1933 г. в полпредстве СССР в Лондоне состоялась встреча Литвинова с министром иностранных дел Румынии Николае Титулеску (1882–1941) и постоянным представителем Польши в Лиге Наций Эдвардом

³⁸ Б. С. Стомоняков — В. А. Антонову-Овсенко, [Москва], 19 июня 1933 г. // Там же. № 186. С. 356.

³⁹ Петерс: 1965: 321.

⁴⁰ Впервые она была предложена НКВД польской стороне в апреле 1933 г. Однако поскольку Польша выдвинула в качестве условия своего участия в конференции правовое урегулирование бессарабского вопроса, претворение в жизнь данного проекта было отложено на некоторое время. См.: Кен, Рупасов 2000: 101–102.

Бернардом Рачинским (1891–1993). Титулеску сообщил главе советского внешнеполитического ведомства о готовности Чехословакии, Румынии и Югославии незамедлительно подписать данный документ. По его мнению, такое решение стало бы своеобразным символом сближения Советского Союза с Малой Антантой, а следующим шагом на данном пути могло бы быть восстановление дипломатических отношений. Глава внешнеполитического ведомства СССР пообещал руководителю румынского МИД дать ответ на данное предложение. При этом он подчеркнул, что советская сторона готова подписать подобное соглашение при условии включения в число его участников остальных граничащих с СССР государств. Со стороны Титулеску никаких возражений не последовало⁴¹, а Рачинский выразил солидарность с позицией румынского дипломата.

На очередной встрече, состоявшейся 26 июня, Литвинов, Рачинский и Титулеску приняли решение о том, что планируемая конвенция должна представлять многостороннее соглашение, составленное на основе принципов, изложенных в докладе комиссии Политиса, озвученном на Женевской конференции по разоружению. Однако уже 28 июня 1933 г., во время очередных переговоров, на которых присутствовал и турецкий министр иностранных дел Тевфик Рюшту Арас (1883–1972), Рачинский заявил о готовности Польши подписать протокол исключительно регионального характера. Тем самым соглашение распространялось бы исключительно на СССР и граничащие с ним государства и не затрагивало бы, в частности, Литву, Чехословакию, Югославию и Францию⁴². В результате дальнейших переговоров стороны пришли к решению оформить два отдельных соглашения. Первая конвенция была подписана 1 июля 1933 г. между СССР, Румынией, Польшей, Латвией, Эстонией, Ираном и Афганистаном⁴³. Второй документ, заключенный 4 июля, подписали СССР,

⁴¹ ДВП СССР. Т. 16. С. 844 (прим. 163).

⁴² Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР в НКВД СССР из Лондона, 28 июня 1933 г. // Там же. № 199. С. 373–374.

⁴³ Конвенция об определении агрессии между СССР, Эстонией, Латвией, Польшей, Румынией, Турцией, Персией и Афганистаном // ДВП СССР. Т. 16. № 213. С. 388–392.

Турция, Чехословакия, Румыния и Югославия⁴⁴. Третья конвенция была подписана между СССР и Литвой 5 июля⁴⁵.

Подписание Лондонских конвенций играло довольно значимую роль для отношений СССР с западными лимитрофами. По сути, данная акция стала своеобразным ответом восточноевропейских стран на «пакт четырех держав» и на территориальные притязания Германии. Присутствующее в них определение агрессии, согласно которому ее оправданием не могло служить никакое «соображение политического, военного, экономического или иного порядка»⁴⁶, удовлетворяло правительственные и дипломатические круги стран Восточной Европы, которые оказались перед угрозой ревизии своих границ, установленных в рамках версальско-вашингтонской системы. Более того, содержащаяся в текстах конвенций ссылка на понятие принадлежащей государству территории как находящейся под его «фактической администрацией», вызывала, в частности, удовлетворение Румынии, в составе которой находилась Бессарабия. Особую значимость имел и многосторонний характер конвенции, поскольку после ее принятия любое упоминание о существовании советско-румынского территориального спора становилось неуместным. Со своей стороны правительства ЧСР и Румынии положительно восприняли данную дипломатическую акцию, рассматривая подписанное 4 июля соглашение в качестве замены двусторонних пактов с СССР о ненападении. Таким образом, заключив Лондонские конвенции, советская сторона устранила основное препятствие на пути к нормализации советско-румынских отношений⁴⁷, а следовательно, и к перспективе установления нормальных отношений с ее союзниками по Малой Антанте: Чехословакией и Югославией.

Очевидность возможности достижения в ближайшие сроки полной нормализации отношений в результате подписания Лондонских конвенций способствовала началу нового витка переговоров между ЧСР и СССР. 20 июля 1933 г. чехословацкий посланник

⁴⁴ Конвенция об определении агрессии между СССР, Румынией, Чехословакией, Турцией и Югославией // Там же. № 218. С. 405.

⁴⁵ Конвенция об определении агрессии между СССР и Литвой // Там же. № 220. С. 408–411; Кен, Рупасов 2000: 102.

⁴⁶ См., например: Конвенция об определении агрессии между СССР, Румынией, Чехословакией, Турцией и Югославией. С. 405.

⁴⁷ Кен, Рупасов 2000: 102–103.

в Берлине Войтех Мастный (1874–1954) сообщил в Прагу о беседе с советским полпредом Л. М. Хинчуком, который «весьма многообещающе» заявил о благоприятных последствиях заключения Лондонских конвенций для дальнейшего сближения между этими странами в политической и хозяйственной сферах⁴⁸. 23 августа об интересе советской стороны к нормализации отношений с Чехословакией сообщил и заместитель наркома иностранных дел Н. Н. Крестинский. Чехословацкая сторона выразила готовность начать переговоры. Для их ведения в качестве представителя ЧСР был назначен занимавший на тот момент должность заместителя заведующего политической секцией министерства иностранных дел Б. Павлу. Однако произведенный им зондаж обстановки успеха не имел. Более к того, к сентябрю стало ясно, что переговоры вновь зашли в тупик. 20 сентября 1933 г. Э. Бенеш направил в полпредство Чехословакии в СССР телеграмму, в которой заявил, что, несмотря на положительное отношение к признанию СССР *de jure* Министерством иностранных дел Чехословацкой республики, из-за существующих в стране трудностей внутривластного характера «проблема признания Советской России находится <...> в прежней стадии»⁴⁹.

Тем временем международная ситуация на европейской политической арене продолжала ухудшаться. 14 октября 1933 г. германское Министерство иностранных дел в ответ на отказ Франции ратифицировать «пакт четырех» и поддержку Великобританией и США французских поправок в план разоружения заявило о выходе своей страны из Лиги Наций. Это событие ознаменовало очередной кризис версальской системы международных отношений. В сложившейся ситуации правительство Чехословакии вновь стало рассматривать возможность сближения с Советским Союзом. Так, 25 ноября 1933 г. во время беседы с В. С. Довгалевским Э. Бенеш пообещал поставить вопрос о нормализации отношений с СССР во время ближайшего заседания Постоянного совета Малой Антанты⁵⁰.

⁴⁸ Amort (red.) 1975: 241.

⁴⁹ Телеграмма министра иностранных дел Чехословакии Э. Бенеша полномочному представителю Чехословакии в СССР по вопросу о признании СССР *de-jure* // ДМИСЧО. Т. 2. № 445. С. 550–553.

⁵⁰ Письмо советника полномочного представителя СССР во Франции заместителю народного комиссара иностранных дел СССР Н. Н. Крестинскому // ДВП СССР.

Вместе с тем на пути к нормализации отношений между ЧСР и СССР по-прежнему продолжал существовать ряд препятствий, касавшихся в том числе и затруднений в сфере международной торговли. Полпред С. С. Александровский в письме Н. Н. Крестинскому от 28 июля 1933 г. отметил, что до 1931–1932 гг. советская сторона рассматривала Чехословакию исключительно как страну для размещения своих заказов, в связи с чем имела с ней «резко выраженный пассив торгового баланса»⁵¹. Однако начиная с 1933 г. Советский Союз начал увеличивать объемы экспорта своей продукции в ЧСР. К концу первого полугодия 1933 г. соотношение советского экспорта в ЧСР и импорта из ЧСР находилось «в соотношении 8 или 9 к 1-му»⁵². Правительство Чехословакии, экономика которой традиционно была ориентирована на экспорт⁵³, стремясь добиться актива в торговле с СССР в свою пользу и действуя в русле политики протекционизма, начало применять в отношении советского экспорта лицензионную систему на ввоз товаров. Хозяйственный департамент Министерства иностранных дел ЧСР урезал квоты на ввоз из СССР таких товаров, как антрацит (2 тыс. т вместо 6 тыс.), томасова мука⁵⁴ (3 тыс. т вместо 6 тыс.), анилиновое масло (10 т вместо 20 т)⁵⁵. Кроме того, максимальные ввозные пошлины были введены Советом министров республики и на керосиновый дистиллят. Беспокойство у советского дипломатического представителя вызывали и слухи об исключении из списков товаров, подлежащих свободному ввозу, льна и руды⁵⁶. Констатируя очевидность попытки чехословацкой дипломатии оказать давление на СССР с целью добиться заключения торгового договора на выгодных для ЧСР условиях, Александровский поставил вопрос о «своевременности торговых переговоров и торговом договоре с Чехословакией», которые, согласно его мнению, должны были начаться осенью, когда в стране произошло бы обострение

Т. 16. № 390. С. 684–685.

⁵¹ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 33. Д. 97. Л. 57. С. С. Александровский — Н. Н. Крестинскому, Прага, 28 июля 1933 г.

⁵² Там же.

⁵³ Najková, Horak (eds) 2018: 409; 759.

⁵⁴ *Томасова мука* — фосфористое удобрение, получаемое при производстве чугуна по методу английского инженера Сидни Гилкрита Томаса (1850–1885).

⁵⁵ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 33. Д. 97. Л. 59. С. С. Александровский — Н. Н. Крестинскому, Прага, 28 июля 1933 г.

⁵⁶ Там же. Л. 59; 60–61.

ряда «внутриполитических» вопросов и можно было бы ожидать «некоторых сдвигов и во внутриполитических проблемах»⁵⁷.

Расчеты советского полпреда оправдались. В сентябре-октябре 1933 г. к нему обратился политический референт Восточного отдела МИД ЧСР Йозеф Благож с предложением начать переговоры о признании Чехословакии и Советского Союза торгово-договорными странами⁵⁸. Советская сторона проявила внимание к разработанному чехословацкой дипломатией проекту. 14 ноября 1933 г. по результатам опроса своих членов Политбюро ЦК ВКП(б) постановило принять предложенный Благожем проект. 17 ноября Н. Н. Крестинский известил С. С. Александровского о решении Москвы. Там полагали, что обмен заявлениями о статусе СССР и Чехословакии как торгово-договорных стран был бы выгоден советской стороне лишь в том случае, если бы ЧСР предоставила ей по экспорту «те же таможенные ставки, которыми пользуются настоящие торгово-договорные страны» и если бы на СССР были распространены те же торговые преимущества, которыми они пользовались. Такое решение было вызвано тем, что советская сторона опасалась возникновения ситуации, при которой Чехословакия восприняла бы согласие полпреда на заключение торгового договора как готовность Советского Союза начать переговоры «без возобновления дипотношений». Вместо этого Александровскому поручалось попытаться «навести» Благожа на то, чтобы он сам поставил этот вопрос перед полпредом. В том случае, если бы последний проявил инициативу, полпреду следовало заявить, что его предложение является дискутабельным, и в том случае, если бы чехословацкое правительство обратилось к советскому правительству с ним официально, оно бы отнеслось к нему благожелательно. Однако если бы Благож не повторил свою инициативу или же МИД не солидаризировался бы с ним и не сделал официального предложения, НКВД посчитал бы зондаж Александровского неудавшимся и вновь встал бы на путь ожидания «изменений общей обстановки в отношениях между СССР и Чехословакией»⁵⁹.

⁵⁷ Там же. Л. 62.

⁵⁸ Кен, Рупасов 2000: 400.

⁵⁹ АВП РФ. Ф. 010. Секретариат Н. Н. Крестинского. Оп. 8. П. 33. Д. 97. Л. 97. Н. Н. Крестинский — С. С. Александровскому, Москва, 17 ноября 1933 г.; Кен, Рупасов 2000: 400.

По всей вероятности, новое предложение от Й. Благожа или МИД ЧСР полпреду так и не поступило. На это указывает то обстоятельство, что 2 декабря 1933 г. во время заседания коллегии Народного комиссариата иностранных дел, в котором принимал участие и Александровский, было принято решение «не давать чехам заказов, по крайней мере первый квартал 1934 г.». Кроме того, НКИД принял постановление о сокращении штатов торгпредства в Праге на 40%. Тем самым советская сторона, воспользовавшись обстановкой экономического кризиса, намеревалась указать на невозможность чехословацких правительственных кругов рассчитывать на развитие торгово-экономических отношений в той обстановке, когда СССР фактически воспринимался как «бездоговорная» страна. Кроме того, данные меры, по замыслам советских дипломатов, должны были активизировать шедшую в ЧСР кампанию за признание Советского Союза *de jure*⁶⁰.

Расчеты НКИД на то, что данные меры принесут желаемый эффект, оправдались. Из писем С.С. Александровского и советника представительства СССР в Чехословакии Александра Федоровича Ильина-Женевского (1894–1941) следует, что конец декабря 1933 – начало января 1934 г. ознаменовались значительным усилением общественного движения в пользу признания Советского Союза *de jure*⁶¹. Особенно ярко это прослеживается в письме Александровского Крестинскому от 27 января 1934 г., в котором полпред отметил, что кампания за признание СССР в чехословацкой прессе продолжается «с неослабеваемой энергией». Тон критики в адрес Советского Союза и его признания снизился и Национально-демократическая партия Чехословакии. На повестку дня был вынесен и вопрос о развитии хозяйственных отношений с СССР и необходимости подписания торгового соглашения, к продвижению которого присоединились и представители занимающей ведущие позиции в правительственной коалиции аграрной партии⁶².

Тем временем продолжались переговоры Чехословакии с союзниками по Малой Антанте относительно признания Советского

⁶⁰ Кен, Рупасов 2000: 401.

⁶¹ А.Ф. Ильин-Женевский – Н.Н. Крестинскому, Прага, 12 декабря 1933 г. // ДМИСЧО. Т. 2. № 454. С. 568–570; С.С. Александровский – Н.Н. Крестинскому, Прага, 27 января 1934 г. // Там же. № 457. С. 572–575.

⁶² С.С. Александровский – Н.Н. Крестинскому, Прага, 27 января 1934 г. // Там же. № 457. С. 573–574.

Союза, во время которых было принято решение вынести данный вопрос на заседание конференции министров иностранных дел Малой Антанты в Загребе. Она состоялась 22 января 1934 г. Сообщая об итогах заседания в Прагу, Э. Бенеш в циркулярной телеграмме заявил о том, что настал подходящий момент для нормализации отношений Чехословакии, Румынии и Югославии с СССР.⁶³ По его мнению, Чехословакия и Югославия могли бы сделать это путем простого назначения послов в Москву. Оставалось лишь дожидаться того момента, когда Румыния пришла бы к окончательному соглашению с советской стороной. Что же касается ЧСР, то, по словам Бенеша, правительство Первой республики со своей стороны делает все необходимое для проведения данной процедуры, в том числе разрабатывает проект нового торгового договора⁶⁴.

Следуя обозначенным Постоянным советом Малой Антанты директивам, чехословацкое правительство начало переговоры с СССР. Еще 7 февраля 1934 г. Э. Бенеш заявил С. С. Александровскому о том, что дал заведующему экономическим отделом Фридману соответствующее распоряжение⁶⁵. 7 марта 1934 г. последний представил советскому полпреду проект, основанный на советско-германском и советско-норвежском торговых соглашениях. В нем были отражены все вопросы, вокруг которых до этого велись советско-чехословацкие переговоры: «наибольшее благоприятствование, поселение и правовая защита граждан, мореплавание, торговые знаки, права торговых обществ». Также Фридман предложил отобразить статус торгпредства и проблемы, связанные с авторским правом⁶⁶.

Окончательный текст проекта торгового договора был передан советскому дипломатическому представительству в Праге в середине

⁶³ Согласно официальному решению, принятому Бенешем, Титулеску и Ефтичем, восстановление дипломатических отношений с СССР могло бы рассматриваться в качестве своевременного лишь в случае, когда «будут налицо необходимые политические и дипломатические условия». См.: Примечание 44 // ДВП СССР. Т. XVI. С. 775.

⁶⁴ Циркулярная телеграмма министра иностранных дел Чехословакии Э. Бенеша о заседании представителей стран Малой Антанты в Загребе // ДМИСЧО. Т. 2. № 454. № 458. С. 575–576.

⁶⁵ Запись беседы представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского с министром иностранных дел Чехословакии Э. Бенешем, Прага, 7 февраля 1934 г. // Там же. № 459. С. 576.

⁶⁶ АВП РФ. Ф. 05. Секретариат М. М. Литвинова. Оп. 14. П. 102. Д. 102. Л. 35. Запись разговора с Фридманом 7-го марта 1934 г., Прага, 8 марта 1934 г.

марта 1934 г.⁶⁷ Однако в начале апреля 1934 г. советское правительство в очередной раз дало понять Чехословакии, что, пока между сторонами не будет достигнуто определенного согласия об их политических отношениях, оно не пойдет на урегулирование взаимных отношений в экономической сфере⁶⁸.

Тем временем политическая ситуация на международной арене вновь изменилась. Во второй половине 1934 г. Французская Республика возобновила переговоры с СССР о совместных действиях по сдерживанию германской опасности. Центральное место в нем заняло обсуждение вопроса о проекте Восточного пакта, начатого еще осенью 1933 г. министром иностранных дел Ж. Поль-Бонкур. 28 апреля 1934 г. политический директор МИД Третьей республики Алексис Леже (1887–1975) предложил советской стороне французский проект данного регионального соглашения, который впоследствии был скорректирован в ходе дальнейших франко-советских переговоров. Его основу должны были составить два договора о взаимной помощи: пакт между СССР, Германией, Польшей, Чехословакией, Финляндией, Эстонией, Латвией и Литвой и франко-советский договор. В отношении первого соглашения Третья республика брала на себя определенные обязательства, хотя и не была его непосредственным участником. Проект предусматривал вступление СССР в Лигу Наций. В ответ на французские гарантии Советский Союз обязывался оказать помощь Франции в той мере, «как если бы он был участником Локарнского договора 1925 г.»⁶⁹.

Участие Польши и Чехословакии в новой системе взаимопомощи мыслилось французскими и советскими дипломатами как одна из гарантий возобновления союза между Россией и Францией, а также его действенности. Однако главной трудностью, с которой столкнулись Москва и Париж, стал отказ польской стороны играть отведенную ей в рамках данного регионального соглашения роль младшего партнера. В конце 1933 — начале 1934 г. с целью укрепить международное положение Польши Юзеф Пилсудский (1867–1935) согласился

⁶⁷ Amort (red.) 1975: 246.

⁶⁸ Н. Н. Крестинский — С. С. Александровскому, Москва, 17 марта 1934 г. // ДМИСЧО. Т. 2. № 465. С. 586.

⁶⁹ Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в 1933–1935 годах. Переговоры о Восточном пакте (1933–1935 годы): подборка документов // Международная жизнь. 1963. № 6. С. 158

пойти на временный компромисс с Германией. 26 января 1934 г. была подписана польско-германская декларация об отказе от применения силы при разрешении двусторонних споров. Этот шаг укрепил позиции польской стороны на переговорах с Францией и СССР, ход которых впоследствии показал, что польское правительство не согласится с франко-советским сценарием укрепления европейской безопасности⁷⁰.

В этих условиях большое значение приобрела поддержка данного проекта чехословацкой дипломатией, заинтересованной в сохранении версальского *status quo* в Европе и поэтому внимательно следившей за франко-советскими переговорами по Восточному пакту с самого их начала осенью 1933 г. Советские дипломаты прекрасно понимали, что при отклонении Варшавой предложения принять участие в Восточном пакте ЧСР становилась единственным связующим звеном между СССР и Францией. Принимая во внимание это обстоятельство, равно как и отсутствие надежд на принятие польской стороной франко-советского плана укрепления системы безопасности в Европе, советские государственные деятели и дипломаты приступили к деятельности по окончательному урегулированию отношений между СССР и ЧСР. Что же касается Э. Бенеша, то и он на фоне неуспеха в польско-чехословацких переговорах принял решение пойти на заключение договоренности с Советским Союзом.

20 апреля 1934 г. чехословацкое правительство выразило согласие с проектом Восточного пакта⁷¹, а 31 мая сообщило о готовности принять участие в данном региональном соглашении даже в случае отрицательного отношения к нему Германии⁷². Одновременно находившиеся в Женеве в качестве участников международной конференции по разоружению Литвинов и Бенеш достигли соглашения о формуле признания. 6 июня 1934 г. министр иностранных дел ЧСР запросил у своего правительства согласие на осуществление признания СССР *de jure* независимо от других членов Малой Антанты. Правительство одобрило предложение Бенеша⁷³. На следующий день, 7 июня, официальное согласие установить дипломатические

⁷⁰ Кен 1996: 83.

⁷¹ Amort (red.) 1975: 247.

⁷² Борьба СССР за коллективную безопасность // Международная жизнь. 1963. № 6. С. 156.

⁷³ Петерс 1965: 334; Amort (red.) 1975: 247.

отношения с Чехословакией выразила и советская сторона. 8 июня состоялось совещание Литвинова с министрами иностранных дел ЧСР, Румынии и Югославии, в ходе которого стороны подвели итоги дискуссий об установлении дипломатических отношений с Советским Союзом. Страны Малой Антанты приняли решение произвести данную акцию отдельно друг от друга. При этом Белград решил отсрочить нормализацию отношений с СССР на неопределенный срок.

9 июня 1934 г., после получения соответствующих санкций Политбюро ЦК ВКП(б) и правительства Чехословацкой республики, М. М. Литвинов и Э. Бенеш произвели обмен нотами. В них стороны заявляли об установлении нормальных дипломатических отношений и обмене представителями, которым присваивался ранг «чрезвычайного посланника и полномочного министра»⁷⁴. К ним прилагались два официальных письма, оговаривающих принципы, которых стороны должны были придерживаться при осуществлении контактов друг с другом. Правительства СССР и ЧСР обязались уважать суверенитет обеих стран и не вмешиваться, прямо или косвенно, «во внутренние дела и в развитие каждой из них». Кроме того, в документах был обозначен запрет на создание, поддержку или же предоставление разрешения пребывать на своей территории организациям, имеющим целью «вооруженную борьбу против другого государства, либо покушающихся силой на [его] общественный и политический строй». Стороны заявили о прекращении и окончательной ликвидации взаимных финансовых претензий, «проистекающих из событий войны и революции»⁷⁵, равно как и «применения революционного законодательства в обеих странах»⁷⁶. В переговорах, касавшихся взаимных экономических и торговых отношений и экономических интересов обеих стран и их граждан, они обязались придерживаться тех же принципов, что применялись в ходе решения аналогичных вопросов с другими государствами, «с которыми они поддерживают нормальные дипломатические

⁷⁴ Обмен нотами между Правительством СССР и Правительством Чехословацкой республики об установлении дипломатических отношений // ДМИСЧО. Т. 2. № 475. С. 593–594.

⁷⁵ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 12. П. 102. Д. 102. Л. 16–17; 20.

⁷⁶ Там же. Л. 20.

отношения». При этом они не должны были затрагивать те соглашения, которые СССР и Чехословакия заключили с третьими странами⁷⁷.

Таким образом, исследуя завершающий период в переговорах о нормализации советско-чехословацких отношений, следует отметить то обстоятельство, что формулировка позиции представителей чехословацкого МИД относительно признания Советского Союза во многом зависела от изменений, происходивших на международной арене в 1933–1934 гг. Изучая данный вопрос, возглавляемое Э. Бенешем чехословацкое внешнеполитическое ведомство ориентировалось на союзников ЧСР по Малой Антанте: Румынию и Югославию. В июне 1934 г. после длительной стадии переговоров между СССР и Чехословакией были установлены дипломатические отношения, и с этого момента перед правительствами обеих стран встал вопрос об их дальнейшем развитии. Происходившие с июня 1934 по май 1935 г. финальные консультации по вопросам признания друг друга торгово-договорными странами и организации взаимного сотрудничества, которые осуществлялись на фоне участия СССР и ЧСР в переговорах по проекту Восточного пакта, завершились в 1935 г. подписанием между ними договоров о торговле и мореплавании и о взаимной помощи. Заключение данных соглашений ознаменовало собой начало нового этапа в истории советско-чехословацких отношений межвоенного периода.

Список сокращений

ДВП СССР — Документы внешней политики СССР

ДМИСЧО — Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений

АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации, Москва

Литература

- Белоусова 1976 — *Белоусова З.С.* Франция и европейская безопасность, 1919–1939 гг. М.: Наука, 1976. 418 с.
- Кен 1996 — *Кен О.Н.* Чехословакия в политике Москвы (1932–1936 гг.): к новой постановке проблемы // Россия. XXI: общественно-политический и научный журнал. 1996. № 7–8. С. 52–70; № 11–12. С. 82–112.

⁷⁷ Там же. Л. 17.

- Кен 1997 — *Кен О. Н.* Чехословакия в политике Москвы (1932–1936 гг.): к новой постановке проблемы // Россия. XXI: общественно-политический и научный журнал. 1997. № 1–2. С. 62–86.
- Кен, Рупасов 2000 — *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. СПб.: Европейский дом, 2000. Ч. 1: Декабрь 1928 — июнь 1934. 701 с.
- Кизченко 1972 — *Кизченко А. Ф.* Внешняя политика Чехословакии накануне Второй мировой войны (май 1935 — март 1939 г.): дис. ... докт. ист. наук. Киев, 1972. 596 с. (рукопись)
- Кургуньян 1973 — *Кургуньян Т. А.* «Пакт четырех» и чехословацкая дипломатия // Советское славяноведение. 1973. №3. С. 19–30.
- Марына 2013 — *Марына В. В.* Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек, 1884–1948. М.: Индрик, 2013. 486 с.
- Морозов 2004 — *Морозов С. В.* Польско-чехословацкие отношения, 1933–1939: что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М.: Издательство Московского университета, 2004. 527 с.
- Петерс 1965 — *Петерс И. А.* Чехословацко-советские отношения (1918–1934). Киев: Наукова думка, 1965. 346 с.
- Прасолов 1968 — *Прасолов С. И.* Договор о взаимной помощи между Советским Союзом и Чехословакией 1935 г. // Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами. Из истории государственных, дипломатических, экономических и культурных связей / под. ред. С. И. Прасолова и П. И. Резонова. М.: Наука, 1968. С. 135–201.
- Резонов 1952 — *Резонов П. И.* Чехословакия в 1918–1951 годах: лекции, прочитанные в ВППШ при ЦК ВКП(б). М.: б. и., 1952. 52 с.
- Серапионова 2020 — *Серапионова Е. П.* Чехословакия и вопрос о признании Советской России в начале 1920-х гг. // Чехословакия и Советская Россия на обломках империй / отв. ред. Е. П. Серапионова. М.: Полимедиа, 2020. С. 148–162.
- Случ 2007 — *Случ С. З.* Сталин и Гитлер, 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля // Отечественная история. 2007. № 4. С. 98–119.
- Станков 2007 — *Станков Н. Н.* Дипломатические отношения Веймарской республики и Чехословакии, 1918–1924. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2007. 469 с.
- Amort (red.) 1975 — *Přehled dějin československo-sovětských vztahů v údobí 1917/1939 / zprac. Č. Amort a kol.* Praha: Academia, 1975. 465 s.
- Dejmek 2001 — *Dejmek J.* Edvard Beneš a fenomen Ruska mezi světovými válkami // Slovanský přehled. 2001. Roč. 87. Č. 2. S. 165–188.
- Dejmek 2006 — *Dejmek J.* Edvard Beneš: politická biografie českého demokrata. Praha: Karolinum, 2006. Část 1: Revolucionář a diplomat (1884–1935). 631 s.

- Ferenčuhová 2000 — *Ferenčuhová B.* Louis Barthou a československá zahraniční politika roku 1934 // *Evropa mezi Německem a Ruskem. Sborník prací k sedmdesatinám Jaroslava Valenty* / red. M. Šesták, E. Voráček. Praha: Historický ústav AV ČR, 2000. S. 339–354.
- Hajková, Horak (eds) 2018 — *Republika Československá, 1918–1939* / eds D. Hajková, P. Horak. Praha: NLN, s. r. o, 2018.
- Klímeček, Kubů 1995 — *Klímeček A., Kubů E.* Československá zahraniční politika, 1918–1938. Kapitoly z dějin mezinárodních vztahů. Praha: Institut pro středoevropskou kulturu a politiku, 1995. 115 s.
- Král 1970 — *Král V.* Spojenectví československo-sovětské v evropské politice, 1935–1939. Praha: Academia, 1970. 483 s.
- Lukeš 1999 — *Lukeš I.* Československo mezi Stalinem a Hitlerem: Benešova cesta k Mnichovu. Praha: Prostor, 1999. 374 s.
- Moulis 1965 — *Moulis V.* Ke vzniku československo-sovětské spojenecké smlouvy z roku 1935 // *Slovanský přehled*. 1965. Roč. 51. Č. 3. S. 703–731.
- Ort 1955 — *Ort A.* Dvaceté výročí československo-sovětské smlouvy o vzájemné pomoci // *Sovětská věda: Historie*. 1955. Roč. 5. Č. 3–4. S. 375–389.
- Olivová 1965 — *Olivová V.* Československo-sovětská smlouva z r. 1935 // *Československý časopis historický*. 1965. №. 4. S. 477–500.
- Voráček, Hubený, Litera 2019 — *Voráček E., Hubený D., Litera B.* V zájmu velmoci: Československo a Sovětský svaz, 1918–1948. Praha: Historický ústav, 2019. 676 s.

References

- Belousova, Z. S., 1976. *Frantsiia i evropejskaia bezopasnost', 1919–1939 gg.* [France and European Security, 1919–1939]. Moscow: Nauka, 418 p. (in Rus.)
- Dejmek, J., 2006. *Edvard Beneš: politická biografie českého demokrata, 1, Revolucionář a diplomat (1884–1935)*. Praha: Karolinum, 631 p.
- Dejmek, J., 2001. Edvard Beneš a fenomén Ruska mezi světovými válkami. *Slovanský přehled*, 87, 2, pp. 165–188.
- Ferenčuhová, B., 2000. Louis Barthou a československá zahraniční politika roku 1934. In: Šesták, M., Voráček, E., eds. In: *Evropa mezi Německem a Ruskem. Sborník prací k sedmdesatinám Jaroslava Valenty*. Praha: Historický ústav AV ČR, pp. 339–354.
- Hajková, D., Horak, P., eds, 2018. *Republika Československá, 1918–1939*. Praha: NLN, s. r. o, 1020 p.
- Ken, O. N., 1996–1997. Chekhoslovakiia v politike Moskvy (1932–1936 gg.): k novoi postanovke problemy [Czechoslovakia in Moscow's politics (1932–1936): Towards a new formulation of the problem]. *Rossia. XXI: obshchestvenno-politicheski i nauchnyi zhurnal*, 7–8, pp. 52–70; 11–12, pp. 82–112; 1–2, pp. 62–86. (in Rus.)

- Ken, O.N., Rupasov, A.I., 2000. *Politbiuro TsK VKP(b) i otnosheniia SSSR s zapadnymi sosednimi gosudarstvami (konets 1920–1930-kh gg.): Problemy. Dokumenty. Opyt kommentarii* [Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the relations of the USSR with Western neighboring states from the late 1920s to the 1930s): Problems. Documents. Commentary experience], 1, *Dekabr' 1928 – iun' 1934* [December 1928 – June 1934] Saint Petersburg: Evropeiskii dom, 701 p. (in Rus.)
- Kizchenko, A. F., 1972. *Vneshniaia politika Chekhoslovakii nakanune Vtoroi mirovoi voiny (mai 1935 – mart 1939 g.): dis. ... dokt. ist. nauk* [Foreign policy of Czechoslovakia on the eve of World War II (May 1935 – March 1939). PhD thesis]. Kiev, 596 p. (manuscript) (in Rus.)
- Klimek, A., Kubů, E., 1995. *Československá zahraniční politika, 1918–1938. Kapitoly z dějin mezinárodních vztahů*. Praha: Institut pro středoevropskou kulturu a politiku, 115 p.
- Král, V., 1970. *Spojenectví československo-sovětské v evropské politice, 1935–1939*. Praha: Academia, 483 p.
- Kurgun'ian, T. A., 1973. “Pakt chetyrekh” i chekhoslovatskaia diplomatia [The Four-Power Pact and the Czechoslovak diplomacy]. *Sovetskoe slavianovedenie*, 3, pp. 19–30. (in Rus.)
- Lukeš, I., 1999. *Československo mezi Stalinem a Hitlerem: Benešova cesta k Mnichovu*. Praha: Prostor, 374 p.
- Mar'ina, V. V., 2013. *Vtoroi prezident Chekhoslovakii Edvard Benesh: politik i chelovek, 1884–1948* [The Second President of Czechoslovakia Edvard Beneš: Politician and Person, 1884–1948]. Moscow: Indrik, 486 p. (in Rus.)
- Morozov, S. V., 2004. *Pol'sko-chekhoslovatskie otnosheniia, 1933–1939: chto skryvalos' za politikoi “ravnoudalennosti” ministra Iu. Beka* [Polish-Czechoslovak relations, 1933–1939: what was hidden behind the policy of “equidistance” of Minister J. Beck]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 527 p. (in Rus.)
- Moulis, V., 1965. Ke vzniku československo-sovětské spojenecké smlouvy z roku 1935. *Slovanský přehled*, 51, 3, pp. 703–731.
- Olivová, V., 1965. Československo-sovětská smlouva z r. 1935. *Československý časopis historický*, 4, pp. 477–500.
- Ort, A., 1955. Dvacaté výročí československo-sovětské smlouvy o vzájemné pomoci. *Sovětská věda: Historie*, 5, 3–4, pp. 375–389.
- Peters, I. A., 1965. *Chekhoslovatsko-sovetskie otnosheniia (1918–1934)* [Czechoslovak-Soviet relations (1918–1934)]. Kiev: Naukova dumka, 346 p. (in Rus.)
- Prasolov, S. I., 1968. Dogovor o vzaimnoi pomoshchi mezhdú Sovetskim Soiuzom i Chekhoslovakiei 1935 g. [The Treaty of Mutual Assistance between the Soviet Union and Czechoslovakia in 1935]. In: Prasolov, S. I., Rezonov, P. I., eds. *Sovetsko-chekhoslovatskie otnosheniia mezhdú dvumia vojnami. Iz istorii gosudarstvennykh, diplomaticheskikh, ekonomicheskikh i kul'turnykh svyazei*

- [Soviet-Czechoslovak relations between the two wars. From the history of state, diplomatic, economic and cultural relations]. Moscow: Nauka, pp. 135–201. (in Rus.)
- Rezonov, P.I., 1952. *Chekhoslovakiia v 1918–1951 godakh: lektsii, pročitannye v VPSH pri TsK VKP(b)* [Czechoslovakia in 1918–1951: lectures delivered at the Higher Party School under the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks]. Moscow: s. n., 52 p. (in Rus.)
- Serapionova, E. P., 2020. Chekhoslovakiia i vopros o priznanii Sovetskoi Rossii v nachale 1920-kh gg. [Czechoslovakia and the question of the recognition of Soviet Russia in the early 1920s.]. In: Serapionova, E. P., ed., 2020. *Chekhoslovakiia i Sovetskaia Rossiia na oblomkakh imperii* [Czechoslovakia and Soviet Russia on the rubble of empires]. Moscow: Polimedia, pp. 148–162. (in Rus.)
- Sluch, S. Z., 2007. Stalin i Gitler, 1933–1941: raschety i proshchety Kremliia [Stalin and Hitler, 1933–1941: Calculations and miscalculations of the Kremlin]. *Otechestvennaia istoriia*, 4, pp. 98–119. (in Rus.)
- Stankov, N. N., 2007. *Diplomaticheskie otnosheniia Veimarskoi respubliki i Chekhoslovakii, 1918–1924* [Diplomatic relations between the Weimar Republic and Czechoslovakia, 1918–1924]. Volgograd: Volgogradskii gosudarstvennyi universitet, 469 p. (in Rus.)
- Voráček, E., Hubený, D., Litera, B., 2019. *V zájmu velmoci: Československo a Sovětský svaz, 1918–1948*. Prague: Historický ústav, 676 p.

Petr V. Moshechkov

PhD, Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A.
E-mail: pmoshechkov@yandex.ru

Czechoslovakia and the USSR in 1933 – June 1934: On the Way to Establishing Diplomatic Relations

The subject of the present study is the process of normalisation of the relations between the Soviet Union and Czechoslovakia in 1933 – June 1934. Regarding the historiography of the problem it should be stressed that in the Russian as well as in the Czech and Slovak historiography exists a considerable part of scientific works which are concerned with this problem. Among them we can mark such works which were written in the 1950s – 1970s by Czechoslovak (A. Ort, V. Moulis, V. Olivová, V. Král) as well as Soviet (P. I. Rezonov, S. I. Prasolov, A. F. Kizchenko, I. A. Peters) historians. The modern Czech and Slovak works are presented by monographs and articles by A. Klímek, E. Kubů, B. Ferenčuhová, J. Dejmeš, E. Voráček, D. Hubený and B. Litera. In contemporary Russian historical science the problem of Czechoslovak–Soviet relations in the middle of interwar period was studied by O. N. Ken and A. I. Rupasov. However, their studies are mainly concentrated on the circumstances of signing on 16 May 1935 of the Soviet–Czechoslovak treaty of mutual assistance on the background of the Franco-Soviet cooperation and the discussion of the project of the Eastern Pact. In this connection the main object of this study became the reconstruction of the process of talks which were carried on by Soviet diplomats with their Czechoslovak colleagues. The principal sources for this article are the materials presented in the fonds of the Archive of the foreign politics of Russian Federation and published in such collections as *Documents and materials on the history of Soviet–Czechoslovak relations* and *Documents on the USSR foreign policy*. The study shows that the politics led by Soviet as well as Czechoslovak governments toward each other, especially the adoption of concrete decisions, depended on the fluctuations, which took place in the European international policy.

Keywords: Soviet–Czechoslovak relations, Soviet–French relations, Eastern Pact, London Conventions, League of Nations, Ministry of Foreign Affairs of the Czechoslovak Republic, People's Commissariat of Foreign Affairs of the USSR

How to cite: Moshechkov, P. V., 2021. Chekhoslovakiia i SSSR v 1933 – i iune 1934 g.: na puti k ustanovleniiu diplomaticheskikh otnoshenii. *Tsentral'noevropeiskie issledovania*, 2021, 4(13), pp. 242–272. doi: 10.31168/2619-0877.2021.4.10.

Аттила Колонтари

PhD, старший научный сотрудник, Комитет национальной памяти, Будапешт, Венгрия. Vas u. 10, Budapest, 1088.
E-mail: kolontari68attila@gmail.com

«Эй, ухнем...» Будапештские гастроли Ф. И. Шаляпина

В статье рассматриваются будапештские гастроли Ф. И. Шаляпина. Великий певец за десять лет побывал в Венгрии восемь раз, выступал в операх в ролях Мефистофеля («Фауст» Ш. Ф. Гуно), Дона Базилио («Севильский цирюльник» Дж. Россини) и Дон Кихота («Дон Кихот» Ж. Массне), также давал сольные концерты. Его выступления считались самым выдающимся событием оперного и театрального сезона. Спектакли шли при полных аншлагах, в ложах сидели представители тогдашней элиты Венгрии, политические деятели, бизнесмены, писатели, артисты. Венгерская пресса следовала за Шаляпиным везде и повсюду, корреспонденты информировали читателей о каждой минуте его пребывания в Венгрии, а он с большим терпением и профессионализмом ладил с журналистским цехом и охотно раздавал интервью. О выступлениях Шаляпина писали дифирамбы видные критики, музыковеды (Аладар Тот, Эмиль Харасты, Дежё Сомори и др.). Все отдавали должное его таланту, творческой силе, чудесному басу, обаянию, умению в один миг покорить публику. В Венгрии в Шаляпине видели не просто короля оперы, в его фигуре воплотилось все, что в воображении венгерской публики было связано с Россией, русской культурой. Пребывание в Будапеште Шаляпин использовал для знакомства с венгерской столицей: он посещал самые известные места города (особенно любил гулять по набережной Дуная), с удовольствием проводил время в ресторанах и кабачках, слушая игру венгерских цыган. С помощью газетных статей мы можем реконструировать этот несколько забытый эпизод русско-венгерских культурных связей.

Ключевые слова: русские артисты в эмиграции, Венгрия, опера, концерты, пресса, интервью

Цитирование: Колонтари А. «Эй, ухнем...» Будапештские гастроли Ф. И. Шаляпина // Центральноевропейские исследования. 2021. Вып. 4(13) / гл. ред. О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 273–300. DOI: 10.31168/2619-0877.2021.4.11.

В межвоенный период в рядах русской эмиграции мы находим не только представителей политической, военной, экономической элит довоенной России, но и видных деятелей русской культуры и искусства: актеров, певцов, танцоров. Оказавшись за рубежом, они продолжали видеть себя носителями русской культуры, традиций русского театра, балета, и таковыми их воспринимали и в государствах, давших им пристанище¹. К ним тоже в полной мере могут быть применены слова русского писателя-эмигранта Романа Борисовича Гуля (1896–1986): «Мы не покинули Россию, мы унесли ее с собой»². Звезды русской культуры, музыкального и театрального искусства в изгнании выполняли важную и двойную культурную миссию. С одной стороны, они берегли лучшие традиции отечественной культуры для последующих поколений в эмиграции, что несомненно способствовало сохранению корней и идентичности. С другой стороны, они многое делали для распространения шедевров русской литературы, музыки в иностранной среде. Выдающиеся деятели русской культуры в ходе гастролей не миновали и стран Центрально-Восточной Европы и Балкан³.

Статья является частью более крупного исследования о присутствии и рецепции культуры русской/российской эмиграции в Венгрии в межвоенный период. Хотя история эмигрантской культуры в целом весьма основательно изучена в современной российской историографии, но в ней до сих пор «венгерскому сегменту» уделялось меньше внимания. Между тем Будапешт был важным культурным центром, где в 1920–1930-е годы регулярно гастролировали русские эмигранты. Это объясняется отчасти тем, что вопреки надеждам некоторых представителей монархической и военной эмиграции Венгрия по ряду причин не стала основным пристанищем для русских эмигрантов в таких масштабах, как, например, Франция, Германия, Маньчжурия или сопредельные с Венгрией славянские страны. Специфический характер источниковой базы до сих пор тоже не благоприятствовал проведению фундаментальных исследований по данной теме. Гастроли звезд русской культуры в Венгрии можно реконструировать главным образом на основе материалов венгерской

¹ См., например: Ткаченко 2005; Кравец 2008; Вздорнов (ред.) 2008; Сабенникова 2010; Сабенникова, Гентшке 2014.

² Подробнее см.: Березовая 2001.

³ См., например: Вагапова 2007.

прессы. До появления цифровых технологий ее изучение требовало терпеливого перелистывания большого числа годовых подшивок периодических изданий. В последнее десятилетие с появлением в Венгрии электронной базы данных *Arcanum* стало возможно эффективно вести тематический поиск по ключевым словам.

Материал статьи дополняет картину истории культуры русской эмиграции новыми, до сих пор малоизвестными деталями. В Будапеште регулярно гастролеровали такие звезды русской культуры, как Федор Иванович Шаляпин (1873–1938), Тамара Платоновна Карсавина (1885–1978), Анна Павловна Павлова (1881–1931), труппа Московского художественного театра, «Синяя птица» Якова Давидовича Южного (1883–1938), хор Донских казаков Сергея Алексеевича Жарова (1896–1985), из звезд кино – Иван Ильич Мозжухин (1889–1939), Ольга Константиновна Чехова (1897–1980). Все они без исключения выступали с большим успехом перед венгерской аудиторией, спектакли в большинстве случаев шли с полным аншлагом, гастроли регулярно продлевались, газетные статьи сообщали о бурных аплодисментах, которыми сопровождались их выступления. Артисты получали восторженные отклики в прессе, давали интервью венгерским газетам. Образно говоря, на страницах прессы шел диалог между русской и венгерской культурой. О выступлениях артистов, актеров, танцоров отзывались их венгерские коллеги, известные литераторы, критики, музыковеды. Они часто и охотно сравнивали искусство, манеру игры, восприятие культурной миссии у русских и венгерских артистов (например, как ставят в театрах пьесы русских классиков русские и венгерские труппы, в чем сходство и разница между ними). Жанр журналистики имеет специфику: журналисты нередко падки на сенсации и в погоне за вниманием читателей склонны к преувеличениям. Это требует осторожного отношения к материалам прессы, постоянной верификации информации другими источниками.

Кумиром номер один для венгерской публики в межвоенный период был Федор Шаляпин. После смерти Энрико Карузо (1873–1921) его считали королем оперного пения. Если приехавшие в венгерскую столицу русские артисты представляли ту или иную грань русской культуры, то Шаляпин воспринимался ее синтезом: в его фигуре воплотилось все, что в воображении венгерской публики было связано с Россией.

За десять лет, с 1925 по 1935 г., он был в Венгрии восемь раз. Гастроли Шаляпина всегда получали большой резонанс в венгерской прессе. Газеты извещали читателей о каждой детали пребывания артиста в Будапеште, начиная с приема на вокзале: в какой гостинице он остановился, в каких ресторанах обедал, какие места посещал в городе — и, конечно, о его выступлениях. Шаляпин охотно предоставлял себя в распоряжение сотрудников прессы, давал интервью, не возражал, чтобы его фотографировали или рисовали. Он знал себе цену, любил популярность, с удовольствием находился в центре внимания, но все это не превращалось ни в бахвальство, ни в показуху. Шаляпин с большим мастерством создавал себе имидж в прессе, всегда ладил с журналистской братией.

Конечно, спустя почти сто лет не всегда легко разобраться, что делал и говорил Шаляпин на самом деле, а что было добавлено к статьям журналистской фантазией. Но изучение материала прессы того времени, сопоставление его с воспоминаниями, анализ этих источников в контексте обширной историографии позволяют дать более-менее полноценную картину о гастролях Шаляпина в Венгрии, о его личности и о том, как каждый раз встречала венгерская публика великого артиста.

Первый раз Шаляпин побывал в Венгрии в 1925 г. Его турне было организовано известным венгерским импресарио, Кароем Марфи (1884–1960), который в межвоенный период привез в Будапешт таких звезд русской культуры, как Анну Павлову, труппу Московского художественного театра, состоявшую из актеров, уехавших в эмиграцию. Газета *Az Est* («Вечер») посвятила большую статью прибытию Шаляпина в венгерскую столицу (в сопровождении секретаря, врача, лакея и пианиста-аккомпаниатора). Артист в гостинице принял корреспондента газеты; в беседе с ним он затронул такие темы, как свои юные годы, работу в казанском порту, дружбу с Максимом Горьким и т. д. Статью следует цитировать более обширно как свидетельство о том, в каком настроении принял Будапешт великого артиста — «лишенного родины скитальца»:

Он, звезда старой царской оперы, сбежал от большевиков. Голос Шаляпина с тех пор гремит на земле, будто бы он был призывным возгласом “отца всех русских”. Этот великан, который раньше был бурлаком (так в тексте. — А. К.), сейчас своим бездонным голосом распространяет исконную русскую силу по всему миру. <...> Шаляпин

уже не просто оперный бас. Он олицетворяет целое искусство великолепного угнетенного народа. Когда он начинает петь в «Борисе Годунове» Мусоргского, вы будто слышите глас божий. <...> В голосе Шаляпина рыдает все земное страдание, в нем вся темнота мистерии жизни. Таким должен быть зов, который услышит умирающий человек. Это голос покоя, голос вечности. <...> Такие гиганты рождаются раз в сто лет, и нам нужно отдавать себе в этом отчет. Да поклонимся мы, высокомерные жители Будапешта, без лишних умствований перед великолепным актером. Оставим критические замечания для посредственностей. К счастью для нашей культурной жизни, к нам приезжают такие знаменитости. Они позволяют нам позабыть о нашем мизерном существовании, и своим искусством возвращают нам невероятный блеск и сияние былых времен. Мы с умилением разговариваем с великим мастером. Этот плечистый силач-блондин двухметрового роста идет нам навстречу как добродушный и общительный кавказец⁴.

В этот приезд Шаляпин дал сольный концерт в Городском театре. В репертуар он включил арии из разных опер, русские народные и другие песни. Будапештская публика ожидала этого события с нетерпением: сверхдорогие билеты были проданы за два дня, зрительный зал и ложи были переполнены. Среди зрителей можно было найти представителей русской аристократии, нашедших пристанище в Венгрии, членов венгерской политической и социальной элиты, в том числе премьер-министра Иштвана Бетлена (1874–1946), министра внутренних дел Ивана Раковски (1885–1960), начальника полиции Имре Надоши (1872–1935)⁵. Здесь трудно согласиться с идеологически детерминированным суждением Пала Комара, что присутствие высшего руководства Министерства внутренних дел в театре было призвано помешать демонстрации просоветских симпатий со стороны публики. С одной стороны, те, кто мог себе позволить достать билет на концерт, вряд ли испытывали малейшую симпатию к советскому строю. Хотя Шаляпин к тому времени еще не был лишен звания народного артиста Республики и официально прибыл в Венгрию с советским паспортом, венгерская публика уже однозначно считала его изгнанником, а не представителем Страны Советов⁶.

⁴ Az Est. 1925. 13 X: 7. Вероятно, автор имел в виду короткий тифлисский период в карьере певца.

⁵ Лукьянов 2012: 180–182.

⁶ Komár 1976: 437.

Шаляпин, которого в Будапеште встретили как «короля оперы» (венгерская пресса не жалела монарших эпитетов для певца: «король», «царь», «император»), в один миг покорила публику и критиков. В одной восторженной, перегруженной эпитетами и метафорами рецензии говорилось:

У людей в зрительном зале перехватило дыхание, когда русский великан появился на сцене. Под легкий, царственный взмах руки Федора Шаляпина конферансье объявил название номера, потом зазвенел *Bösendorfer*⁷... и с лица царя баритонов (*sic!* — А.К.) исчезла завораживающая, дружелюбная улыбка. Гражданин мира во фраке куда-то исчез, и могучий богатырь из империи белого царя запел. Он пел с такой жизненной непринужденностью, как давным-давно дома в грустной и серой русской деревеньке. Слова грустно гудели, горько рыдали, влюбленно, снедавши сердца, таяли, смеялись, хохотали, потом бурно от опьянения гремели в его устах⁸.

После первых гастролей Шаляпин вернулся в Венгрию в 1927 г., но на этот раз он побывал в стране дважды. В мае он прибыл всего на один спектакль, но это было выдающееся выступление. В Городском театре он пел Мефистофеля в опере «Фауст», его партнерами были венгерские певцы. Об устроенном ему приеме следует отметить, что на Западном вокзале, несмотря на то, что Восточный экспресс прибыл из Парижа в полночь, певца ждала огромная толпа поклонников. В честь Шаляпина выстроился на перроне гастролировавший в то время с бурным успехом в Будапеште оркестр донских казаков С. Жарова. Он приветствовал певца как старого знакомого, ибо судьба уже несколько раз сводила их в разных городах Европы. Одновременное присутствие двух звезд, двух знаменитостей в венгерской столице свидетельствует о кипучей русской культурной жизни в Будапеште и об интересе венгерской публики к русской культуре. На вокзале также оказался «ответственный за шаляпинские гастроли» корреспондент газеты *Az Est*, Енё Фейкс (1878–1939), известный художник и график, который сопровождал статьи портретами артиста (рис. 1). Интервью у Шаляпина он взял по пути в гостиницу, прямо в такси⁹. Спектакль «Фауст» имел бурный успех, газеты

⁷ Здесь: рояль марки *Bösendorfer* (Австрия).

⁸ *Szózat*. 1925. 15 X: 9.

⁹ *Az Est*. 1927. 13 V: 14.

Рис. 1. Енё Фейкс: портрет Ф. И. Шаляпина и автограф артиста из газеты Az Est, 13 октября 1925 г.

соревновались в похвалах в адрес Шаляпина. Все сходились в том, что хотя крупнейшая роль Шаляпина — это Борис Годунов, но в роли Мефистофеля он не менее грандиозен. По требованию зрителей куплеты «На земле весь род людской» и серенаду он должен был повторить. Артисты казачьего хора преподнесли ему большой букет в цветах российского национального флага¹⁰.

Заслуживает упоминания интересный факт, что в детстве Фейкс дружил с писателем Ференцем Мольнаром (1878–1952), автором всемирно известного юношеского романа «Мальчишки с улицы Пала», и послужил прообразом одного из главных героев — Эрнё Немечека. За другим персонажем романа, Пастором-старшим, также скрывался реальный человек — друг Мольнара, писатель, журналист и художественный переводчик Арпад Пастор (1877–1940). Он

¹⁰ Nemzeti Újság, 1927. 15 V: 13. Партию Фауста исполнял болгарский артист Петр Райчев (1887–1960), Маргариты — венгерская певица Эржебет Бодо (1899–1957).

тоже писал о Шаляпине на страницах журнала *Színházi élet* («Театральная жизнь») двумя годами раньше, когда появилась первая информация о том, что великий бас собирался в Венгрию. Пастор знал Шаляпина еще по Нью-Йорку: друзья представили его Шаляпину в Метрополитен-опере. Пастор отзывался об искусстве Шаляпина так:

Когда он выходит на сцену, все остальные исчезают. Он переделывает оперы на свой лад¹¹, сцены с его участием становятся кульминацией спектакля, он, как монарх, ожидает и принимает аплодисменты публики.

Но наряду с дифирамбами статья Пастора не была лишена определенной доли сарказма: автор назвал Шаляпина «величайшим комедиантом», который сознательно играет со своей публикой: «Он выходит на сцену перед венгерской публикой всего на один вечер, показывает все, что умеет. Поет, играет, заставляет нас смеяться и содрогаться, он преклоняется перед нами и покоряет нас». Но все это делал сознательно, расчетливо.

Он знает все. В начале карьеры он боролся, сражался и ему суждено было стать мастером, избранным, божественным артистом, с того времени священный жар ослаб, и Шаляпин сегодня уже показывает только фокусы. Но делает это с недостижимой ловкостью и талантом, со всей видимостью художества. <...> Великий... великий... величайший комедиант¹².

В ноябре 1927 г. Шаляпин выступил в двух ролях и снова в Городском театре. В «Фаусте» он опять вышел на сцену в роли Мефистофеля, но его партнерами на этот раз были артисты Венского оперного театра Вера Шварц (1889–1964) и Кальман Патаки (1896–1964). Ранее он выступил в роли Дона Базилио в «Севильском цирюльнике».

¹¹ Умение и стремление Шаляпина «быть в центре» и исполнять оперные арии в своей неповторимой манере не всегда вызывали положительную оценку. Вот, что писала критика после спектакля «Князь Игорь» в 1933 г.: «Наблюдая за игрой Шаляпина, который все время “тянет одеяло на себя”, с грустью думаешь о многозначительных пометках на афише: “с Шаляпиным” или “без Шаляпина”, от чего стоимость билетов резко меняется, — как опасно, когда спектакль зависит от звезды». Цит. по: Петрова 2013: 34.

¹² *Színházi Élet*. 1925. 42. sz. 20. old.

Но публика за свои деньги ожидала «больше Шаляпина», чем получала по сюжету оперы, где Базилио не более чем второстепенный персонаж. И несмотря на то, что — по единодушному мнению критиков — Шаляпин играл превосходно и превратил Базилио чуть ли не в главное действующее лицо, публике этого было мало. Свое недовольство она выражала холодными, сдержанными аплодисментами. Ситуацию спас директор театра, Геза Шебештьен (1878–1936), уговоривший Шаляпина в конце спектакля на бис исполнить песню волжских бурлаков, что было встречено бурной овацией: зрители почувствовали себя вознагражденными за «слишком мало Шаляпина»¹³. Вот как писал об этом корреспондент журнала *Színházi élet*, критикуя поведение зрителей:

Всего несколько недель назад [Шаляпин] пел Базилио в “Севильском цирюльнике” <...>, и в конце он был вынужден спеть “Эй, ухнем”, эту русскую народную песню, чтобы ему аплодировали. Потому что Базилио пештской публике оказалось недостаточно. Шаляпин с благородным сердцем принес нам в подарок в игре и в пении его шедевр. Он знал и чувствовал, что эта его “маленькая” роль является совершенством, вершиной его искусства. Именно поэтому он дал нам его. Роскошный шедевр! Но будапештцы превозносили его за “Дубинушку”, а Базилио от него не приняли¹⁴.

Сам Шаляпин прокомментировал события так: «Я знаю, что это противоречило принципам искусства, раньше я никогда такого не делал, но в Будапеште я пошел на это, так как зрители платили много денег и за эту сумму я один раз в жизни совершил такой проступок»¹⁵. Потом добавил, что Базилио — одна из его любимых ролей, такой деликатес, как в ресторане омар, ценить ее могут только настоящие музыкальные гурманы.

В декабре 1928 г. будапештская программа Шаляпина опять состояла из Фауста в роли Мефистофеля и из одного сольного концерта. На этот раз его турне организовал другой, не менее известный импресарио того времени, Имре Кун (1892–1977), директор музыкального бюро «Концерт»¹⁶. Ожидания и успех были такими же, как в случае предыдущих гастролей артиста. Аладар Тот (1898–1968),

¹³ Budapesti Hírlap. 1927. 4 XI: 11.

¹⁴ Színházi Élet. 1927. 50. sz. 8. old.

¹⁵ Pesti Napló. 1927. 6 XI: 20.

¹⁶ Új Nemzedék. 1928. 11 XI: 4.

известный венгерский музыковед и критик, на страницах газеты *Pesti Napló* («Будапештский дневник») писал о нем так:

Если Шаляпин поет, то нет ни сцены, ни подиума, ни программы, нет концерта, а есть только сама Жизнь, и у нас создается впечатлительное, будто сама Жизнь разговаривала с нами человеческим голосом, завернутым в мелодии и в ритмы. <...> Где поет Шаляпин, там поет сама Жизнь¹⁷.

Как и в случае с «Севильским цирюльником», публика отождествляла всю оперу с Шаляпиным. «Люди болтаются по театру, входят и выходят из зала в зависимости от того, когда Шаляпин появляется на сцене», — читаем в другом номере того же *Pesti Napló*¹⁸.

Для венгерской публики новизну в репертуаре принес 1929 год. В этом году Шаляпин первый (и последний) раз выступал в Будапеште в главной роли в опере «Дон Кихот». Опера была написана в 1909 г. французским композитором Жюлем Массне (1842–1912) специально для Шаляпина. В ложах и в зрительном зале и в этот раз преобладали представители венгерской политической, социальной, финансовой и культурной элит. Газеты, между прочим, сообщали о присутствии супруги премьер-министра графини Маргит Бетлен (1874–1946), бывшего премьер-министра, известного ученого и члена Венгерской академии наук графа Пала Телеки (1879–1941), бывшего министра финансов Лоранта Хегедюша (1872–1943), депутатов парламента графа Яноша Хадика (1863–1933) и Пала Шандора (1860–1936). Среди зрителей находились мэр Будапешта Иштван Барци (1866–1943) с дочерью и будущим зятем писателем Лайошем Зилахи (1891–1974) и известная венгерская актриса, примадонна оперетты Ханна Хонти (1893–1978)¹⁹.

В этот раз своеобразие спектакля заключалось в том, что в ролях Дульсины и Санчо Пансы выступали прибывшие в Венгрию вместе с Шаляпиным французские артисты. Все трое пели по-французски, в то время как венгерские актеры — по-венгерски. В согласовании французского и венгерского либретто Шаляпину помог Карой

¹⁷ Pesti Napló. 1928. 15 XII: 8.

¹⁸ Pesti Napló. 1938. 11 XI: 3.

¹⁹ Pesti Napló. 1929. 30 XI: 11.

Лигети — журналист, автор сценария, переводчик оперы Массне на венгерский язык.

После спектакля критики подчеркивали, что эмигрант, скиталец Шаляпин больше всех певцов призван олицетворить на сцене анахроничную, трагическую, грустную, жалкую, но все же вызывающую сочувствие фигуру Дон Кихота: «Шаляпин не просто играл, но по-настоящему вжился в роль странствующего идадьго. Его прекрасный голос звенел, как орган»²⁰. По мнению Аладара Тота, из великолепного романа Сервантеса композитор Массне сделал плохую оперу, чтобы затем величайший певец эпохи Шаляпин снова превратил ее в шедевр. Гениальность Шаляпина заключалась и в том, что в образ Дон Кихота он привносил черты характера или жесты главных героев великих русских романов (князя Льва Мышкина, Ивана и Алеши Карамазовых, Тараса Бульбы, Андрея Болконского)²¹.

Сам Шаляпин в каждом интервью подчеркивал, что в пении он всегда стремится к совершенству и для него настоящее счастье, если он чувствует, что это ему удалось. Несколько лет спустя с характерной для него самоиронией он вспоминал:

Когда я в последний раз был в Будапеште <...> и пел Дон Кихота, я, к сожалению, был болен и не мог дать зрителям то, чего хотел. Но сейчас, слава Богу, я полностью здоров и могу петь венгерской публике с полной силой и мастерством. <...> Я не люблю больного Шаляпина, потому что он поет как попугай, но у здорового, находящегося в форме Шаляпина голос, как у льва²².

Спектакль завершился неистовым чувством Шаляпина, который, опять-таки, по мнению критиков, показал — особенно в сцене смерти Дон Кихота — сверхчеловеческие качества, чем до слез растрогал публику. Пожалуй, только самые опытные и искушенные зрители подметили несколько мелких недочетов в постановке, например то, что конь, на котором Шаляпин выезжал на сцену, был мало пригоден для выступления в театре или что актер, с которым по ходу действия оперы Шаляпин должен был сражаться, оказался столь

²⁰ Nemzeti Újság, 30 ноября 1929 г. С. 10.

²¹ Pesti Napló, 30 ноября 1929 г. С. 11. Анализируя, как Шаляпин составил из этих героев своего Дон Кихота, А. Тот продемонстрировал незаурядную эрудированность в области русской литературы.

²² Budapesti Hírlap. 1934. 7 V:14.

Рис. 2. Сольный концерт Шаляпина на сцене Редута (Vigadó) в декабре 1934 г. Фото из журнала Színházi Élet (1934)

ошеломлен присутствием великого певца, что уже в самом начале дуэли выронил из рук оружие и безмолвно глядел, как Шаляпин один размахивает копьём в воздухе²³.

В следующий раз Шаляпин дважды посетил Венгрию после длительного перерыва лишь в 1934 г. (рис. 2). В мае он на сцене Редута (Vigadó) дал авторский концерт из оперных арий и других песен своего репертуара. О концерте и о самом Шаляпине А. Тот написал примечательную статью на страницах *Pesti Napló*, отметив, что Шаляпин, подобно «величественному и могучему старому дубу», уже имеет огромный опыт в борьбе с жизненными вихрями, не боится их, но и не навлекает их на себя. Он знает, что последняя, решающая схватка с жизнью для него еще впереди, и он копит силы для этой схватки. В этот вечер Шаляпин, продолжил Тот, «с уверенной легкостью» продемонстрировал мастер-

ство, «сноровисто, с достойной нашей любви непринужденностью, шуточно исполнил перед нами свои старые, самые популярные номера», только местами расставляя акценты. Но в его манере исполнения постоянно чувствовалась возможность того, что великий мастер

²³ *Kun I.* 30 év művészek között. Egy hangversenyrendező naplója. Budapest: Zeneműkiadó, 1965. 64. old.

в своей последней роли — например, в «Борисе Годунове» Мусоргского — в любой момент мог бы во всю мощь выпустить свой чудеснейший бас так, «что разорвалась бы его душа, и он больше, пожалуй, никогда не смог бы петь». Накануне вечером в Редуте зрители получили возможность восхититься этой скрытой мощью и обаятельной элегантностью Шаляпина²⁴.

В декабре Шаляпин опять выступал с авторским концертом в том же Редуте, а в Городском театре — в хорошо известной венгерским зрителям роли Мефистофеля (этому в течение нескольких дней предшествовала репетиция с венгерской труппой театра). Повышенный интерес и бурная овация, которой он был встречен, объяснялись тем, что публика уже «изголодалась по Шаляпину». О выступлениях Шаляпина на концерте и в опере «Фауст» на страницах журнала *Színházi Élet* пространную и небезынтересную статью написал известный литератор Дежё Сомори (1869–1944). Статья заслуживает внимание, так как Сомори помимо оценки самих выступлений подвел итог жизненного и творческого пути Шаляпина. Он по-прежнему отдавал должное его гениальности, энергичности, совершенству техники пения, но в голосе артиста, которому к этому времени уже исполнился 61 год, автор словно обнаружил мимолетность бытия:

Только его голос не сопротивляется времени <...>, то, что осталось в голосовых связках Шаляпина, еще хранит блеск прошлого, память и эхо былого чудесного, благородного звона. И даже хранит наши иллюзии. Потому что Шаляпин делится с нами остатками своего сокровища такими красками, характерным для него внушением и актерской виртуозностью, что заставляет забыть о том, что было потеряно²⁵.

Можно добавить, что, очевидно, и сам Шаляпин осознал: рано или поздно ему придется столкнуться с брэнностью человеческой природы. Уже в 1929 г. в одном из интервью он заявил, что планировал выступать еще два года, чтобы потом уйти со сцены, так как он уже заслужил отдых, а с другой стороны, старость, упадок и регресс человека — зрелище малоприятное. Однако карьера оперного певца оказалась на несколько лет длиннее, чем он планировал. Следует

²⁴ Pesti Napló. 1934. 12 V: 11.

²⁵ Színházi Élet. 1934. 53. sz. (без номера страницы).

отметить, что проблема вечности и бренности, по-видимому, сильно волновала Шаляпина. Своему тезке, венгерскому журналисту Федору Дитлу, он однажды сказал:

Из всех артистов и художников наиболее жестокая судьба у комедианта, <...> мы, комедианты, особенно певцы, обречены на гибель. Художникам живется несравненно лучше. Чтобы ни создали скульпторы, художники, архитекторы, инженеры, их работы переживут своего создателя. Сколько шедевров хранят память о великих мастерах эпохи Ренессанса! Но разве кто-то сегодня еще помнит о Карузо, а завтра, может быть, забудут и обо мне²⁶.

Последний раз Шаляпин выступил в Будапеште перед поклонниками и любителями оперы в 1935 г. И в этот раз — в опере «Фауст», в роли Мефистофеля (рис. 3). Не оправдались надежды А. Тота и многих других, что когда-нибудь они увидят Шаляпина в роли главного героя оперы «Борис Годунов». Уже после того, как слушал Шаляпина в «Дон Кихоте», Тот рассуждал следующим образом:

Каков мог бы быть Шаляпин в «Борисе Годунове», где его личность становится инструментом композитора-гения Мусоргского! Организаторам шаляпинских турне нельзя успокаиваться, пока венгерская публика не познакомится с этой величайшей ролью Шаляпина²⁷.

Время от времени возникали слухи, что импресарио ведут переговоры с менеджерами Шаляпина по этому поводу и представление Бориса Годунова в Будапеште может состояться в ближайшем будущем. Однако эти попытки не увенчались успехом, как выразился осторожный и несколько таинственно А. Тот: «Из-за препятствий, свойственных условиям нашей музыкально-культурной жизни»²⁸.

В связи с последним турне Шаляпина в Венгрии необходимо отметить, что всемирно известный артист прибыл в Будапешт после тяжелой болезни. Весной он долгие недели лежал в больнице, его организм боролся с 40-градусной температурой. Затем он целое лето отдыхал, на сцену вернулся только в октябре, и все желали знать,

²⁶ *Dietl F. Világjáró művészek.* Budapest: Arany János Irodalmi és Nyomdai Műintézet, 1933. 97. old.

²⁷ *Pesti Napló.* 1929. 30 XI: 11.

²⁸ *Pesti Napló.* 1934. 15 XII: 13.

Рис. 3. Шаляпин в роли Мефистофеля. Последнее выступление на сцене Городского театра в Будапеште в ноябре 1935 г. Фото из приложения к газете *Pesti Napló*

получат ли зрители обратно «прежнего Шаляпина»²⁹. Голос артиста был центральным вопросом и на страницах венгерской прессы. Порой нелегко разобраться в потоке разнообразных мнений, что лишний раз свидетельствует о том, что восприятие искусства — дело во многом субъективное. Газета *Budapesti Hírlap* («Будапештская газета») писала о Шаляпине:

²⁹ О подробностях болезни Шаляпин подробно рассказал в интервью специально для газеты *Pesti Napló*. См.: *Pesti Napló*, 1935. 10 XI: 17.

Несломленным, твердым, звонким голосом, со всеми уловками своего комедиантского таланта, он пел и играл нам роль Мефистофеля. С тех пор как он был у нас в последний раз, его голос нисколько не потерял в силе и блеске, даже наоборот, сегодня он показался более мощным, величественным, чем во время его предыдущих гастролей³⁰.

Мнение корреспондента газеты *8 Órai Újság* («Восьмичасовая газета») было несколько иным:

Несмотря на то, что пештская публика вчера не увидела прежнего Шаляпина в роли Мефистофеля, великий русский певец все еще доставляет незаменимое удовольствие слушателям. Голос Шаляпина после выздоровления, несомненно, потерял в силе, но очень много выиграл в мелких нюансах, подчеркивавших демонический характер персонажа, что несомненно пошло на пользу спектаклю³¹.

Известный венгерский писатель и переводчик Дёрдь Балинт (1906–1943), впервые увидевший Шаляпина в роли Мефистофеля в 1935 г., был восхищен игрой певца: «Он был твердым, угрюмым, похожим на скалу... На две головы выше всех, он мрачно стоял в центре сцены, беспощадно и непоколебимо, как рок судьбы».

Шаляпин невольно напомнил писателю возведенную в 1929 г. монументальную скульптуру работы известного хорватского скульптора Ивана Мештровича (1883–1962) — памятник Гргуру Нинскому³² в Сплите. Многие, подобно Балинту, видели в певце исплинского роста, крестьянского происхождения символ исконной русской стихийной народной силы, в равной мере способной к созиданию и к разрушению³³. Известный левыми, буржуазно-демократическими взглядами Балинт с некоторым укором отметил, что Шаляпин из народного певца превратился в артиста для десяти тысяч членов верхушки общества, достаточно состоятельных, чтобы платить за его искусство.

Вопрос о гонораре Шаляпина широко и открыто дискутировался на страницах венгерских газет. Артист никогда не отрицал, что

³⁰ Budapesti Hírlap. 1935. 12 XI: 13.

³¹ 8 Órai Újság. 1935. 13 XI: 10.

³² Гргур Нинский (ок. 850–?) — епископ г. Нин, боровшийся против латинизации богослужения в хорватских землях, что способствовало развитию хорватского языка.

³³ Pesti Napló. 1935. 13 XI: 14.

высоко оценивал свое мастерство в денежном эквиваленте, но, как он однажды рассказал венгерским журналистам, не мог поступать иначе, так как на его попечении находилось 26 человек, среди них — восемь собственных детей от двух браков и двое усыновленных от первого брака второй жены. В Венгрии было общеизвестно, что за одно выступление Шаляпин запрашивал и получал от 3 до 4,5 тыс. долларов США. По меркам того времени это было бешеная сумма, но на Шаляпина денег никто не жалел. В одном из номеров журнала *Színházi Élet* даже была напечатана копия договора с Шаляпиным на исполнение партии Дона Базилио в «Севильском цирюльнике». За одно выступление ему полагалось 3500 долларов, не подлежащих обложению налогами³⁴. В отдельных случаях гонорар Шаляпина представлял собой не конкретную сумму, а определенный процент с выручки от мероприятия, как, например, это было в мае 1934 г. в случае его сольного концерта в Редуте³⁵. Все это, конечно, привело к тому, что на выступлениях Шаляпина цена билетов многократно превышала обычный тариф. В 1925 г. на первых гастролях Шаляпин пел в Городском театре за 4 тыс. долларов. Театру за два дня удалось распродать все билеты на этот вечер; по газетным сообщениям, у перепродавцов билеты в ложи можно было достать в полтора раза дороже, а за билеты в партер просили двойную цену³⁶. Как писал А. Тот в 1928 г. в связи с тогдашними гастролями Шаляпина, бешеные цены билетов для любителей оперы представляются преградой, сравнимой с Альпами для Ганнибала, и многим в самом деле была необходима ганнибалова храбрость, чтобы решиться на покупку билета³⁷.

Об интересной стороне финансового аспекта шаляпинских гастролей директор Городского театра Г. Шебештьен рассказал в разговоре с импресарио И. Куном. Тот с удовлетворением заметил, что выручка от одного вечера превосходит недельный доход театра, стало быть Шаляпин — это выгодное вложение. На это Шебештьен пояснил, почему Шаляпин для него убыточен. После выступления

³⁴ *Színházi Élet*. 1927. 40. sz. 49. old.

³⁵ *Az Est*. 1934. 1934. 24 IV: 6. Через несколько дней та же газета осведомила читателей о том, что из дохода концерта в сумме 5 тыс. пенгё Шаляпин получил 3,1 тыс. пенгё, в то время как организаторам за вычетом расходов и налогов пришлось довольствоваться 300–400 пенгё. См.: *Az Est*. 1935. 15 V: 6.

³⁶ *Magyarság*. 1925. 11 X: 19.

³⁷ *Pesti Napló*. 1928. 11 XII: 3.

русского артиста в роли Мефистофеля в течение полугода невозможно поставить на сцене «Фауста»: на спектакли никто не ходит.

Приходите к нам в театр после выступления Шаляпина и увидите, какие у нас (пустые. — А.К.) залы... Все оставили свои деньги у этого великого человека. Если Вы все это суммируете, не станете утверждать, какой хороший бизнес для меня Шаляпин³⁸!

В связи с «кусающимися» ценами постоянной темой для обсуждения в газетах был социальный состав публики. Сколько было среди зрителей настоящих любителей оперы, регулярных посетителей концертов и знатоков музыки, и сколько тех, кто пришел на сенсацию театрального сезона только из снобизма и ради хвастовства, чтобы показать, что они достаточно богаты и могут позволить себе такую роскошь. Регулярно извещающий газету *Budapesti Hírlap* о шаляпинских выступлениях музыковед и публицист Эмиль Харасты (1885–1958) писал:

Сегодня вечером сборы от представления в Городском театре составили 7 тыс. долларов, львиная доля хозяев этих денег заняла места в зале с чувством собственного достоинства, но в совершенном неведении о том, что происходит и что они, собственно, хотят услышать³⁹.

В другой раз с горькой иронией журналист отметил: «Там были все, кто не имеет ничего общего с музыкой, <...> в огромной толпе еле можно было различить завсегдатаев концертов, и они чувствуют себя чужими в этой среде»⁴⁰.

У Шаляпина сложился отличный имидж в Венгрии, и он сам много делал для того, чтобы это было так. Из газетных статей вырисовывается образ великого артиста, обаятельного человека. Все его поведение, жесты и высказывания свидетельствовали о том, что он любил жизнь и любил жить. Охотно проводил время за столом, слушая оркестр венгерских цыган. Он обнаружил много общего в русской и венгерской народной музыке, и та и другая, как он выразился, или безудержно веселая, или бесконечно грустная⁴¹. «Он не берет свое

³⁸ *Kun I.* 30 év művészek között. 31. old.

³⁹ *Budapesti Hírlap.* 1927. 4 XI: 11.

⁴⁰ *Budapesti Hírlap.* 1929. 26 XI: 13.

⁴¹ *Az Est.* 1927. 13 V: 14; 1934. 20 V: 6.

горло от токайского вина», хорошо разбирался в шикарных кабаках и кафешантанах венгерской столицы, но, если хотел, с большим аппетитом кушал паприкаш из курицы в простых, тихих будайских трактирах. Однажды, когда Восточный экспресс около полуночи прибыл с Шаляпиным в Будапешт, он сразу попросил встретивших его организаторов гастролей достать ему на завтрак венгерскую салями и абрикосовую палинку⁴².

Зато в дни концертов и выступлений он вел аскетический образ жизни. Не выходил даже из гостиничного номера, сидел на диете, ни с кем не разговаривал, чтобы беречь голос. После обеда коротко повторял репертуар концерта, потом отдыхал, чтобы вечером петь зрителям во всю мощь⁴³.

Во время поездок он обычно останавливался в роскошных гостиницах, но, если жаждал тишины и одиночества, селился в будайских горах, в санаториях «над Будапештом», подальше от суматохи большого города. Приезжая в Будапешт, артист посещал все известные места столицы, знакомился с ее достопримечательностями и потом делился своим мнением с местными журналистами:

Мне много чего нравится в Будапеште, но наибольший восторг у меня вызывает набережная Дуная с парламентом. Здание парламента может соперничать с Венецией и с другими всемирно известными шедеврами Ренессанса. Везде хорошо быть депутатом, но в Венгрии в таком дворце это должно быть одно сплошное удовольствие⁴⁴.

В другой раз он говорил о том, что, возможно, когда-нибудь после ухода от пения он купит небольшой домик в будайских горах и там будет жить⁴⁵. Конечно, эти высказывания не свидетельствовали о его истинных и серьезных намерениях, они скорее были хорошо продуманными комплиментами, жестом вежливости в адрес хозяев. Шаляпин сознательно и с большим профессионализмом работал над созданием своего как можно более положительного имиджа в прессе. Он всегда вежливо и с удовольствием предоставлял себя в распоряжение

⁴² *Kun I.* 30 év művészek között. 55. old. Абрикосовая палинка — крепкий алкогольный напиток, один из символов венгерской спиртной культуры.

⁴³ *Az Est.* 1934. 12 V: 11.

⁴⁴ *Tolnai Világlapja.* 1931. 15 VII: 58.

⁴⁵ *Az Est.* 1934. 12 V: 11.

журналистов, с готовностью отвечал порой на самые нелепые вопросы. Терпел осаждавших его поклонников, которые хотели обзавестись автографом мастера на террасе кафе Дунайского променада. Он собирал и просил перевести статьи из венгерских газет о своих выступлениях.

Пресса и поклонники были благодарны Шаляпину за каждый комплимент, каждое проявление симпатии к Будапешту и к Венгрии. Знаменитый бас находился в центре внимания прессы не только когда приезжал в Венгрию: газеты сообщали читателям о каждом сколько-нибудь значительном эпизоде его жизни, о семье, о болезни, об издании его мемуаров. Сам Шаляпин принимал корреспондентов венгерских газет у себя в парижском доме. Журналисты таким образом имели возможность познакомиться с жизнью семьи Шаляпиных. В 1931 г. журнал *Színházi Élet* напечатал интервью с дочерью Шаляпина Мариной. Автором статьи была молодая венгерка Мария Ташнади-Фекете (1911–2001): победительница конкурса красоты «Мисс Венгрия», она получила возможность представлять свою страну в Париже, на европейском конкурсе красоты, где познакомилась с «мисс Россия 1931» — Мариной Шаляпиной (1912–2009). Так Ташнади-Фекете взяла интервью у своей новоиспеченной русской подруги. Их беседа вращалась вокруг вопроса, легко ли быть дочерью мировой знаменитости. О себе Марина Шаляпина рассказала, что много учится и репетирует, мечтает пойти по следам Анны Павловой⁴⁶. В 1934 г. Э. Харасти навестил сына Шаляпина, Бориса (1904–1979), который уже был известным художником и скульптором. Во время визита журналиста художник работал над бюстом отца, изобразив артиста в его крупнейшей роли, в образе Бориса Годунова⁴⁷.

Сам Шаляпин в июне 1935 г., излечившись от тяжелой болезни, принял у себя дома в Париже венгерского фотографа и журналиста Ласло Айгнера (1901–1999). По первому впечатлению Айгнера, Шаляпин на этот раз был более усталым, чем обычно, немного похудел, но его голос и улыбка остались прежними: «Итак, я опять здесь, не скончался, не взял меня черт, мой голос не сломан, и я не собираюсь

⁴⁶ *Színházi Élet*. 1931. 9. sz. 26–27. old. Позже обе «мисс» стали актрисами. Долгий жизненный путь у обеих завершился в начале третьего тысячелетия, но нет сведений, поддерживали ли они контакты после конкурса.

⁴⁷ *Színházi Élet*. 1934. 17. sz. (без номера страницы).

порывать с пением». Но он все же говорил о том, что уже не стремится так петь, как раньше, особенно его утомляют выступления, гастроли. Петь просто ради пения, чтобы выразить счастье, радость или печаль человека, это самая чудесная вещь, но...

[П]еть непрерывно в течение 45 лет на изнуряющих гастролях, гоня из города в город на машине, на поезде, на пароходе, на самолете. Ходить из театра в театр, со сцены на сцену без остановки всю жизнь: от этого человек устает⁴⁸.

Особенно он жаловался на оперные спектакли, где ему приходилось всю жизнь сражаться с человеческой глупостью, незнанием и непониманием. Потом добавил: если когда-нибудь он уйдет со сцены, то займется такими делами, до которых раньше руки не доходили:

Столько прекрасных вещей есть на свете, чем можно любоваться. Поля, бегущие речки. Здесь моя семья, жена, дети. Потом книги, сколько замечательных книг, которых еще не прочитал⁴⁹.

Примерно так же рассуждал Шаляпин в декабре 1936 г. в статье, написанной им специально для рождественского номера газеты *Pesti Napló*. В статье артист вспоминал молодые годы, как в Уфе он был членом опереточной труппы и первый раз заработал деньги своим голосом, делился с читателями мыслями о пении, об искусстве. Для него песня была самой жизнью, позволяла выразить те чувства и эмоции, которые нельзя передать словом или жестом. Артист признался, что во время выступления приходит в экстатическое состояние, не ощущает ни пространства, ни времени:

Мне кажется, будто я совершенно один и покоряюсь воле какой-то неведомой силы, которая струится ко мне от публики, ведь в конечном счете именно публика служит источником всякого художественного вдохновения⁵⁰.

Сквозь строки читалось, что Шаляпин только что вернулся из самого долгого и утомительного на протяжении его творческого пути турне. В 1935–1936 гг. он совершил длительную поездку

⁴⁸ Pesti Napló. 1935. 9 VI: 19.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Pesti Napló. 1936. 25 XII: 42.

на Дальний Восток, дал более 50 концертов в Маньчжурии, Китае и Японии⁵¹.

У меня нет частной жизни, я раб моего импресарио. Еду туда, куда мне приказывают и остаюсь там до того времени, пока мне не сообщат, что настал час отъезда. Я совершаю поездки на многие тысячи километров и только удивляюсь себе, зачем мне надо посещать столь далекие края?

Впрочем, к этому он прибавил, что, несмотря на все трудности, пение для него — высочайшее блаженство и счастье, за что никакая цена не будет слишком высока⁵².

Находясь в Будапеште, Шаляпин очень любил гулять по набережной Дуная (рис. 4). С одной из таких прогулок связана история, свидетельствующая о человеческом облике, о непринужденности и одновременно вышеупомянутом профессионализме в создании своего имиджа в прессе. В мае 1934 г. во время очередных гастролей в венгерской столице Шаляпин в сопровождении вездесущих журналистов и фотографов вышел на набережную Дуная в порт, где разгружались и загружались баржи, и с помощью переводчика стал разговаривать с рабочими-грузчиками. С одним из них, ранее побывавшим в русском плену, он смог даже перекинуться парой слов по-русски (если верить газетным сообщениям, тот, услышав русские слова, переспросил Шаляпина: «Вы тоже были в русском плену?», на что последовал ответ артиста — он сам русский). Шаляпин рассказал собравшимся, что в юные годы в Казани сам добывал хлеб насущный, работая грузчиком на пристани, и под ним тоже неоднократно сгибалась мостки, когда он таскал на плечах тяжелые мешки. Потом он вместе с рабочими, к огромному удивлению и удовольствию окружающих, взялся за большую железную цепь и исполнил «своим коллегам» песню волжских бурлаков (рис. 5). В межвоенный период «Эй, ухнем...» была самой популярной русской песней в Венгрии.

⁵¹ См.: Горбунов 2002. В ходе тура многим из окружающих было ясно, что великий артист находится на закате своей карьеры. Александр Николаевич Вертинский (1889–1957), повидавшись с Шаляпиным в Шанхае, так описывал их встречу: «Всем своим обликом, позой он был похож на умирающего льва. Острая жалость к нему и боль пронизали мое сердце. Точно чувствуя, что я его больше никогда не увижу, я опустился на колени и поцеловал ему руку». Цит. по: Кравчинский 2008: 53.

⁵² Pesti Napló. 1936. 25 XII: 42.

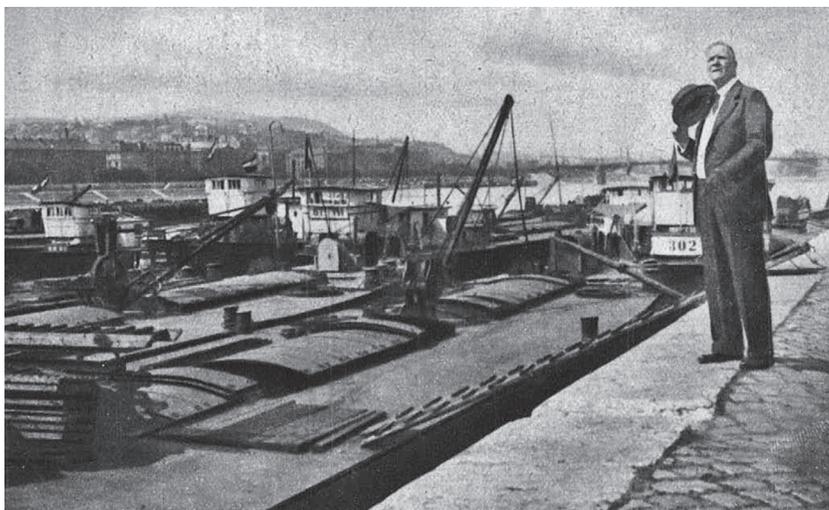

Рис. 4. «Все баржи — мои личные друзья...» Шаляпин на набережной Дуная.
Фото из журнала Színházi Élet (1934)

Рис. 5. «Эй, ухнем... эй, ухнем». Фото из журнала Színházi Élet (1934)

Она была обязательной частью репертуаров выступавших в Венгрии русских артистов, будь то Шаляпин, Георгий Андреевич Бакланов (1881–1938), казачий хор Сергея Жарова или созданные проживающими в Венгрии русскими эмигрантами балалаечные оркестры. Обычно песня исполнялась в конце музыкальных мероприятий или на бис, и успех всегда был гарантирован. Но там, на набережной, из уст Шаляпина песня прозвучала, пожалуй, в самой аутентичной форме⁵³. Впечатления об этой части программы в венгерской столице Шаляпин выразил так: «Вы не можете себе представить, что означали для меня эти полчаса, они были для меня всем. Уже только поэтому я никогда не забуду ваш прекрасный город». По всей вероятности, прогулка напоминала былую, ушедшую в далекое прошлое молодость⁵⁴.

Неординарный характер этой прогулки становится еще очевиднее, если сопоставить эту историю с высказыванием Шаляпина в цитированной выше статье для *Pesti Napló*:

Вне рамок концерта я по принципиальным соображениям никогда не пою, даже дома, в семейном кругу не рискую своим голосом. Если мои родственники и друзья желают меня услышать, они должны купить билеты на какой-то из моих концертов, иначе никак⁵⁵.

Покидая набережную, Шаляпин обратился к Палу Вари, корреспонденту журнала *Színházi Élet*, будто подвел итог жизни и монументальному творческому пути:

Я чувствую себя счастливым человеком. Я добился всего, что только можно получить от жизни. Вы умеете играть в баккара? Моя судьба

⁵³ Интересас ради необходимо отметить, что эту песню венгерская публика в первую очередь отождествляла с Шаляпиным. В межвоенный период из-под пера венгерского писателя Золтана Т. Тури вышел биографический роман о певце под заглавием «Эй, ухнем. Чудесная жизнь Шаляпина». Роман на самом деле в большей части был компиляцией на венгерском языке из прежних автобиографических произведений Шаляпина. По авторской фантазии роман заканчивается с последними словами, якобы прозвучавшими из уст ушедшего в мир иной Шаляпина: «Эй, ухнем... эй... ухнем...». См.: *T. Thury Z. Ej uhnyem. Saljapin csodálatos élete*. Budapest: Aesopus Kiadó, s.d. 224. old.

⁵⁴ *Színházi Élet*. 1934. 22. sz. 20. old.

⁵⁵ *Pesti Napló*. 1936. 25 XII: 42. Сказал ли Шаляпин эти слова, или нет, сегодня уже трудно установить. Зато в мемуарной литературе есть немало свидетельств тому, что Шаляпин за столом, будучи уже немного навеселе, часто устраивал спонтанные концерты к своему и всех присутствующих удовольствию, см.: Кравчинский 2008: 56.

была мне хорошим банкиром. Я выиграл все ставки. Сейчас я доигрываю последние партии, но, возможно, именно поэтому мне приятно вспомнить те времена, когда я выиграл свою первую и решительную ставку. Поверьте мне, стоило жить, и я думаю, не будет больно, когда однажды Великий Крупье скажет: "*Rien ne va plus!*"⁵⁶

Слова Великого Крупье "*Rien ne va plus!*" («Ставки сделаны!») прозвучали для Шаляпина в 1938 г. Годом ранее у артиста обнаружили лейкоз, после этого он окончательно ушел со сцены⁵⁷. Один из величайших певцов всех времен скончался в Париже 12 апреля 1938 г.

Литература

- Березовая 2002 — *Березовая Л.Г.* Культура русской эмиграции (1920–1930-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. №3(5). С. 120–173.
- Вагапова 2007 — *Вагапова Н.М.* Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах. М.: Алетейя, 2007. 238 с.
- Вздорнов (ред.) 2008 — Художественная культура русского зарубежья 1917–1939 / отв. ред. Г.И. Вздорнов. М.: Индрик, 2008. 480 с.
- Горбунов 2002 — *Горбунов Н.И.* Федор Шаляпин в Японии и Китае. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 396 с.
- Кокане 1963 — *Кокане В.* Последние гастролы Шаляпина // Театр. 1963. №3. С. 66–68.
- Кравец 2008 — *Кравец В.С.* В поисках общей идентичности: судьбы русской эмиграции в 1920–1930-е годы // Cogito. Альманах истории идей / гл. ред. А.В. Корневский. Ставрополь: Центр научного знания «Логос», 2008. С. 211–222.
- Кравчинский 2008 — *Кравчинский М.Э.* Русская песня в изгнании. Нижний Новгород: Деком, 2008. 296 с.
- Лукьянов 2012 — *Лукьянов Ф.Е.* Шаляпин в Будапеште. По следам одного автографа певца // Российская белая эмиграция в Венгрии (1920–1940-е годы) / отв. ред. А.С. Стыкалин, Э.М. Варга. М.: Пробел-2000, 2012. С. 125–132.
- Петрова 2013 — *Петрова А.* «Русская опера» на парижской сцене // Opera musicologica. 2013. №3[17]. С. 21–43.
- Сабенникова 2010 — *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция 1917–1939 гг.: структура, география, сравнительный анализ // Российская история. 2010. №3. С. 58–79.

⁵⁶ Színházi Élet. 1934. 22. sz. 20. old.

⁵⁷ См., например: Кокане 1963.

- Сабенникова, Гентшке 2014 — *Сабенникова И. В., Гентшке В. Л.* Зарубежная архивная Россия. География размещения, выявление, публикация источников. М.; Берлин: Директ-медиа, 2014. 408 с.
- Ткаченко 2005 — *Ткаченко Ю. О.* Творчество Ф. И. Шаляпина в контексте развития русского и европейского театрального искусства конца XIX — начала XX веков // Возвышенное и земное в музыке и литературе: материалы всероссийской научной конференции, 24–26 мая 2005 г. / ред.-сост. Б. А. Шиндин. Новосибирск: Изд-во Новосибирской государственной консерватории (академии), 2005. С. 207–220.
- Komár 1976 — *Komár P.* Saljapin és Magyarország // *Jankovszkij M. O.* Saljapin. Budapest: Gondolat, 1976. 435–451. old.

References

- Berezovaia, L. G., 2001. Kultura russkoi emigratsii (1920–1930-e gody) [The culture of the Russian emigration in the 1920s and 1930s]. *The New Historical Bulletin*, 3(5), pp. 120–173. (in Rus.)
- Gorbunov, N. I., 2002. *Feodor Chaliapin v Iaponii i Kitae* [Feodor Chaliapin in China and Japan]. Moscow: IMLI RAN, 396 p. (in Rus.)
- Kokane, V., 1963. Poslednie gastrol'i Chaliapina [Chaliapin's last tournee]. *Teatr*, 3, pp. 66–68. (in Rus.)
- Komár, P., 1976. Saljapin és Magyarország. In: Jankovskii, M. O., *Saljapin*. Budapest: Gondolat, pp. 435–451.
- Kravchinskii, M. E., 2008. *Russkaya pesnya v izgnanii* [The Russian song in exile]. Nizhnii Novgorod: Dekom, 296 p. (in Rus.)
- Kravets, V. S., 2008. V poiskakh obshchei identichnosti: sud'by russkoi emigratsii v 1920–1930-e gody [In search for a common identity: destinies of the Russian emigration in the 1920s and 1930s]. In: Korenevskii, A. V. *Cogito. Al'manakh istorii idei* [Cogito. Almanac of the history of ideas]. Stavropol': Tsentr nauchnogo znaniia "Logos", pp. 211–222. (in Rus.)
- Luk'ianov, F. E., 2012. Chaliapin v Budapeshte. Po sledam odnogo avtografa pevtsa [Chaliapin in Budapest. On the footsteps of an autograph]. In: Styalin, A. S., Varga, E. M., eds. *Rossiiskaia belaiia emigratsiia v Vengrii (1920–1940-e gody)* [Russian white emigration in Hungary from the 1920s to the 1940s]. Moscow: Probel-2000, pp. 125–132. (in Rus.)
- Petrova, A., 2013. "Russkaya opera" na parizhskoi stsene [The "Russian opera" on the Parisian scene]. *Opera musicologica*, 3[17], pp. 21–43. (in Rus.)
- Sabennikova, I. V., 2010. Rossiiskaia emigratsiia 1917–1939 gg.: struktura, geografiia, sravnitel'nyi analiz. *Rossiiskaia istoriia*, 3, pp. 58–79. (in Rus.)
- Sabennikova, I. V., Gentshke, V. L., 2014. *Zarubezhnaia arkhivnaia Rossiika. Geografiia razmeshcheniia, vyiaвление, publikatsiia istochnikov* [Foreign archival

- Rossica. Geography of placement, identification, publication of sources]. Moscow; Berlin: Direkt-media, 408 p. (in Rus.)
- Тkachenko, Iu. O., 2005. Tvorchestvo F. I. Chaliapina v kontekste razvitiia russkogo i evropeiskogo teatral'nogo iskusstva kontsa 19 – nachala 20 vekov [Chaliapin's work in the context of the development of Russian and European theatrical art of the late nineteenth and early twentieth centuries]. In: Shindin, B. A., ed. *Vozvyshennoe i zemnoe v muzyke i literature: materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, 24–26 maia 2005 g.* [Sublime and earthly in music and literature: materials of the all-Russian scientific conference]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskoi gosudarstvennoi konservatorii (akademii), pp. 207–220. (in Rus.)
- Vagapova, N. M., 2007. *Russkaya teatralnaya emigratsiya v Central'noi Jevrope i na Balkanakh* [The Russian theatral emigration in Central Europe and on the Balkans]. M: Алетея, 238 p. (in Rus.)
- Vzdornov, G. I., ed., 2008. *Khudozhestvennaia kul'tura russkogo zarubezh'ia 1917–1939* [Artistic culture of Russian diaspora]. Moscow: Indrik, 480 p. (in Rus.)

Attila Kolontári

PhD, Senior Research Fellow, The Committee of National Remembrance, Budapest, Hungary. Vas u. 10, 1088.

E-mail: kolontari68attila@gmail.com

“Yo, heave-ho...” Budapest Tournees of Feodor Chaliapin

This article examines Feodor Chaliapin’s guest performances in Budapest. The famous singer visited Hungary altogether eight times over ten years, playing the roles of Mephisto (*Faust*), Basilio (*The Barber of Seville*), and Don Quixote in the opera, as well as giving individual concerts. His performances were considered the most outstanding events during the opera and theatre season, taking place before full houses, the boxes being filled with representatives of the Hungarian elite, political actors, businessmen, writers, and actors. The Hungarian press followed Chaliapin everywhere, correspondents tried to inform readers about each and every moment of his stay in Hungary, and he obliged journalists – that problematic group – with great patience and professionalism by never declining an interview. Prestigious critics and musicologists (including Aladár Tóth, Emil Haraszi, and Dezső Szomory) wrote laudatory commentaries on Chaliapin’s performances on the pages of Hungarian journals and newspapers. They all praised his talent, creative power, amazing bass, and charm as well as his ability to win the hearts of the audience from the very first moment. Hungarian people regarded Chaliapin not only as the king of the opera, but also as the embodiment of Russia and Russian culture. Chaliapin used his tournees to Budapest to get acquainted with the Hungarian capital; he visited the most famous sights of the city (he especially loved walking on the banks of the Danube) and he enjoyed spending his time eating out in restaurants and bars while listening to Hungarian gypsy music. Journal articles enable us to reconstruct this somewhat forgotten episode in Russian-Hungarian cultural relations.

Keywords: Russian artists in emigration, Hungary, opera, concerts, press, interview

How to cite: Kolontári, A., 2021. “Ei, ukhnem...” Budapeshtskie gastrolí F. I. Chaliapina. *Tsentral’noevropeiskie issledovania*, 2021, 4(13), pp. 273–300. doi: 10.31168/2619-0877.2021.4.11.

Олег Геннадьевич Казак

Кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии,
Белорусский государственный экономический университет,
Минск, Республика Беларусь. 20056, пр. Партизанский, 26.
E-mail: olegkazak90@tut.by

Национально-культурные движения восточнославянского населения Подкарпатской Руси в контексте политики Венгрии (1938–1944)

Статья представляет комплексное исследование национально-культурного развития восточнославянского населения Подкарпатской Руси, традиционно именовавшего себя этнонимом «русины», в 1938–1944 гг.: раскрыта природа эволюции традиционных для Подкарпатской Руси национально-культурных движений (русофилов, украинофилов, русинофилов); выявлены существенные характеристики официального национального курса в Подкарпатской Руси, направленного на гражданскую ассимиляцию и постепенную мадьяризацию русинского населения края; показаны сущность этнокультурной политики венгерских властей в регионе и основные механизмы ее реализации. Делается вывод о том, что усилия венгерских властей в Подкарпатской Руси в 1938–1944 гг. были направлены на укоренение в среде восточнославянского населения локальной русинской идентичности с целью недопущения его сближения с русофильским и украинофильским национально-культурными движениями. Определена степень влияния венгерских властей на социокультурный ландшафт Подкарпатской Руси, которое заключалось в сочетании массовой пропаганды свободного культурного развития русинов с целенаправленными действиями по их этнической ассимиляции, в регулировании политической жизни Подкарпатской Руси в выгодном для Будапешта ключе (пресечение деятельности приверженцев независимого украинского государства, отказ от обещанного создания Подкарпатской (Русинской) партии и предоставления автономии Подкарпатской Руси, инициирование конфликта между крупнейшими русофильскими политическими деятелями). Основу источниковой базы доклада составили документы Венгерского национального архива, Государственного архива Закарпатской области, Национального архива Чешской Республики, Государственного архива Российской Федерации, материалы прессы. Введенные в научный оборот источники из архивов различных стран и сделанные на их основе выводы позволяют глубже понять природу незавершенных национальных процессов у русинов Карпатского региона.

Ключевые слова: русины, этнокультурная инженерия, идентичность, русофилы, украинофилы, русинофилы, регентский комиссар

Цитирование: *Казак О.Г.* Национально-культурные движения восточнославянского населения Подкарпатской Руси в контексте политики Венгрии (1938–1944) // Центральноевропейские исследования. 2021. Вып. 4(13) / гл. ред. О.В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 301–327. DOI: 10.31168/2619-0877.2021.4.12.

С распадом СССР в Восточной и Центральной Европе получили развитие альтернативные этнические идентичности. Одной из наиболее ярких иллюстраций данного феномена следует считать русинское движение в суверенной Украине, активисты которого опровергают тезис официального Киева о русинах (жителях Закарпатской области Украины) как этнографической группе украинцев и считают их четвертым восточнославянским этносом.

В языковом и культурном плане русины являют собой крайнюю западную часть восточнославянского этнического массива. Историческая родина карпатских русинов — территория Лемковины и бывшей Угорской Руси (нынешние районы юго-восточной Польши, северо-восточной Словакии и Закарпатская область Украины), охватывающая 18 тыс. км² от реки Попрад на западе до реки Тиса на востоке. Кроме этих регионов русины компактно проживают в северной Румынии (область Марамуреш), в Силезии и некоторых областях Северной Польши, в сербской Воеводине и хорватской Славонии, в северо-восточной Венгрии. В связи с массовой миграцией русинов в Северную Америку в конце XIX — начале XX в. там сложилась многочисленная русинская диаспора.

К середине XIII в. территория проживания карпатских русинов практически полностью вошла в состав Венгерского королевства, затем — империи Габсбургов. В XVI — начале XVIII в. населенные русинами районы стали ареной противоборства монархии Габсбургов, трансильванских князей и их сюзерена — Османской империи. Данные события имели катастрофические последствия для хозяйственной жизни края. Революционный подъем 1848–1849 гг. коснулся и немногочисленной русинской интеллигенции во главе с «русинскими будителями» Александром Духновичем (1803–1865) и Адольфом Добрянским (1817–1901). Большую ее часть вскоре затронул процесс добровольной мадьяризации; отдельные представители интеллектуальной элиты края — Евгений Фенцик

(1844–1903), Анатолий Кралицкий (1835–1894), Александр Митрак (1837–1913) и др., — оставаясь верными заветам «русинских будителей», своим творчеством пропагандировали идеи славянской взаимности.

После окончания Первой мировой войны и краха Австро-Венгерской монархии территория Подкарпатской Руси (сегодня — Закарпатская область Украины), согласно Сен-Жерменскому (1919 г.) и Трианонскому (1920 г.) мирным договорам, вошла в состав Чехословацкой Республики. Интеллигенция региона в межвоенное время получила довольно широкие возможности для свободного выражения своих воззрений в прессе и публицистике. В указанный период интеллектуальные элиты региона представили на суд общественности несколько моделей идентичности местного восточнославянского населения, традиционно именовавшего себя этнонимом «русины». Русофилы трактовали русинов как самую западную ветвь единого русского народа от Карпат до Тихого океана, указывали на огромный духовный потенциал русской цивилизации, к достижениям которой, по их мнению, должны были приобщиться русины. Украинофилы считали местное население частью украинского народа с «неразбуженным» украинским самосознанием. Из русофильского направления постепенно выделилось русинофильское течение, представители которого считали русинов отдельным славянским народом, а не частью русских или украинцев¹.

Начиная с чехословацкого этапа истории Подкарпатской Руси русинский вопрос активно использовался государствами Центральной Европы во внешнеполитических целях. Так, Прага хотя и предоставляла относительную свободу различным национально-культурным направлениям, однако большую поддержку (особенно в 1920-е годы) оказывала представителям украинофильского лагеря. Украинофилы были предпочтительнее для чехословацких властей в качестве противовеса венгерскому ирредентизму (дело в том, что многие местные русофилы ориентировались на Венгрию). Прага, вмешиваясь в национально-культурный ландшафт Подкарпатской Руси, готовила почву для возможной дестабилизации ситуации в соседней Польше, отношения с которой у Чехословакии оставались напряженными. Для Польши украинская проблема являлась одним

¹ Шевченко 2011: 269–270.

из наиболее болезненных факторов внутренней политики. После поэтапного включения Подкарпатской Руси в состав Венгрии (ноябрь 1938 г., март 1939 г.) новые власти сделали ставку на представителей русинофильского национально-культурного движения. Относительный демократизм, в условиях которого действовали представители региональной интеллигенции различных ориентаций в межвоенный период, остался в прошлом.

Исследование политики венгерских властей в отношении восточнославянского населения Подкарпатской Руси представляет интерес как актуальный пример процесса этнокультурной инженерии, который в условиях политической нестабильности в современной Украине может быть реанимирован заинтересованными сторонами. В частности, в условиях сложной экономической ситуации на Украине Будапешт может предлагать привлекательные для населения Закарпатской области модели поведения, основанные на более тесной интеграции в социальное пространство Венгрии. В этом случае исследование процессов, происходивших в Подкарпатской Руси в 1938–1944 гг., приобретает особую важность, так как многие образцы идеологической обработки населения тех лет могут быть использованы в будущем.

Цель статьи — выявление специфики различных национально-культурных движений восточнославянского населения Подкарпатской Руси в 1938–1944 гг. и их взаимовлияния в контексте политики венгерских властей в регионе. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: раскрыть роль, которая отводилась представителям русинофильского направления в планах венгерских властей по конструированию выгодной для себя модели этнокультурной идентичности восточнославянского населения Подкарпатской Руси; определить стратегии поведения представителей различных течений русофильского лагеря для адаптации к культурной и общественно-политической обстановке в Подкарпатской Руси; выделить факторы, обусловившие маргинализацию украинофильского национально-культурного движения.

Предметом исследования является политика венгерских властей в отношении коренного восточнославянского населения Подкарпатской Руси и реакция на нее представителей различных этнокультурных течений в среде интеллигенции региона. Особое внимание в работе уделено институциональной составляющей

национально-культурных движений (политические партии, культурно-просветительские объединения), которая играла ключевую роль в определении их места в общественно-политическом ландшафте Венгрии 1938–1944 гг.

Создание особых условий для русинофильского национально-культурного движения

Венгерские власти через аппарат пропаганды поддерживали представления о русинах как об отдельном славянском народе, которому чужды русофильские или украинофильские настроения. Идеологи данного курса утверждали, что свободное развитие самобытной русинской культуры возможно лишь в рамках венгерского государства. Обоснование поддержки венгерским государством идеи самостоятельности русинского народа в апреле 1939 г. представил директор венгерской службы радиовещания, будущий регентский комиссар Подкарпатской территории (руководитель венгерской администрации в Подкарпатской Руси²) Миклош Козма (1884–1941). В интервью иностранным журналистам он отметил, что Венгрии парадоксальным образом было выгодно существование СССР: если «Россия станет национальной», она начнет «великославянскую игру», заключающуюся в экспансии «через земли южных и западных славян на неславянские страны — Румынию и Венгрию». В такой ситуации, на взгляд М. Козмы, «украинская и русская тенденции» являлись одинаково опасными для Венгрии. Оптимальным виделось существование народа с локальным русинским самосознанием, который «хотя и находился бы на низком уровне в культурном и цивилизационном плане», но «благодаря религии и истории ориентировался бы на Запад», «противопоставлялся бы Великой России». М. Козма считал, что русины и поляки «выступают против православия, против русских и украинцев» и являются единственным славянским народом, который «не поддерживает великославянскую идею России». При этом глава венгерской радиовещательной

² Венгерские власти, несмотря на многочисленные обещания, так и не предоставили автономии Подкарпатской Руси. Вместе с тем территории со славянским большинством не были включены в административную систему комитатов, их объединили в специальное административное образование с центром в Унгваре — Регентский комиссариат Подкарпатской территории.

службы отметил, что большинству русинского населения не стоило опасаться мадьяризации:

Венгерский язык не несет опасности языку, на котором разговаривают русины. Словацкий, чешский, украинский языки несут угрозу русинскому языку, а венгерский — нет, потому что между венгерским и русинским языками нет никакого сходства³.

Впрочем, М. Козма считал, что русинская интеллигенция должна стремиться освоить венгерский язык, чтобы иметь больше возможностей для самореализации в рамках всего государства.

Рупором пропаганды концепции идеи отдельного русинского народа стали русинскоязычные официальные издания «Новая неделя» (1939 г.) и «Карпатская неделя» (1939–1941 г., позже выходило под названием «Неделя»). Материалы с обоснованием самобытности русинского этноса публиковали известные ученые и публицисты, общественные и церковные деятели (Антал Годинка (1864–1946), Шандор Бонкало (1880–1959), Александр Ильницкий (1889–1947), Иван Гарайда (1905–1944), Гиадор Стрипский (1875–1946), Ириной Кондратович (1881–1957) и др.). Так, И. Кондратович утверждал, что русины представляли собой отдельную народность, близкую к западным славянам и венграм. Публицист говорил о русинах как о вернейших братьях венгров, которые, однако, не отказались от своих традиций. Вхождение региона в состав Венгрии И. Кондратович считал величайшим событием, благодаря которому «венгерская святостефанская идея объединится с русинским народным чувством»⁴.

Для изучения истории и культуры русинов была создана крупнейшая в регионе институция академического толка — Подкарпатское общество наук (ПОН). На торжественном открытии общества его идейный вдохновитель, регентский комиссар Подкарпатской территории М. Козма заявил: «Народ Подкарпатья свою самостоятельную, независимую и народную культуру хочет строить в рамках венгерского государства, в рамках венгеро-русинского слияния». Политик отметил, что русинский народ своими силами, без помощи венгерского правительства не смог бы создать подобной организации. При этом

³ [Kozma N.] Vortrag über die russinische Frage des Geheimen Rates und Präsidenten des Magyar Távirati Iroda Nikolaus von Kozma im Verein des Ausländischen Berufskorrespondenten am 23. Mai 1939. Budapest: [s. n.], 1939. S. 22–29.

⁴ Капраль 2008: 57–66.

М. Козма ясно очертил границы деятельности ПОН: «Организация должна служить народному самоопределению, особого рода культуре и языку, без посторонних политических целей». В дальнейшем лидеры организации, помня слова М. Козмы, сами заявляли о своей аполитичности. Так, А. Ильницкий на собрании, посвященном годовщине образования ПОН, отмечал:

ПОН не занимается политикой, так как политизирование было бы причиной нежелательных последствий, оно работает лишь ради улучшения культурной и научной жизни. Цель — служить становлению собственного языка и культуры, без всяких политических целей⁵.

Цель общества в уставе формулировалась следующим образом:

Изучение географии, этнографии, истории, языка, литературы, искусства и других вопросов народной жизни Подкарпатья на научной основе, создание и распространение научного и литературного продукта на венгерском и русинском языках⁶.

Уставом была предусмотрена возможность широкого контроля деятельности организации со стороны властей. Новые члены ПОН утверждались регентским комиссаром и министром внутренних дел. Для надзора за работой ПОН, характером издаваемой печатной продукции была создана специальная Ассамблея, возглавляемая регентским комиссаром и подотчетная министру внутренних дел и министру по делам религии и образования. Если возникали подозрения в том, что ПОН занималось «антигосударственной деятельностью», несло «угрозу общественной безопасности», министр внутренних дел имел право приостановить его работу⁷.

Численность ПОН на протяжении 1941–1944 гг. не превышала 35 человек, при этом более половины членов организации являлись профессорами университетов Венгрии. Как правило, они имели русинские корни и исследовали различные аспекты истории, этнологии и фольклора Подкарпатской Руси. Характер публикаций ПОН полностью отвечал официальному курсу: позиционирование культурной

⁵ Неделя. 1943. 30 V. С. 3.

⁶ ДАЗО. Ф. 1001. Підкарпатське товариство наук, м. Ужгород Ужанської жупи. Оп. 1, Д. 8. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 8.

самобытности русинского народа, акцентирование внимания на чуждости русских и украинских духовных традиций для населения Подкарпатской Руси. Например, Ш. Бонкало в одной из статей в журнале «Заря» заявил о существовании четырех восточнославянских языков (русский, украинский, белорусский и «язык подкарпатских русинов»), которые имели общую основу, но «на протяжении столетий развивались в разных направлениях». Русский язык, на взгляд филолога, вследствие традиционной изолированности Московского княжества был сильно «засорен татаро-монгольскими заимствованиями», непонятными для русинов. Русофильские настроения интеллигенции Подкарпатской Руси в середине XIX в. Ш. Бонкало объяснял ее «оторванностью от народа», а языковые споры между русофилами и украинофилами в межвоенный период — «борьбой двух эмигрантских направлений», чуждых менталитету русинов⁸.

Согласно нормативным правовым актам (приказ премьер-министра № 6200/1939, распоряжения премьер-министра № 5800 и 18136 от 1939 г.), «на Подкарпатской территории государственными официальными языками являлись венгерский и угро-русский языки». В период венгерского господства были предприняты попытки кодификации русинского языка на основе локальных говоров. Летом 1940 г. в Унгваре издали «Граматику угро-русского языка для средних учебных заведений»⁹. Редколлегию возглавил А. Ильницкий, а предисловие к изданию написал Юлий Марина (1901–1983), поэтому в литературе часто встречается формулировка «грамматика Ю. Марины». В письме к премьер-министру Венгрии Палу Телеки (1879–1941) регентский комиссар Жигмонд Перени (1870–1946) так охарактеризовал основную задачу издания:

Грамматика, с одной стороны, остановит языковую борьбу в Подкарпатье, которая длится уже более двух десятилетий (и которую часто искусственно подогревали чешские власти), и таким образом даст русинам возможность дальше совместно развивать родной язык, с другой — поставит барьер перед отчуждающим влиянием, которое ощущалось в результате использования иностранных языков (украинского, великорусского)¹⁰.

⁸ Бонкало 1941: 58–68.

⁹ Грамматика угрорусского языка для середних учебных заведений. Унгварь: Издание Регентского Комиссарского Управления в Унгваре, 1940. 114 с.

¹⁰ Фединец, Черничко 2015: 179.

Разработчики грамматики не скрывали, что основная их цель состояла в преодолении украинофильских тенденций путем возвращения к более ранним литературным нормам с одновременным максимальным использованием локальной лексики. На деле же слабая ориентация авторов грамматики в языковой специфике Подкарпатской Руси повлекла создание продукта, не удовлетворявшего ни одну из заинтересованных сторон¹¹. Несмотря на попытки внедрения в грамматику элементов народных диалектов Подкарпатской Руси, она не сильно отличалась от грамматики русского литературного языка¹².

После назначения на должность регентского комиссара Подкарпатской территории М. Козмы работа по кодификации русинского языка активизировалась. Информационную поддержку данного мероприятия обеспечивали издания ПОН — организации, которую курировал лично М. Козма. Так, в первом издании периодического издания ПОН «Литературная неделя» отмечалась «необходимость развития народного материнского языка до степени литературного»¹³. Аналогичный материал содержал и первый номер журнала *Руська молодежь*. Со страниц издания звучал призыв всем школьникам и молодым учителям края присылать в редакцию народные песни, пословицы, поговорки. Эти материалы планировалось использовать для дальнейшей выработки литературного русинского языка¹⁴. Самым ревностным приверженцем трансформации народного языка в литературный был Г. Стрипский. Он просил помощи в составлении словаря народных говоров, обещая денежное вознаграждение жителям региона, если те пришлют в редакцию ранее неизвестные слова и выражения. Местную лексику Г. Стрипский считал основой литературного языка¹⁵.

Результатом работы ПОН стал выход в 1941 г. «Граматики руського языка» под редакцией И. Гарайды. М. Козма принял самое непосредственное участие в подготовке данной работы: им была предложена буква, которой не было ни в русском, ни в украинском алфавитах¹⁶. Предисловие к грамматике И. Гарайды было полностью выдержано в духе официального курса:

¹¹ Plishkova 2009: 62.

¹² Капраль 2000: 234–235.

¹³ Капраль 2002: 57.

¹⁴ Руська Молодежь. 1941. Ч. 1. С. 1.

¹⁵ Карпатска неделя. 1941. 16 II. С. 4.

¹⁶ Csernicskó 2013: 182.

Русинский народ теперь присоединится к своему родному милому языку и к своим преданиям и теперь, как столько раз в прошлом, душевно сольется с венгерским братским народом, который представляет западную цивилизацию, но одновременно и языки своих славянских братьев будет ценить и почитать¹⁷.

И. Гарайда подчеркивал сложность создания грамматики в регионе, где население еще не выработало четкого представления о национальной принадлежности. Цель своей работы ученый видел в создании понятного для простого народа литературного языка. Особо подчеркивалось, что данный труд стал компромиссом между многими противоречащими друг другу представлениями о народном языке, который требует развития и усовершенствования в дальнейшем¹⁸. Несмотря на некоторое приближение лексических компонентов грамматики к народным говорам, И. Гарайде и его последователям так и не удалось избавиться от влияния русского литературного языка. Об этом свидетельствует анализ произведений 1941–1944 гг., написанных в соответствии с кодифицированной нормой данной грамматики. Язык многих текстов журнала *Kárpátaljai Közlöny* («Подкарпатский вестник»), в котором публиковались законодательные акты высших органов власти Венгрии, практически не отличался от русского языка¹⁹. Ситуация осложнялась нехваткой редакторских кадров, смутным представлением многих публицистов об особенностях подкарпатских диалектов, сложной языковой ситуацией в регионе на протяжении нескольких столетий. За пять лет венгерского господства в Подкарпатской Руси не было выработано единого подхода к наименованию восточнославянского населения края и корректного перевода соответствующего этнонима на венгерский язык, хотя дискуссия по данному вопросу являлась важной составляющей национально-культурной жизни региона.

Венгерские власти не рассматривали даже лояльных общественных деятелей в качестве равноправных политических партнеров. Об этом свидетельствует отказ от создания Подкарпатской (Русинской) партии. По сообщениям органов контрразведки Венгрии, Андрей Бродий (1895–1946), известный русофильский

¹⁷ *Гарайда И.* Грамматика русского языка. Унгварь: Выдана Подкарпатского Общества Наук. Книгопечатня Юлия Фельдешия, 1941. С. 4.

¹⁸ Там же. С. 6–8.

¹⁹ Фединец, Черничко 2015: 181.

политик-мадьярон, который должен был стать одним из главных функционеров данной структуры, в частных беседах отмечал, что «скорого основания партии ждать нельзя, так как многие политики желают играть в ней ведущую роль; переговоры идут постоянно, но соглашения не достигнуто»²⁰. В конце 1943 г. вопрос создания Русинской партии вновь вошел в региональную политическую повестку дня. Капитан полиции Мункача в сообщении министру внутренних дел Венгрии отметил, что данная организация являлась потенциальным источником «русино-венгерского конфликта». Служащий полиции считал, что лишь небольшая часть русинов старшего поколения была готова «вписаться в венгерскую политическую жизнь и сохранить лояльность государству». Но и они, по мнению чиновника, «находились под влиянием молодежи, особенно священников и учителей, которые непосредственно действовали против венгров»²¹.

В такой ситуации власти в конце 1943 г. попытались взять процесс создания Русинской партии под свой контроль. В качестве потенциального председателя партии, кроме А. Бродия, рассматривался также Андрей Кричфалуши-Грабарь, бывший начальник личной охраны регента Миклоша Хорти (1868–1957)²². Окончательный выбор, однако, пал на более опытного в политическом плане А. Бродия. 2 июня 1944 г. на заседании нижней палаты парламента Венгрии председатель Андраш Ташнади Надь (1882–1956) проинформировал участников о письме А. Бродия. В нем политик объявил о формировании Партии автономного народного единства русинов Подкарпатья. Было зачитано и само письмо, проникнутое пафосом единства интересов русинов и венгерского государства²³. Формирование новой партии получило одобрение парламента, однако в условиях приближающегося военного поражения Венгрии у нее не было шансов начать реальное функционирование. Уже 30 июня 1944 г. в стране была запрещена любая партийно-политическая деятельность.

²⁰ ДАЗО. Ф. 92. Ужгородське відділення контррозвідки штабу VIII-го корпусу угорських військ, м. Ужгород. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

²¹ ГАРФ. Ф. Р-8091. Коллекция микрофотокопий документов зарубежных архивов. XIV – 70-е гг. XX в. Оп. 46. Д. 90. Л. 2.

²² Пушкаш 2006: 393–394.

²³ NAČR. F. MV-L. Sign. 2-10-4. Kart. 114.

Русофильское национально-культурное движение: борьба за существование в неблагоприятных условиях

Русофильские идеи с середины XIX в. пользовались большой популярностью среди интеллектуальных элит Подкарпатской Руси. В новых условиях данные тенденции рассматривались венгерскими властями через призму опасности влияния СССР. Особенность ситуации заключалась в том, что некоторые влиятельные общественные и политические деятели региона, в межвоенный период позиционировавшие себя как русофилы, в то же время активно выступали за присоединение Подкарпатской Руси к Венгрии. Самыми известными из них были А. Бродий и Степан Фенцик, которым принадлежали газеты «Русская правда» (с конца 1939 г. — «Русское слово») и «Карпаторусский голос» соответственно. Несмотря на лояльность венгерским властям этих деятелей, русофильские издания имели трудности с финансированием, не пользовались поддержкой официального Будапешта. В условиях установления венгерского господства политические деятели калибра А. Бродия и С. Фенцика были вынуждены постоянно искать баланс между демонстрацией своей лояльности Будапешту и позиционированием себя в качестве «вождей» и «выразителей интересов» русинского народа.

Особое беспокойство венгерских властей вызывал С. Фенцик, позиционировавший себя сторонником фашистских идей. Сотрудник военного кабинета регента Венгрии Андраш Доболци, которому было поручено следить за Фенциком, сообщил, что видел его 12 сентября 1939 г. в обществе двух журналистов из США, выходцев из Подкарпатской Руси, которые представляли христианское направление. Как установил А. Доболци из их беседы, Фенцик намеревался создать в Подкарпатской Руси «центр русской фашистской пропаганды»²⁴. Спецслужбы также тщательно отслеживали контакты А. Бродия и его соратников. Один из приближенных русофильского лидера, Георгий Барань, в апреле 1940 г. посетил Югославию, где встречался со студентами-активистами из Подкарпатской Руси, которые, согласно отчету политического отдела полиции Будапешта, «пользовались поддержкой местных православных кругов». В частности, студент Михаил Бобуски и секретарь Югославского

²⁴ Пущкаш 2006: 320.

карпаторусского общества Александр Павлович «были настроены резко антивенгерски». Еще одним молодежным лидером являлся студент из Подкарпатской Руси Степан Реберко, вокруг которого группировались «очень воинственные молодые люди», «стоявшие на русской националистической и культурной платформе», но при этом являвшиеся приверженцами возвращения региона в состав Чехословакии. Г. Барань встретился также с бывшими русскими офицерами, которые перебрались в Югославию после Октябрьской революции²⁵. Такая бурная деятельность русофильских политиков и общественных деятелей, естественно, не могла быть позитивно оценена венгерскими властями.

Газеты А. Бродия и С. Фенцика наряду с хвалебными строками в адрес руководства Венгрии помещали критический материал, направленный против официальной национальной политики. Авторы заметок в «Карпаторусском голосе» неоднократно называли «русинизм» переходным этапом к господству радикальных проукраинских идей²⁶. Следующее метафорическое описание природы русинофильского направления являлось типичным для русскоязычных газет Подкарпатской Руси:

Паразиты, крайне вредный и враждебный элемент, которые мечтают о своей выгоде, которые занимаются братоубийственной борьбой, которые дерзко и без оснований попирают правду и тем самым вредят народу. Это — русинисты, помноженные на господ-добродеев, апостолов неньки Украины и так называемых подлизников к венгерским властям²⁷.

Резкой критике русофилов подверглись фундаментальные исторические работы Ш. Бонкало «Русины» и Тивадара Бачинского «Русско-русинские отношения в середине XIX в.»²⁸, которые служили научным обоснованием существования отдельного русинского народа. Иван Андрашко, автор развернутой рецензии на труд Ш. Бонкало, отвергал предложенную последним трактовку

²⁵ MNL OL. K 149. Polgári kori kormányhatósági levéltárak. Belügyi Miniszterium. Rezervált iratok. 1940. 214. cs. 1. t. 1940.05.13.

²⁶ Карпаторусский голос. 1939. 7 VI. С. 1–2; 28 VI. С. 1–2.

²⁷ Карпаторусский голос. 1939. 11 VI. С. 3.

²⁸ См.: *Bonkáló S. A rutének (ruszinok)*. Budapest: Franklin, [1940]; *Bacsinszky T. Orosz-ruszin kapcsolatok a 19. század közepén*. Ungvár: Kárpátaljai Tud. Társ. Ny., 1942.

русинской идентичности населения Подкарпатской Руси, которому приписывалась чуждость любых прорусских симпатий, и считал доводы слависта попыткой «доказать, что дорога, которой веками шли наши предки и на которой ныне и мы стоим — ошибочна, и попали мы на нее по одному лишь недоразумению»²⁹. Критические замечания по поводу монографии Т. Бачинского С. Фенцик представил в письме премьер-министру Венгрии Ласло Бардоши (1890–1946), датированном 10 апреля 1942 г. Оно представляло собой рецензию русофильского политика на книгу Т. Бачинского «Русско-русинские отношения в середине XIX в.». С. Фенцик считал, что монография была выполнена в духе «украинского ирредентизма и сепаратизма». По его мнению, идеи, проповедуемые Т. Бачинским, не только являлись «вредными для подкарпатских русинов», но и были чреватые восстановлением режима, схожего с режимом «Августина Волошина»³⁰ и Карпатской Сечи»³¹. Кроме того, русофильская интеллигенция Подкарпатской Руси негативно оценивала попытки кодификации русинского литературного языка на основе местных говоров.

Деятельность русофильских культурно-просветительских организаций сталкивалась с серьезными препятствиями, чинимыми венгерскими властями. Так, жупан Ужанской жупы весной 1940 г. в письме министру внутренних дел Венгрии выразил свои пожелания относительно будущего функционирования влиятельной русофильской организации — «Общества имени А. Духновича»: исключение из устава всех положений, которые содержат указания о политическом, а не только культурном характере деятельности общества; недопустимость утверждения в качестве официального языка институции только «угро-русского» языка; желательность использования термина «рутен» вместо наименований «русский» или «угро-русский»³². В конечном счете традиционные для организации определения этнонимы в уставе были сохранены, однако формулировка цели соответствовала пожеланиям представителя венгерской власти:

²⁹ Русское слово. 1941. 9 III. С. 2.

³⁰ Волошин Августин Иванович (1874–1945) — политический, культурный и религиозный деятель Подкарпатья.

³¹ ГАРФ. Ф. Р-8091. Оп. 46. Д. 66. Л. 2–3.

³² ДАЗО. Ф. 47. Наджупан Ужанської жупи, м. Ужгород. Оп. 1. Д. 66. Л. 10.

Воспитывать культурный и нравственный дух угро-русов, живущих на территории Венгрии, заботиться о братстве венгров и русских, содействовать хозяйственному и духовному развитию Подкарпатя. Политика полностью снимается с повестки дня.

Если в первоначальном варианте устава официальным языком общества значился «угро-русский», а венгерский язык был разрешен для использования на любых собраниях членов, то в окончательном варианте документа венгерский язык наравне с «угро-русским» был объявлен официальным языком организации³³. Общество продолжило работу, но уровень ее активности значительно снизился.

Менее удачно сложилась судьба организации «Школьная помощь». В межвоенный период общество оказывало содействие талантливым детям региона из небогатых семей в получении образования. В интернате для девочек в Мункаче и двух интернатах для мальчиков в Унгваре постояльцам обеспечивалось бесплатное проживание, питание, право пользования учебными принадлежностями. «Школьная помощь» имела собственную типографию, в которой регулярно печаталась литература русофильского содержания. Сразу после присоединения южной части Подкарпатской Руси к Венгрии (ноябрь 1938 г.) решением министра внутренних дел Ференца Керестеш-Фишера (1881–1948) функционирование «Школьной помощи» было приостановлено, а для изучения характера ее деятельности назначен правительственный комиссар. 26 июня 1939 г. комиссар Эрнё Малинич подготовил отчет о деятельности руководства «Школьной помощи», адресованный губернатору комитата Унг-Берег-Угоча Арпаду Шименфалви. Руководитель типографии, известный русофильский публицист, один из лидеров «Карпаторусской трудовой партии», сенатор в 1929–1939 гг. Илларион Цурканович (1878–1947, после включения Подкарпатской Руси в состав Венгрии переехал в Прагу) рассматривался Э. Малиничем как наиболее последовательный выразитель чехословацких государственных интересов в крае:

Проводимая “Школьной помощью” великорусско-православная культурная политика должна была согласовываться с политикой страны. Глава типографии и редактор И. Цурканович сообщил, что созданная по инициативе лидеров “Школьной помощи”

³³ ДАЗО. Ф. 50. Правління культурно-просвітницького товариства ім. О. В. Духновича, м. Ужгород. Оп. 3. Д. 356. Л. 14.

“Карпаторусская трудовая партия” могла играть роль фактического православного филиала Чехословацкой национально-социалистической партии (партии Эдварда Бенеша)³⁴.

20 декабря 1939 г. в Унгваре состоялось последнее общее собрание «Школьной помощи», участие в котором приняли оставшиеся в Подкарпатской Руси члены организации. Среди них были депутаты нижней и верхней палат венгерского парламента (Владимир Гомичко и Иосиф Каминский соответственно). Венгерскую администрацию от имени и по поручению унгарского градоначальника Эмиля Пелчарски представлял главный городской судья Теодор Ортутай. Он выразил пожелание, чтобы «работа организации отвечала венгерским святостефанским интересам». Выступавшие на общем собрании члены «Школьной помощи» декларировали свое недовольство фактическим блокированием деятельности организации, предпринятым властями. Секретарь Андрей Васильев крайне негативно оценил приостановку функционирования интернатов. Секретарь не смог предоставить подробный отчет об имуществе организации, так как доступ к документам имел лишь комиссар Э. Малинич. Андрей Гагатко заявил, что организация всегда ставила перед собой исключительно культурные цели и не планировала впредь изменять своим принципам. Он же предложил членам правления «Школьной помощи» переработать устав организации в соответствии с венгерским законодательством. Петр Сова выразил надежду на то, что чрезмерный надзор властей над деятельностью организации будет ослаблен. Однако призывы актива «Школьной помощи» фактически не имели адресата, так как представители местной администрации проигнорировали общее собрание. Закрывая мероприятие, длившееся чуть более полутора часов, И. Каминский с сожалением отметил, что регентский комиссар (на тот момент данный пост занимал Ж. Перени), хотя и был проинформирован о времени и месте проведения общего собрания, на него не явился³⁵. В конечном счете имущество ликвидированной «Школьной помощи» было передано в распоряжение ПОН³⁶.

Из многочисленных русофильских партийных организаций, действовавших в Подкарпатской Руси в межвоенный период, после

³⁴ ДАЗО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 5. Л. 159–161.

³⁵ MNL OL. K 150. Polgári kori kormányhatósági levéltárak. Belügyi Ministerium. Általános iratok. 1942. 6191. cs. 5. t. 1939.12.21.

³⁶ MNL OL. K 150. 1942. 6191. cs. 5. t. 1941.05.15.

событий марта 1939 г. работу продолжили лишь Автономный земледельческий союз (АЗС, лидер — А. Бродий) и Русская национально-автономная народная партия (РНАНП, лидер — С. Фенцик), которые традиционно считались провенгерскими. Властям удалось внести раскол в деятельность данных структур. Они добились лояльности видных деятелей АЗС Михаила Демко и Ю. Марины, у которых были напряженные отношения с А. Бродием, требовавшим от властей обещанной широкой автономии для региона. 18 июня 1939 г. в здании кинотеатра Хуста прошел съезд партии, на котором от части делегатов была зачитана листовка со следующими словами: «Мы, которые до сих пор работали вместе с Бродием, пришли к выводу, что русинам не автономия нужна, а хлеб и поп. Русины всегда жили в мире и имели хлеб и на себя, и на попа»³⁷. Однако Будапешт, несмотря на предпринятые меры, не сумел полностью исключить влияние А. Бродия и его единомышленников на политический ландшафт региона. Так, в парламенте Венгрии именно кооптированные депутаты из числа членов АЗС отличались наиболее радикальными и резонансными выступлениями.

Работа Будапешта по расколу и маргинализации РНАНП прошла значительно более успешно, чем в случае с АЗС. Уже к лету 1939 г. часть членов РНАНП склонялись к сотрудничеству с Германией, а сам С. Фенцик обратился за помощью в польское консульство в Ужгороде. Он просил польского дипломата назвать пронемецких членов партии, которых затем следовало исключить из ее рядов³⁸. После событий сентября 1939 г. С. Фенцик утратил в лице польского консула своего деятельного покровителя, что обусловило дальнейшее ослабление позиций партии. В период 1939–1941 гг. она дважды меняла свое название («Угро-русская национальная партия», «Карпаторусская партия»). Многие ее лидеры, оставаясь приверженцами русофильских идей, в то же время в политических вопросах выражали лояльность курсу правительства и провластной «Венгерской партии жизни»³⁹. Некоторые представители верхушки партии, однако, вели переговоры о сотрудничестве с праворадикальной «Партией скрещенных стрел» Ф. Салаши⁴⁰.

³⁷ Пушкаш 2006: 323–324.

³⁸ Домбровский 2012: 353.

³⁹ ГАРФ. Ф. Р-8091. Оп. 46. Д. 64. Л. 2.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-8091. Оп. 46. Д. 56. Л. 22.

С началом венгерского господства выкристаллизовывалось и набирало силу особое течение русофильского лагеря, приверженцы которого ориентировались на СССР, видя в нем главный оплот общерусских, общеславянских идей. Особенно сильными данные настроения стали после коренного перелома в ходе Второй мировой войны, когда присоединение региона к СССР представлялось реально возможным. Таким образом, феномен «просоветского русофильства» отображал сочетание традиционных русофильских идеалов и романтизированных представлений о советском строе. Группа молодых русофилов просоветского течения сформировала свои литературные школы в Ужгороде, Мукачево, Хусте, издала шесть литературных альманахов. Среди наиболее успешных писателей данного идеологического лагеря следует отметить Георгия Керчу (псевдонимы: Тая Верховинка, ГИК, В. Горемыка, В. Горькоуст), Юрия Гойду (псевдоним — Карпатский), Василия Сочку (псевдоним — Боржавин), Кирилла Галаса (псевдонимы — Красин, Вершан), Моисея Шпицера (псевдонимы: Вершинский, Беспризорный) и др. Авторы, произведения которых выходили на страницах официальных изданий в военное время, не могли явно указывать свою приверженность идеям воссоединения с СССР, поэтому в работах чаще использовали символические образы⁴¹. Русофильские идеи многих представителей молодого поколения интеллигенции Подкарпатской Руси вкупе с их ориентацией на СССР представляли самую серьезную угрозу для венгерских властей. Вследствие этого просоветское крыло русофильской интеллигенции имело намного меньше возможностей для деятельности, чем условно лояльные режиму организации и отдельные личности. Тем не менее их творчество представляет собой интересную страницу истории региона.

Ослабление и маргинализация украинофильского национально-культурного движения

Наиболее ощутимым установление венгерской власти в Подкарпатской Руси оказалось для представителей украинофильского идеологического крыла. Многие проукраински настроенные интеллигенты, проявившие активность в период работы автономного кабинета

⁴¹ Magocsi 1978: 154.

А. Волошина (октябрь 1938 — март 1939 г.), вынуждены были покинуть край (в основном они уезжали в Прагу и Братиславу). Некоторые украинофилы в неблагоприятных условиях венгерского режима сумели найти способ выражения своих идей. Издания украинофильских авторов, получавших одобрение цензуры, как правило, представляли собой публикации фольклорно-этнографического материала, в которых отсутствовал любой намек на использование языкового вопроса в политических целях. Например, Владимир Пипаш смог издать в Тячеве сборник народных песен на языке, приближенном к литературному украинскому языку. При этом он был вынужден на обложке сборника сделать пометку о «гуцульском наречии» работы, а также «посвятить» ее литературной секции ПОН. Несколько работ подобного содержания были изданы умеренным украинофилом Михаилом Попадичем. Интересно, что многие приверженцы официального курса, в том числе, например, И. Гарайда, позитивно встретили выход этих сборников⁴². Очевидно, власти не усматривали какой-то серьезной угрозы в литературе подобного рода. Кроме того, приверженцы кодификации русинского языка часто имели довольно туманные представления о диалектных особенностях края, поэтому действительно могли принять украинофильские издания за очередную попытку литературной обработки местных говоров.

В то же время венгерские органы безопасности пресекали всякие проявления со стороны украинофилов политической активности, замаскированной под научно-просветительскую работу. Так, житель Хуста Федор Ревай в июле 1941 г. просил у городских властей разрешения на выпуск календаря на украинском языке, однако вскоре был задержан сотрудниками местного отделения полиции «за антивенгерские выступления». При обыске у него были обнаружены письма, в которых шла речь о «присоединении Подкарпатья к Великой Украине», а также книги на немецком языке, в которых регион был отмечен как «часть независимой Великой Украины». Полицейские органы фиксировали также проявления украинских симпатий на бытовом уровне. Известный украинофил, бывший активист «Карпатской Сечи» Дмитрий Климпуш на одном из торжеств, устроенных в его доме в селе Ясиня, поднял тост «за украинско-венгерскую дружбу». Участвовавший в застолье лесник мадярофильских взглядов

⁴² Пипаш 2010.

заявил, что «пьет за русинско-венгерскую, а не за украинско-венгерскую дружбу», чем спровоцировал конфликт с Д. Климушем⁴³.

Некоторая часть украинофильской интеллигенции, отказавшись от политической риторики и продемонстрировав лояльность венгерскому режиму, через сотрудничество с ПОН объективно содействовала развитию и обогащению духовной культуры края. Среди умеренных украинофилов, регулярно публиковавшихся в изданиях ПОН, можно отметить Луку Демьяна, Юрия Керекеша, Александра Маркуша, Федора Потушняка и др.⁴⁴ По точному замечанию Николая Мушинки, поколение писателей с подобными взглядами после присоединения Подкарпатской Руси к СССР органично влилось в советскую украинскую литературу⁴⁵.

В августе 1941 г. в Хусте состоялась встреча руководства ПОН с интеллигенцией края, в которой приняли участие многие украинофильские деятели: Юрий Брацайко, Дмитрий Бандусяк, Андрей Ворон⁴⁶. Для активных проводников официального национального курса украинофильски настроенные интеллигенты, которые не имели политических амбиций, могли выступать в качестве союзников в борьбе против традиционно сильного влияния русофилов. Известно, что И. Гарайда, например, симпатизировал деятельности Ф. Потушняка, в письмах к нему прямо заявлял о поддержке его литературного творчества как эффективного противовеса публицистике на русском языке⁴⁷.

Венгерские власти сумели полностью пресечь политическую активность представителей украинофильского направления. Была запрещена деятельность крупнейшей украинофильской организации межвоенного периода — общества «Просвита». Украинофилы, в отличие от русофилов, не были кооптированы в венгерский парламент. В 1942 г. были арестованы несколько сотен членов ОУН, после чего деятельность украинского националистического подполья (незначительная и до этого времени) на территории Подкарпатской Руси фактически сошла на нет⁴⁸.

⁴³ MNL OL. K 149. 1942. 251. cs. 6. t. 1942.11.03.

⁴⁴ Галас 2011: 5.

⁴⁵ Мушинка 1995: 49.

⁴⁶ Падяк 2000: 193.

⁴⁷ Тиводар 2005: 96–97.

⁴⁸ Казак 2017: 113–120.

Заключение

Проводимый в Подкарпатской Руси в 1938–1944 гг. национальный курс предполагал сознательное культивирование официальными идеологами в среде восточнославянского населения края локальной русинской идентичности, которая имела отчетливую антирусскую и антиукраинскую направленность. Популистски декларируя приоритет социального благополучия русинов (при имевшем место в реальности постоянном ухудшении экономической ситуации в регионе) над какой-либо политической активностью, разработчики курса стремились оградить жителей края от поддержки конкурентных национальных проектов, выработать у них лояльное отношение к венгерскому государству. Разработчики национально-культурной политики в Подкарпатской Руси не без оснований полагали, что огражденные от влияний уже сложившихся мощных интеллектуальных традиций (русофильской и украинофильской) русинские культурные формы не будут привлекательны для восточнославянских жителей региона, в результате чего начнется процесс их добровольной мадьяризации как интеграции в социокультурное пространство Венгрии. Характер образовательной и воспитательной работы с детьми и молодежью Подкарпатской Руси в официальных учреждениях края наглядно иллюстрирует данный тезис. Разработчики национально-культурной политики в регионе намеренно ограничивали развитие русинской культурной традиции «низкими», фольклорными формами.

Венгерские власти рассматривали приверженцев русофильских и украинофильских идей как неблагонадежный элемент, однако прибегали к тактическому сотрудничеству с их умеренными представителями. При этом Будапешту было важно не допустить чрезмерного усиления ни русофилов, ни украинофилов. Русофилы, группировавшиеся вокруг А. Бродия и С. Фенцика, продолжали традиционное позиционирование себя в качестве патриотов венгерского государства, однако не принимали курс Будапешта на навязывание населению Подкарпатской Руси локальной формы русинской идентичности, считали приобщение жителей края к общерусскому духовному наследию естественным путем к его развитию. Для ограничения влияния русофилов на настроения жителей региона разработчики национальной политики привлекали к работе в провластных культурно-просветительских

институциях умеренных украинофилов в случае отсутствия у них политических амбиций, отказа от открытого проявления симпатий идее независимого украинского государства. Лишенное политической окраски украинофильское направление интеллектуальной мысли Подкарпатской Руси фактически не имело программных установок, отличавших его от лагеря сторонников «русинизма». В таких условиях традиционные постулаты украинофилов (декларирование украинской этнической принадлежности восточнославянского населения Подкарпатской Руси, острая критика сторонников русофильской и русинофильской национально-языковых ориентаций, пропаганда идеи создания «Соборной Украины») озвучивались исключительно в среде эмигрантов, покинувших регион в марте 1939 г.

В годы Второй мировой войны русинский вопрос оставался в поле внимания заинтересованных сторон (СССР, независимой Словакии, правительства Чехословакии в эмиграции и др.). Например, словацкая пропаганда утверждала, что абсолютное большинство греко-католического населения востока страны являлось словаками, а не русинами. Крайне «малочисленный» русинский элемент изображался в качестве дружественного словакам народа, верного идеям словацкой государственности. Власти соседней Венгрии обвинялись в попытках «разыграть русинскую карту», то есть навязать населению Восточной Словакии ложное видение русинской проблемы. Столь стереотипная картина, безусловно, не раскрывала всей сложности русинского вопроса⁴⁹.

Идеологическая политика властей многонациональных государств, направленная на отвлечение внимания интеллигенции от опасных для официального курса «широких» национальных проектов путем культивирования местных духовных ценностей, не была изобретением хортистской Венгрии. В частности, власти межвоенной Польши также не исключали возможности поддержки локальных форм идентичности жителей отдельных регионов, впрочем, данный процесс рассматривался лишь как переходный этап на пути к полонизации населения. Характерным примером подобной политики регионализма является деятельность польской администрации в Полесском воеводстве⁵⁰.

⁴⁹ Казак 2016: 180–181.

⁵⁰ Казак 2015: 139–142.

В настоящий момент русины как самостоятельный этнос признаны в большинстве стран, в которых они компактно проживают. Широкие культурные и лингвистические права имеют русины Словакии и Сербии. Официальный Киев не признает русинов отдельным народом и трактует их в качестве этнографической группы украинцев. Данная формулировка была отражена в опубликованных результатах переписи населения 2001 г., согласно которой русинами себя считают 10 200 жителей Закарпатской области Украины (активисты русинского движения заявляют о недостоверности результатов переписи). Русинский фактор в той или иной мере продолжает оказывать влияние на внутреннюю и внешнюю политику государства Центральной и Восточной Европы.

Список исторических географических названий

Мункач — ныне Мукачево (Украина)

Унгвар — ныне Ужгород (Украина)

Список сокращений

АЗС — Автономный земледельческий союз

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва

ДАЗО — Державний архів Закарпатської області, Ужгород

ОУН — Организация украинских националистов

ПОН — Подкарпатское общество наук

РНАНП — Русская национально-автономная народная партия

NAČR — Národní archiv České Republiky, Praha

MNL OL — Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest

Литература

Бонкало 1941 — *Бонкало А.* Руський літературний языкъ / A ruszin irodalmi nyelv // Зоря — Najnal. Часопись Подкарпатского общества наукъ. 1941. Ч. 1–2. С. 54–71.

Галас 2011 — *Галас В. Б.* «Грамматика русского языка» І. Гарайди і проблема етнічного самоствердження закарпатських українців // Актуальні проблеми української лінгвістики: теорія і практика. Київ: Київський національний ун-т ім. Тараса Шевченка, 2011. С. 148–157.

Домбровський 2012 — *Домбровський Д.* Польща і Закарпаття: 1938–1939. Київ: Темпора, 2012. 391 с.

- Казак 2015 — *Казак А.* Падтрымка лакальнай ідэнтычнасці ў Цэнтральнай Еўропе (палітыка Польшчы на Палессі ў міжваенны перыяд і Венгрыі ў Падкарпацкай Русі ў 1939–1944 гадах) // Чацвёрты Міжнародны Кангрэс даследчыкаў Беларусі. Коўна: Vytautas Magnus University Press, 2015. С. 139–142.
- Казак 2016 — *Казак О.Г.* Русинский вопрос в оценках прешовской газеты «Словацкая свобода» (1939–1944 гг.) // Славянский альманах. 2016. Вып. 3–4. С. 176–182.
- Казак 2017 — *Казак О.Г.* Этнокультурное развитие восточнославянского населения Подкарпатской Руси в условиях венгерской оккупации (1939–1944 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2017. 182 с. (рукопись).
- Капраль 2000 — *Капраль М.* Нова недела // Ювілейний збірник на честь 70-річчя від дня народження професора Петра Лизанця. Ужгород: Ужгородський державний ун-т, 2000. С. 234–240.
- Капраль 2002 — *Капраль М.* Пудкарпатське общество наук. Публікації: 1941–1944. Ніредьгаза: Катедра української і русинської філології Ніредьгазької Висшай Школи, 2002. 170 с.
- Капраль 2008 — *Капраль М.* Русинський дайджест 1939–1944. Ніредьгаза: Катедра української і русинської філології Ніредьгазької Висшай Школи, 2008. Т. 2. Красное писемство. 240 с.
- Мушинка 1995 — *Мушинка М.* «Світлий дух Угорської Русі»: До 120-ліття з дня народження Гядора Стрипського // Карпатський край. 1995. № 1–4. С. 45–50.
- Падяк 2000 — *Падяк В.* Трагічна доля фундаментальної бібліографічної праці Підкарпаття: огляд віднайдених архівних матеріалів // Загальна бібліографія Підкарпаття (з додатками). Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2000. С. 187–212.
- Піпаш 2010 — *Піпаш В.* Видання українською мовою в умовах угорської окупації Закарпаття (1939–1944 рр.) // Слово Просвіти. URL: <http://slovo-prosvity.org/2010/05/27/tvoia-knyzhka-pidzhyvyla-nashi-sertsia> (дата обращения: 30.03.2021).
- Пушкаш 2006 — *Пушкаш А.И.* Цивилизация или варварство: Закарпатье в 1918–1945 гг. М.: Европа, 2006. 564 с.
- Тиводар 2005 — *Тиводар М.П.* Життя і наукові пошуки Федора Потушняка. Ужгород: Гражда, 2005. 284 с.
- Фединец, Черничко 2015 — *Фединец Ч., Черничко С.* Некоторые аспекты языковой политики Венгерского Королевства в отношении Подкарпатской территории (Закарпатье) в 1939–1944 гг. // Славянский альманах. 2015. Вып. 3–4. С. 172–185.
- Шевченко 2011 — *Шевченко К.В.* Славянская Атлантида. Карпатская Русь и русины в XIX — первой половине XX в. М.: Regnum, 2011. 414 с.
- Csernicskó 2013 — *Csernicskó I.* Államok, nyelvek, államnyelvek. Nyelvpolitila a mai Kárpátalja területén (1867–2010). Budapest: Gondolat Kiadó, 2013. 575. old.

- Magocsi 1978 — *Magocsi P. R.* The shaping of a national identity. Subcarpathian Rus', 1848–1948. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1978. 640 p.
- Plishkova 2009 — *Plishkova A.* Language and national identity: Rusyns south of Carpathians. New York: Columbia University Press, 2009. 230 p.

References

- Bonkalo, A., 1941. Rus'kii literaturnyi iazyk / A ruszin irodalmi nyelv [Russian literary language]. *Zoria — Hajnal. Chasopys Podkarpatskoho obshchestva nauk*, 1–2, pp. 54–71. (in Rusyn)
- Csernicskó, I., 2013. *Államok, nyelvek, államnyelvek. Nyelvpolitika a mai Kárpátalja területén (1867–2010)*. Budapest: Gondolat Kiadó, 575. old.
- Dombrows'kyi, D., 2012. *Pol'shcha i Zakarpattia: 1938–1939* [Poland and Transcarpathia: 1938–1939]. Kyiv: Tempora, 391 p. (in Ukr.)
- Fedinets, Ch., Chernichko, S., 2015. Nekotorye aspekty iazykovoi politiki Vengerskogo korolevstva v otnoshenii Podkarpatskoi territorii (Zakarpat'ia) v 1939–1944 gg. [Some aspects of the language policy of the Kingdom of Hungary in Transcarpathia in 1939–1944]. *Slavic Almanac*, 3–4, pp. 172–185. (in Rus.)
- Halas, V. B., 2011. “Hrammatyka rus'koho iazyka” I. Haraidy i problema etnychnoho samostverzhennia zakarpats'kykh ukraintsiv [“Grammar of the Russian language” by I. Garayda and the problem of ethnic identity of Transcarpathian Ukrainians]. In: *Aktual'ni problemy ukraïns'koï línhvistyky: teoriia i praktyka*. Kyiv: Kyïvs'kyï natsional'nyi universytet imeni Tarasa Shevchenka, pp. 148–157. (in Ukr.)
- Kapral', M., 2000. Nova nedelia [New Sunday]. In: *Iuvileinyi zbirnyk na chest 70-richchia vid dnia narodzhennia profesora Petra Lyzantsia*. Uzhhorod: Uzhhorods'kyi derzhavnyi universytet, pp. 234–240. (in Ukr.)
- Kapral', M., 2002. *Podkarpats'koe obshchestvo nauk. Pablykatsii: 1941–1944* [Subcarpathian Society of Sciences. Publications 1941–1944]. Nyiregyhaza: Katedra ukraïns'kui i rusyns'kui filologii Nired'haz'kui Vysshui Shkoly, 170 p. (in Rusyn)
- Kapral', M., 2008. *Rusyns'kyi daidzhest 1939–1944, 2, Krasnoie pysemstvo* [Rusyn digest, vol. 2, Fiction]. Nyiregyhaza: Katedra ukraïns'kui i rusyns'kui filologii Nired'haz'kui Vysshui Shkoly, 240 p. (in Rusyn)
- Kazak, A., 2015. Padtrymka lakal'nai identychnasti ũ Tsentral'nai Europe (palityka Pol'shchy na Palessi u mizhvaenny peryiad i Venhryi u Padkarpatskai Rusi u 1939–1944 hadakh) [Support of local identity in Central Europe (the policies of Poland in Polesie in the Interwar period and the policies of Hungary in Subcarpathian Rus' in 1939–1944)]. In: *Hatsviorty Mizhmarodny Kanhres dasledchykau Belarusi*. Kounas: Vytautas Magnus University Press, pp. 139–142. (in Belarus)

- Kazak, O. G., 2016. Rusinskii vopros v otsenkakh preshovskoi gazety "Slovatskaia svoboda" (1939–1944 gg.) [Rusyn issue by estimate of the Prešov newspaper "Slovak liberty" (1939–1944)]. *Slavic Almanac*, 3–4, pp. 176–182. (in Rus.)
- Kazak, O. G., 2017. *Etnokul'turnoe razvitie vostochnoslavianskogo naseleniia Podkarpatskoi Rusi v usloviakh vengerskoi okkupatsii (1939–1944 gg.): dis. ... kand.ist.nauk* [Ethnocultural development of the Eastern Slavic population of the Subcarpathian Rus' under the Hungarian occupation (1939–1944). PhD thesis]. Minsk, 182 p. (manuscript). (in Rus.)
- Magocsi, P. R., 1978. *The shaping of a national identity. Subcarpathian Rus', 1848–1948*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 640 p.
- Mushynka, M., 1995. "Svitlyi dukh Uhors'koï Rusi": Do 120-littia z dnia narodzhennia Hiiadora Stryps'koho ["The bright spirit of Hungarian Rus": To the 120th anniversary of the birth of Giador Strypsky]. *Karpats'kyi krai*, 1–4, pp. 45–50. (in Ukr.)
- Padiak, V., 2000. Trahichna dolia fundamental'noi bibliografichnoi pratsi Pydkarpattia: ohliad vidnaidenykh arkhivnykh materialiv [The tragic fate of the fundamental bibliographic work of Subcarpathia: a review of the found archival materials]. In: *Zahal'na bibliografiia Podkarpattia (z dodatkami)*. Uzhhorod: Vydavnytstvo V. Padiaka, pp. 187–212. (in Ukr.)
- Pipash, V., 2010. Vydannia ukrains'koiu movoiu v umovakh uhors'koï okupatsiï Zakarpattia (1939–1944 rr.) [Publications in the Ukrainian language under the conditions of the Hungarian occupation of Transcarpathia (1939–1944)]. In: *Slovo Prosvity*. URL: <http://slovoprosvity.org/2010/05/27/tvoia-knyzhka-pidzhyvyala-nashi-sertsia//> (accessed: 30.03.2021). (in Ukr.)
- Plishkova, A., 2009. *Language and national identity: Rusyns South of Carpathians*. New York: Columbia University Press, 230 p.
- Pushkash, A. I., 2006. *Tsivilizatsiia ili varvarstvo: Zakarpat'e v 1918–1945 gg.* [Civilisation or barbarism: Transcarpathia 1918–1945]. Moscow: Evropa, 564 p. (in Rus.)
- Shevchenko, K. V., 2011. *Slavianskaia Atlantida. Karpatskaia Rus' i rusyny v 19 – pervoi polovine 20 v.* [Slavic Atlantis. Carpathian Rus and Rusyns in the nineteenth and the first half of the twentieth century]. Moscow: Regnum, 414 p. (in Rus.)
- Tyvodar, M. P., 2005. *Zhyttia i naukovi poshuky Fedora Potushniaka* [Life and scholarly searches of Fyodor Potushnyak]. Uzhgorod: Grazhda, 284 p. (in Ukr.)

Oleg G. Kazak

PhD, Associate Professor, Department of Political Science, Belarusian State Economic University, Republic of Belarus, Minsk. 20056, Partizanskii pr., 26. E-mail: olegkazak90@tut.by

National-Cultural Movements of the East Slavic Population of Subcarpathian Rus' in the Context of Hungarian Policy (1938–1944)

The purpose of work is detection of specifics of various models of ethnocultural identity of the Eastern Slavic population of the Subcarpathian Rus' in 1939–1944 and their interferences in the context of policy of the Hungarian authorities in the region. The methods of the research were general scientific and special historical methods: historical comparative, historical typological, historical systematic, method of historical retrospection, content analysis. The research result was disclosing assumptions and characteristics of the ethnocultural policy of Budapest in Subcarpathian Rus', the reconstruction of the mechanisms of adaptation of various ethnocultural trends representatives (Russophiles, Ukrainophiles, Rusynophiles) to the existing conditions of social life in the region. The scientific novelty of the research is determined by the fact that on the basis of a wide range of archive documents of the various states and published sources, scholarly literature (including in Hungarian) was conducted a systematic study of the ethnocultural engineering of official Budapest in relation to the Eastern Slavic population of Subcarpathian Rus'. The results can be used for further studies of various aspects of social and national-cultural life of Subcarpathian Rus', as well as for comparative analysis of political processes in Central Europe. The main provisions, the theoretical findings and the factual material, which contained in article, can be used for the writing of complex scientific works on national processes in Central and Eastern Europe in the twentieth century, courses of lectures on general history of the Contemporary period, special courses on the history of Hungary and Ukraine. The study results give recommendations to research institutions and educational institutions, leading research in the field of Hungarian studies and Rusyns studies.

Keywords: Rusyns, ethnocultural engineering, identity, Russophiles, Ukrainophiles, Rusynophiles, Regency Commissar

How to quote: Kazak, O. G., 2021. Natsional'no-kul'turnye dvizheniia vostochnoslavianskogo naseleniia Podkarpatskoi Rusi v kontekste politiki Vengrii (1938–1944). *Tsentral'noevropeiskie issledovania*, 2021, 4(13), pp. 301–327. doi: 10.31168/2619-0877.2021.4.12.

ЯЗЫК ВСЕХ И КАЖДОГО

Фанни Хенде

PhD, научный сотрудник, Исследовательская группа *Res Libraria Hungariae*, Исследовательская сеть имени Лоранда Этвеша, Будапешт / Национальная библиотека имени Сечени. Будапешт, Венгрия. Budavári Palota, F épület, 1827 Budapest. E-mail: hende.fanni@oszk.hu.

Политическая коммуникация венгерского короля и сословий в парламентских церемониях, 1687–1765 гг.

Важной частью парламентских церемоний раннего Нового времени были торжественные речи. В политической культуре Венгрии особое значение придавалось речам, произносимым в ходе посещений монархом заседаний Государственного собрания — высшего законодательного органа королевства. Нередко это была первая встреча короля и представителей сословий, поскольку резиденция Габсбургов находилась за пределами страны, в Вене. Церемониальный въезд в королевство предполагал четыре остановки: в приграничной австрийской деревне Вольфсталь, где монарха приветствовал один из католических епископов, на венгерской стороне границы в городке Кёпчень, где речь держал примас Римско-католической церкви Венгрии архиепископ эстергомский, затем у городских ворот административной столицы королевства — Пресбурга, где слово брал консул городского магистрата, и, наконец, в замке архиепископ эстергомский приветствовал государя от имени клира. В стенах Государственного собрания при передаче королевских пропозиций (законодательных инициатив) звучали речи эстергомского архиепископа, короля, венгерского надворного канцлера и представителей сословий. В распоряжении историков есть тексты речей (чаще их фрагменты или краткие пересказы), на основании которых возможен содержательный анализ символики и топики, использовавшейся в коммуникации между королем и сословиями. В статье рассмотрено, насколько в речах отображался текущий политический момент (например, изменение порядка наследования престола), какой политический язык при этом использовали ораторы, каковы риторические приемы, с помощью которых создавался образ монарха и подданных, и каковы композиционные элементы королевских речей, обращенных к представителям сословий.

Ключевые слова: император Священной Римской империи Карл VI (венгерский король Карл III), Мария Терезия, политический язык, право наследственного правления, встреча монарха, передача королевских пропозиций

Цитирование: Хенде Ф. Политическая коммуникация венгерского короля и словесий в парламентских церемониях, 1687–1765 гг. // Центральноевропейские исследования. 2021. Вып. 4(13) / гл. ред. О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 331–358. DOI: 10.31168/2619-0877.2021.4.13.

Речи, произнесенные на заседаниях сословно-представительных органов Нового времени, были неотъемлемой частью повестки. Из отчетов о западноевропейских политических собраниях следует, что аудитория придавала большое значение их содержанию, обстоятельствам произнесения и реакции на них слушателей. Однако долгое время исследователи не проявляли интереса к изучению этого источника, считая речи «пустой культурной бутафорией», и исключали соответствующие тексты из изданий документов и материалов имперских собраний. За прошедшие десятилетия интерес к ним со стороны историков существенно возрос, в Германии появился термин, обозначающий изучение подобных речей, — ораторика (*Oratorik*). Расширяя классические, сугубо литературные границы риторики, исследователи обратились к комплексному анализу речевой культуры политических собраний¹. В венгерских источниках, по сравнению с корпусом речей на упомянутых выше политических собраниях Западной Европы, сохранилось гораздо меньше речей на тех или иных форумах, причем представлены они главным образом фрагментарно, в дневниках и гораздо реже в полных текстах. В конце XVIII в. эта практика изменилась: дискурсивные элементы в работе Государственных собраний приобретали для современников все большее значение². Сравнивая разные типы речей, современные ученые получают представление не только об их содержании, но и об аудитории, людях, записавших речь: что они считали важным, достойным внимания, следования каким нормам они ожидали от оратора. Такой анализ соответствует методологическим ориентирам ораторики.

Право созыва Государственного собрания в Венгрии принадлежало королю. В 1687–1765 гг. собрание в Пресбурге созывалось восемь раз: в 1687, 1708, 1712, 1722, 1728, 1741, 1751 и 1764 гг. Официальным началом считалась передача королевских пропозиций, в которых монарх перечислял вопросы для обсуждения на Государственном собрании. Они вручались в торжественной обстановке, где

¹ Helmrath, Feuchter 2008: 9–10, 12.

² Sziártó 2017: 397.

помимо короля брали слово венгерский надворный канцлер и эстергомский архиепископ. Поскольку начиная со времени правления короля Фердинанда I (1526–1564 гг., как император Священной Римской империи 1558–1564 гг.) резиденция венгерского короля находилась за пределами королевства, в Вене, монархи, прибывавшие на Государственное собрание, празднично въезжали в свои венгерские владения, особенно если направлялись на коронацию. Первая остановка делалась в австрийской приграничной деревне Вольфсталь, затем на границе и на въезде в город Пресбург, и всякий раз королей приветствовали торжественными речами. В Вольфсталь навстречу королю отправлялась небольшая венгерская делегация во главе с иерархом церкви, на границе от имени духовных и светских сословий короля и свиту приветствовал уже эстергомский архиепископ, в городе от имени магистрата приветственную речь произносил консул³. В 1751 г., отказавшись от излишней роскоши, Мария Терезия (1740–1780 гг.) упразднила остановку в Вольфстале, отныне на одну торжественную речь в ходе процессии стало меньше⁴. Работа Государственного собрания в 1687, 1712 и 1741 гг., включавшая коронационные торжества, была особенно важна, потому что там представители сословий встречались с венгерским королем. Если монарх не мог лично участвовать в заседании, он направлял вместо себя уполномоченных королевских комиссаров, которым оказывался более скромный прием. Сословия готовились к открытию Государственного собрания заранее: в первый день председатели приветствовали возглавляемые ими палаты, а те обращались с приветствиями друг к другу. На официальном закрытии утверждались новые законы, что также сопровождалось речами. Содержание речей, произнесенных на этих торжествах, дошло до наших дней главным образом в дневниках депутатов, которые в разной степени освещали те или иные события. Например, записей о последних днях работы Государственного собрания сохранилось гораздо меньше, поэтому историкам лишь в общих чертах известно о церемонии утверждения законов. Больше всего данных имеется о начале заседания, торжественном въезде короля и передаче пропозиций, но речи, как правило, известны только в кратком пересказе. Варианты одних

³ Bak, Pálffy 2020: 61–66.

⁴ ÖStA. HHStA. OMeA. ÄZA. Kt.48-5. Fol. 3r–v.

и тех же речей отличаются не только случайными ошибками, сделанными в ходе переписывания: в них отразилась личность автора, его ожидания и предпочтения⁵.

Политическое содержание

Важной составной частью речей были рефлексии о текущих политических событиях. В изучаемую эпоху центральное место в речах занимали прежде всего вопросы престолонаследия, поскольку все три Государственные собрания (1687, 1712 и 1741 гг.) были приурочены к коронациям и созывались после изменения порядка наследования престола: в 1687 г. Государственное собрание провозгласило власть Габсбургов наследственной, в 1723 г. распространило престолонаследование на женскую линию. В результате установление наследственной власти Габсбургов стало не только важным событием в Венгерском королевстве, но и привело к изменениям в репрезентации династии на европейской внешнеполитической арене. Другой важной темой для ораторов было изгнание османов и антигабсбургская освободительная война под предводительством трансильванского князя Ференца II Ракоци (1676–1735), начавшаяся в 1703 г. и завершившаяся в 1711 г. подписанием Сатмарского мирного договора. Боевыми действиями на территории королевства противопоставлялось восшествие на престол Габсбургов и их миролюбивая политика.

На открывшемся в 1687 г. в Пресбурге Государственном собрании в процессе выработки политических соглашений важным преимуществом Леопольда I (1658–1705 гг.; как венгерский король — 1655–1705 гг.) называлось изгнание османов с большей части территории Венгерского королевства. Об этом свидетельствует речь венгерского надворного канцлера Петера Коромпаи (1623–1690), произнесенная на венгерском языке в момент передачи пропозиций: Леопольд I мог бы считать территорию, освобожденную от турок и вырванную «из рук тех, кто ставил партикулярный интерес выше блага отечества» (имеются в виду участники антигабсбургских вооруженных восстаний), своей провинцией, но он сохранил ее древние свободы⁶. Об этом свидетельствовал созыв Государственного собрания, на котором его

⁵ Szijártó 2017: 406.

⁶ OSZKK. Fol. Lat. 528. Fol. 14r–15r.

сын Иосиф I (1705–1711 гг.) короновался венгерским королем⁷. Накануне торжества, 11 августа, на совете в Вене он сослался на это право, но заверил венгерских советников в том, что законы королевства будут соблюдаться, что Иосиф I подтвердил затем в коронационной клятве⁸.

В основе изменения правового статуса оккупированной территории лежала теория Гуго Гроция (1583–1645), сформулированная в книге «О праве войны и мира», согласно которой правитель не обязан сохранять на завоеванной территории местные законы, но может вводить новые. Ссылаясь на это, император Фердинанд II (1619–1637 гг.) в 1627–1628 гг. в Чехии ликвидировал «конституцию» и правил страной по новым законам. Леопольд I хотел короновать Иосифа не как выборного, а как наследного короля, но обсуждение вопроса затянулось до осени⁹. На сложности с признанием наследственного права Габсбургов указывает речь эгерского епископа Дёрдя Фенешши (1632–1699), говорившего как о владении Венгерским королевством по праву наследства, так и о коронации Иосифа I после избрания на сословном собрании¹⁰. Леопольд I в речи, произнесенной на границе, упомянул прошлые несчастья и злоключения сословий, но выразил надежду на то, что вслед за отвоеванием Буды, других крепостей наконец почти во всей Славонии вновь наступит былое процветание¹¹.

В правление императора Карла VI (1711–1740 гг., как венгерский король Карл III) в королевстве произошли не менее важные изменения¹². После скоропостижной кончины брата Иосифа I ему предстояло утвердить мир, завершивший освободительную войну под предводительством Ференца II Ракоци, и в речах звучали мотивы коронации Карла VI венгерским королем, коронации супруги королевы, распространения права наследования престола на женскую линию, а также важных административных реформ. Первым и самым главным

⁷ OSZKK. Quart. Lat. 377. Fol. 83r.

⁸ Fraknói 1922: 4, 7.

⁹ Csekey 1917: 113–127.

¹⁰ *Kovachich M. Gy.* Solennia inauguralia serenissimorum ac potentissimorum principum utriusque sexus, qui ex augusta stirpe Habspurgo-Austriaca sacra corona apostolica in reges Hungarorum, reginasque periodo tertia redimiti sunt. Pestini: Typis Matthiae Trattner, 1790. P. 133.

¹¹ OSZKK Fol. Lat. 3841, Fol. 2v–3r.

¹² Forgó 2014.

политическим событием стала церемония коронации в 1712 г., впервые организованная согласно утвержденному в 1687 г. порядку передачи трона по праву наследования, о чем не преминули упомянуть ораторы. Сам Карл заявил, что стремится к коронации венгерским королем для восстановления мира¹³.

Это владение помимо наследственного права (*ius haereditarius*) выражалось еще в ряде формул. Агошт Керестей (1666–1725)¹⁴, эстергомский архиепископ, многозначительно употребил притяжательное местоимение «свой/его» (*suus*) в словосочетании «свое/его Королевство Венгрия» (*regnum suum Hungariae*). В речи примаса, произнесенной от имени клира, говорилось, что Карл прибыл в королевство с намерением короноваться короной св. Стефана, покровителя Венгрии, и с помощью коронационного заседания Государственного собрания установить мир и спокойствие в королевстве. В дневнике, который вел один из депутатов от комитата Берг, видно, как к слову «королевство» (*regnum*) было приписано прилагательное «наследственное» (*haereditarius*). После такого дополнения все предложение читается как обобщенная характеристика политической ситуации:

Quod velit coronari Sacra Corona Sancti Stephani Regis et patroni nostri et per hanc diaetam in hoc regno suo haereditario Hungariae perpetuam pacem et tranquillitatem afficere¹⁵.

Поскольку он хочет короноваться святой короной св. Стефана, нашего короля и покровителя, и посредством сего Государственного собрания установить вечные мир и спокойствие в своем наследственном королевстве Венгрия.

Та же политическая импликация читалась в речи венгерского надворного канцлера Миклоша Иллешхази (1653–1723), произнесенной по случаю передачи пропозиций: после кончины Леопольда I и Иосифа I эрцгерцог Карл вступил в права наследства не только в Священной Римской империи, но и, согласно закону 1687 г.,

¹³ Lányi Pál gömöri alispán naplója az 1712. évi pozsonyi országgyűlésről. II. rész / közli E. Thury // Történelmi Tár. 1904. ÚF 5. 2–4. old.; Kalmár 2007: 35.

¹⁴ Речь идет о герцоге Кристиане Августе Саксен-Цейцком, протестанте, который выбрал военную стезю, сражался в войнах против османов, но в 1693 г. перешел в католичество и посвятил себя духовной карьере: в 1696 г. он стал дьёрским епископом, в 1707 г. — архиепископом эстергомским. В Венгрии известен под именем Агошта Керестей.

¹⁵ OGYK. 700.503. P. 50.

в Венгерском королевстве, при этом он не преминул созвать Государственное собрание, появиться на нем лично и короноваться венгерским королем. Его пропозиции способствовали укреплению мира, и канцлер просил депутатов об их поддержке¹⁶.

Янош Пакши, консул пресбургского магистрата, перечислил трагические события, обрушившиеся на королевство в недавнем прошлом: кончины двух апостолических королей и разорение, произведенное восстанием Ракоци. Но с прибытием Карла «свет воссиял и привел в восторг подданных». В знак почтения он цитировал строки Священного Писания. Сначала оратор приветствовал Карла паразфразом из Евангелия от Луки («Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыка, по слову Твоему: с миром. Ибо видели очи мои спасение Твое»¹⁷), заменив «отпускаешь» на «приводишь в восторг»:

Ныне приводишь в восторг слуг твоих, государь, ибо увидели очи наши потомка великих императоров и апостольских королей, который не уступает предкам, ибо увидели очи наши благороднейший идеал всех правителей, ибо увидели достойное чело, которое будет счастливо увенчано короной венгерского апостолического королевства¹⁸.

Затем консул пресбургского магистрата, проведя параллель с ветхозаветным царем Соломоном и процитировав строки Псалтыри: «Жезл правости, жезл Царствия Твоего» (*virga directionis, virga regni Tui*)¹⁹, — провозгласил, что коронавание Карла венгерским королем станет началом праведного правления. В речи живописалась церемония коронации и процесс передачи королевских инсигний. Первое упоминание возложения короны на чело Карла было частью цитированного выше перечисления, далее о ней говорилось вместе другими элементами предстоявшей коронации — мечом и скипетром. Оратор желал, чтобы драгоценную, богато украшенную корону на чело Карла возложил сам Господь, чем новый король обрел бы не только земную, но и небесную славу. Святой меч, дар от Бога, пусть он примет,

¹⁶ Lányi Pál gömöri alispán naplója. II. 2–4. old.; Kalmár 2007: 35.

¹⁷ Благодаря «Литургии часов», эта библейская песнь, входившая в «Повечерие», была известна всем, см.: Лк. 2:29–30.

¹⁸ Lányi Pál gömöri alispán naplója az 1712. évi pozsonyi országgyűlésről. I. rész. / közli E Thury // Történelmi Társ. 1903. ÚF 4. 413. old.

¹⁹ Пс. 44:6; Barcsay 2002: 110–111.

чтобы сокрушить врагов, что было цитатой из Второй книги Маккавейской²⁰. При передаче скипетра речь шла и о наследии: пусть Карл возьмет в руки скипетр Венгерского королевства, который ему завещали славные предки. Речь консула завершала аллегория особой связи Габсбургского дома и Венгерского королевства: двуглавый орел воссоединялся с двойным геральдическим крестом²¹.

В 1722 г. эгерский епископ Габор Эрдеди в начале речи, произнесенной в Вольфстале, обратился к более ранним въездам Карла VI в Пресбург. Целью визита в 1712 г. было вступление в наследственные права, коронация и установление мира, в 1714 г. император-король прибыл, чтобы короновать венгерской королевой супругу Елизавету Кристину (1691–1750). Наконец, в 1722 г. он желал сохранить единство своих королевств и наследственных провинций ради блага и спокойствия подданных. Оратор при этом прямо не называл Прагматическую санкцию, но, можно предположить, имел в виду именно этот документ, гарантировавший передачу владений Австрийского дома по женской линии. Сравнение Карла VI с Александром Македонским подкрепляло тезис о том, что новый порядок наследования обеспечит спокойствие и мир в королевстве. Не дожидаясь решения депутатов, он заявил, что Карл заслуживает эпитета «Великий» даже больше. Он сравнил двух правителей, отдав предпочтение заботящемуся о подданных императору-королю: если Александр в отсутствие сына-наследника разделил свою империю, то Карл ради блага и спокойствия подданных и в интересах сохранения целостности владений решил распространить право наследования на женскую линию. Епископ назвал правление Карла мирной эпохой, подкрепив тезис парадоксом из Третьей книги Царств. Сначала оратор воспроизвел ветхозаветную цитату, заменив в ней несколько слов:

Habitasse Iudam et Israel absque timore ullo unumquemque sub vite sua et sub ficu sua a Dan usque Bersabee cunctis diebus Salomonis²².

И жили Иуда и Израиль спокойно, каждый под виноградником своим и под смоковницею своею, от Дана до Вирсавии, во все дни Соломона²³.

²⁰ 2Мак. 15:16.

²¹ Lányi Pál gömöri alispán naplója. I. 412–413. old.; II. 1–2. old.

²² Здесь и далее в библейских цитатах курсивом выделены парафразируемые в речах слова и словосочетания.

²³ 3Ц. 4:25.

Затем перешел к правлению Карла:

Vivimus nunc sane absque timore ullo populis cunctis et vel maxime Hungariae fatalis interregni, accessoriorum exinde malorum *sub perpetua Austriaci augusti sanguinis protectione*, vivimusque Deo incrementum, uti firmiter credimus, dante, ab oriente usque ad occasum cunctis diebus *Maiestatis Vestrae Sacratissimae et augusti sanguinis Austriaci utriusque sexus primogeniturae*²⁴.

И живем мы теперь спокойно всем народом, не опасаясь междуцарствия, которое принесет бедствия Венгрии, *под вечной защитой австрийской императорской крови*, и живем в данном от Бога благополучии, как мы твердо верим, от востока до запада, во все дни *Вашего Священнейшего Величества и первенцев обо-его пола австрийской императорской крови*.

Цитата из Ветхого Завета и конструирование предложения по ее образцу, а также заимствование нескольких выражений добавляли большей достоверности. Метафора «от Дана до Вирсавии», означавшая весь Израиль, превратилась в формулу «от востока до запада», место символизировавших безопасность и благополучие винограда и смоковницы заняла вечная защита, гарантированная Австрийским домом. Подобно тому, как правление Соломона ассоциировалось с миром, распространение Карлом права наследования на первенцев обо-его пола сохранило бы мир в королевстве. Оратор упомянул страх наступления междуцарствия, от которого может избавить принятие — не называемой напрямую — Прагматической санкции. При передаче пропозиций Карл VI в ответной речи выразил благодарность сословиям за согласие на внесение изменений в закон о престолонаследии²⁵.

В 1728 г. Карл VI лично не участвовал в работе Государственного собрания, где главной темой должно было стать налогообложение, но направил двух королевских комиссаров: обер-гофмейстера Франца Фердинанда Кинского (1678–1741) и главного интенданта Иоганна Германа Франца Нессельроде (1671–1751). Годом ранее с согласия Венгерского королевского наместнического совета, но не заручившись одобрением Государственного собрания, император-король вышел за рамки суммы годового налога и теперь требовал от сословий проголосовать за новое повышение налога. Нижняя

²⁴ OSZKK. Fol. Lat. 562. Fol. 45r.

²⁵ Ibid. Fol. 45r–v.

палата высказалась против²⁶. Согласно ст. 1504:1 венгерского законодательства, право внесения предложений по налогам принадлежало Государственному собранию. Об этом напомнил консул пресбургского магистрата Янош Крижан в приветственной речи, обращенной к королевским комиссарам. Центральная мысль — законное правление, первое предложение — цитата из комментария XVII в., приписываемого итальянскому глоссатору Франциску Аккурзию (ок. 1180 — ок. 1260), в которой законы и армия уподоблялись рукам государственного тела²⁷. Оратор пояснил метафору: законы охраняют справедливость, армия гарантирует мир, но, если одна рука не помогает другой, обе погибнут. Консул показал, что Карл искренне стремится к справедливости, миру и верховенству закона, поэтому для обсуждения суммы налога созвал Государственное собрание и разослал на него приглашения²⁸. Здесь прослеживается тонкий намек на повышение налога без согласия на то сословий годом ранее. Кроме того, это можно понимать как упомянутое в королевском приглашении проведение кадастра, который вместе с налогом на землю означал отмену налогового иммунитета дворянства.

В 1741 г. примас Имре Эстерхази (1663–1745) говорил о легитимности наследования венгерской короны Марией Терезией, подтвердив тем самым, что Венгерское королевство приняло Прагматическую санкцию. Эрцгерцогиня Мария Терезия первый раз посетила «свое Венгерское королевство» (*suum regnum Hungariae*), чтобы короноваться. О наследственной власти Габсбургской династии в Венгерском королевстве говорило в речи архиепископа не только притяжательное местоимение перед названием страны, но и напоминание о клятве, принесенной Венгерским королевством Австрийскому правящему дому. Примас пожелал Марии Терезии многочисленного потомства и того, чтобы венгры вечно были ее верными подданными²⁹. Калочайский архиепископ Габор Патачич (1699–1745) истолковал

²⁶ Szijártó 2010: 227.

²⁷ Немецкий полигистор Герман Конринг (1606–1681) упомянул это как цитату из Аккурзия, см.: Hermann Conringii De praecipuis negotiis in comitiis Imperii Germanici olim et hodiernum tractari solitis exercitatio: indice aucta. Lipsiae: Apud Io. Christ. Langenheimum, 1741. P. 60. Предложение, якобы взятое из комментариев к «Институциям» Юстиниана, не удалось обнаружить в двух изданиях, хранящихся в Венгерской национальной библиотеке имени Сечени под шифрами Inc. 37 и Ant. 297.

²⁸ OSZKK Fol. Lat. 575. Vol. I. Fol. 9v–10r.

²⁹ OSZKK Fol. Lat. 607. P. 104–105.

наследственное правление как право на подданных (*haereditariorum subditorum suorum*)³⁰. Консул пресбургского магистрата Янош Труммер в речи, произнесенной у ворот города, вспомнил о Фердинанде I, который соединил Австрийский дом с Венгерским королевством в счастливом браке (взял в жены дочь венгерского короля Владислава (Уласло) II Ягеллона (1490–1516 гг.) — Анну (1503–1547)), и Мария Терезия после пресечения мужской линии наследовала добродетели предков, чтобы передать их по наследству. Тем самым он признал наследование по женской линии³¹.

3 июля 1764 г. на границе королевства эстергомский архиепископ Ференц Баркоци в приветственной речи назвал Венгерское королевство трижды счастливым, потому что императрица-королева в третий раз лично прибыла в Венгрию на открытие Государственного собрания, и особо отметил, что ее сопровождали супруг, император Франц Лотарингский (1743–1765 гг.), и наследник эрцгерцог Иосиф (1741–1790)³². Речь, произнесенная по случаю вручения королевских пропозиций 5 июля, известна в немецком переводе, который надворный канцлер Ференц Эстерхази (1715–1785) месяцем ранее отправил на утверждение Марии Терезии. Сохранился экземпляр с пометами императрицы-королевы. Можно предположить, что предварительное согласование текста было обычной практикой. Из сопроводительного письма выясняется, что речь строилась вокруг стабильности и связанного с ней благосостояния нации. В проекте речи, в соответствии с содержанием письма, подчеркивалось, что государыня с начала славного правления заботилась как о безопасности и благосостоянии королевства, так и о престиже и славе нации. Сословия могли усмотреть это в словах, что Мария Терезия, наследница славных законных королей былых времен, восстановила честь и достоинство нации. Сословия имели достаточно доказательств неустанных трудов государыни: за 23 года ее правления было немало потрясений, но они помнят о многих радостях и о глубоком удовлетворении от того, что верные венгры помогли ей в последней тяжелой войне. Эстерхази напомнил, что императрица-королева не только стремится облегчить тяжкое бремя разорительных войн своим

³⁰ OSZKK Fol. Lat. 607. P. 95–97; Fol. Lat. 3910. Fol. 35v–36r; Fol. Lat. 608. Fol. 21r–22r.

³¹ OSZKK Fol. Lat. 607. P. 104–105.

³² OGYK 700.456. P. 42–45.

верным подданным, но и желает вознаградить их по достоинству. За восемь лет ведения войны казна опустела, долги возросли, Австро-Чешские наследственные провинции выбиваются из сил, но в одиночку им не справиться, а Венгерское королевство не спешит прийти на помощь. Несмотря на то, что наступил мир и отечество больше не в опасности, чтобы предотвратить такие ситуации в будущем, необходимо снарядить и содержать в боевой готовности армию. Посему государыня просит Государственное собрание повысить сумму годового налога. Монаршая воля Марии Терезии заключалась также в том, чтобы венгерское дворянское ополчение (*insurrectio*) созывалось при появлении внешних угроз³³. Из всего сказанного выше, подвел итог оратор, сословия ясно увидят, что пропозиции Марии Терезии ведут к укреплению безопасности королевства, и заботиться об этом — ее прямая обязанность.

Образы правителей

В первой половине XVIII в. ораторы называли правителей «обновителями и спасителями королевства», победителями врагов и миротворцами, облегчающими участь «бедствующего, несчастного и убогого королевства». Поэтому они особо подчеркивали, что личное присутствие императора-короля на заседаниях Государственного собрания особо желанно для сословий.

В 1708 г. император-король Иосиф I, видя приближение повстанческой армии Ракоци к Пресбургу, отказался от личного участия в Государственном собрании. Двух королевских комиссаров, князя Ханса Адама Лихтенштейна (1684–1712) и графа Отто Эренрейха Трауна (1644–1715), на берегу Дуная приветствовал вацский епископ Имре Эстерхази. В речи он сравнил Иосифа I с римскими императорами Септимием Севером (145–211) и Аврелианом (214–275). Источником ему послужили «Жизнеописания Августов», откуда он процитировал три предложения³⁴. В отличие от Септимия Севера и Аврелиана, ко-

³³ Мария Терезия сочла слово «воля» неподходящим и потребовала его заменить, см.: MNL OL. A 1. Magyar kancelláriai levéltár. A Magyar Királyi Kancellária regisztratúrája. Originales referadae. 1764/260. Fol. 2–5.

³⁴ *Aelianus Spartianus. Severus* // *Scriptores Historiae Augustae* / ed. von E. H. Hohl. Lipsiae: Teubner, 1955. Vol. 1. 23, 3; 18, 7; *Flavius Vopiscus Syracusus. Divus Aurelianus* // *Scriptores Historiae Augustae* / ed. von E. H. Hohl. Lipsiae: Teubner, 1965. Vol. 2. 21, 8.

торые жестоко подавляли восстания, Габсбурги успокоили бурлящее королевство не кровью, а «мягким умиротворением». Этому также способствовал справедливый суд, к которому правителя призывала строка из стиха о различии судеб в секвенции *Lauda Sion salvatorem* («Хвали, Сион, спасителя»): *Mors est malis, vita bonis* («Смерть — злым, жизнь — добрым»)³⁵. Стремление к миру зашифровано в хитроумной хронограмме: *Det Ioseph paCeM, prInCeps hVngariae* (1708, Иосиф, государь Венгрии, дай мир)³⁶. Добродетели правителя, по мнению оратора, — милосердие (*clemens*) и благочестие (*pietas*), его девиз — *Amore et Timore* («Любовью и страхом»). Янош Пакши, городской консул, в речи у ворот Пресбурга обратился к образу ветхозаветного потопа: Ной хотел увидеть знак окончания гнева Господня, каковым должно было послужить убывание воды. Иосиф I, аллегорически изображенный в виде австрийского императорского орла, направил двух комиссаров, чтобы они, как голубь Ноем, принесли оливковую ветвь³⁷.

В 1712 г. Имре Чаки (1672–1732), калочайский архиепископ, уподобил торжественный въезд Карла VI появлению солнца из-за туч. Он вольно процитировал английского поэта Уильяма Ленгленда (1332–1386)³⁸: *Post nubila Phoebus exoritur* («После облаков восходит Феб»)³⁹. Аполлона, прозванного Фебом, который был не только богом солнца и света, но и защитником жизни и порядка⁴⁰, в речи консула аллегорически воплощал Карл VI, появление которого положило конец ниспосланной Господом на королевство чуме⁴¹. В первой фразе выражалась радость венгров в связи со вступлением Карла в наследство и появлением на Государственном собрании, поэтому оратор, обращаясь к королю, употреблял глагол в единственном числе третьего лица:

³⁵ OSZKK. Fol. Lat. 565. Vol. I. Fol. 44r; *Analecta Hymnica medii aevi* / ed. von G. M. Dreves, C. Blume, H. M. Bannister. Leipzig: Fues's Verlag, 1907. Vol. 50. S. 584. 8b.

³⁶ OSZKK. Fol. Lat. 565. Vol. I. Fol. 42r.

³⁷ OSZKK. Fol. Lat. 565. Vol. I. Fol. 44r.

³⁸ *Langland W.* The vision and the creed of Piers Ploughman. London: William Pickering, 1842. Vol. 2. Lines 12908–12909. В оригинале: “*Post [maxima] nebula Phoebus exoritur*” («После [густых] облаков восходит Феб»).

³⁹ *Lányi naplója*, I. 410.

⁴⁰ *Zamarovský* 1970: 65.

⁴¹ Святым покровителем Карла VI был св. Карл Борромейский, к которому обращались с молитвами во время чумы. Венская *Karlskirche*, вотивная (обетная) церковь Карла VI, также была возведена в честь избавления от чумы.

Attigit <...> tandem desideratae felicitatis apicem afflicta Hungaria. Венгрия достигла желанной вершины счастья.

Он повторил это в конце речи, обращаясь уже к венграм и используя глагол во втором лице единственного числа:

Attigisti <...> desideratae felicitatis apicem Hungaria. Венгрия, ты достигла желанной вершины счастья.

Этот тезис он подкрепил перечислением печальных событий последних лет в королевстве: раздоры, кровопролитие, жестокие сражения, попрание прав и, как следствие, божье наказание — эпидемия чумы⁴². В подтверждение своих слов Пакши также перечислил монаршие добродетели Карла: *pius, iustus, clemens, fors, pacificus rex* (благочестивый, справедливый, милостивый, сильный, миролюбивый король). Они принесли венграм счастье, благодаря им мольбы были услышаны, язвы — исцелены. Тот же риторический прием использован при изложении основных пунктов речи. Описание цветущего оливкового дерева мира в проповеди можно соотнести с одним из флагов на маршруте процессии, украшенных изображением голубя с зеленой ветвью в клюве. Акош Барчаи указал на использование принципа противопоставления: например, ветви кипариса, которые в древности размещались в римских домах как символ траура, противопоставлены оливковому дереву — символу жизни⁴³. Примас Агошт Керестей назвал Карла VI утешением, ниспосланным божьим Провидением: с его приездом оживилось «несчастное и забытое» королевство, которым он с большой любовью, милостью и заботой будет управлять, венгры же, стремясь во всем ему помогать, присягают ему «на верность до гроба»⁴⁴. В Пресбурге Янош Пакши, который в 1708 г. приветствовал королевских комиссаров, представил в речи Карла VI как миротворца и идеального государя и связал его достоинства и упомянутые выше добродетели с чертами лица: в глазах милость, на челе — величие, на устах — гармония, в сердце — любовь. Снова, как и в 1708 г., в речи появлялись оливковая ветвь и двуглавый габсбургский орел. Не исключено, что он использовал текст той, более ранней речи.

⁴² Lányi Pál *gömöri alispán naplója*. I. 410–411. old.; Forgó 2013: 13–14.

⁴³ Barcsay 2002: 106–108.

⁴⁴ Lányi Pál *gömöri alispán naplója*. I. 412. old.; OGYK. 700.502. P. 49.

В 1722 г. речь консула Габора Шкарицы⁴⁵, произнесенная у ворот Пресбурга, была посвящена явлению парагелия («ложного солнца»), наблюдавшемуся в городе 13 ноября 1721 г.⁴⁶ Оратор использовал сравнения с небесными светилами. В отличие от атмосферного явления, Карл — самое яркое солнце христианского мира — не страшит людей, но побуждает их «пуститься в пляс». Королевскую чету консул сравнил с двумя звездами и просил, чтобы их свет и жар согрел Пресбург. Мысль он подкрепил двумя ветхозаветными цитатами: одна — о сотворении светил на четвертый день⁴⁷, другая — об уподоблении красоты доброй жены солнцу⁴⁸. Оратор истолковал небесное явление как знак божьего завета и провел параллель со строками из книги Бытия, где радуга в облаке стала знаменем завета между Богом и землей⁴⁹.

Примас Имре Эстерхази в 1741 г. назвал Марию Терезию жизнью, единственной надеждой земной тверди и залогом счастья венгров⁵⁰. Все три оратора — калочайский архиепископ Габор Патачич, примас Имре Эстерхази и консул Янош Труммер — включили в тексты речей девиз Марии *Iustitia et Clementia* («Справедливостью и милосердием»). Консул напомнил о девизе Фердинанда I — *Fiat iustitia et pereat mundus* («Да свершится правосудие и да погибнет мир»)⁵¹ и связал с ним девиз императрицы-королевы, соединяющей справедливость и милосердие. Ее мудрость — залог счастья, благочестие (*pietas*) увенчано победой, милосердие и справедливость обещают венграм золотой век⁵². Эстергомский архиепископ в речи, произнесенной на границе королевства, сравнил Марию Терезию с ветхозаветной Деборой, матерью Израиля, единственной женщиной среди судей Израилевых⁵³. Отождествление Марии Терезии с фигурой

⁴⁵ ÖStA. HHStA. OMeA. ÄZA. Kt. 30. Berichte zum Preßburger Landtag, über die Abhaltung desselben und die daselbst gehaltenen Reden. Fol. 1v–2v.

⁴⁶ Réthly 1970: 93–94.

⁴⁷ Тв. 1:14.

⁴⁸ Сх. 26:21.

⁴⁹ Тв. 9:12–13.

⁵⁰ OSZKK Fol. Lat. 607. P. 100–101; Fol. Lat. 602. Fol. 212; Quart. Lat. 401. Fol. 23r–v; Fol. Lat. 4045. Fol. 6v–7r; Fol. Lat. 3910. Fol. 37r–v; Fol. Lat. 608. Fol. 23v–24r.

⁵¹ Девизы правителей также можно обнаружить на коронационных монетах и жетонах, см.: Soltész, Tóth, Pálffy 2019: 144–219.

⁵² OSZKK. Fol. Lat. 607. P. 104–105.

⁵³ Этот мотив встречается в следующих источниках: OSZKK. Fol. Lat. 607. P. 101; Fol. Lat. 608. Fol. 24r; Fol. Lat. 3910. Fol. 37r; отсутствует в: OSZKK. Fol. Lat. 4045. Fol. 7r.

библейской пророчицы встречается в траурных речах на кончину императрицы-королевы, в которых говорится о наступлении золотого века, как и предрекалось в начале ее правления⁵⁴.

Ответные речи монархов

Полных текстов речей монархов сохранилось крайне мало, в основном это выдержки или краткие записи о нескольких топосах, таких как отцовская или материнская забота и милосердие, забота о королевстве и общем благе, выражения благодарности в присутствии большого числа собравшихся.

Сохранилась ответная речь Марии Терезии в 1741 г., которая интересна с точки зрения изучения коммуникации монарха и сословий. Полный текст ответов записали три депутата⁵⁵, еще трое зафиксировали их содержание в общих словах⁵⁶. Кроме того, в венском Архиве династии, двора и государства сохранились полные тексты ее речей⁵⁷. Комплексный анализ трех типов источников позволяет проследить, как формировалась риторическая традиция, к кому были обращены речи, кто их слушал, что им казалось важным, следования каким нормам они ждали от ораторов.

В Вольфстале Мария Терезия ответила на приветствие одним единственным предложением.

<p>Gratissima nobis est perhumana Vestra invitatio, cui nos in fines dilectissimi nostri Regni pro nostro Vestroque solatio conferemus⁵⁸.</p>	<p>Нам очень дорого Ваше сердечное приглашение отправиться к границам нашего возлюбленного королевства к нашему и Вашему утешению.</p>
--	--

Согласно трем полнотекстовым дневниковым записям, в речи императрица-королева поблагодарила сословия за преданность, затем сказала, что поспешит в путь, чтобы с нетерпением ждущие ее

⁵⁴ Kőkényesi 2014: 128.; Maczák 2019: 45–46, 50–53.

⁵⁵ Анонимный дневник см.: OSZKK. Fol. Lat. 602; дневник депутатов от города Сентдёрдь см.: Ibid. Quart. Lat. 401; делопроизводственные акты Государственного собрания см.: Ibid. Fol. Lat. 4045.

⁵⁶ Дневник Й. Иллешхази см.: OSZKK Fol. Lat. 607. P. 97.; анонимные дневники см.: Fol. Lat. 3910, f. 36r; Fol. Lat. 608. Fol. 22r.

⁵⁷ ÖStA HHStA Ungarische Akten 407–2, Fol. 35r–36r.

⁵⁸ Ibid. Fol. 35r.

прибытия сословия убедились: она лично «утешит» их своим присутствием; наконец, заверила собравшихся в своем благоволении⁵⁹. В дневнике депутатов от вольного королевского города Сентдёрдь и еще в одном анонимном дневнике название королевства уточнено как «Венгерское королевство и присоединенные к нему части»⁶⁰. В этих текстах к названию королевства также добавлен эпитет *charissimi* («возлюбленнейшего»), что означало: для государыни речь шла об особенно дорогом ей королевстве. Там же встречается мотив, перекликающийся с оригинальным текстом речи: к венгерской границе государыня прибыла для утешения как сословий, так и своего собственного⁶¹. Выдержка, зафиксированная в дневнике Иллешхази, точно отражает содержание источника, хранящегося в Вене⁶². Обращает на себя внимание, что во всех четырех дневниках упоминание сословий сопровождается эпитетом *fidelis* («верные»), в то время как в венском тексте он отсутствует.

У границ королевства Мария Терезия сказала, что ей приятно видеть многочисленную делегацию венгерских сословий, и сообщила о своем желании принести в пределы страны счастье и процветание. Она заверила собравшихся, что будет заботиться о них, не щадя сил, как по воле Господа, так и со всей материнской любовью и королевской милостью⁶³. Два отличающиеся друг от друга варианта передачи слов королевы сохранились только в анонимных дневниках, в третьем, дневнике Иллешхази, записано лишь краткое содержание речи. В дневнике под шифром *Fol. Lat. 602* из фондов Национальной библиотеки имени Сечени нет упоминаний о том, что государыню обрадовала многочисленность собрания, или о пожелании, чтобы с ее прибытием в королевстве наступили счастье и процветание. Конец речи, однако, весьма схож с оригинальным вариантом: Мария Терезия хочет помочь королевству материнской любовью, королевской милостью и благоволением. Автор добавил от себя: королева отдала должное «верности и чести» «столь любезной ее сердцу» нации, о чем горячо и радостно поведала собравшимся⁶⁴. Во втором дневнике текст

⁵⁹ OSZKK. Fol. Lat. 602. Fol. 212r; Quart. Lat. 401. Fol. 211v; Fol. Lat. 4045. Fol. 6v.

⁶⁰ OSZKK. Fol. Lat. 602. Fol. 212r; Quart. Lat. 401. Fol. 211v.

⁶¹ OSZKK. Quart. Lat. 401. Fol. 211v; Fol. Lat. 4045. Fol. 6v.

⁶² OSZKK. Fol. Lat. 607. P. 97.

⁶³ ÖStA. HHStA. Ungarische Akten. 407–2. Fol. 35r.

⁶⁴ OSZKK. Fol. Lat. 602. Fol. 213.

записан в форме прямой речи, но больше похож на краткий пересказ ответа на приветственную речь: Мария Терезия, говорится в нем, обещала с материнской любовью позаботиться о том, чтобы все ожидания и пожелания были удовлетворены⁶⁵. Дневник Иллешхази тоже содержит только краткий пересказ. Упоминается радость Марии Терезии от встречи с представителями верных сословий, затем следует дополнение о выраженной ею надежде, что венгры с готовностью и при обоюдном желании помогут королеве. В конце депутат вернулся к «изначальному» варианту речи и отметил расположение государыни⁶⁶. В данном случае Иллешхази не смог передать речь королевы с точностью и во всей полноте.

В речи у стен Пресбурга Мария Терезия призвала консула вместе с городским магистратом поддерживать в гражданах покорность королеве и заботиться об их благе⁶⁷. Иллешхази в кратком пересказе передал основной посыл речи, но включил в него проявление королевской милости по отношению к городу⁶⁸. В дневнике депутатов от Сентдёрдя воспроизведен полный текст ответной речи государыни, который, однако, отличается от оригинального. Обнаруживается параллель с версией Иллешхази: упоминаются милость Марии Терезии и поручение к магистрату⁶⁹.

Сравнивая эти три речи, можно прийти к выводу, что из всех вариантов заметки Йозефа Иллешхази ближе всего к оригиналу монаршего приветствия. Примас лично встречал императрицу-королеву в Вольфстале, а во время двух других речей как королевский стольник, скорее всего, стоял в непосредственной близости от Марии Терезии и прекрасно слышал, что она говорит. Тексты ответных речей государей не направлялись Государственному собранию, и у депутатов не было возможности с ними ознакомиться, зачитать или опубликовать, поэтому они сохранились в нескольких вариантах. Интерпретация этого типа источника требует критического анализа. Дневниковые записи отражают не намерения государя, но ожидания депутатов, что для них было желанно и значимо: акцент на верность подданных, признания в любви к королевству. Расхождения

⁶⁵ OSZKK. Fol. Lat. 4045. Fol. 7v.

⁶⁶ OSZKK. Fol. Lat. 607. P. 102.

⁶⁷ ÖStA. HHStA. Ungarische Akten. 407–20. Fol. 35r–v.

⁶⁸ OSZKK. Fol. Lat. 607. P. 105.

⁶⁹ OSZKK. Fol. Lat. 602. Fol. 213r.

в вариантах могут объясняться тем, что записи были сделаны позднее, по памяти, а также — при копировании — использованием нескольких источников.

Политический язык

При анализе понятийного аппарата политического языка церемониальных речей необходимо определить целевую аудиторию и ее ожидания⁷⁰. Эстергомский архиепископ на всем пути следования монарха произносил речи дважды: сначала от имени сословий и в Пресбурге от имени клира, затем, двумя днями позже, в момент передачи королевских пропозиций, он приветствовал государя от имени прибывших на Государственное собрание сословий. В момент передачи королевских пропозиций надворный канцлер держал речь на венгерском языке, коротко характеризуя их содержание, но на материале источников, сохранившихся от заседания Государственного собрания 1764 г., можно предположить, что речь звучала в редакции, предварительно одобренной монархом. Это означает, что политический язык, использовавшийся сословиями, не совпадал с ожиданиями венского двора.

В политическом дискурсе венгерских сословий прослеживается система аргументов языка республиканизма. Использование данной речевой модели не было связано с конкретной формой государственности, поскольку в основе понятийного аппарата лежали труды изучаемых в школе античных авторов, прежде всего Цицерона и Тита Ливия, а аргументация строилась на добродетелях республиканского Древнего Рима. Обладавшие сословными привилегиями дворяне, как члены политического сообщества, вовлеченные в общественную жизнь, должны были ставить интересы сообщества выше собственных интересов, ибо, если нарушить этот порядок, наступят «раздор и разобщенность» (*discordia*) и сообщество погибнет, как это произошло в Древнем Риме. К добродетелям относилась готовность гражданина ради родины пожертвовать даже жизнью. Помимо античного наследия, в политической литературе раннего Нового времени звучали ссылки на древнюю конституцию, в которых упор делался на привилегии, свободы и, в более поздний период, на сохранение

⁷⁰ Sziájtó 2017: 395.

конституции. Современники бережно относились к завещанному предками наследию, сберечь которое было необходимо для того, чтобы в неприкосновенности передать потомкам⁷¹.

Венгерский литературовед Шандор Бене выявил республиканский язык в политических трактатах Трансильванского княжества XVI в. Помимо теоретических работ топосы и понятия этого языка обнаруживаются в дебатах и речах, произнесенных на Государственных собраниях⁷². Речи, написанные по случаю Государственных собраний первой половины XVIII в., обладают характерными признаками этого языка: первенство интересов общества над личной выгодой, акцент на добродетели и метафорическое изображение отношений государя и подданных как семьи. Надворный канцлер Петер Коромпай в речи по случаю передачи королевских пропозиций в 1687 г. назвал сохранение свобод королевства отеческой заботой Леопольда I⁷³. Об этом же говорили в 1712 г. примас Агошт Керестеи при передаче королевских пропозиций от Карла VI⁷⁴ и в 1722 г. эгерский епископ Габор Эрдеди в контексте распространения порядка престолонаследования на женскую линию⁷⁵. Монархи тоже использовали эту метафору: в 1687 г. Леопольд, вступая в пределы королевства, и в 1712 г. Карл VI, передавая королевские пропозиции, обещали отеческую милость. В 1741 г. Мария Терезия сказала, что будет заботиться о подданных, как мать о детях⁷⁶. Ораторы в речах неоднократно обращались к мотиву государевых добродетелей (миротворец, справедливый, милостивый). Прославляя королей, они заимствовали сравнения и цитаты из Библии и у античных авторов. В середине XVIII в. в структуре и риторике приветственных речей произошли изменения: после коронации 1741 г. при описании политических событий или прославлении правителей ораторы больше не обращались к цитатам и сравнениям.

В речах звучали ссылки на древнюю конституцию королевства. Надворный канцлер Коромпай при передаче пропозиций связал

⁷¹ Takáts 2007: 14–21; Bene 2001: 302; Takáts 1998: 669–670, 672–673; Miru 2015: 17–25; Szijártó 2017: 417.

⁷² О республиканском языке, проявившемся в дебатах на Государственном собрании 1751 г. и в сатирической литературе, сопровождавшей его заседания, см.: Nagy 2020: 170–188.

⁷³ OSZKK. Fol. Lat. 528. Fol. 14r–15r.

⁷⁴ Lányi Pál gömöri alispán naplója. II. 2–4. old.

⁷⁵ OSZKK. Fol. Lat. 562. Fol. 45r.

⁷⁶ ÖStA. HHStA. Ungarische Akten 407–2. Fol. 35r.

сохранение свобод королевства с отцовским благорасположением Леопольда, или, если следовать этой логике, отклонение пропозиций противоречило бы интересам сословий. Желание сохранить свободы и привилегии проявлялось и со стороны сословий. Как сказал в 1712 г. Агошт Керестей в речи у ворот Пресбурга, сословия в этом возлагали надежды на государя⁷⁷. Он вновь вернулся к этому вопросу в момент передачи королевских пропозиций, назвав коронационную грамоту документом, гарантирующим законы и свободы страны⁷⁸. В 1722 г., принимая от короля пропозиции, примас сообщил ему об уверенности сословий, что тот сохранит привилегии, Карл в ответной речи дал такое обещание⁷⁹. Согласно сохранившимся с разной степенью подробности источникам, в середине столетия этот элемент исчез из церемониальных речей.

Идея просвещенного правления заключалась в том, что государи служили интересам народа, подданных, это становилось легитимацией их власти, оттесняя на второй план Божию милость. В речах на Государственных собраниях, созванных в первой половине XVIII в., общее благо можно отождествить с королевской волей, а личные интересы — хотя современники не говорили об этом прямо — с политическими устремлениями оппозиционно настроенных депутатов нижней палаты, что вполне соответствует политическому языку республиканизма⁸⁰. Иштван Сиярто обратил внимание также на изменения в концепции времени. В дебатах на Государственном собрании можно проследить, как сословия настаивали на сохранении древнего социального порядка, возвращении к более ранним формам государственного устройства. Нововведения, развитие имели негативные коннотации⁸¹. В течение XVIII в. постепенно получили распространение противоположные взгляды, и две концепции времени сосуществовали до конца столетия⁸². На Государственных собраниях, созванных в первой половине XVIII в., бросается в глаза стремление сословий к сохранению существующего порядка. В 1687 г. в речи

⁷⁷ Lányi Pál gömöri alispán naplója. I. 411. old.

⁷⁸ Lányi Pál gömöri alispán naplója. II. 2–4.

⁷⁹ OSZKK. Fol. Lat. 562. Fol. 46v–47r.

⁸⁰ Szijártó 2016: 500–501.

⁸¹ О дебатах по налогам на Государственном собрании 1751 г. см., например: Nagy 2020: 177.

⁸² Szijártó 2017: 368–370, 393.

на границе королевства Леопольд I обещал нововведения в интересах общественного блага (*pro bono publico*) и просил содействия сословий, затем назвал королевские пропозиции одним из инструментов его достижения⁸³ и выразил уверенность в том, что сословия примут их, забыв о личных интересах и раздорах⁸⁴.

Понятие общего блага в королевской риторике уже в 1687 г. имело положительную коннотацию, означало стремление к развитию и переменам. В 1722 г., во время посещения Карлом VI заседания Государственного собрания, в речи епископа Эрдеди прозвучало, что король хочет распространить право наследования на женскую линию ради блага подданных⁸⁵. В 1741 г. и канцлер, и Мария Терезия назвали целью королевских пропозиций благополучие и сохранение страны⁸⁶. В 1751 г. государыня вновь подчеркнула необходимость совместных усилий, направленных на достижение общего блага, о чем она, впрочем, не только напоминала в торжественных речах, но и что использовала в качестве аргумента в королевских декретах для достижения своих целей, например в вопросе повышения налогов⁸⁷. Кроме того, мотив *сохранения королевства*, который ранее звучал из уст представителей сословий, также изменил значение. В 1722 г. Иллешгази в речи разъяснял желание короля сохранить социальный порядок, ради чего призывал сословия к сотрудничеству и прекращению вражды⁸⁸. Со своей стороны, Карл VI заявил, что желает сохранения королевства⁸⁹. В 1741 г. Мария Терезия просила Государственное собрание, чтобы депутаты поднялись над личными интересами, и выразила надежду на то, что сословия направят все усилия на сохранение королевства в согласии с государыней⁹⁰. Сотрудничество и отказ от личных интересов как основополагающий принцип республиканизма встречаются не только у придворных ораторов, но и в аргументации Леопольда I.

⁸³ OSZKK Fol. Lat. 3841. Fol. 2v–3r; Fol. Lat. 3342. Fol. 6v–7r.

⁸⁴ OSZKK Fol. Lat. 3342, f. 6v–7r.

⁸⁵ OSZKK. Fol. Lat. 566/I. Fol. 33v–35r.

⁸⁶ OSZKK. Fol. Lat. 4045. Fol. 8v–9r; Fol. Lat. 3910. Fol. 39v–40r; Fol. Lat. 608. Fol. 27v.

⁸⁷ OSZKK. Fol. Lat. 632. Fol. 6r–7r; Fol. Lat. 617. Fol. 3v–4r; Fol. Lat. 618. Fol. 4r; Fol. Lat. 613. Fol. 3r–4r; Fol. Lat. 616. Fol. 25v–26v; Nagy 2020: 173.

⁸⁸ OSZKK. Fol. Lat. 562. Fol. 46v–47r.

⁸⁹ OSZKK. Fol. Lat. 566/I. Fol. 35r.

⁹⁰ OSZKK. Fol. Lat. 4045. Fol. 25v–26r.

Изучение риторических приемов, использованных в приветственных речах, дополняет представления о политическом дискурсе, известном по дебатам на Государственных собраниях. Различная сохранность и текстовая полнота речей также красноречиво говорит о том, какие поводы считались в глазах депутатов значимыми. Торжественные въезды венгерских королей на собственные коронации стояли особняком в ряду их церемониальных визитов: их отличали не только пышность и богатство визуальной символики, но и то, что это были первые коронации после изменения порядка наследования престола. Речи, произнесенные по таким поводам, ораторы насыщали аллюзиями, заимствованными из произведений древних авторов, украшали библейскими цитатами и символами. Это было связано не только со встречей — иногда первой — короля и сословий, но и с присутствием многочисленных иностранных дипломатов, которые делали заметки и писали репортажи для европейских правительств или попросту для газет.

Таким образом, ораторы сочиняли речи с учетом контекста, в котором те произносились, о чем свидетельствуют полные, но чаще отрывочные тексты, сохранившиеся в нескольких редакциях. Важно изучить, как политическая коммуникация и политические языки изменялись и развивались, прежде чем достигли уровня XIX в. Одним из этапов этого процесса, наряду с политическими дебатами на заседаниях Государственного собрания XVIII в. и стихотворениями на злобу дня, произнесенными во время заседаний, является анализ церемониальных парламентских речей.

Перевод с венгерского О. В. Хавановой

Список сокращений

ÄZA — Ältäre Zeremonialakten

HHStA — Haus-, Hof- und Staatsarchiv

MNL OL — Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest

OGYK — Országgyűlési Könyvtár, Budapest. Gyurikovits-Gyűjtemény

OMeA — Obersthofmeisteramt

OSZKK — Országos Széchényi Könyvtár Kézirattára, Budapest

ÖStA — Österreichisches Staatsarchiv, Wien

ÚF — Új Folyam

Список исторических географических названий

Пресбург — ныне Братислава в Словакии; в венгерской традиции Пожонь

Сатмар — ныне Сату-Маре в Румынии

Сентдёрдь — ныне Свети-Юр в Словакии

Литература

- Bak, Pálffy 2020 — *Bak J.M., Pálffy G.* Crown and coronation in Hungary 1000–1916 A. D. Budapest: Research Centre for the Humanities; Hungarian National Museum, 2020. 263 old.
- Barcsay 2002 — *Barcsay Á.* Herrschaftsantritt im Ungarn des 18. Jahrhunderts. Studien zum Verhältnis zwischen Krongewalt und Ständetum im Zeitalter des Absolutismus. St. Katharinen: Scripta Mercaturae, 2002. 293 S.
- Bene 2001 — *Bene S.* A történeti kommunikációelmélet alkalmazása a magyar politikai eszmetörténetben — a kora újkori modell // Irodalomtörténeti Közlemények. 2001. 105. évf. 3–4. sz. 285–315. old.
- Csekey 2017 — *Csekey I.* A magyar trónöröklési jog: jogtörténelmi és közjogi tanulmány oklevélmellékletekkel. Budapest: Athenaeum, 1917. 564 old.
- Forgó 2013 — *Forgó A.* Az egyházi rend a szatmári megegyezés utáni országos politikában // Az 1712. évi pozsonyi diéta egy ciszterci szerzetes szemével / szerk. A. Forgó. Pannonhalma: Pannonhalmi Főapátsági Levéltár; Veszprém: A Magyar Nemzeti Levéltár Veszprém Megyei Levéltára, 2013. 7–63. old.
- Forgó 2014 — *Forgó A.* Zu den Möglichkeiten und Grenzen ständisch-politischer Handlungsfähigkeit. Das Beispiel des Herrschaftsantritts Karls VI. im Königreich Ungarn // Wiener Archivforschungen. Festschrift für den ungarischen Archivdelegierten in Wien, István Fazekas / hrsg. von Zs. Cziráki, A. Fundárková [et al.]. Wien; Institut für Ungarische Geschichtsforschung, 2014. S. 263–269 (Publikationen der Ungarischen Geschichtsforschung in Wien. Bd. X).
- Fraknoi 1922 — *Fraknoi V.* A Habsburg-ház trónöröklési jogának megállapítása az 1687/8-ik évi országgyűlésen. Budapest: Athenaeum, 1922. 59 old.
- Helmrath, Feuchter 2008 — *Helmrath J., Feuchter J.* Einleitung — Vormoderne Parlamentsrhetorik // Politische Redekultur in der Vormoderne. Die Rhetorik europäischer Parlamente in Spätmittelalter und Früher Neuzeit / hrsg. von J. Feuchter, J. Helmtrath. Frankfurt-am-Main; New York: Campus Verlag, 2008. S. 9–22.
- Hende 2021 — *Hende F.* Politikai reprezentáció a magyar országgyűléseken 1687 és 1765 között. Budapest: Magyar Nemzeti Levéltár, 2021. 236 old.
- Kalmár 2007 — *Kalmár J.* Az 1708–1715. évi országgyűlés történetéhez. Habilitációs disszertáció. Budapest, 2007. 157 old. (рукопись).
- Kökényesi 2014 — *Kökényesi Zs.* A “női Szolón”, avagy Mária Terézia uralkodói képe a halotti beszédekben // KoraújkorÁSZ. Koraújkor-történettel

- foglalkozó doktoranduszok tanulmányai / szerk. Zs. Kádár, Zs. Kökényesi, A. D. Mitropulos. Budapest: ELTE BTK Történelemtudományi Doktori Iskola, 2014. 119–144. old. (KoraújkorÁSZ tanulmánykötetek, 1).
- Maczák 2019 — *Maczák I.* A biblikus mitizáció sajátos formái Mária Terézia halotti reprezentációjában // Második Mária. Mária Terézia a régi magyarországi kegyességben / szerk. I. Maczák. Budapest: MTA–PPKE Barokk Irodalom és Lelkiség Kutatócsoport, 2019. 43–53. old. (Pázmány Irodalmi Műhely Lelki-ségtörténeti tanulmányok, 19).
- Miru 2015 — *Miru Gy.* Az alkotmányozás politikai nyelve 1848–49-ben. Budapest: L'Harmattan Kiadó, TIT Kossuth Klub, 2015. 250 old.
- Nagy 2020 — *Nagy J.* Rendi ellenzék és kormánypárt az 1751. évi országgyűlésen. Budapest: Budapest Főváros Levéltára; Mika Sándor Egyesület, 2020. 583. old. (Disszertációk Budapest Főváros Levéltárából 7).
- Réthly 1970 — *Réthly A.* Időjárás események és elemi csapások Magyarországon 1701–1800-ig. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1970, 622 old.
- Soltész, Tóth, Pálffy 2019 — *Soltész F. G., Tóth Cs., Pálffy G.* Coronatio Hungarica in Nummis. Medals and jetons from Hungarian royal coronations, (1508–1916). Budapest: Hungarian Academy of Sciences; Research Centre for the Humanities; Hungarian National Museum, 2019. 414 old.
- Szijártó 2010 — *Szijártó M. I.* A diéta. A magyar rendek és az országgyűlés 1708–1792. Keszthely: Balaton Akadémia Kiadó, 2010. 614 old.
- Szijártó 2016 — *Szijártó M. I.* A közjő fogalma a kora újkori politikai diskurzusokban // Történelmi Szemle. 2016. 58. évf. 4. sz. 499–503. old.
- Szijártó 2017 — *Szijártó M. I.* Emberek és struktúrák a 18. századi Magyarországon. A politikai elit társadalom- és kultúrtörténeti megközelítésben. Akadémiai doktori értekezés. Budapest, 2017. 632 old. (рукопись).
- Takáts 1998 — *Takáts J.* Politikai beszédmodok a magyar 19. század elején. A keret. // Irodalomtörténeti Közlemények. 1998. 102. évf. 5–6. sz. 668–686. old.
- Takáts 2007 — *Takáts J.* Modern magyar politikai eszmetörténet. Budapest: Osiris, 2007. 148 old.
- Zamarovský 1970 — *Zamarovský V.* Istenek és hősök a görög-római mondavilágban. Budapest: Móra, 1970. 552 old.

References

- Bak, J. M., Pálffy, G., 2020. *Crown and coronation in Hungary 1000–1916 A. D.* Budapest: Research Centre for the Humanities, Hungarian National Museum, 263 p.
- Barcsay, Á., 2002. *Herrschaftsantritt im Ungarn des 18. Jahrhunderts. Studien zum Verhältnis zwischen Kronegewalt und Ständetum im Zeitalter des Absolutismus.* St. Katharinen: Scripta Mercaturae, 293 p.

- Bene, S., 2001. A történeti kommunikációelmélet alkalmazása a magyar politikai eszmetörténetben — a kora újkori modell. *Irodalomtörténeti Közlemények*, 105, 3–4, pp. 285–315.
- Csekey, I., 1917. *A magyar trónöröklési jog: jogtörténelmi és közjogi tanulmány oklevélmellékletekkel*. Budapest: Athenaeum, 564 p.
- Forgó, A., 2013. Az egyházi rend a szatmári megegyezés utáni országos politikában. In: Forgó, A., ed. *Az 1712. évi pozsonyi diéta egy ciszterci szerzetes szemével*. Pannonhalma: Pannonhalmi Főapátsági Levéltár; Veszprém: A Magyar Nemzeti Levéltár Veszprém Megyei Levéltára, pp. 7–63.
- Forgó, A., 2014. Zu den Möglichkeiten und Grenzen ständisch-politischer Handlungsfähigkeit. Das Beispiel des Herrschaftsantritts Karls VI. im Königreich Ungarn. In: Cziráki, Zs., Fundárková, A., [et al.], eds. *Wiener Archivforschungen. Festschrift für den ungarischen Archivdelegierten in Wien, István Fazekas*. Wien; Institut für Ungarische Geschichtsforschung, pp. 263–269 (Publikationen der Ungarischen Geschichtsforschung in Wien. Bd. X).
- Fraknói, V., 1922. *A Habsburg-ház trónöröklési jogának megállapítása az 1687/8-ik évi országgyűlésen*. Budapest: Athenaeum, 59 p.
- Helmrath, J., Feuchter, J., 2008. Einleitung — Vormoderne Parlamentsrhetorik. In: Helmrath, J., Feuchter, J., eds. *Politische Redekultur in der Vormoderne. Die Oratorik europäischer Parlamente in Spätmittelalter und Früher Neuzeit*. Frankfurt-am-Main; New York: Campus Verlag, pp. 9–22.
- Hende, F., 2021. *Politikai reprezentáció a magyar országgyűléseken 1687 és 1765 között*. Budapest: Magyar Nemzeti Levéltár, 2021. 236 p.
- Kalmár, J., 2007. *Az 1708–1715. évi országgyűlés történetéhez*. Habilitációs disszertáció. Budapest, 157 p. (manuscript).
- Kökényesi, Zs., 2014. A “női Szolón”, avagy Mária Terézia uralkodói képe a halotti beszédekben. In: Kádár, Zs., Kökényesi, Zs., Mitropulos, A. D., eds. *KoraújkorÁSZ. Koraújkor-történettel foglalkozó doktoranduszok tanulmányai*. Budapest: ELTE BTK Történelemtudományi Doktori Iskola, pp. 119–144. (KoraújkorÁSZ tanulmánykötetek, 1).
- Maczák, I., 2019. A biblikus mitizáció sajátos formái Mária Terézia halotti reprezentációjában. In: Maczák, I., ed. *Második Mária. Mária Terézia a régi magyarországi kegyességben*. Budapest: MTA–PPKE Barokk Irodalom és Lelkiség Kutatócsoport, pp. 43–53 (Pázmány Irodalmi Műhely Lelkiségtörténeti tanulmányok, 19).
- Miru, Gy., 2015. *Az alkotmányozás politikai nyelve 1848–49-ben*. Budapest: L’Harmattan Kiadó, TIT Kossuth Klub, 250 p.
- Nagy, J., 2020. *Rendi ellenzék és kormánypárt az 1751. évi országgyűlésen*. Budapest: Budapest Főváros Levéltára; Mika Sándor Egyesület, 583 p. (Disszertációk Budapest Főváros Levéltárából, 7)
- Réthly, A., 1970. *Időjárás események és elemi csapások Magyarországon 1701–1800-ig*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 622 p.

- Soltész, F.G., Tóth, Cs., Pálffy, G., 2019. *Coronatio Hungarica in nummis. Medals and jetons from Hungarian royal coronations (1508–1916)*. Budapest: Hungarian Academy of Sciences; Research Centre for the Humanities; Hungarian National Museum, 414 p.
- Szijaártó, M.I., 2010. *A diéta. A magyar rendek és az országgyűlés 1708–1792*. Keszthely: Balaton Akadémia Kiadó, 614 p.
- Szijaártó, M.I., 2016. A közjó fogalma a kora újkori politikai diskurzusokban. *Történelmi Szemle*, 58, 4, pp. 499–503.
- Szijaártó, M.I., 2017. *Emberék és struktúrák a 18. századi Magyarországon. A politikai elit társadalom- és kultúrtörténeti megközelítésben*. Akadémiai doktori értekezés. Budapest, 632 p. (manuscript).
- Takáts, J., 1998. Politikai beszédmodok a magyar 19. század elején. A keret. *Irodalomtörténeti Közlemények*. 102, 5–6, pp. 668–686.
- Takáts, J., 2007. *Modern magyar politikai eszmetörténet*. Budapest: Osiris, 148 p.
- Zamarovský, V., 1970. *Istenek és hősök a görög-római mondavilágban*. Budapest: Móra, 552 p.

Fanni Hende

PhD, Research Fellow, *HAS–NSZL Res Libraria Hungariae* Research Group, Eötvös Loránd Research Network, Budapest / National Széchényi Library, Budapest, Hungary. 1827, Buda Castle Palace, “F” Building. E-mail: hende.fanni@oszk.hu

The Political Communication of the Hungarian King and the Estates at the Ceremonies of the Diet between 1687 and 1765

The oration was a significant constituent of the ceremonies on the diets. In Hungarian political culture, the most luxurious ceremony was the reception of the King/Queen in the Diet (highest legislative body of the kingdom), which often meant the first meeting of the King/Queen and the His/Her subjects, since the seat of the Habsburg rulers had been in Vienna. The ceremonial entrance consisted of four stations. Firstly, one of the Catholic bishops held a speech in Wolfsthal, an Austrian village close to the Hungarian border, then the Archbishop of Esztergom welcomed the ruler at Köpcsény, at the border of the kingdom. The town clerk of Pressburg held his speech at the Vienna gate of Pressburg, and then at the castle the Archbishop of Esztergom received the ruler in the name of the clergy. The King, the Court Chancellor of Hungary and—in name of the estates—the Archbishop of Esztergom held orations at the official opening of the Diet, which was signed by the deliverance of the royal propositions, in which the ruler, exercising His/Her royal rights, prescribed the issues negotiated at the Diet. Historians have at their disposal texts of speeches (more often fragments, or short notes), which are used for content analysis of the symbolism and topicality in the communication of the king and the estates is possible. Through the analysis of these celebratory speeches, the paper illustrates some aspects of the dialogue between the ruler and the estates, and presents their reflection upon the political situation and the political language, rhetorical techniques and compositional elements they used. The political language is considered with a focus on the rulers' depiction of the speakers, and on the usage of the rhetorical figures.

Keywords: Charles VI (Charles III as King of Hungary), Maria Theresa, political language, hereditary rule of Habsburg, reception of ruler, deliverance of the royal propositions

How to cite: Hende, F., 2021. Politicheskaia kommunikatsiia vengerskogo korolia i soslovii v parlamentskikh tseremoniakh, 1687–1765. *Tsentrālnoevropeiskie issledovania*, 2021, 4(13), pp. 331–358. doi: 10.31168/2619-0877.2021.4.13.

Анна Романовна Лагно

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ле-
нинский проспект, 32А. E-mail: LagnoAnna@gmail.ru

Глеб Петрович Пилипенко

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ле-
нинский проспект, 32А. E-mail: glebpilipenko@mail.ru

Дневник жителя Галиции Степана Федоровича Лагно как объект историко-лингвистического анализа

Дневники, частные письма, поздравительные открытки, фотографии и прочие эго-документы, созданные обычными людьми, сегодня все чаще привлекают внимание исследователей. Такие источники, особенно возникшие в регионах языкового и культурного пограничья, дают сведения для изучения диалектных и контактологических особенностей идиомов, на которых они написаны, этнографических и — шире — антропологических явлений, предоставляют ценные данные по истории того края, где они были обнаружены. В настоящей публикации представлен дневник жителя Тернопольской области Украины, написанный в 1985–1986 гг. на украинском языке с переводом на русский язык и комментариями. Текст источника предвяет его описание и краткая биографическая справка об авторе, приведено лингвистическое описание диалектных особенностей (диалекты на территории Галиции). Публикуемый дневник является уникальным образцом «наивной литературы» в славистике, документ также представляет интерес для этнологов, антропологов и историков, поскольку его основу составляют ежедневные записи, касающиеся хозяйственно-бытовой деятельности западноукраинского крестьянина.

Ключевые слова: польско-украинское пограничье, Галиция, Западная Украина, Тернопольская область, Львовская область, УССР, украинский язык, диалект, «наивная литература», крестьяне

Цитирование: *Лагно А.Р., Пилипенко Г.П.* Дневник жителя Галиции Степана Федоровича Лагно как объект историко-лингвистического анализа //

Центральноевропейские исследования. 2021. Вып. 4(13) / гл. ред. О. В. Хаванова. М. : Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 359–387. DOI: 10.31168/2619-0877.2021.4.14.

Введение

Эго-документы, в частности дневники, созданные обычными людьми, сегодня все чаще привлекают внимание исследователей. Тексты, «написанные людьми неписьменной культуры, то есть не владеющими нормами литературного кодифицированного языка», определяются как «наивная литература» или как «третья культура»¹. Перенос акцента с изучения национальных литератур, истории и языка больших общностей на изучение небольших групп и индивидов, а также переход от описания биографий исторических личностей и значимых событий к анализу судеб «маленького человека» и его повседневности в последние десятилетия стал характерен для всего комплекса гуманитарных наук². В лингвистике антропологический поворот связан с возросшим интересом к личности диалектоносителя, его жизненному опыту и языковым особенностям³.

Коллекции эго-документов, доступные для изучения, неуклонно пополняются благодаря развитию специальных проектов. Например, с 2015 г. в России команда проекта «Прожито»⁴ оцифровывает и обрабатывает дневники на русском, а также украинском и белорусском языках. По большей части представлены дневниковые записи культурных, общественных и политических деятелей, однако встречаются материалы, которые можно охарактеризовать как «наивное» письмо. В Польше с 2020 г. работает *Centrum Archiwistyki Społecznej*⁵ (Центр общественной архивистики), который объединил информацию обо всех общественных архивах на одной платформе, сопроводив ее единой системой поиска. В этой базе данных содержится более 300 дневников, написанных преимущественно на польском языке.

Крестьянские дневники относительно недавно стали предметом изучения историков и филологов. Как отметил А. В. Пигин, на данный

¹ Минаева 2003; Неклюдов 2001. О «наивном письме» и важности изучения «человеческих документов», в том числе и дневников, см.: Козлова, Сандомирская 1997.

² Шлюмбом, Кром, Зоколл 2003.

³ См., например: Конёр, Макарова, Соболев 2019; Иванцова 2002; Лютикова 2000.

⁴ Проект «Прожито». URL: www.prozhito.org (дата обращения: 17.09.2021).

⁵ CAS. URL: <https://cas.org/pl/> (дата обращения: 20.02.2022).

момент введенные в научный оборот русские крестьянские дневники имеют преимущественно севернорусское происхождение и датируются концом XIX — первой половиной XX в.⁶ В украинистике следует отметить несколько важных исследований, посвященных анализу языка корреспонденции и дневниковых записей как обычных людей, так и известных личностей. Прежде всего, это публикация и комментарии частных писем XVIII в.⁷, а также дневника священников Глуховского уезда Андрея и Федора Кирнецких, написанного в конце XVIII в.⁸ Анализ языка произведений поэта Фомы Падуры (Тимко Падура), писавшего в том числе по-украински (на латинице), содержится в работах О. А. Остапчук⁹. Особый интерес представляют эго-документы, созданные на пограничье, как, например, дневник дворянина, студента ветеринарии Витольда Цивиньского (1887–1910)¹⁰, который позволяет изучить взаимодействие и закономерности чередования различных языков (польского, литовского, русского и ряда других). Изучаются также письма военных лет, однако больше с точки зрения анализа военного быта и исторических событий того времени¹¹. Как исторические источники исследуются крестьянские дневники юга Украины¹².

Тем не менее очень мало можно найти работ, в которых рассматриваются диалектные особенности крестьянских дневников, созданных на украинском языке. Подобные источники представляют интерес не только как объекты лингвистического изучения, но и как ценные исторические источники. Как отметил Ю. В. Костяшов, повседневная жизнь советской деревни, представления крестьян, мотивация их социального поведения еще очень мало изучены и крестьянство все еще продолжает оставаться для исследователей «великим незнакомцем»¹³. Особенный интерес в этом контексте представляет

⁶ Пигин 2017: 279.

⁷ Приватні листи XVIII ст. / підгот. В. А. Передрієнко. Київ: Наукова думка, 1987. 173 с.

⁸ Щоденник Андрія та Федора Кирнецьких, священників Свято-Миколаївської церкви с. Ховзовки Глухівського повіту Новгород-Сіверського намісництва (грудень 1787 — жовтень 1788 рр.). Чернівці: Сіверянська думка, 2006. 100 с.

⁹ Остапчук 2003.

¹⁰ Гириничкайте 2020.

¹¹ Бураков 2015.

¹² Джерела з історії Південної України / упор. А. Бойко, С. Плохій. Т. 5. Мемуари та щоденники. Кн. 1. Ч. 1–2. Запоріжжя: РА «Тандем-У», 2005.

¹³ Костяшов 2012: 130.

изучение трансформаций, произошедших с крестьянской общностью на западных окраинах Советского Союза (в данном случае — на Западной Украине), территориях, которые позже других, только в результате Второй мировой войны, были подключены к социалистическим преобразованиям. Публикация данного источника в какой-то мере позволит расширить представления об истории советской деревни и сделать более понятным своеобразие региона.

Целью настоящей статьи является публикация дневника крестьянина, жителя Тернопольской области Украинской Советской Социалистической Республики (УССР) Степана Федоровича Лагно (1913–1990) с переводом на русский язык и комментариями. Текст источника предваряет его описание и краткая биографическая справка об авторе. Отдельной задачей ставилось описание языковых особенностей автора и их сопоставление с работами по украинским горам в Галиции.

Описание рукописи

Дневник был записан в обычной школьной тетради на 18 листов, размером 170 × 205 мм, при этом общий объем рукописи составляет неполных восемь листов. Текст написан на украинском языке. Судя по отмеченным в рукописи датам, дневник С. Ф. Лагно вел девять месяцев: с мая 1985 г. по январь 1986 г. Всего зафиксировано 118 дней, при этом только в июне 1985 г. записи велись каждый день, в остальные месяцы количество записей варьировалось от 6 до 14. На момент первой записи С. Ф. Лагно было 72 года. После смерти автора (02.02.1990) его архив, содержащий помимо дневника воспоминания¹⁴, письма и иные документы, хранился у его младшего сына Степана Степановича в с. Плотыча (Тернопольская область, Украина), а в начале 2000-х годов был передан старшему сыну Роману Степановичу в г. Москву. В процессе перевода источника и его подготовки к публикации авторы неоднократно консультировались с детьми Степана Федоровича, за что выражают им глубокую признательность, также привлекалась информация из биографических интервью с ними¹⁵.

¹⁴ О воспоминаниях С. Ф. Лагно см.: Лагно 2020.

¹⁵ Интервью с Д. С. Чупык 1952 г.р., г. Тернополь, Украина. Зап. 16. 08. 2018; Интервью с Р. С. Лагно 1951 г. р., г. Москва, Россия. Зап. 05. 10. 2018; Интервью с Д. С. Чупык 1952 г. р., г. Стамбул, Турция. Зап. 01.10.2021.

Данный дневник «регистрирующий», записи велись по стандартной схеме: прямой вертикальной чертой отделены числа месяца, указан день недели (в январе 1986 г. наоборот: сначала день недели, а потом число):

- п.* или *пон.* — понедельник,
- в.*, *вів.*, *вів.* или *вівт.* — вторник,
- с.* или *сер.* — среда,
- ч.*, *чет.* или *четв.* — четверг,
- п.* или *пят.* — пятница,
- с.* или *суб.* — суббота,
- н.*, *нед.* или *неділя* — воскресенье.

В тексте имеются сокращения, которые не удалось расшифровать, что отдельно отмечено в сносках.

В дневнике по большей части говорится о ежедневных заботах крестьянина: выращивании и уборке картофеля и других сельскохозяйственных культур, заготовке дров, уходу за домашними сельскохозяйственными животными; присутствуют записи экономического характера: о расходах на продукты, получении пенсии, долгах и т. п. Один раз фиксируется сон, а также сообщается о читательских интересах автора (подписка на журнал *Україна*).

Жизненный путь автора Дневника

Степан Федорович Лагно родился в 1913 г. в селе Порубы Королевства Галиции и Лодомерии Австро-Венгерской империи (теперь это Львовская область Украины). Он рано потерял родителей и с 14 лет вынужден был наниматься в сельскохозяйственные работы, часто работал на Волыни. В 1927 г. окончил на отлично четыре класса школы и мечтал продолжить учиться, в частности, в 1940 г. хотел поступить в Педагогическое училище города Сокаль, однако поскольку этот город в то время находился в пограничной зоне, то начать учебу оказалось невозможно. В мае 1941 г. он работал в Любачувском районе на укреплении западной границы СССР, копал противотанковые рвы и дзоты¹⁶. После нападения Германии на Со-

¹⁶ В порядке трудовой повинности местное население Львовской, Дрогобычской и Волынской областей должно было проводить оборонительные работы в Киевском особом военном округе, эта работа оплачивалась (см.: Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О привлечении для оборонительных работ населения Львовской,

ветский Союз, в октябре 1941 г., был вынужден выехать на принудительные работы в Австрию. Там он встретил свою будущую жену — Анелю Михайловну Мозиль. После окончания войны С. Ф. Лагно два месяца проработал переводчиком на железнодорожной станции Хётцельсдорф, где переводил для немцев приказы советского лейтенанта с русского на немецкий язык. В середине августа 1945 г. отправился в Польшу провожать свою невесту к родителям в село Старые Олешичи Любачувского повята Львовского воеводства¹⁷, а оттуда пошел пешком в родные места, с 16 августа 1945 г. окончательно ставшие территорией Советской Украины¹⁸.

Ввиду послевоенного изменения границ и согласно договору про обмен населением между Польшей и Украиной от 9 сентября 1944 г.¹⁹ семья Анели Мозиль, как смешанная польско-украинская, в ноябре 1945 г. была выселена из Польши в Советскую Украину на хутор Хомы (ныне это село Хомовка в Тернопольской области)²⁰. Впоследствии к ней приехал Степан Лагно, в 1946 г. они поженились и получили дом, оба работали в колхозе, в 1947–1956 гг. в их семье родилось пятеро детей (Ярослава, Мария, Роман, Дарья и Степан). В 1956 г. С. Ф. Лагно устроился работать в колхоз села Плотычи, которое находилось ближе к областному центру — г. Тернополю. Позже вся семья переехала в это село.

Дрогобычской, Волинской и Восточных областей УССР». 22 ноября 1940 г., Москва // Польско-советские отношения в 1918–1945 гг. / под общ. ред. М. М. Наринского, А. В. Мальгина. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. Т. 4. 1939–1945. С. 128).

¹⁷ Согласно административному делению II Речи Посполитой до изменений, проведенных в период с 1944 по 1949 г.

¹⁸ 16 августа 1945 г. СССР и Польская Республика заключили договор о советско-польской государственной границе (Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Республикой о советско-польской государственной границе (Москва, 16 августа 1945 г.) // Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М.: Наука, 1974. Т. VIII. Январь 1944 — декабрь 1945. С. 541–542).

¹⁹ Угода між Урядом Української Радянської Соціалістичної Республіки і Польським Комітетом Національного визволення про евакуацію українського населення з території Польщі і польських громадян з території УРСР // База даних «Законодавство України». URL: https://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/616_065 (дата обращения: 09.09.2021).

²⁰ Подробнее о послевоенных миграциях на польско-украинском пограничье и обмене населением между Польшей и УССР см.: Сергійчук 1997; Mazur 2001; Hryciuk 2005; Pisuliński 2007; Sienkiewicz, Hryciuk (red.) 2008; Боднарчук 2012; Pisuliński 2017.

Текст дневника С. Ф. Лагно²¹

Щоденник		Дневник
		[Л. 1]
		[май 1985]
26 п. ²²	сапав бараболі коло хати, і фасоло	[понедельник] Полон картофель возле дома и фасоль.
27 вів	садив бараболі де були бураки	[вторник] Сажал картофель там, где была свекла.
28 сер	на городі в поли, потовк грудяки, розкинув кретовину	[среда] На огороде в поле разрыхлил большие комья земли и насыпи нор кротов.
29. V	посадив квочу 17 яець	Посадил наседку [на] 17 яиц.
30 "	садив бараболі під сьтіною хліва	Сажал картофель под стеной хлева.
31 "	зривав листки бараболь з личинками жуків	Срывал листочки картофеля с личинками жуков.
		[Л. 1 об.]
		[июнь 1985]
1.6. суб.	підгортав бар. коло хати половину.	[суббота] Окучивал кар.[тофель] возле дома, половину.
2.6. нед.	ходив до Чистилова ²³ , по обіді надав дощ	[воскресенье] Ходил в Чистилон, после обеда шел дождь.
3.6. пон		[понедельник]
4.6. вів		[вторник]
5.6. сер		[среда]
6.6. чет.		[четверг]
7.6. пят.	сапав бараболі в поли. Приїхав Віталік ²⁴ по обіді	[пятница] Полон картофель в поле. После обеда приехал Виталик.

²¹ Орфография и пунктуация автора сохранены, вставки даны в квадратных скобках.

²² Автор ошибся: в 1985 г. 26 мая приходилось на воскресенье.

²³ *Чистилів* (рус. Чистилон) — село в Тернопольской области, находится приблизительно в трех километрах от с. Плотыча. В Чистилове жила старшая дочь Степана Федоровича — Ричицька (Лагно) Ярослава Степановна (1947 г. р.).

²⁴ Ткачук Виталий Дмитриевич (1971 г. р.) — внук С. Ф. Лагно.

8.6. суб.	закінчив в полі сапати	[суббота]	Закончил полоть в поле.
9.6. нед.	ходив до Чистилова, по обіді падав дощ. перебирав бараболі	[воскресенье]	Ходил в Чистилов, после обеда шел дождь. Перебирал картофель
10. пон.	в льосі два центнери. завіз бараболі до Свахи ²⁵ . Приніс самця до старої крілиці	[понедельник]	в погребе, два центнера. Отвез картофель свахе. Принес самца к старой крольчихе.
11.6 вівт.	посадив другу квоку під 14 яець, зробив гніздо з сіна перед вечером зачав падати дощ було зимно.	[вторник]	Посадил вторую наседку на 14 яиц, сделал гнездо из сена. Под вечер начал идти дождь, было холодно.
12.6 сер.	лущив фасолю. сапав бараболі в поли, 11 рядків	[среда]	Лушил фасоль. Полол картофель в поле, 11 рядков.
13. четв.	Мисько ²⁶ забрав бараболі два цет, я перебирав бараболі, вечером падав трохи дощ	[четверг]	Михаил забрал два це[н]т[нера] картофеля, я перебирал картофель, вечером немного шел дождь.
14. пят.	сапав бар. в <u>поле</u> ²⁷ другий раз	[пятница]	Второй раз полол кар. [тофель] в поле.
15 суб.	сапав бараболі в Слави цілий ден	[суббота]	Целый день полол картофель у Славы.
16 нед.	падав дощ цілий ден писав лист до Р. ²⁸	[воскресенье]	Целый день шел дождь, писал письмо Р.[оману]
17 пон.	падав дощ довго	[понедельник]	Долго шел дождь.
18 вів.	дав лист на пошту до Романа	[вторник]	Отдал на почту письмо Роману.

²⁵ Богач (Дублянко) Анна Пантелеймоновна (1928–2007) — мать жены старшего сына С. Ф. Лагно — Романа; жила в с. Плотыча.

²⁶ Речицький Михаїл Николаевич (1939–2014) — зять С. Ф. Лагно, муж старшей дочери Ярославы; жил в с. Чистилове.

²⁷ Неразборчиво.

²⁸ Лагно Роман Степанович (1951 г. р.) — старший сын С. Ф. Лагно, живет в г. Москве.

19 сер	падав дощ, писав лист до Йосифа ²⁹ завів бараболі до Свахи	[среда]	Шел дождь, писал письмо Иосифу. Отвез картофель свахе.
20 чет	кинув лист до Йосифа рубав гіляки перебирав бараболі	[четверг]	Кинул письмо Иосифу, рубил ветки, перебирал картофель.
21 пят.	підгортав бараболі в поле Шофер привіз дрова з тирсою і корою	[пятница]	Окучивал в поле картофель. Водитель привез дрова с опилками и корой.
22 суб.	Я з Віталіком перекидав патики було 11 тачок тирси.	[суббота]	Я с Виталиком перекладывал дрова, было 11 тачек с опилками.
[Л. 2]			
23. нед.	Віталік поїхав до Тернополя до Дарки ³⁰ , я ходив до Слави.	[воскресенье]	Виталик поехал в Тернополь к Дарье, я ходил к Славе.
24 пон	переносив патики, перебирав; вивіз тирси 5 тачок.	[понедельник]	Переносил дрова, перебирал; вывез 5 тачек опилок.
25 вів	рубав рубав ³¹ вобрізка котрі короткі	[вторник]	Рубил короткие обрезки.
26 сер	довші обрізки зложив під хлівом	[среда]	Более длинные обрезки сложил под хлев.
27 чет	підгортав бараболі в поле було мокро	[четверг]	Окучивал картофель в поле было мокро.
28 пят	підгортав в поле вечером падав дощ.	[пятница]	Окучивал в поле, вечером шел дождь.
29 суб	підгортав в поли, зложив рубані патики	[суббота]	Окучивал в поле, сложил порубанные поленья.
30 нед	приїхав Тарас ³² і Віталік до Плотичі	[воскресенье]	Приехал Тарас и Виталик в Плотычу.

²⁹ Мозиль Иосиф Михайлович (1907–1997) — старший брат жены С. Ф. Лагно, жил в г. Львове.

³⁰ Чупык (Лагно) Дарья Степановна (1952 г.р.) — дочь С. Ф. Лагно, живет в г. Тернополе.

³¹ В тексте повтор.

³² Чупык Тарас Васильевич (1976 г. р.) — внук С. Ф. Лагно.

		[липень 1985]	
1.7 пон.	рубав гілячки, носив кору до шоши. Дарка брала бараболі.	[понедельник]	Рубил веточки, носил кору в сарай. Дарья собирала картофель.
2 вів.	вилізли курчата 5 штук, різав патики рубав гіляки	[вторник]	Вылупились цыплята, 5 штук, пилил дрова, рубил ветки.
3. сер	різав дрова, полов часник	[среда]	Пилил дрова, полол чеснок.
4 чет.		[четверг]	
5 пят.	цупер ³³ поз. 15. руб. Мисько забрав бараболі сушив кору носив до шоши. приїхала Дарка	[пятница]	Цупер о[должил] 15 руб. [лей]. Михаил забрал картофель. Сушил кору, носил в сарай. Приехала Дарья.
6 суб	сушив кору збирав жуки в полі на городі замітав подвіря. здав фляжки 15 рб. купив дещо 5 рб	[суббота]	Сушил кору Собирали жуков в поле на огороде. Подметал двор. Сдал бутылки [за] 15 р[у]б[лей]. Кое-что купил [за] 5 р[у]б[лей].
7 нед.	10 сер. цупер віддав 15 рб.	[воскресенье]	10 ср.[еда] Цупер отдал 15 р[у]б[лей].
19 пят.	получив лист від Романа	[пятница]	Получил письмо от Романа.
20 суб.	приїхала Марійка ³⁴ зі Львова, купила мені футболку.	[суббота]	Приехала Мария из Львова, купила мне футболку.
21 нед.	Віталік поїхав до дому	[воскресенье]	Виталик поехал домой.
22 пон	приніс молоко від Слави	[понедельник]	Принес молоко от Славы.
23 вів	ходив на пошту по гроші	[вторник]	Ходил на почту за деньгами.
28 нед	дав Дарці 226 р. післав в м. Романови	[воскресенье]	Дал Дарье 226 р.[ублей]. Послал [письмо] в М.[оскву] Роману.

³³ Цупер — сосед С. Ф. Лагно.

³⁴ Ткачук (Лагно) Мария Степановна (1949 г. р.) — дочь С. Ф. Лагно; живет в г. Львове.

29 пон	приїхав до Дарки	Стьоба ³⁵	[понедельник]	Приехал Степа к Дарье.
[Л. 2 об.]				
[август 1985]				
1.8. чет.	посадив квоку	може	[четверг]	Посадил насадку, может 2–3 [дня назад], забыл.
4. нед.			[воскресенье]	
9 пят.	получив пенсію.	куп.	[пятница]	Получил пенсию. Куп. [ил] <u>мр.</u> ³⁶ [за] 12 р.[ублей]
10. серп- ня ³⁷ суб.	приніс самця від Юстинки ³⁸		[суббота]	Принес самца [кролика] от Юстины.
11 нед.	їздив до Дарки в Тернопіль на новосілья		[воскресенье]	Ездил к Дарье в Тернополь на новоселье.
12 пон.	відніс самця назад до Юс.		[понедельник]	Отнес назад самца Юс.[тины]
13 вів	була Леся ³⁹ .	приніс молоко	[вторник]	Была Леся. Принес молоко.
14 сер			[среда]	
18 нед			[воскресенье]	
19 пон	помагав грузити солому Богачеву ⁴⁰		[понедельник]	Помогал грузить солому Богачу.
20 вів	Марійка Р. ⁴¹ поїхала до Москви на цвинтар дав 2 р.		[вторник]	Мария Р.[омана] поехала в Москву. На кладбище дал 2 р.[убля].
21 сер			[среда]	
[сентябрь 1985]				
1.9				
8 нед.	приїхав до Дарки	Стьоба	[воскресенье]	Приехал Степа к Дарье.

³⁵ Лагно Степан Степанович (1956 г. р.) — младший сын С. Ф. Лагно; живет в с. Плотыча.

³⁶ Сокращение расшифровать не удалось.

³⁷ Слово вписано сверху другими чернилами.

³⁸ Вся запись за 10 VIII (суббота) помещена перед записью за 09 VIII (пятница).

³⁹ Ричицька Леся Михайловна (1979 г. р.) — внучка С. Ф. Лагно.

⁴⁰ Богач Иван Андреевич (1921–1987) — сват С. Ф. Лагно.

⁴¹ Лагно (Богач) Мария Ивановна (1953 г. р.) — невестка С. Ф. Лагно.

9 пон.	латав мішки	[понедельник]	Латал мешки.
10 вів.	копав бараболі по обіді падав дощ	[вторник]	Копал картофель, после обеда шел дождь.
11 сер	копав бараболі ⁴² падав дощ	[среда]	Копал картофель ” шел дождь.
12 чет.	взяв пенсію 42 р. дав 9 р. 20 к. на журнал “Україна” ⁴³	[четверг]	Взял пенсию 42 р.[убля] Заплатил 9 р.[ублей] 20 к.[опеек] [за подписку] на журнал «Украина».
13 пят.		[пятница]	
14 суб.	копав бараболі в Слави, копало 4 особи	[суббота]	Копал картофель у Славы, копало 4 человека.
		[Л. 3]	
15 нед		[воскресенье]	
16 пон	свої бараболі копали: я, Стьопа, Василь ⁴⁴ , по обіді прийшла Дарка. Місько привіз, я всипав до льоху цет. 10.	[понедельник]	У меня картофель копали: я, Степа, Василий, после обеда пришла Дарья. Михаил привез, я засыпал в погреб 10 це[н]т[еров].
17 вів	Копали бараболі в Слави; я, Стьопа, Василь, Місько, і Слава	[вторник]	Копали картофель у Славы: я, Степа, Василий, Михаил и Слава.
18 сер	копав бараболі свої, по обіді помагав Стьопа	[среда]	Копал у себя картофель, после обеда помогал Степа.
19 чет	копав ” свої по обіді помагав Стьопа і Василь, скінчили	[четверг]	Копал у себя ”, после обеда помогал Степа и Василий, закончили.
20 пят		[пятница]	
21 суб	вибирав бараболі 16 сіток	[суббота]	Выбирал картофель, 16 сеток.

⁴² Здесь и далее значком ” автор дневника предположительно обозначал повтор из предыдущей строки (аналог широко распространенного в рукописях обозначения —”).

⁴³ *Україна* — популярный общественно-политический, литературный и художественный еженедельный журнал. Издавался в Киеве с мая 1941 г.

⁴⁴ Чупык Василий Степанович (1950–2008) — зять С. Ф. Лагно, муж его дочери Дарьи; жил в г. Тернополе.

22 нед		[воскресеньє]	
23 пон	Місько завіз на пло- доовоч на базу 4 цет. 15 кіл.	[понедельник]	Михаил отвез на пло- довоцную базу 4 це[н]т- [нера] 15 кіл.[ограмм].
24 вів	викопає яму на бара- болі	[вторник]	Выкопал яму для карто- феля.
25 сер	Сътепан поїхав на ро- боту	[среда]	Степан поехал на работу.
26 чет		[четверг]	
27 пят	взяв гроші за бараболі 87 руб.	[пятница]	Взял деньги за карто- фель 87 руб.[лей].
28 суб.		[суббота]	
29 нед.		[воскресеньє]	
30 пон.		[понедельник]	
[октябрь 1985]			
1.10	снилось мені що Ром- ко їздив машиною че- рез тунель по воді бр. возив на машині хрест чорний. потім машину поставив пішов когось зустрічати		Снилось мне, что Ро- ман ездил на машине че- рез туннель по гр[язной] воде, возил на машине черный крест. Потом по- ставил машину и пошел кого-то встречать.
„ „	Марія получила пенсії сто рб за чотири місяці		Мария получила пенсию 100 р[у]б[лей] за четыре месяца.
[Л. 3 об.]			
13 н.		[воскресеньє]	
14 п.		[понедельник]	
15 в.		[вторник]	
16 с.		[среда]	
17 ч.	В Слави обдирав куку- рузу	[четверг]	У Славы обдирав куку- рузу.
18 п.	” обдирав кукурузу	[пятница]	” обдирав кукурузу.
19 с.	в вечер покупався в Слави. приніс моло- ко. в Слави	[суббота]	Вечером у Славы помыл- ся. Принес молоко [от] Славы.
20 н.	в до обіда писав лист до Йосифа	[воскресеньє]	До обеда писал письмо Иосифу.

21 п.	заплатив за світло 11 руб 08 коп. післав лист до Йосифа	[понедельник]	Заплатил за свет 11 руб[лей] 08 коп.[еек]. Отправил письмо Йосифу.
22 в.	вибирав бараболі для Марії зі Львова.	[вторник]	Выбирал картофель для Марии из Львова.
23 с.	посадив чосник 20 головок, Василь мав приїхати по бараболі для Марії.	[среда]	Посадил чеснок, 20 головок. Василий должен был приехать за картофелем для Марии.
24 ч.	приніс молоко від Слави	[четверг]	Принес молоко от Славы.
25 п.		[пятница]	
26 с.		[суббота]	
27 н.	Писав лист до Ромка	[воскресенье]	Писал письмо Роману.
28 п.	післав лист до Ромка	[понедельник]	Отправил письмо Роману.
29 в.	Слава принесла електро плитку. дав Славі пенсію 30 рб. Отримав лист від Ромка, їшов 20 днів	[вторник]	Слава принесла электроплитку. Дал Славе пенсию 30 р[у]б[лей]. Получил письмо от Романа, шло 20 дней.
30 с.		[среда]	
31 ч.	в Богача орав город.	[четверг]	Пахал огород у Богача.
[ноябрь 1985]			
1.XI п.		[пятница]	
2. с.	післав лист до брата написав	[суббота]	Отправил написал письмо брату.
3. н.	приніс молоко від Слави. Павло забрав мо- локо бараболі ⁴⁵ для Марійки і для Дарки.	[воскресенье]	Принес молоко от Славы. Павел забрал моло- ко картофель для Марии и для Дарки.
4. п.		[понедельник]	
5. в.		[вторник]	
6. с.		[среда]	
		[Д. 4]	
7 ч.		[четверг]	

⁴⁵ Написано сверху над зачеркнутым словом.

8 ч. п.	приїхала з Львова Марійка і Степан	[пятниця]	Приехала из Львова Мария и Степан.
9 н. с.		[суббота]	
10 с. н.	Марійка і Степан поїхали	[воскресенье]	Мария и Степан уехали.
11 п.	приніс молоко від Слави	[понедельник]	Принес молоко от Славы.
12 в.	взяв гроші свої і Марійки 69 р. 74 к заніс до свахи шипшину 3 літри	[вторник]	Взял деньги свои и Марии 69 р.[ублей] 74 к[опейки]. Отнес свахе 3 литра шиповника.
13 с.	накрив кіпець, часник, і клематиси	[среда]	Накрыл бурт, чеснок и клематисы.
14 ч.	покупався помивсь купив макарон хліб, сир 97 к	[четверг]	Искупался, помылся, купил макароны, хлеб, сыр — 97 к[опеек].
15. п.	ходив до Слави за молоком дав їй 27 руб. пн... приніс сорочки Слава прала	[пятница]	Ходил к Славе за молоком, дал ей 27 руб.[лей] п[е]н[сии]... Принес рубашки, Слава стирала.
16. с.		[суббота]	
17 н	ходив до Мирона П. ⁴⁶	[воскресенье]	Ходил к Мирону П.[екару]
18 п.	зарізав два когути	[понедельник]	Зарезал двух петухов.
19 в.	ходив за хлібом	[вторник]	Ходил за хлебом.
20 с.	ходив до Богача приніс 1 л. молока	[среда]	Ходил к Богачу, принес 1 л.[итр] молока.
[декабрь 1985]			
8.XII неділя	приїхав Сьтьопа по обіді поїхав до Дарки	[воскресенье]	Приехал Степа после обеда, поехал к Дарье.
9 п.	ходив до Слави за молоком получив лист від брата	[понедельник]	Ходил к Славе за молоком, получил письмо от брата.
10 в	вибирав бараболі для Дарки	[вторник]	Выбирал картофель для Дарьи.

⁴⁶ Пекар Мирон — родственник по линии жены С. Ф. Лагно, жил в том же селе.

11 с	получив лист від Йосифа.	[среда]	Получил письмо от Иосифа.
12 ч	ходив за молоком до Слави	[четверг]	Ходил к Славе за молоком.
13 п.	взяв пенсію свою і Марійки 70 р.	[пятница]	Взял пенсию: свою и Марии — 70 р.[ублей].
14 с.	Василь взяв бараболі 11 ведер яблука. поз. 50 руб.	[суббота]	Василий взял картофеля — 11 ведер, яблоки. Од.[олжил] 50 руб.[лей].
15 н	ходив до Слави за молоком	[воскресенье]	Ходил к Славе за молоком.
[Л. 4 об.]			
22. н	ходив до Слави за молоком пропа.. ⁴⁷ кр. ⁴⁸	[воскресенье]	Ходил к Славе за молоком ⁴⁹ .
23. п.	писав лист до Йосифа	[понедельник]	Писал письмо Иосифу.
24. в.	заплатив за світло 4.88 К. надав лист до Иосифа	[вторник]	Заплатил за свет 4.88 к.[Ватт] Отправил письмо Иосифу.
25. с.	написав лист до Дніпропетровска сестрі	[среда]	Написал письмо сестре в Днепропетровск.
26. ч.	післав лист до сестри. Купив б. соку 3.10	[четверг]	Отправил письмо сестер. Купил б.[утыль] сока [за] 3. [рубля] 10 [копеек].
1986			
с. 1		[среда]	
ч. 2		[четверг]	
п. 3	Приїхав Ромко з москви	[пятница]	Приехал Роман из Москвы.
с. 4		[суббота]	
н. 5		[воскресенье]	
п. 6	На сьвятий вечер був в Богача	[понедельник]	В сочельник был у Богача.
		[вторник]	

⁴⁷ Неразборчиво.

⁴⁸ Сокращение расшифровать не удалось.

⁴⁹ Далее неразборчиво.

с. 8	був з Ромком в Слави. був Стьопа і Дарка.	[среда]	Был с Романом у Славы, был Степа и Дарья.
ч. 9	Ромко поїхав до Моск- ви сваха звих. руку.	[четверг]	Роман поехал в Москву, сваха выв.[ихнула] руку.
п. 10	получив пенсію свою і Марійки 70. р	[пятница]	Получил пенсию: свою и Марии — 70 р[ублей].
с. 11	купив бутел с. 310.	[суббота]	Купил бутылъ с.[ока] [за] 3 [рубля] 10 [копеек].
н. 12	ходив до Слави	[воскресенье]	Ходил к Славе.
п 13	ходив за хлібом день народження 1913. 13 січня	[понедельник]	Ходил за хлебом. День рождения: 1913, 13 ян- варя.

Лингвистическое описание дневника

В дневнике отмечаются следующие орфографические особенности, которые нехарактерны для современного украинского правописания. Прежде всего речь идет об обозначении мягкости предыдущего согласного при помощи мягкого знака (*ь*) в сочетании двух согласных. Больше всего примеров на написание мягкого знака после буквы *с* в начальных сочетаниях *ст-* и *св-*. После них следуют *во, і, я, ї* (отображение регрессивного смягчения согласных на письме). Приведем примеры: *Стьюпа; світло; святий; сьтіною*. Мягкий знак не пишется в двух случаях в имени *Стьюпа*, тогда как написание *Стьюпа* встречается гораздо чаще — шесть раз. По одному разу употреблены формы этого имени *Стьепан* и *Степан*. Возможно, в написании *Стьепан* действовала аналогия с вариантом *Стьюпа*. В других лексемах вариативности не обнаружено (употреблены они по одному разу).

Вариативность при использовании мягкого знака обнаруживается при написании удвоенных согласных у существительных среднего рода перед *-ье. В примере *народження* мягкий знак отсутствует, тогда как в лексеме *новосїлля* присутствует. Отображение на письме прогрессивного смягчения согласных находим только в двух лексемах, образованных от одного корня: *закіньчив; скіньчили*. Вместе с тем отсутствует написание мягкого знака в суффиксе *-ськ-*. В дневнике встречается всего один пример: *Дніпропетровска*. Данные

особенности соответствуют принципам системы орфографии Е. Желеховского⁵⁰.

Автор дневника использует часто в написании букву *ї*. В корнях слов: имен существительных и прилагательных: *сьїною, хлїв, хлївом, гнїздо, з сїна, цїлий, новосїлля, Днїпропетровска, сїток, недїля, вїв*. (сокращение от *вївторок*), *хлїб, за хлїбом (2)*⁵¹, *Марїя*; в корнях глаголов: *принїс (7), вїднїс, вилїз*, а также в заимствованном существительном: *З лїтрі*. Использование буквы *ї* во флексиях отмечено в следующих примерах: существительные ж. р. на -а/-я в им.-вин. п. мн. ч.: *бараболї*; существительные ж. р. на -а в род. п. ед. ч.: *до крилицї*; существительные ж. р. на -а в мест. п. ед. ч.: *по водї*; существительные м. р. на согласный в мест. п. ед. ч.: *на городї (2), по обїдї (8), в льосї*; существительные ср. р. в мест. п. ед. ч.: *в полї*; личное местоимение 1-го лица ед. ч. в дат.п.: *менї*. Кроме того, выявлены два примера написания *ї* в словообразовательном форманте личного имени: *Вїталїк; Вїталїком*.

Однако не везде наблюдается последовательность в написании *ї*. Так, отмечается вариативность в корне прилагательного: по одному разу употреблено *цїлий* и *цїлий*. В имени *Марїя* в им. п. находим написание *ї*, тогда как в род. п. пишется *Марїї*. В корне глагола один раз фиксируется отступление: *принїс*, тогда как альтернативный вариант с *ї* в корне преобладает: семь вариантов с *ї* (*принїс*) против одного с *і*. В некоторых корнях находим только написание с буквой *ї*: (*в*)*обрїзки, рїзав*. Не везде последовательно используется *ї* и во флексиях, в частности, у существительных ж. р. в мест. п. ед. ч.: *на машинї*, а также у существительных ср. р. в мест. п. ед. ч.: *в полї* (этот вариант употреблен два раза против одного написания *в полї*); у существительных ж. р. на -я в им.-вин. п. мн. ч.: *бараболї* отмечается 29 раз, тогда как *бараболї* встретилось только один раз. Название дня недели *вївторок* чаще пишется в сокращенном виде через *ї*, тогда как отмечен всего один пример с написанием *вїв*. В целом можно сказать, что в вариативных формах преобладает написание с *ї*. Ср. написание *ї* в орфографии Е. Желеховского⁵².

Апостроф в дневниковых записях С. Лагно не используется.

⁵⁰ Півторак 2000: 646.

⁵¹ В скобках после примера указано количество словоупотреблений.

⁵² Півторак 2000: 646.

В дневнике отражены следующие диалектные фонетические особенности украинского говора, родного для С. Ф. Лагно. Отверждение *p*: *де були бураки; 11 радків*. Твердый *p* характерен для севера Львовской области и большей части Тернопольской области (за исключением южных районов)⁵³, то есть для районов в окрестностях села Порубы, откуда родом Лагно, и для районов вокруг Тернополя, где он жил впоследствии. В дневнике встречается только два примера отверждения *p*, поэтому сделать подробные выводы частотности данного явления не представляется возможным.

Еще одной характерной диалектной чертой является наличие протетического *v* -: *рубав вобрізки*. Однако та же лексема фиксируется без протезы, например, в записи, датированной следующим днем: *довші обрізки зложив*. В-образные протезы перед гласным *o* характерны для центральной части Львовской области и центральной и южной частей Тернопольской области⁵⁴. При этом в некоторых населенных пунктах заметна конкуренция вариантов с протезой и без протезы. В идиолекте С. Лагно, как видно, эти варианты конкурируют. Однако в лексеме *орав* протезы не отмечается: *в Богача орав город*.

Из диалектных морфологических особенностей следует выделить распространение окончания *-ови/-еви* для существительных м. р. на согласный в дат. п. ед. ч.: *післав в м. Романови; помагав грузити солону Богачеви* (лит. укр *-ові/-еві*). Флексия *-ови* у существительных **o*-основ и **jo*-основ в дат. п. ед. ч. доминирует в украинских говорах на большей части территории Львовской и Тернопольской областей⁵⁵.

У существительного ср. р. *поле* в мест. п. ед. ч. наблюдается вариативность в окончаниях: в четырех случаях фиксируется флексия *-и*: *на городі в поли; потовк грудяки; сапав бараболі в поли (2); підготав в поли*. Два раза отмечен пример с окончанием *-е*: *підготав бараболі в поле*. В остальных трех примерах различие только в графике: два раза пишется *-і*: *сапав бар. в полі; збирав жуки в полі*; в одном примере — *ї*: *закінчив в полі сапати*. Таким образом, в шести случаях против трех в данной словоформе преобладает твердый исход основы (с написанием окончания *-и/-е*).

⁵³ АУМ: 115, 116 (для АУМ дано указание на номер карты).

⁵⁴ АУМ: 124.

⁵⁵ АУМ: 177; 178; 179.

После переходных глаголов одушевленные существительные мн. ч. употребляются в вин. п., по форме совпадающем с им. п.: *збирав жуки; зарівав два когуги*.

Из лексических особенностей следует отметить синонимию в глаголах: *получити/отримати*. Глагол *получити* употреблен пять раз в сочетаниях: *получив лист/пенс/цію*, и всего один раз встречается глагол *отримати*: *отримає лист*. В пяти случаях фиксируется глагол *післати* в сочетании: *післав лист* (ср. укр. лит. *послати*). Существительное *пенсія* функционирует в двух вариантах: *пенція* и *пенсія*; преобладает вариант с основой на -с (четыре случая против двух случаев с основой на -ц).

С.Ф. Лагно в дневнике использует фонетические и лексические диалектизмы: *бараболі/бараболі/бараболь* (ср. *бараболь*⁵⁶; *барбарол'и*⁵⁷; по данным АУМ⁵⁸, ареал распространения лексемы *бараболь* находится в основном в Тернопольской области); *накрив кіпець* (ср. *кіпець, кіпиць*⁵⁹); *розкинув кретовину* (ср. *кретовина*⁶⁰; у О. Горбач при лексеме *крет* дается отсылка к польскому *kret*⁶¹); *здав фляжки (флешка*⁶²; *фл'ашка*⁶³); *луцив фасолю (фасолі, фасуле*⁶⁴; *фасол'и*⁶⁵; *фасол'и*⁶⁶); на территории Галиции распространен вариант с начальным ф-⁶⁷); *посадив квочу; до старої крілиці* (ср. *крілице*⁶⁸); *два когуги (когугт*⁶⁹); *11 ведер яблука* (ср. укр. лит. *яблуко*).

В двух случаях отмечено написание *часник*, в одном примере — *чосник* (ср. *чосничине*⁷⁰). В дневнике находим форму *кукурузу*⁷¹ (ср. укр. лит. *кукурудза*).

⁵⁶ НРС: 47.

⁵⁷ Горбач 1971b: 149.

⁵⁸ АУМ: 323.

⁵⁹ НРС: 142.

⁶⁰ НРС: 153.

⁶¹ Горбач 1965: 55.

⁶² НРС: 262.

⁶³ Горбач 1971b: 188.

⁶⁴ НРС: 261, 262.

⁶⁵ Горбач 1971b: 187.

⁶⁶ Горбач 1965: 90.

⁶⁷ АУМ: 84.

⁶⁸ НРС: 153.

⁶⁹ Горбач 1971b: 165; АУМ: 331.

⁷⁰ НРС: 275.

⁷¹ АУМ: 327.

В лексеме *цетнери* происходит упрощение групп согласных *нтн* в *нт*.

В конструкции «идти за чем-то» отмечено использование предлогов *за* и *по*: *ходив до Слави за молоком; ходив за хлібом; ходив на пошту по гроші; Василь мав приїхати по бараболі для Марії* (по данным АУМ, на территории Галиции во многих случаях отмечается параллельное употребление предлогов *по* и *за*)⁷².

Предлог *з* в значении «из» перед словоформой *Львова* имеет два варианта: *зі*, *з* (*вибирав бараболі для Марії зі Львова; приїхала з Львова Марійка і Степан*).

Форма дат. п. личного местоимения *вона* — *єї*: *ходив до Слави за молоком дав єї 27 руб.*

Возвратная частица у глаголов в трех примерах пишется в постпозиции и имеет форму *-ся*, *-сь*: *покутався* (2); *помивсь*.

Следует обратить внимание также на особенности синтаксиса. Всего в дневнике 198 предложений. В основном речь идет о простых предложениях. Примеры сложноподчиненных предложений: *снилось мені що Ромко їздив машиною через тунель по воді бр.; садив бараболі де були бураки*. В 135 предложениях (68,18%) глагол употреблен в форме м. р. в первом лице ед. ч. прошедшего времени (из них в четырех случаях невозможно точно определить, идет ли речь о первом или о третьем лице), например: *сапав бараболі в поли* (что вполне понятно и объясняется жанром дневниковых записей, когда автор рассказывает о событиях, которые с ним произошли). В 120 примерах (88,88% от всех форм глагола в первом лице) глагол занимает начальную позицию в предложении. В четырех примерах (2,96%) глагольной форме предшествует личное местоимение первого лица ед. ч.: *я перебирав бараболі*. Личное местоимение употреблено тогда, когда автор противопоставляет свои действия действиям других лиц либо когда речь идет о совместном действии: *я з Віталіком перекидав патики*. В 11 (8,15%) примерах глагольная форма первого лица занимает ненадлежащее положение. Происходит это в основном перед предложными конструкциями: *на городі в поли, потовк грудяки*. В 52 предложениях используется глагольная форма в третьем лице ед. или мн. ч. прошедшего времени, действие в этом случае совершают другие лица, либо речь идет о безличном предложении. Здесь разграничение по позиции

⁷² АУМ: 265.

в предложении не такое однозначное, как в первой группе. Только 24 (46,15%) глагольные формы занимают первое место, тогда как в 28 случаях (53,85%) глагол располагается в неначальной позиции⁷³.

В дневнике встречается неаппелятивная лексика — топонимы: *до Чистилова, в Тернопіль, до Тернополя, зі/з Львова, до/з Москви, до Дніпропетровска*. Отмечено название журнала: *журнал «Україна»*. Зафиксированы личные имена: *Віталік, з Віталіком, Місько, в/до/від Слави, Слава, до Йосифа, Дарка, до Дарки, Дарці, до/від Романа, Романови, Ромко, з Ромком, до Ромка, Тарас, Стьопа, С(ь)тепан, від Юстинки, Леся, Марійка, для Марійки, Василь, Марія, для Марії, до Мирона*; фамилии: *Богачеви, до/в Богача, Цутера*.

Заклучение

В научный оборот впервые вводится дневник жителя Западной Украины С. Ф. Лагно, созданный в середине 1980-х годов. Документ интересен языковыми особенностями, которые отражают диалектные черты украинской речи автора в фонетике (например, отверждение *p* перед гласными, в-образные протезы), лексике (например, *бараболя, когут*), морфологии (окончание *-ови/-еви* у сущ. м. р. на согласный в дат.п. ед. ч.), а также орфографическую норму, которая была распространена в Галиции (например, употребление буквы *ї*). Кроме того, в дневнике содержится важная информация об экономических (например, указаны цены на товары), бытовых и сельскохозяйственных аспектах жизни западноукраинского села периода «развитого социализма». Созданный как факт внутрисемейной истории, рассматриваемый эго-документ при публикации приобретает более широкое значение, позволяет выйти за рамки частной истории и услышать голос простого человека той эпохи.

Список сокращений

АУМ — Атлас української мови

НРС — Наддністрянський регіональний словник

CAS — Centrum Archiwistyki Społecznej, Warszawa

⁷³ С другой стороны, в дневнике крестьянина из заонежской деревни Красная Сельга П. Т. Ананьина (Ефимова, Михайлова 2013: 180) наблюдается другая ситуация: предложений с начальным глаголом меньше, чем с существительным (199 против 606).

23. нед.	Виталик поїхав до Тернополя до Дарки, я купив до Льави.
24. нед.	перетянув патикки, перебривав; поблиз турки 5 та чок.
25. нед.	рубал рубал, водризки, котри каромі
26. нед.	давни обризки злого-наб-тиг хейвти
27. нед.	підготував барабани вчале було мако
28. нед.	підготував нам вечерю и падав дощ.
29. нед.	підготував нам, злотив рубати патикки
30. нед.	приїхав Тарас і Виталик до Клотки і
1. сеп.	рубал сіячки, носив кору до шоти. Дарна обрала ^{Дарна обрала}
2. сеп.	милізили курчати 5 штук, ризав патикки рубал гильки
3. сеп.	ризал дерева, налов часник
4. сеп.	
5. сеп.	ципер роз, 15 руб. міско задрал: баробай
6. сеп.	в купив кору до шоти приїхали Дарна ^{здарав турки 16-раї по горю}
7. сеп.	10 сеп. ципер віддав 15 руб. ^{здарав турки 15 руб.} купив децо 5 руб
19. сеп.	пипутив лист від Ринана
20. сеп.	приїхала Марійка зі Львова, купила мені футболку.
21. нед.	Виталик поїхав до дому
22. нед.	приїхав маляко від Льави
23. нед.	ходив на пошту по гроші
28. нед.	їдав Дарни 226 руб, писав в м. Ринкові
29. нед.	приїхав Вітосна до Дарки

Рис. 1. Лагно С. Ф. Щоденник. А. 2

Литература

- АУМ 1988 — [Бандрівський Д.Г., Григорчук Л.М., Жилко Ф.Т. и др.] Атлас української мови / ред. тому Я. В. Закревська. Київ: Наукова думка, 1988. Т. II. Волинь, Наддністрянщина, Закарпаття і суміжні землі. 520 с.
- Боднарчук 2012 — Боднарчук Ю.Ю. Шлях розпачу і надії. Соціально-економічні умови депортації та розселення на Тернопільщині українців із Польщі. Тернопіль: ВПЦ «Економічна думка ТНЕУ», 2012. 332 с.
- Бураков 2015 — Бураков Ю.В. Листи учасників Сталінградської битви як історичне джерело // Військово-науковий вісник. 2015. Вип. 23. С. 33–44.
- Гирининкайте 2020 — Гирининкайте В. Языковые особенности Дневника Витольда Цивиньского // Acta Baltico-Slavica. 2020. Т. 44. С. 104–123.
- Горбач 1965 — Горбач О. Північно-наддністрянська говірка й діалектний словник с. Романів Львівської області // Відбитки з «Наукових Записок» Українського Технічно-Господарського Інституту в Мюнхені. Мюнхен: Український технічно-господарський інститут, 1965. Т. VIII (X). С. 1–103.
- Горбач 1971a — Горбач О. Говірки й словник діалектної лексики Теробовельщини // Відбитки з «Наукових Записок» Українського Технічно-Господарського Інституту. Мюнхен: Український технічно-господарський інститут, 1971. Т. XIX. С. 147–182.
- Горбач 1971b — Горбач О. Говірки й словник діалектної лексики Теробовельщини // Відбитки з «Наукових Записок» Українського Технічно-Господарського Інституту. Мюнхен: Український технічно-господарський інститут, 1971. Т. XX. С. 148–194.
- Ефимова, Михайлова 2013 — Ефимова К.А., Михайлова Л.П. Заонежский говор периода коллективизации (по данным дневника П.Т. Ананьина) // Кижский вестник. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. Вып. 14. С. 163–185.
- Иванцова 2002 — Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Томского университета, 2002. 395 с.
- Козлова, Сандомирская 1997 — Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. «Наивное письмо» и производители нормы // Коллаж. 1997. Вып. 1. С. 7–32.
- Конёр, Макарова, Соболев 2019 — Конёр Д.В., Макарова А.Л., Соболев А.Н. Статистический метод языкового профилирования носителя диалекта (на материале восточносербского идиома села Берчиновац) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. №58. С. 17–33.
- Костяшов 2012 — Костяшов Ю.В. Переселенческие колхозы в 1946–1953 годах: картины сельской жизни // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 6. С. 130–143.

- Лагно 2020 — *Лагно А. Р.* Кто, что, кому и на каком языке говорил? Польско-украинское пограничье в 40-е годы XX в.: из истории одной семьи // Центральноевропейские исследования. 2019. / гл. ред. О. В. Хаванова. СПб.; М.: Нестор-История, 2020. Вып. 2 (11). С. 228–249. DOI: 10.31168/2619-0877.2019.2.10.
- Лютикова 2000 — *Лютикова В. Д.* Языковая личность: идиолект и диалект: дисс. ... доктора филологических наук. Екатеринбург, 2000. 316 с. (рукопись).
- Минаева 2003 — *Минаева А. П.* «Наивная литература»: творчество и стереотипы // Традиционная культура. 2003. Т. 4. № 2(10). С. 68–74.
- Неклюдов (сост.) 2001 — «Наивная литература»: исследования и тексты / сост. С. Ю. Неклюдов. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. 246 с.
- НРС — *Шило Г.* Надністрянський регіональний словник. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України; Нью-Йорк, 2008. 287 с.
- Остапчук 2003 — *Остапчук О. А.* Мова «Українок» Тимка Падури: соціолінгвістичний контекст та діалектна база // Діалектологічні студії 3. Збірник пам'яті Ярослави Закревської. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2003. С. 47–69.
- Півторак 2000 — *Півторак Г.* Желехівка // Українська мова: енциклопедія / ред. В. М. Русанівський та ін. Київ: Українська енциклопедія, 2000. С. 646.
- Пигин 2017 — *Пигин А. В.* Крестьянские дневники XIX–XX вв. как источники по изучению народной культуры (дневник Г. Я. Ситникова) // Кижский вестник. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2017. Вып. 17. С. 278–285.
- Сергійчук 1997 — *Сергійчук В.* Трагедія українців Польщі. Тернопіль: Книжково-журнальне видавництво «Тернопіль», 1997. 440 с.
- Шлюмбом, Кром, Зоколл 2003 — *Шлюмбом Ю., Кром М., Зоколл Т.* Микроистория: большие вопросы в малом масштабе // Прошлое — крупным планом: Современные исследования по микроистории. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2003. С. 7–26.
- Нрыциук 2005 — *Нрыциук G.* Przemiany narodowościowe i ludnościowe w Galicji Wschodniej i na Wołyniu w latach 1931–1948. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2005. 424 s.
- Mazur 2001 — *Mazur G.* Problemy przesiedlenia Polaków z Ukrainy i Ukraińców z Polski 1945–1946 // Polska–Ukraina trudne pytania. Warszawa: Światowy Związek Żołnierzy Armii Krajowej etc., 2001. Т. 8. S. 15–57.
- Pisuliński 2007 — *Pisuliński J.* Rozsiedlenie i pierwsze lata życia Ukraińców przesiedlonych z Polski do USRR // Nowa Ukraina. Zeszyty historyczno-politologiczne. 2007. № 1–2. S. 51–70.
- Pisuliński 2017 — *Pisuliński J.* Przesiedlenia ludności ukraińskiej z Polski do USRR w latach 1944–1947. Wyd. 2., popr. Rzeszów: Libra PL, 2017. 589 s.

Sienkiewicz, Hryciuk (red.) 2008 – Wysiedlenia, wypędzenia i ucieczki 1930–1959. Atlas ziem Polski / red. W. Sienkiewicz, G. Hryciuk. Warszawa: Demart, 2008. 240 s.

References

- [Bandrivs'kii, D. G., Grigorchuk, L. M., Zhilko, F. T. et al.], 1988, *Atlas ukraïns'koï movi, II. Volin', Naddnistrianshchina, Zakarpattia i sumizhni zemli* [Atlas of the Ukrainian language. Volhynia, Naddnistrianshchina, Zakarpattia and nearby lands], Kïiv: Naukova dumka, 520 p. (in Ukr.)
- Bodnarchuk, Iu.Iu., 2012. *Shliakh rozpachu i nadïi. Sotsiŕl'no-ekonomichni umovi deportatsïi ta rozselennia na Ternopil'shchini ukraïntsiu iz Pol'shchi* [The path of desperation and hope. Socio-economic conditions of deportation and resettlement of Ukrainians from Poland in the Ternopil region]. Ternopil: VPTs "Ekonomichna dumka TNEU", 332 p. (in Ukr.)
- Burakov, Iu.V., 2015. Listi uchastnykiv Stalingrads'koï bitvi iak istorichne dzhere-lo [Letters of participants of the Battle of Stalingrad as a historical source]. *Viis'kovo-naukovii visnik*, 23, pp. 33–44. (in Ukr.)
- Efimova, K. A., Mikhailova, L. P., 2013. Zaonezhskii govori perioda kollektivizatsïi (po dannym dnevnika P. T. Anan'ina) [Zaonezhsky dialect of the period of Collectivisation (according to the diary of P. T. Anan'ina)]. In: *Kizhskii vestnik*, 14. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, pp. 163–185. (in Rus.)
- Girininkaite, V., 2020. Iazykovye osobennosti Dnevnika Vitol'da Tsvin'skogo [Language features of the Diary of Witold Tsvinsky]. *Acta Baltico-Slavica*, 44, pp. 104–123. (in Rus.)
- Gorbach, O., 1965. Pivnichno-naddnistrians'ka govorka i dialektanii slovník s. Romaniv L'vivs'koï oblasti [North Naddniestrian dialect and dialect dictionary of Romanov village, Lviv region]. In: *Vidbitki z "Naukovikh Zapisok" Ukraïns'kogo Tekhnichno-Gospodars'kogo Institutu v Miunkheni*, VIII (X). München: Ukraïns'kii tekhnichno-gospodars'kii institut, pp. 1–103. (in Ukr.)
- Gorbach, O., 1971a. Govirki i slovník dialektnoi leksiki Terebovel'shchini [Dialects and dictionary of active vocabulary of Terebovelshchyna]. In: *Vidbitki z "Naukovikh Zapisok" Ukraïns'kogo Tekhnichno-Gospodars'kogo Institutu v Miunkheni*, XIX. München: Ukraïns'kii tekhnichno-gospodars'kii institut, pp. 147–182. (in Ukr.)
- Gorbach, O., 1971b. Govirki i slovník dialektnoi leksiki Terebovel'shchini [Dialects and dictionary of active vocabulary of Terebovelshchyna]. In: *Vidbitki z "Naukovikh Zapisok" Ukraïns'kogo Tekhnichno-Gospodars'kogo Institutu v Miunkheni*, XX. München: Ukraïns'kii tekhnichno-gospodars'kii institut, pp. 148–194. (in Ukr.)
- Hryciuk, G., 2005. *Przemiany narodowościowe i ludnościowe w Galicji Wschodniej i na Wołyniu w latach 1931–1948*. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 424 p.

- Ivantsova, E. V., 2002. *Fenomen dialektnoi iazykovoi lichnosti* [The phenomenon of dialect language personality]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 395 p. (in Rus.)
- Konër, D. V., Makarova, A. L., Sobolev, A. N., 2019. Statisticheskiy metod iazykovogo profilirovaniia nositelia dialekta (na materiale vostochnoserbskogo idioma sela Berchinovats) [Statistical method of language profiling of the native speaker of the dialect (based on the material of the East Serbian idiom of the village of Berchinovac)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 58, pp. 17–33. (in Rus.)
- Kostiashov, Iu. V., 2012. Pereselencheskie kolkhozy v 1946–1953 godakh: kartiny sel'skoi zhizni [Resettlement collective farms in 1946–1953: pictures of rural life]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, 6, pp. 130–143. (in Rus.)
- Kozlova, N. N., Sandomirskaya, I. I., 1997. “Naivnoe pis'mo” i proizvoditeli normy [“Naïve writing” and the producers of the norm]. *Kollazh*, 1, pp. 7–32. (in Rus.)
- Lagno, A. R., 2020. Kto, chto, komu i na kakom iazyke govoril? Pol'sko-ukrainskoe pogranich'e v 40-e gody XX v.: iz istorii odnoi sem'i [Who, what, to whom and on what language speaks? Polish-Ukrainian borderland in the 1940s: from the history of a family]. *Tsentral'noevropeiskie issledovaniia*, 2019, 2(11), pp. 228–249. doi: 10.31168/2619-0877.2019.2.10 (in Rus.)
- Liutikova, V. D., 2000. Iazykovaia lichnost': idiolekt i dialekt [Language personality: idiolect and dialect]: diss. ... doktora filologicheskikh nauk. Ekaterinburg, 316 p. (manuscript) (in Rus.)
- Mazur, G., 2001. Problemy przesiedlenia Polaków z Ukrainy i Ukraïńców z Polski 1945–1946. In: *Polska–Ukraina trudne pytania*, 8. Warszawa: Światowy Związek Żołnierzy Armii Krajowej etc., pp. 15–57.
- Minaeva, A. P., 2003. “Naivnaia literatura”: tvorchestvo i stereotypy [“Naïve literature”: creativity and stereotypes]. *Traditsionnaia kul'tura*, 4, 2(10), pp. 68–74. (in Rus.)
- Nekliudov, S. Iu., composer, 2001. “Naivnaia literatura”: issledovaniia i teksty [“Naïve literature”: research and texts]. Moscow: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond, 246 p. (in Rus.)
- Ostapchuk, O. A., 2003. Mova “Ukraïnok” Timka Paduri: sotsiolingvisticnii kontekst ta dialektna baza [The language of Timko Padura's “Ukrainky”: sociolinguistic context and dialect base]. In: *Dialektologichni studii*, 3. *Zbirnik pam'iaty Iaroslavi Zakrevs'koi*. L'viv: Institut ukrainoznavstva im. I. Kryp'iakevicha NAN Ukraïni, pp. 47–69. (in Ukr.)
- Pigin, A. V., 2017. Krest'ianskie dnevniky 19–20 vv. kak istochniki po izucheniiu narodnoi kul'tury (dnevnik G. Ia. Sitnikova) [Peasant diaries of the nineteenth and twentieth centuries as sources for the study of folk culture (the diary of G. Ia. Sitnikov)]. In: *Kizhskii vestnik*, 17. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, pp. 278–285. (in Rus.)

- Pisuliński, J., 2007. Rozsiedlenie i pierwsze lata życia Ukraińców przesiedlonych z Polski do USRR. *Nowa Ukraina. Zeszyty historyczno-politologiczne*, 1–2, pp. 51–70.
- Pisuliński, J., 2017. *Przesiedlenia ludności ukraińskiej z Polski do USRR w latach 1944–1947*. 2nd edition. Rzeszów: Libra PL, 589 p.
- Pivtorak, G., 2000. Zhelekhivka. In: Rusaniv's'kii, V. M., et al, ed. *Ukraïns'ka mova: entsiklopediia*. Kyiv: Ukraïns'ka entsiklopediia, p. 646. (in Ukr.)
- Sergijchuk, V., 1997. *Tragedija Ukraïnciv Pol'shhi* [Tragedy of Polish Ukrainians]. Ternopil': Knizhkovozhurnal'ne vidavnictvo "Ternopil'", 440 p. (in Ukr.)
- Shilo, G., 2008. *Naddnistriians'kii reional'nyi slovník* [Naddnestrrian regional dictionary]. L'viv: Institut Ukraïnoznavstva im. I. Kryp'iakevicha NAN Ukraïni; New York, 287 p. (in Ukr.)
- Shliumbom, Iu., Krom, M., Zokoll, T., 2003. Mikroistoriia: bol'shie voprosy v malom masshtabe [Microhistory: Big questions on a small scale]. In: *Proshloe — krupnym planom: Sovremennye issledovaniia po mikroistorii*. Saint Petersburg: Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge; Aleteiia, pp. 7–26. (in Rus.)
- Sienkiewicz, W., Hryciuk, G., eds, 2008. *Wysiedlenia, wypędzenia i ucieczki 1930–1959. Atlas ziem Polski*. Warszawa: Demart, 2008, 240 p.

Anna R. Lagno

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Science, Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt 32A. E-mail: LagnoAnna@gmail.com

Gleb P. Pilipenko

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Science, Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt 32A. E-mail: glebpilipenko@mail.ru

The Diary of Galicia-Dweller Stepan F. Lagno as an Object of Historical and Linguistic Analysis

Ego-documents (such as diaries, private correspondence, postcards, and photos) created by ordinary people attract a high amount of researchers' attention. Ego-documents, especially those that have arisen in linguistic and cultural borderlands, provide information for studying the dialect and contactological features of idiomatic, ethnographic and, more broadly, anthropological phenomena, as well as valuable data on the history of the region. This paper presents the diary of Stepan F. Lagno, a dweller of the Ternopil region of Ukraine, which was written in 1985–1986 in the Ukrainian language, so the text is published with a translation into Russian along with comments. The paper contains a description of the historical source, a brief biographical note about the author, and a linguistic description of the diary's dialect features (dialects in the territory of Galicia). The published diary is a unique example of naïve literature in Slavic studies. The document contains daily records concerning the economic and household activities of a western Ukrainian peasant that will be interesting for ethnologists, anthropologists, and historians.

Keywords: Polish-Ukrainian borderland, Galicia, Western Ukraine, Ternopol oblast, Lviv oblast, Ukrainian Soviet Socialist Republic, Ukrainian language, dialect, naïve literature, peasants

How to quote: Lagno, A.R., Pilipenko, G.P., 2021. Dnevnik zhitelia Galitsii Stepana Fedorovicha Lagno kak ob'ekt istoriko-lingvisticheskogo analiza. *Tsentral'noevropeiskie issledovania*, 2021, 4(13), pp. 359–387. doi: 10.31168/2619-0877.2021.4.14.

В ПАМЯТЬ О КОЛЛЕГЕ

Петер Ханак

Историко-культурное значение венской и будапештской оперетты

Статья посвящена истории зарождения и восхождения к пику популярности жанра оперетты в Австро-Венгерской монархии. Опровергается широко распространенное в первой половине XX в. мнение, что в отличие от французской или английской оперетты с их ярко выраженной политико-сатирической направленностью, незамысловатые и легкомысленные либретто оперетт, ставившихся на театральных подмостках Вены и Будапешта, были демонстративно аполитичны. Последовательно рассматриваются сюжеты четырех оперетт — «Летучая мышь» и «Цыганский барон» (И. Штраус), «Веселая вдова» (Ф. Легар) и «Княгиня чардаша» (И. Кальмана), а также вызванные ими отклики в прессе. В них создавалась иллюзия легкости преодоления социальных границ: каскад искрометных, запоминающихся мелодий, заимствованных у разных народов полиэтничной монархии, соединял на сцене вальс, чардаш, польку, мазурку, цыганские напевы, отодвигая на второй план межнациональные противоречия. Слащавые любовные истории со счастливым концом помогали забыть о том, что Европа объята пожаром Первой мировой войны. Жанр оперетты стал частью массовой культуры, и, даже если ее художественный уровень и ценность сильно разнились от произведения к произведению, она предложила новый общий культурный метаязык и не отрезала широким народным массам путь к высокой музыкальной культуре, а скорее спрямила его.

Петер Ханак (1921–1997) — ведущий венгерский историк второй половины XX в., автор обобщающих трудов, монографий и статей по истории Австро-Венгерской монархии, процесса образования наций и межнациональных отношений, культуры рубежа XIX–XX вв. Статья публикуется с разрешения наследника автора, д-ра Андраша Ханака, и правообладателя журнала *Budapesti Negyed*, где статья впервые была опубликована, Архива города Будапешта, см.: *Hanák P. A bécsi és a budapesti operett kultúrtörténeti helye // Budapesti Negyed. 1997. 16–17. évf. 2–3. sz. URL: <http://epa.oszk.hu/00000/00003/00014/hanak.htm> (дата обращения: 20.07.2021). Статья была опубликована в переводе на английский язык, см.: *Hanák P. The cultural role of the Vienna-Budapest operetta // Hanák P. The garden and the workshop. Essays on the cultural history of Vienna and Budapest Princeton; New York: Princeton University Press, 1998. P. 135–146. Переводчик выражает благодарность к. и. н. Н. А. Кручининной за консультации по истории оперетты (прим. перев.).**

Ключевые слова: культурное пространство Австро-Венгрии, социальная функция оперетты, «Летучая мышь», «Цыганский барон», «Веселая вдова», «Княгиня чардаша», Иоганн Штраус, Франц Легар, Имре Кальман

Цитирование: Ханак П. Историко-культурное значение венской и будапештской оперетты // Центральноевропейские исследования. 2021. Вып. 4(13) / гл. ред. О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 391–415. DOI: 10.31168/2619-0877.2021.4.15.

Я знаю, что полстраницы партитуры Листа стоит больше, чем все мои оперетты, которые я написал и еще напишу. Но я знаю, что эти полстраницы адресованы высокообразованным кругам, следовательно, лишь малой части театральной публики. Рядом с великими музыкантами находятся те, кто <...> не стесняется сочинять легкие, веселые, искрометные, элегантные и мелодичные музыкальные комедии¹.

Имре Кальман (1913)

Оперетта — благодатная тема для историка культуры, даже если работающие в этой области ученые, попав под обаяние культуры «высокой», в большинстве относятся к предмету пренебрежительно, в лучшем случае встречают высокомерными улыбками «конфуз» того или иного коллеги, взявшегося за изучение оперетты². И то правда: музыкальный продукт индустрии развлечений, как правило, незатейлив и прост. Между тем, при всей примитивности и легкости, оперетта всегда пользовалась популярностью, особенно в Центральной Европе, в Австро-Венгерской монархии, и не только у музыкально необразованной широкой публики, но и в кругах крупной буржуазии, интеллигенции, даже у музыкантов, художников и писателей. Оперетта не знает региональных и государственных границ, переступает через социальные барьеры, проникает во все политические круги: она воистину соединяет людей и целые народы. Вопрос о ее непреходящем успехе и массовом характере — не только благодатная, но и занимательная тема для историка культуры³. В поисках ответа

¹ Brusatti, Deutschmann (Hrsg.) 1984: 51.

² Batta 1992: 7.

³ Неслучайно, что автор монографии об оперетте Б. Грун отнес ее к «истории культуры», см.: Grun 1961. Ср.: Dahlhaus 1980; Hadamowsky, Otte, 1947.

на него нелишним будет обратиться к краткой истории возникновения оперетты.

В числе «предков» оперетты есть насчитывающие не одно столетие, вполне благородные жанры, такие как опера-буффа и ее позднейшие простонародные варианты — зингшпиль⁴ и фольксшпюк⁵. На ее генеалогическом древе сияют имена Джованни Баттисты Перголези (1710–1736), Вольфганга Амадея Моцарта (1756–1791), Гаэтано Доницетти (1797–1848) и менее известных Иоганна Баптиста Шенка (1753–1836), Карла Диттеса фон Диттесдорфа (1739–1799), а также Джона Гея (1685–1732) и Иоганна Кристофа Пепуша (1667–1752) — авторов «Оперы нищего»⁶. Музыкальные зрелища — в форме коротких опер или завоевавшего популярность у буржуазии зингшпиля — были предысторией. Оперетта как современный жанр, как провозвестник триумфа буржуазии, родилась в 1850-е годы в Париже. Специалисты и широкая публика едины во мнении, что ее отцом был Жак Оффенбах (1819–1880)⁷.

Мнение в самом деле единодушное, чего не скажешь о его обосновании. Ряд авторов ведет речь об иронии как в выборе тем, так и в мелодике созданного Оффенбахом жанра, о социальной критике и насмешках над политической системой бонапартизма. По их мнению, роль оперетты заключалась в том, чтобы «отразить эпоху в кривом зеркале»⁸. Несомненно, что ирония, которой блещут великие оперетты «Орфей», «Елена Прекрасная», «Герцогиня Герольштейнская», была обращена против позорного подражания Наполеону, безродного императорского двора и крупной буржуазии, но побудительные мотивы и функция оперетты имеют более глубокий исторический смысл: порожденная буржуазией либеральная интеллигенция, смеясь, прощалась с героическим культом, эпопеями и великими операми национальной романтики, костюмными драмами на сюжеты, позаимствованные у античной или средневековой истории. В Италии, Германии, Центральной и Восточной Европе все еще царил

⁴ *Зингшпиль* (нем. *Singspiel*) — музыкально-драматический жанр, распространенный в Германии во второй половине XVIII — начале XIX в.: пьеса с музыкальными номерами комического содержания (*прим. перев.*).

⁵ *Фольксшпюк* (нем. *Volksstück*) — жанр немецкой драматургии, гротескно-комические пьесы из народной жизни (*прим. перев.*).

⁶ Grun 1961: 75–80.

⁷ Grun 1961: 105–106, 115; Batta 1992: 58–60; Brusatti, Deutschmann (Hrsg.) 1984: 31; Bekker 1909.

⁸ Batta 1992: 59.

и процветала романтическая опера, когда Париж уже высмеивал ложных богов и жрецов, поклонявшихся бирже.

Парижская, английская, затем и венская оперетта были обязаны успехом трем особенностям. Во-первых, свежей, одухотворенно-мелодичной музыке, которая вобрала в себя сольные арии, дуэты, квартеты и хор классической оперы, но была не только начисто лишена ее возвышенного пафоса, неестественной драматизации, но даже глумилась над ними. Популярности оперетте добавляли танцевальная музыка и фольклорные мотивы. Во-вторых, широкая зрительская аудитория затаив дыхание следила за круто закрученным сюжетом, который, словно народная сказка, исполнял мечты и более или менее соответствовал представлениям масс о справедливости. Третьим достоинством оперетты, способствовавшим росту ее популярности, была зрелищность, великолепные декорации, поражавшие воображение костюмы и зажигательные танцы.

Помимо собственно художественной ценности у появления оперетты и ее победного шествия по миру было одно неперемное внешнее условие: *мегаполис*. Каждый театральный жанр связан с окружающим пространством, диктуемым эпохой и обществом: античным полисом, ренессансным и барочным государевым двором, камерным залом. Большой город XIX в. тоже нашел для своих развлекательных жанров самые подходящие места: большой каменный театр, здание оперы, концертный зал и спортивный стадион.

Опера второй половины XIX в. все решительнее рвала с песенной мелодикой бельканто. Круг ее почитателей сузился до подлинных меломанов, способных ориентироваться в элитарной империи вагнеровской и поствагнеровской интеллектуальной музыки. Если оперы конца столетия — поздний Джузеппе Верди (1813–1901) и большинство произведений Джакомо Пуччини (1858–1924) — с их сложным музыкальным языком отделили художественно образованную элиту от широких масс, то оперетта как синтетическое искусство, удовлетворяющее вкусам массовой культуры большого города, превратилась в *гезамткунстверк*⁹ и объединила в некоей общей культуре весь социум большого города, от высших слоев до жаждущих приобщения к искусству рабочих.

⁹ *Гезамткунстверк* (нем. *Gesamtkunstwerk*) — концепция «единения искусств», основанная на идее художественного преобразования действительности методом взаимодействия элементов разных видов и жанров искусства в одном произведении (*прим. перев.*).

Новый музыкальный жанр

В Вене новый музыкальный жанр был встречен благосклонно: историческая ситуация и традиция, одним словом *гений места*, как нельзя лучше соответствовали оперетте¹⁰. Многонациональному венскому обществу, императорско-королевскому двору и аристократии всегда был свойственен космополитизм, буржуазия же была политически лояльной, восхищалась миром магнатов и педантизмом имперской бюрократии, подражала им, но и посмеивалась над ними. В середине XIX в. наступило примирение двух городских художественных традиций — барокко и бидермайера. Оперетта же соединила в себе благочестие и чувствительность, лояльность и иронию, зрелищность и юмор, музыку и танцы¹¹.

У жанра оперетты были здесь глубокие корни. Ее предшественницей считается старовенская (*Alt-Wiener*) народная комедия с ее танцевально-песенными произведениями, в которых нашлось место и для вальса, выросшего из австро-немецкого лендлера, и для чешско-польской польки, мазурки, венгерского чардаша. Этот жанр, известный как зингшпиль, в первую очередь под влиянием парижской оперетты получил во второй половине XIX в. новое имя и содержательное наполнение¹². Об этом свидетельствовал быстрый и бурный успех Оффенбаха и Флоримона Эрве (1825–1892), их адаптация в сочинениях Франца фон Зуппе (1819–1895), Кара Миллёкера (1842–1899) и, в первую очередь, Иоганна Штрауса (1825–1899). Впрочем, венская оперетта во многом отличалась от парижской: не была столь безжалостно ироничной, в музыке звучали не сатирические мотивы, а скорее сладко-мечтательная певучесть, и в танце царил не канкан, а вальс. Таковы были вкусы и запросы венской публики, и им максимально соответствовали «Прекрасная Галатеея» и «Боккаччо» фон Зуппе и «Летучая мышь» Штрауса.

Указание на различия между парижской и венской опереттой отнюдь не должно сопровождаться смелыми выводами социально-политического толка. Было бы ошибкой утверждать, что в парижской оперетте якобы выразилась боевая политическая оппозиционность,

¹⁰ Lichtfuss 1989: 18; Batta 1992: 61–62.

¹¹ Csáky 1995: 40, 46–48, 50–53.

¹² Brusatti, Deutschmann (Hrsg.) 1984: 25–26.

в то время как в венской и опосредованно в будапештской — политический конформизм и дух верноподданничества. Это расхожее мнение сформулировал знаменитый в свое время писатель и критик Карл Краус (1874–1936), который громил не только оперетту как декадентский продукт распада, но и всю культуру венского модерна, группу писателей «Молодая Вена» (*Junges Wien*), «испорченную литературу», стиль Сецессион, потому что во всем ему виделся продукт духовного и морального упадка вырожденческой средней буржуазии. Выпады Крауса понятны: он был непримиримым врагом всего прогнившего общественного устройства и одновременно радикальным художественным критиком. «Мы беспомощно стоим на пороге культурной катастрофы, — писал он в 1909 г., — <...> оглядываясь назад, мы видим, насколько изменился облик этого города с тех пор, как он попал в руки торговцев духовностью»¹³. В этом контексте оперетта была не более чем примером вырождения от Оффенбаха до «Летучей мыши» и далее до «дрянной “Веселой вдовы”».

Среди последователей Крауса самым радикальным был Герман Брох (1886–1951) — известный в кругах мятежной австрийской интеллигенции начала XX в. писатель и публицист. По его мнению, Австрия в XIX в. оказалась в глухом *ценностном вакууме*, Вена скатилась до провинциального города-музея.

Если мы сравним тип оперетты, представленный Оффенбахом, Салливаном и Йоганном Штраусом, окажется, что у последнего, в отличие от двух других, отсутствует какая бы то ни было сатирическая тенденция: дух иронии, который в классическую эпоху, в первой половине XIX в., отличал венскую народную сцену, <...> улетучился отовсюду, и не осталось ничего, кроме плоской копии доведенной до абсурда комической оперы с ее местами милой, местами безвкусной романтикой; <...> все заполнил примитивный цинизм исключительно декоративного развлечения, и подлинным провозвестником его аморальности стал дух штраусовского вальса. <...> Созданная Штраусом форма оперетты родилась в своеобразном вакууме.

Вообще, ее успех свидетельствовал о том, что «весь мир погружается в неотвратимо наступающий ценностный вакуум»¹⁴.

¹³ Цит. по: Csáky 1995: 30–31.

¹⁴ Цит. по: Broch H. Hofmannsthal és kora: szecesszió vagy értékvesztés? Budapest: Helikon, 1988. 60–61. old.

От «Летучей мыши» до «Цыганского барона»

Теория мировой катастрофы, с какой бы интеллектуальной высоты ни пророчествовал Брех и каким бы глубоким ни было ее обоснование в период между двумя мировыми войнами¹⁵, по ценности мало чем отличалась от библейских предсказаний конца света. Она не только ошибочна и ложна в отношении передовой высокой культуры, отличавшей Вену рубежа веков, но и несправедлива в оценке культуры оперетты. Прежде всего, неверно сравнивать социально-сатирические пьесы Иоганна Нестроя (1801–1862), восходящие к фарсу и плутовству, с народной драмой, наследницей фольклорного, как если бы мы захотели сопоставить «Рождественскую ораторию» Баха с вертепным представлением. Оперетта всегда и везде была развлечением, смешной карикатурой и не служила отвлеченным высокоморальным целям. Далее, неуместно противопоставлять уровень Вены политической культуре и гражданскому обществу Парижа. Хромает сравнение, при котором оперетты Оффенбаха, Эрвэ или Салливана называются сатирической критикой режима, а Штраус предстает типичным воплощением аморальности и глупости.

Концепцию Бреха разделяют многие историки культуры. В недавно вышедшем в свет австрийском труде, посвященном оперетте, говорится: «Причину отстраненности венской оперетты от политической повестки, что характеризовало ее от зарождения до упадка, следует искать в событиях 1848 г.»¹⁶ Выходит, что бойцовские качества оперетты были уничтожены еще до ее появления на свет, в момент подавления народного восстания и начала авторитарного правления Франца Иосифа. Лихтфусс писал, что венская оперетта не ставила целью критику эпохи, как пьесы Нестроя, оппозируя власти. Наоборот, «она укрепляла господствующий социальный строй»¹⁷. Но входила ли в задачи нового музыкального жанра острая критика повседневной политики? В самом деле, были ли такими уж конформистами в духе *k. u. k.*¹⁸ Штраус, Легар или Кальман? Пусть за них, даже если только в прозе, выскажутся их произведения.

¹⁵ Csáky 1995: 31–32.

¹⁶ Lichtfuss 1989: 19.

¹⁷ Lichtfuss 1989: 19.

¹⁸ От нем. *kaiserlicher und königlicher* — «императорский и королевский», приставка к названиям общегосударственных институтов Австро-Венгрии, подчеркивавшая

Во-первых, «Летучая мышь». Веселая игра, беззаботное новогоднее или святочное веселье. Шедевр Штрауса. Часто говорят: «Самая венская оперетта»¹⁹. Специалисты признают, что этому произведению не хватает критики, в нем мягко, игриво высмеивается буржуа, который хочет казаться более значимым, аристократом, истинным господином в этой монархии, помешанной на рангах. Но этого недостаточно, не хватает бьющей через край иронии. Не исключено, что уже во *французском* оригинале, либретто, написанном знаменитой парой Анри Мельяк (1831–1897) — Людовик Галеви (1834–1908), критики было мало, а возможно, ее вымарала всесильная цензура. Известно, что в марте 1874 г. цензурный отдел венской полиции (!) потребовал от Штрауса, чтобы тот вымарал строки, «неприемлемые с политической и моральной точек зрения»²⁰.

Но и в той «Летучей мыши», что была поставлена на сцене, не было недостатка в неконформистском свободомыслии. «Общество» вынуждено принять горничную Адель, которая не предает огласке обман хозяина, выдающего себя за важного господина, и к тому же, несмотря на то, что простая служанка, великолепно поет и танцует. Можно предположить, что Адель — венская «родственница» Сюзанны из «Фигаро» Бомарше и ее фигура — как в словах, так и в музыке — воплощает идею *равенства*. Можно упомянуть и о пикантном братании разгоряченных шампанским гостей — «кавалькаде» *Brüderlein und Schwesterlein*²¹, яркой, запоминающейся мелодии, выражающей дух *брамства*. Но дело не только в либретто или отдельных персонажах. Музыка «Летучей мыши» — вот главный аргумент: это причудливые, веселые, остроумные, танцевальные, но в то же время характерные и поднимающие настроение мелодии, раскрепощающие всю компанию. По напору, ритму и свободе музыка Штрауса ничем не уступает музыке Оффенбаха. Может быть, мир «Летучей мыши» — это

двуединный характер государства и ставшая символом политической лояльности режиму (*прим. перев.*).

¹⁹ Batta 1992: 91. См. также документальные романы: *Gál Gy. S., Somogyi V. Mesél a bécsi erdő*. Budapest: Zeneműkiadó, 1972. 476–491. old.; *Gál Gy. S., Somogyi V. Operettek könyve*. Budapest: Zeneműkiadó, 1976. 72–78. old.; *Schnitzer I. Meister Johann: Bunte Geschichten aus der Johann Strauß Zeit: 2 Bde*. Wien: Halm und Goldmann, 1920; *Decsey E. Johann Strauss. Ein Wiener Buch*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1922. 298 s.

²⁰ Linke 1989: 101.

²¹ «Ты мой брат, ты мой брат, а ты сестра», перевод Т. М. Лопатиной (*прим. перев.*). См.: URL: http://samlib.ru/l/lopatina_t_m/adele.shtml (дата обращения: 20.08.2021).

сказочный мир, несколько часов опьянения, утешения, но он давал именно то, в чем так нуждался житель этого региона: чуть-чуть обмана, чуть-чуть самообмана, немного реальности, много иллюзий, известную лояльность и скрытую критику, но самое главное — язык, который без слов соединял воедино множество разных народов, наций, вероисповеданий, — музыку. Не случайно в регионе, где не раз стирали и заново прочерчивали политические границы, в новогоднюю ночь на сцене или в средствах массовой информации по сей день звучат милые сердцу, до боли знакомые мелодии «Летучей мыши».

С точки зрения историко-культурной релевантности «Цыганский барон» едва ли не превосходит по значению «Летучую мышь». Между написанием двух оперетт прошло десять лет побед и поражений. И Штраус, и сам жанр переживали пору упадка, когда гастроли в Будапеште привели к неожиданному повороту событий. В феврале 1883 г. маэстро лично дирижировал «Веселой войной». К успеху и популярности добавилась памятная встреча: венский король вальса посетил венгерского литературного князя Мора Йокаи (1825–1904)²². Штраус искал либретто, новую историю, и Йокаи предложил ему готовый рецепт — романтическую сказку. Позаимствовать тему в прошлом, в Венгрии, освобожденной от османского владычества. Куда ни кинь взгляд, всюду запустение, болота, сожженные деревни. Насели этот романтический край романтическим народом, лучше всего цыганами. На подмостках музыкального театра этот милый бродячий народ наверняка будет пользоваться успехом. В пьесе должен быть найден клад. Кому понравится оперетта, если ее герой сколотил скромное состояние тридцатью годами тяжелого физического труда? Публика скажет, так и мы можем. Деньги должны свалиться с неба или возникнуть из-под земли, влюбленных же поиски клада в романтической атмосфере должны соединить навсегда. Венчать их должен не священник. Пусть действие завершится свадьбой, на которой молодым сыграют птицы и сверчки²³.

Штраусу сказка понравилась. Через пару месяцев австрийско-венгерский переводчик Игнац Шницер (1839–1921) переложил ее на немецкий язык и написал либретто, которое оказалось пригодно

²² Linke 1989: 122. Встречу описал И. Шницер в книге «Маэстро Иоганн», см.: *Schnitzer I. Meister Johann. Bunte Geschichten aus der Johann Strauß-Zeit: 2 vols. Vienna: Halm, 1920*. Цит. по: *Gál Gy. S., Somogyi V. Mesél a bécsi erdő. 533–537. old. Ср.: Jacob H. E. A régi Bécs: Johann Strauss regényes élete. Budapest: Grill K., 1939. 261–266. old.*

²³ *Gál Gy. S., Somogyi V. Mesél a bécsi erdő. 538–539. old.*

к постановке на сцене. Музыка сочинялась медленно. Прошло два года, пока на свет появилась эта иронично-романтическая, а впрочем, истинно австро-венгерская оперетта, музыкальный шедевр, перед которым вскоре распахнулись двери оперного театра.

В «Цыганском бароне», премьера которого состоялась в октябре 1885 г., было все, что нужно для романтической оперетты. Венгерский дворянин-изгнанник, которого милует добрая государыня Мария Терезия (1740–1780 гг.) и возвращает ему имения; выскочка-свиноторговец, согласный выдать дочь замуж только за барона; добросердечные цыгане и красавица-цыганка Саффи, которая в конце пьесы оказывается принцессой — дочерью Темешварского паши. Есть загадочный, надежно спрятанный клад, найденный влюбленными. Есть австрийская бюрократия и ее противоположность — венгерская любовь к свободе и храбрость, спасающая монархию и молодую королеву от испанцев. И, конечно, музыка: не только гламурные песенки, но и мелодии, в ткань которых композитор включил элементы из сокровищницы практически всех народов Австро-Венгрии. В первых четырех тактах звучат аккорды венгерского мира, «играет цимбал, бушует рапсодическая музыка, контрапунктом к которой выступает мир Вены»²⁴. В оперетте соседствуют вербункош, чардаш, цыганские мотивы, полька и несравненный вальс. Вербункош, звучащий в конце второго действия, сочинил один цыганский музыкант в 1848 г.²⁵ На 25-м представлении публику ждал большой сюрприз: тогда впервые на венских подмостках прозвучал ранее запрещенный «Марш Ракоци» (*Rákóczi-induló*)²⁶, которым после Гектора Берлиоза (1803–1869) и Франца Листа (1811–1886) вдохновился и Штраус.

Удивительная судьба этой пьесы объясняется еще и тем, что история не заимствована из мифологии или пикантной французской комедии, но основана на реальных событиях. Даже клад — это не вымысел драматурга. В имении, принадлежавшем семье разбогатевших сербских купцов, в земле нашли утварь из чистого золота (знаменитый «Надьсентмиклошский клад»), и Александр Нако (1785–1848) преподнес ее в дар императору Францу I (1792–1835 гг.). Полученный в благодарность графский титул стал первым успехом этой сказочной

²⁴ *Decsey E.* Johann Strauss.

²⁵ М. Йокаи, по его словам, лично обратил внимание Штрауса на вербовщика.

²⁶ *Jacob H. E.* A régi Bécs. 269–270. old.; Linke 1989: 126.

Рис. 1. Карикатура «Йокаи дома — Йокаи в Вене»
из сатирического журнала Borsszem Jankó («Янко-Переуц»)

истории, которую затем Йокаи прославил на всю Венгрию, а «Цыганский барон» принес ей мировую славу. До конца XIX в. в Вене было дано 300 представлений, в Будапеште — более 100, оперетту поставили все ведущие музыкальные театры мира от Нью-Йорка до Санкт-Петербурга.

В профессиональной среде оперетта была принята благосклонно, даже восторженно, но звучали и критически настроенные голоса²⁷. Будапештским журналистам не понравилось, что Баринкая — в отсутствие тенора — исполняла хорошенькая примадонна Илка Палмаи (1860–1945): ее мальчишья грация была начисто лишена суровой венгерской мужественности²⁸. Пресса особо злобствовала, что Шницер, потакая венским вкусам, изменил суть романа Йокаи. Писателю не следовало бы принимать эти редактуры. «Если кто-то столь великая звезда, что освещает всю Венгрию, зачем превращаться в сальную свечу на попире венского музыканта?»²⁹, — спрашивалось в передовице столичной газеты (рис. 1). Одним «союз венского вальса и венгерского чардаша» пришелся по сердцу, другие возмущались тем, что патриотический венгерский мир подвергся «вальсизации»³⁰. Нашелся и такой критик, который счел устаревшей сказочно-романтическую историю, в которой «бессмысленно грохочут вальсы»³¹. Как говорилось выше, самое строгое суждение вынес Г. Брех, правда, спустя семьдесят лет после премьеры, когда не только мир оперетты, но и вся социально-политическая система многовековой монархии превратились в иллюзию.

Детальное описание сказки «Цыганский барон» и ее сценической судьбы объясняется не только ценностью самого произведения и его успехом, но и следованием принципу историзма. В двуединой монархии, где наряду с конституционным строем, пользуясь его несовершенством, продолжали существовать императорско-королевский абсолютизм и остатки феодальной структуры, где бюрократия и армия оставались самостоятельной силой, где Зигмунд Фрейд (1856–1939) позаимствовал у не прекратившего существования на рубеже XIX–XX вв. цензурного ведомства понятие «цензура сновидения», оперетта

²⁷ Pesti Hírlap. 1885. X 25: 7; 1886. III 27: 7; Pesti Napló. 1885. X 27; 1886. III 27; Vasárnapi Újság. 1886. IV 25.

²⁸ Ország-Világ, 1886. IV 3: 228.

²⁹ Borsszem Jankó. 1885. XI 1: 8.

³⁰ Vasárnapi Újság. 1885. XI 15: 742.

³¹ Цит. по: Grun 1961: 232.

«Цыганский барон» стала не только критическим, но и оппозиционным сочинением. В те времена было злободневно и смело потешаться над твердолобым бюрократом и лицемерным «моральным комитетом» или восхвалять свободу любви и брак вне церковного таинства (это были как раз 1880-е годы, период провальных попыток реформировать церковь). В имперской Вене сорок лет спустя после революции и национально-освободительной войны 1848–1849 гг. и через двадцать лет после подписания соглашения о превращении империи в двуединую монархию потребовалось известное гражданское мужество, чтобы открыто со сцены исполнить «Марш Ракоци», о чем свидетельствовали и недовольство властей, и народный восторг.

Эти обстоятельства только подкрепляют мнение о том, насколько критические оценки венско-будапештской оперетты в сравнении с Парижем и Лондоном были несправедливы и антиисторичны. Там, в гражданском обществе, в относительно гомогенной национальной среде, критическая функция оперетты выражалась в первую очередь в политической сатире. В двуединой монархии, где и после подписания Соглашения 1867 г. были живы чувства взаимной неприязни, врачевание обид и усмирение гнева были более чем уместны. После премьеры директор *Theater an der Wien* Франц Яунер (1831–1900) заявил:

Спектакль “Цыганский барон” — величайшее театральное впечатление в моей жизни. Триумф “Цыганского барона” — дружба с венграми и демократическая манифестация. Демонстрация симпатии, которая более полвека была разлита в воздухе, но только сейчас вылилась наружу. <...> Эти переливы могли прозвучать уже после 3 июля 1866 г., когда Бенедек³² проиграл битву при Садовой. После той катастрофы не у одного ответственного лица зародилась мысль, что с венграми нужно обходиться помягче. Радовались, что кто-то выходит к венской публике, героически представляет Баринка и задорно смеется над карикатурой на меттерниховскую цензуру³³.

Не будет преувеличением сказать, что «Цыганский барон» был частью долгого процесса примирения или, лучше, замирения, умиротворения душ, своеобразным «культурным соглашением», выраженным в стихах, песнях и танцах. Объединительное воздействие

³² Людвиг Август фон Бенедек (1804–1881) — австрийский военачальник (*прим. перев.*).

³³ Цит. по: *Gál Gy. S., Somogyi V. Mesél a bécsi erdő. 542–543. old.* Между прочим, текст арии с издательствами в адрес морального комитета написал лично Йокаи.

не ограничивалось австрийцами и венграми. В монархии, где государственная идея — традиционная династическая верность — лишилась привлекательности, история и литература с ярко выраженным национальным духом не могли создать наднациональную или межнациональную идентичность. Если в армии сохранялся общий служебный язык, немецкий, который большинство солдат не понимали, в гражданской жизни соперничали друг с другом дюжина языков, обычаев и традиций. Зато Моцарт, Гайдн, Шуберт, Брамс, Сметана, Дворжак, Малер, Штраус и Легар могли обратиться к многочисленным странам и народам на понятном языке и создать единый культурный код. В теорию мировой катастрофы Броча не вписывалась умиротворяющая, интегрирующая роль музыки и ее традиционной культуры повседневной жизни. Это прекрасно понимал Франц Верфель (1890–1945): в оперетте, «в этой банальной художественной форме, отразилась старая Австрия с ее ритмами и юмором». Более того, «только здесь и могла сохраниться оперетта в ее старой форме и продолжить жить в народе»³⁴. В монархии интегрирующая сила оперетты не замыкалась на больших городах. Ее культурно-историческая роль была шире, объемнее. Она заимствовала музыку, танцы и характерных персонажей у всех народов, она также распространяла народную музыку, народные танцы и обычаи, в какой-то степени сплавливая их в единое целое. Тем самым оперетта способствовала возникновению некой единой массовой культуры монархии. Если в Какании, «этом уже исчезнувшем, непонятном государстве» было что-то, «хотя это и не признано, образцовым»³⁵, это была музыкальная, а именно *массовая музыкальная культура*.

«Веселая вдова»

В XX в. во всем мире произошли большие перемены. В монархии ощутимо возросла социальная и национальная напряженность, на международной арене зрели политические конфликты. Культура

³⁴ Цит. по: *Mahler-Werfel A. Mein Leben*. Frankfurt a. M.: Fischer, 1960. S. 149.

³⁵ *Музиль Р. Человек без свойств* / пер. с нем. С. Апта. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1994. Т. 1. С. 56. В этом романе не без иронии упоминаются достоинства воображаемой страны Какании, прообразом которой послужила Австро-Венгерская монархия.

бурлила: на смену состарившемуся миру чувств и форм историзма и романтики шли новые силы, новые стили. Древний источник — фольклор — давно угас, но и оперетта «золотого века» переживала кризис. Достаточно упомянуть о том, что родной дом музыкального театра, *Theater an der Wien*, в начале века закрылся, кризисные явления затронули все театры³⁶. Обновление и сопутствовавшие ему потрясения охватили искусство и музыкальную культуру Вены и Будапешта. Оперетте тоже приходилось подстраиваться под настроения эпохи.

Признаки обновления появились в первые годы столетия. После смерти Штрауса особой популярностью пользовались современные оперетты Лео Фалля (1873–1925), «Герцог Боб» венгра Енё Хуски (1875–1960) покорила публику в обеих столицах. Эндре Ади (1877–1919), в то время молодой публицист из газеты *Nagyvárad* *Napló* («Надьварадский дневник»), обратил внимание на то, что речь идет не о какой-то «слащаво наивной и дурашливой» игре.

Оперетта, собственно говоря, самый серьезный из сценических жанров, самый красивый и свободный, в нем можно безнаказанно дать по шее королю; родившись в мыслящих, изобретательных, жаждущих перемен душах, она может сокрушить больше в этом прогнившем мире <...>, чем пять парламентских обструкций³⁷.

Хотя в то время оперетта не считалась высоким искусством, Ади, не страдавший интеллигентским снобизмом, указал на одну из ее скрытых, не заметных поверхностному наблюдателю черт. Его коллега и поэт Дюла Юхас (1883–1937) также заметил, что европейская оперетта распространялась в Австро-Венгерской монархии и затем медленно, но верно перемещалась в Венгрию. Он объяснял это тем, что драма еще не нашла новую форму, не соответствовала требованиям, предъявляемым газетами и кино. У оперетты был гибкий сюжет, много легких стихов и музыки, много декораций и мало серьезности. Этого и хотела публика, особенно в Центральной и Восточной Европе, которая еще недостаточно созрела для Генрика Ибсена (1828–1906) и Герхардта Гауптмана (1862–1946)³⁸.

³⁶ Grun 1961: 323–324; Riess 1963: 84–86.

³⁷ *Endre A. A hétről // Nagyvárad* *Napló*. 1910. 10 V.

³⁸ *Juhász Gy. Az operett // Nagyvárad*. 1909. 1 VII.

Видной фигурой «серебряного века» оперетты был Франц Легар (1870–1948) — гражданин Австро-Венгерской монархии «габсбургской национальности». Его семья происходила из Богемии, предки были онемеченными чешскими крестьянами и ремесленниками. Отец — музыкант, дирижер военного оркестра — объездил всю монархию, от родного Комарома до Коложвара, Праги и Сараево. Детей, путешествовавших вместе с полком, по немецкому названию армейского ранца (*Tornist*) называли «турнистерами». В Легаре рано проявилось музыкальное дарование, и он поступил в консерваторию, где стал большим поклонником Антонина Дворжака (1841–1904). Франц учился на скрипача, но пошел по стопам отца и 12 лет служил полковым дирижером³⁹. Эти годы дали богатый опыт и многие преимущества. Армия по всей монархии выполняла интегрирующую функцию. Военным дирижерам полагалось знать все жанры, венские новинки, местный фольклор, предпочтения массового вкуса. Эта школа помогла ему сделать впечатляющую карьеру. Директор *Theater an der Wien* венгр Вилмош Карцаг (1859–1923), знакомый с ранними сочинениями Легара, не ошибся, когда предложил ему положить на музыку одно увлекательно написанное либретто. Его авторы не были оригинальны: в поисках сюжета они случайно наткнулись на пыльную рукопись *L'Attaché* («Атташе посольства»). С либретто отряхнули пыль, придали истории динамизм, нашли для нее привлекательное название женского рода и — что немаловажно — перенесли в маленькое балканское государство Понтеведро, так что зрители могли отождествить себя с действием на сцене и, главное, высокомерно от него дистанцироваться. Красавцу-атташе поручают завоевать руку и сердце веселой вдовы Ганны Главари и тем самым обеспечить родине вдовьи миллионы. Однако Ганна опасается охотников за состоянием, а граф Данило не хочет, чтобы его считали одним из них. За страстным разрывом следует еще более страстное примирение и всеобщие объятия: мужчина завоевал сердце женщины, родина спасена.

Что нового в гламурной сказке о «Веселой вдове»? В сухом остатке — ничего, но либретто в целом написано новаторски: лицемерие и чувственность бидермайера исчезают, заменяются фривольной столичной расхлябанностью, смелым юмором, критикой ложной

³⁹ *Decsey E. Franz Lehár. Wien: Drei Masken-Verlag, 1924; Grun 1961: 333–341. old; Hadamowsky, Otte 1947.*

капиталистической морали, брака и политики. Видный исследователь темы Мориц Чаки⁴⁰ показал политическую подоплеку оперетты. «Мы, вдовы, ах, желанны всеми, / Но стоит бедным нам разбогатеть, / Нас сразу вдвое ценят»⁴¹, — поет в выходной арии Ганна. Брак, шутит Данило, вначале подобен Двойному союзу, но он очень быстро превращается в союз троих (Тройственный союз) ... Дамы с готовностью принимают политику «открытых дверей». О чем поется в знаменитой арии «Иду к “Максиму” я»? Что там шампанское льется рекой, непринужденная атмосфера, гремит канкан, а поцелуи хорошеньких девушек дороже любви к родине⁴². В любом другом месте это вызвало бы скандал, но в Париже, в обществе веселой вдовы, оказалось уместным, прежде всего благодаря поразительным музыкальным решениям. Ибо подлинным новаторством стал не текст, а притягательная сила музыки Легара.

Написав первую песню, дело было за полночь, композитор позвонил автору либретто и сыграл ему «Песнь о глупом всаднике» (*Dummer, dummer Reitersmann*). Тот, сонный и раздосадованный, признал: «Вальс упругий, гибкий, соблазнительный и откровенно эротичный»⁴³. Исследователь культурно-исторического значения оперетты Бернанд Грун считал, что абсолютная новизна «Веселой вдовы» заключалась в том, с какой смелой находчивостью в ней посредством музыки передана вибрирующая чувственность. Мелодии не говорят ни о чем другом, кроме желания, страсти, любви. Но делается это по-новому, вопреки всем канонам. Легар легко чередует мажорные и минорные тона, использует современные музыкальные влияния. Выход Ганны начинается с мазурки и завершается парижским медленным вальсом. Песню о Вилье, этот нежно-чувственный

⁴⁰ Через год после выхода в свет цитируемой статьи М. Чаки опубликовал фундаментальное, с тех пор ставшее классическим исследование: *Csáky M. Ideologie der Operette und Wiener Moderne. Ein kulturhistorischer Essay*. Wien; Köln; Weimar: 1998. 328 s. В переводе на русский язык см.: *Чаки М. Идеология оперетты и венский модерн. Культурно-исторический очерк* / пер. с нем. В. Ерохина. СПб.: Издательство имени Н. И. Новикова, 2001. 347 с. (*нпум. непев.*).

⁴¹ В оригинале: *Wir Witwen, ach, wir sind begehrt! / Erst wenn wir armen Witwen reich sind, / Ja, dann haben wir doppelten Wert!* В либретто на русском языке этим строкам условно соответствует: «Немного стоит ваш восторг, / Вы лжете, господа. / Ведь может быть один лишь факт: / Вам денежки подай», цит. по: <http://anni-5.narod.ru/vdova.html> (дата обращения: 26.08.2021) (*нпум. непев.*).

⁴² Csáky 1995: 40, 43; *Molnár Gál P. A vig özvegy // Mozgó Világ*, 1988. IV 110–116.

⁴³ Grun 1961: 347; Riess 1963: 86.

романс, оркестр завершает издевательски звучащими раскатами. Очевидно, что Легар использовал музыкальные приемы, с которыми познакомился у Клода Дебюсси (1862–1918) или Густава Малера (1860–1911)⁴⁴.

Формально действие оперетты разворачивается в Париже, но фиктивный местный колорит не более чем фасад, за которым скрываются реалии Вены и Центральной Европы. Насмешки над одряхлевшей аристократией, карикатура на сангвинический «патриотизм», персонажи и сама главная героиня Ганна — то ли из Пешта, то ли из Праги или Загреба, но прежде всего это венцы. «Таким образом, сочинение Франца Легара — не оперетта, но явление новейшей истории, выражение духа времени, разве что не концепция», — восторгался критик журнала *A Hét*⁴⁵.

Сочинив «Веселую вдову», «Графа Люксембурга» и другие оперетты, Легар совершил настоящий подвиг. Ему удалось воссоединить сильно разделенную столичную публику, в которой эзотерическая, обожествленная высокая культура все более резко отделялась от музыки массового производства для средних и низших слоев. Под мелодии, которые лились с подмостков театров оперетты и услаждали слух посетителей кафе, танцевали как на светских балах, так и в пригородных кабачках, их насвистывали не только дети прислуги, но и такие великие музыканты, как Густав Малер⁴⁶. Премьера «Веселой вдовы» состоялась в конце декабря 1905 г. в Вене. В первое десятилетие было дано 400 представлений в Вене и 150 в Будапеште. Как европейский мегаполис, Будапешт восторженно принял очаровательную, чувственную, благозвучную вдову. Как провинциальная столица, Будапешт отдал свое сердце «Витязю Яношу», народной пьесе, стилизованной под оперетту Понграца Качоха (1873–1924), чей успех превошел Штрауса и Легара⁴⁷. В Венгрии, праздновавшей Миллениум

⁴⁴ Grün 1961: 348–349.

⁴⁵ Csáky 1995: 61. В сноске 55 автор цитирует статью Кароя Ловика (1874–1915), опубликованную в журнале *A Hét* («Неделя») в 1907 г.

⁴⁶ Альма Малер-Верфель (1879–1964) вспоминала забавный случай, как ее мужу понравилась музыка из «Веселой вдовы», но он стеснялся купить партитуру, и жена сделала ему такой подарок. См.: *Mahler-Werfel A. And the bridge is love*. New York: Harcourt, Brace, 1958. P. 32.

⁴⁷ *Bókay J.* “Egy rózsaszál szebben beszél...” Budapest: Zeneműkiadó, 1978. 284., 307. old. A regényes összeállítás a *János vitéz* születését és nagy sikerét eleveníti meg. 284 sk és 307 sk old.

(тысячелетие прихода мажарских племен в бассейн Карпат), увлечение национальной гордостью влияло и на направления в политике, и на предпочтения в культуре.

«Княгиня чардаша»⁴⁸

В первые десятилетия XX в. расцвела будапештская оперетта — скромный подлесок буйного леса оперетты венской. Ее самые яркие представители — Е. Хуска, П. Качох, Альберт Сирмаи (1880–1967) — были не одаренными любителями, а профессиональными музыкантами, выпускниками музыкальной академии. Композицию и оркестровку они изучали на уровне высшей школы. Выдающийся талант Имре Кальман родился в 1882 г. в Шиофоке в семье состоятельного коммерсанта. Однако уже в раннем детстве он ощутил последствия банкротства отца и с трудом закончил учебу. Имре мечтал стать пианистом, но этому помешал хронический артрит⁴⁹. Пришлось зарабатывать на жизнь сочинением музыки, главным образом оперетт. «Идентичность» его оперетт общемонархическая, щедро приправленная венгерскими специями. Место действия — монархия Габсбургов, герои — герцоги, бароны, солдаты, буржуа, цыгане... В первых успешных опереттах: «Осенние маневры» или «Цыган-премьер» — звучат вальс, марш, шансон, цыганская музыка, равно как и в «Княгине чардаша»⁵⁰.

Сказочный в прямом смысле слова сюжет оперетты довольно банален, ведь каким нужно быть наивным, чтобы поверить в чистую, завершающуюся браком любовь между высоконравственной примдонной кабаре *Orpheum* Сильвы Вареску и аристократом герцогом Эдвином Липперт-Вайлерсхаймом⁵¹. Но в этой ностальгической оперетте *omnia vincit amor*⁵²: и сопротивление высокомерных родителей, и поиски великосветского общества. Либретто, написанное

⁴⁸ Оперетта известна российскому зрителю как «Сильва», или «Королева чардаша» (прим. перев.).

⁴⁹ Bistron 1932; Oesterreicher 1954; Rátonyi 1984: 160–171.

⁵⁰ Grun 1961: 386–387.

⁵¹ Обращает на себя внимание, что выше автор анализирует оригинальные либретто на немецком языке и только в случае «Княгини чардаша» обращается к венгерскому переводу либретто, называя оперетту ее венгерским названием — «Королева чардаша» (прим. перев.).

⁵² Строка из X-й «Эклоги» Вергилия: *Omnia vincit amor et nos cedamus amori* — «Все побеждает Амур, итак — покоримся Амуру», пер. С. В. Шервинского (прим. перев.).

весной 1914 г., местами настолько по-детски беспомощно, что зритель задается вопросом: это сказка или пародия?

Началась Великая война, Кальман уехал в Ишль, и о нем ничего не было слышно⁵³. Прошел год, прежде чем он вернулся к сочинению музыки. Ему хотелось написать что-то веселое, бодрящее и в то же время критическое. К музыке были нужны осмысленные тексты песен, и здесь он обрел партнера в лице Андора Габора (1884–1953), который весьма изобретательно перевел на венгерский язык немецкие тексты, слегка их изменив. Куплеты звучали так, как их исполнили бы Пеште: «Ах, киска, / Пить хочу твои уста, / Мне без тебя / И жизнь в раю не та! / И будь я в райских кущах, / Только поманишь ручкой, / Прыгну я, киска, к тебе»⁵⁴. Изобретательной пародией на пештских джентри⁵⁵ звучала ария «Хаймаши Петер, Хаймаши Пал»⁵⁶. Порой тексты намекали на идеализм в характере персонажа. Сильва уже в выходной арии предупреждала ухажеров, что ее любовь не для развлечения: «Лишь тому, кто всех верней, / Кто смел и прям, я сердце навсегда ему отдам»⁵⁷. Граф Бони намекал еще прозрачнее: «Сильвия не та девушка, которой можно играть. Она не совершает глупостей»⁵⁸. Но особенно очевидной ирония становится в сцене облачения матери Эдвина. О ней, самой решительной противнице мезальянса, в конце действия выясняется то, о чем зрители догадываются уже давно: раньше она тоже пела в варьете и лишь с помощью цепочки браков по расчету получила в мужья князя и титул в придачу. Кто смягчил материнское сердце великосветской дамы? Пештский метрдотель, в прошлом свидетель и даже участник любовных приключений певички варьете.

⁵³ Brusatti, Deutschmann (Hrsg.) 1984: 51.

⁵⁴ В переводе В. Михайлова и Д. Толмачева это хорошо знакомые российскому зрителю строки: «Без женщин жить нельзя / На свете, нет! / В них солнце мая, / В них любви расцвет! / Тут лёгкий флирт, Признание там, / Как солнца луч, / Приятны нам» (*прим. перев.*).

⁵⁵ *Джентри* — здесь: жуиры, бонвиваны (*прим. перев.*).

⁵⁶ «Хаймаши Петер, Хаймаши Пал» — песенка Александры из малоизвестной оперетты И. Кальмана «Фея карнавала» (1917) — впоследствии широко использовалась в Венгрии как вставной номер в «Княгине чардаша», точнее, если речь о Венгрии, в «Королеве чардаша» (*прим. перев.*).

⁵⁷ Цит. по переводу В. Михайлова и Д. Толмачева, см.: URL: https://classic-online.ru/uploads/000_notes/9100/9012.pdf (дата обращения: 26.08.2021) (*прим. перев.*).

⁵⁸ A Színházi Élet. 1917. VI. évf. 15. sz. 4., 8., 12., 36. old.

Так или иначе, очарование музыки было непреодолимым. Используя все приемы и трюки будапештской оперетты, Кальман воссоздал неповторимую атмосферу варьете, соединив пикантный парижский салон, сладкий венский вальс и стилизации под музыку пештских цыган. Он давал персонажам музыкальные характеристики, часто пародировал их на манер старой доброй оперы-буффа и новейших центральноевропейских образцов.

Премьера «Княгини чардаша» состоялась в ноябре 1915 г. в Вене, годом позже — в Будапеште. В то время на итальянском фронте при Изонцо число убитых перевалило за полмиллиона, а раненых — приближалось к миллиону. Достоинно понимания, а не возмущения, что публика, устав от войны, траура и повседневных лишений и желая безмятежно смеяться, восторженно приняла светлую и радостную оперетту с занимательным сюжетом, мелодичными песнями и острыми шутками. Поэтому один венский критик написал: «По всему миру раздается эхо пушечных выстрелов и отзвуки успеха “Княгини чардаша”»⁵⁹.

Мелодии, которые продолжают звучать в наших сердцах, улаживают наши души, словно аромат волшебных цветов, писал корреспондент газеты *Színházi Élet* («Театральная жизнь»):

Имре Кальман <...> волшебник <...>. Его музыка прогоняет все печали и повествует о великой любви <...>. Мы верим ему, как верит ребенок в волшебную сказку, рассказанную матерью⁶⁰.

Ему вторил журналист из *Budapesti Hírlap* («Будапештской газеты»):

Кипящий венгерский ритм, венгерские мелодии, блестящая оркестровка. Самая большая заслуга [композитора] в том, что венгерская народная песня освежает своим волшебным настроением и пульсирующей плавностью оперетту, кровообращение которой уже расслабилось <...> от слащавого венского сентиментализма⁶¹.

Не столь восторжен был критик другой столичной газеты — *Pesti Hírlap* («Пештская газета»). Он полагал, что Кальман принес свое

⁵⁹ Rátonyi 1944: 220.

⁶⁰ Színházi Élet. 1916. V. évf. 40. sz.

⁶¹ Budapesti Hírlap. 1916. XI 4.

искусство в жертву дешевым веяниям, имея целью лишь льстящую тщеславию популярность:

С тех пор как он переехал в Вену, он превратился в Эммериха Кальмана. Вот и в этом произведении есть много тоскливых вальсов, “их написал Эммерих”, но есть и много ценной, благозвучной венгерской музыки, ее сочинил Кальман⁶².

* * *

Возможно, что в годы войны и первые послевоенные годы стремление убежать от действительности влекло публику в театры оперетты. Но почему и как «Княгиня чардаша» сохранила очарование пятьдесят и семьдесят лет спустя, после ухода Ханны Хонти (1893–1978) и в эпоху рок-музыки и иных новомодных течений? И не только в Вене или Будапеште, но и в Германии, России и мегаполисах США, не только у широких масс, но и у образованной, интеллигентной публики с высокими запросами. В чем секрет международного и общечеловеческого успеха венско-будапештской оперетты? Прежде всего, в ее музыке (здесь речь идет о подлинных шедеврах жанра) разные слои общества нашли мелодии по своему вкусу: одни наслаждались виртуозными ариями, другие — шансоном кабаре, третьи — вальсом, четвертые — ритмами регтайма. Здесь все ясно. Более глубокая причина успеха оперетты — в гармонии музыки, танца и текстов песен, в амбивалентности жанра в целом. Ведь в оперетте можно было в одном отдельно взятом произведении увидеть сказку, чудо, подлинную историю карьеры, свадьбу, счастье, а можно было, посмотрев с другого бока, истолковать это как пародию на сказку, чудо и историю карьеры. Можно было прийти в зрительный зал с верой, что на сцене некая волшебная сила отменяет законы социальной иерархии и повседневной жизни, а можно было считать театр местом, где дозволено все, что в повседневной жизни запрещено или опасно: критиковать и высмеивать бюрократию, генералов и аристократов, все высшее общество. Ставшая популярной песня из «Княгини чардаша» (дуэт Штази и Эдвина) транслировала глубокую тоску и пустую иллюзию⁶³: «А в этом краю, я мечтаю, / Мы найдем / И счастье, и покой»⁶⁴.

⁶² Pesti Hírlap. 1916. XI 4.

⁶³ В сходном ключе амбивалентность оперетты толкуется в главе «Мечта и действительность», см.: Brusatti, Deutschmann (Hrsg.) 1984: 11–12.

⁶⁴ В советском фильме «Сильва» (Свердловская киностудия, 1944) за основу взято именно немецкое либретто Л. Штейна и Б. Йенбаха, поэтому русский перевод близок

Социально-мобилизующая и международно-интегративная сила оперетты проявилась в XX в. в годы войн и между ними и служила делу мира. Этот музыкальный жанр стал частью массовой культуры, и, даже если ее художественный уровень и ценность сильно колебались, двух достоинств у оперетты не отнять. Раздираемой противоречиями планете она предложила новый общий язык и не отрезала широким народным массам путь к высокой музыкальной культуре, а скорее спрямила его.

Перевод с венгерского и примечания О. В. Хавановой

Список исторических географических названий

Коложвар — ныне Клуж-Напока в Румынии
Надьварад — ныне Орадя-Маре в Румынии
Надьсентмиклош — ныне Сынникалау-Маре в Румынии
Темешвар — ныне Тимишоара в Румынии

Литература

- Batta 1992 — *Batta A.* Álom, álom, édes álom... Népszínművek, operettek az Osztrák-Magyar Monarchiában. Budapest: Corvina, 1992. 135 old.
- Bekker 1909 — *Bekker P.* Jacques Offenbach, Berlin: Berlin Marquardt, 1909. 138 S. (Musik. Bd. 31/32).
- Bistron 1932 — *Bistron J.* Emmerich Kálmán: mit einer autobiographischen Skizze der Jugendjahre von Emmerich Kálmán. Leipzig: Karczag, 1932. 223 S.
- Brusatti, Deutschmann (Hrsg.) 1984 — Fle Zi Wi Csá & Co. Die Wiener Operette. Ausstellungskatalog / hrsg. von O. Brusatti, W. Deutschmann. Wien: Eigenverl. der Museen der Stadt Wien, 1984. 118 S.
- Csáky 1995 — *Csáky M.* Der soziale und kulturelle Kontext der Wiener Operette // Johann Strauss: zwischen Kunstanspruch und Volksvergnügen / hrsg. von L. Finscher, A. Riethmüller. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1995. S. 28–65.
- Dahlhaus 1980 — *Dahlhaus C.* Die Musik des 19. Jahrhunderts. Wiesbaden: Athenaion Verlag, 1980. 60 S.
- Grun 1961 — *Grun B.* Kulturgeschichte der Operette. München: Albert Langen/Georg Müller, 1961. 579 S.
- Hadamowsky, Otte 1947 — *Hadamowsky F., Otte H.* Die Wiener Operette. Ihre Theatre- und Wirkungsgeschichte. Wien: Belleria-Verlag, 1947. 431 S.

- Lichtfuss 1989 — *Lichtfuss M.* Operette im Ausverkauf: Studien zum Libretto des musikalischen Unterhaltungstheaters im Österreich der Zwischenkriegszeit. Wien; Köln: Böhlau Verlag, 1989. 352 S.
- Linke 1989 — *Linke N.* Az ifjabb Johann Strauss. Budapest: Gondolat, 1989. 200 old.
- Oesterreicher 1954 — *Oesterreicher R.* Emmerich Kálmán: der Weg eines Komponisten. Zürich; Wien [u. a.]: Amalthea-Verl., 1954. 228 S.
- Rátonyi 1984 — *Rátonyi R.* Operett. Budapest: Zeneműkiadó, 1984. 1. köt. 842 old.
- Reiss 1963 — *Reiss C.* “Als die Witwen noch lustig waren” // *Du. Kulturelle Monatschrift.* 1963. № 4 (April). S. 84–86.

Reference

- Batta, A., 1992. *Álom, álom, édes álom... Népszínművek, operettek az Osztrák-Magyar Monarchiában.* Budapest: Corvina, 135 p.
- Bekker, P., 1909. *Jacques Offenbach.* Berlin: Berlin Marquardt, 138 p. (Musik. Bd. 31/32).
- Bistrón, J., 1932. *Emmerich Kálmán: mit einer autobiographischen Skizze der Jugendjahre von Emmerich Kálmán.* Leipzig: Karczag, 223 p.
- Brusatti, O., Deutschmann, W., eds, 1984. *Fle Zi Wi Csá & Co. Die Wiener Operette. Ausstellungskatalog.* Wien: Eigenverl. der Museen der Stadt Wien, 118 p.
- Csáky, M., 1995. Der soziale und kulturelle Kontext der Wiener Operette. In: Finischer, L., Riethmüller, A. *Johann Strauss: zwischen Kunstanspruch und Volksvergnügen.* Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, pp. 28–65.
- Dahlhaus, C., 1980. *Die Musik des 19. Jahrhunderts.* Wiesbaden: Athenaion Verlag, 60 p.
- Grun, B., 1961. *Kulturgeschichte der Operette.* München: Albert Langen/Georg Müller, 579 p.
- Hadamowsky, F., Otte, H., 1947. *Die Wiener Operette. Ihre Theatre- und Wirkungsgeschichte.* Wien: Belleria-Verlag, 431 p.
- Lichtfuss, M., 1989. *Operette im Ausverkauf: Studien zum Libretto des musikalischen Unterhaltungstheaters im Österreich der Zwischenkriegszeit.* Wien; Köln: Böhlau Verlag, 352 p.
- Linke, N., 1989. *Az ifjabb Johann Strauss.* Budapest: Gondolat, 200 p.
- Oesterreicher, R., 1954. *Emmerich Kálmán: der Weg eines Komponisten.* Zürich; Wien [u. a.]: Amalthea-Verl., 228 p.
- Rátonyi, R., 1984. *Operett,* Budapest: Zeneműkiadó, 842 p.
- Reiss, C., 1963. “Als die Witwen noch lustig waren”. *Du. Kulturelle Monatschrift,* 4 (April), pp. 84–86.

Péter Hanák

The Historical and Cultural Role of the Vienna-Budapest Operetta

This article is devoted to the history of the origin and rise to the peak of popularity of the operetta genre in the Austro-Hungarian monarchy. This paper demonstrates that, in contrast to French or English operettas with their pronounced political and satirical orientation, the uncomplicated and frivolous librettos of the operettas staged in Vienna and Budapest were demonstrably apolitical. The plots of four operettas – *The Bat* and *The Gypsy Baron* (Johann Strauss), *The Merry Widow* (Franz Lehár), and *The Riviera Girl* (Germ. *Csárdásfürstin*, Imre Kálmán) – and the press responses they produced are considered. These works created the illusion of ease of overcoming social boundaries, included a cascade of sparkling, memorable melodies borrowed from different peoples of the multi-ethnic monarchy, and combined waltz, csárdás, polka, mazurka, and gypsy tunes on the stage, relegating differences to the background and making the audience forget about interethnic contradictions. Sweet love stories with happy endings helped audiences to forget that Europe was burning during the First World War. The operetta genre became part of mass culture, and even if its artistic level and value varied greatly from work to work, it proposed a new common cultural metalanguage and did not cut off the path to high musical culture for the masses, but rather straightened it.

Keywords: cultural space of Austria-Hungary, social function of the operetta, *The Bat*, *The Gypsy Baron*, *The Merry Widow*, *Csárdásfürstin*, Johann Strauss, Franz Lehár, Imre Kálmán

How to cite: Hanák, P., 2021. Istoriko-kul'turnoe znachenie venskoi i budapeshtskoi operetty [The historical and cultural role of the Vienna-Budapest operetta]. *Tsentral'noevropeiskie issledovania*, 2021, 4(13), pp. 391–415. doi: 10.31168/2619-0877.2021.4.15.

Научное издание

ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.

2021.

Выпуск 4(13)

Главн. ред. *О. В. Хаванова*

Корректор *Л. М. Лемешева*

Оригинал-макет *Л. Е. Голод*

Дизайн обложки и логотипа *П. К. Донской*

Подписано в печать 09.03.2022. Формат 60×90¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 26

Тираж 500 экз. Заказ № 2638

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86